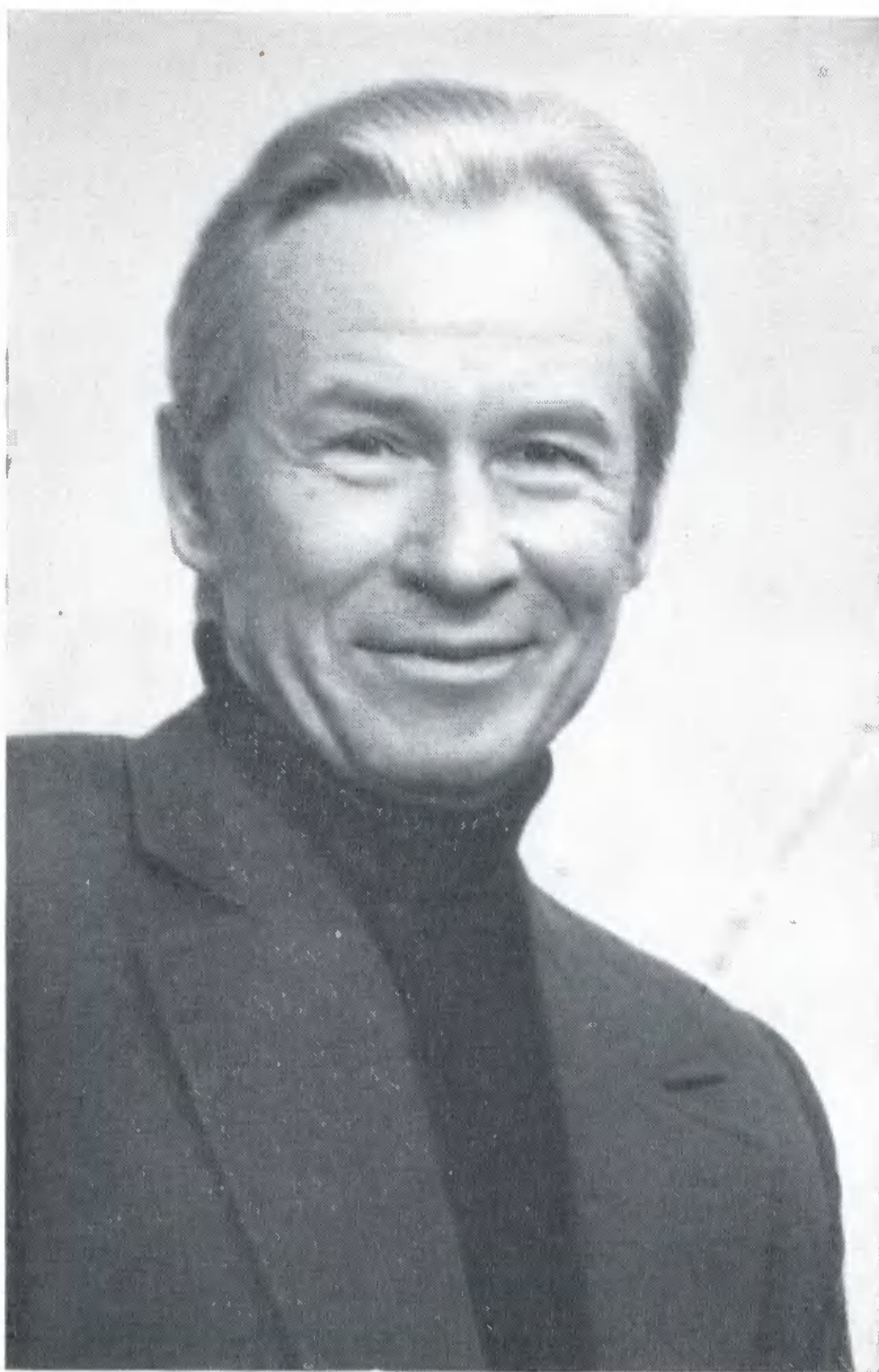


ВЛАДИМИР
АНДРЕЕВ

МОИ ДВЕНАДЦАТЬ







Ar. Andrepig -





ВЛАДИМИР
АНДРЕЕВ

МОЙ ЛЕЙТЕНАНТ



роман
и повесть

Ордена Трудового Красного Знамени
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР
МОСКВА — 1978

Андреев В. М.

А 65 Мой лейтенант: Роман и повесть.— М.: Воениздат, 1978.— 416 с.

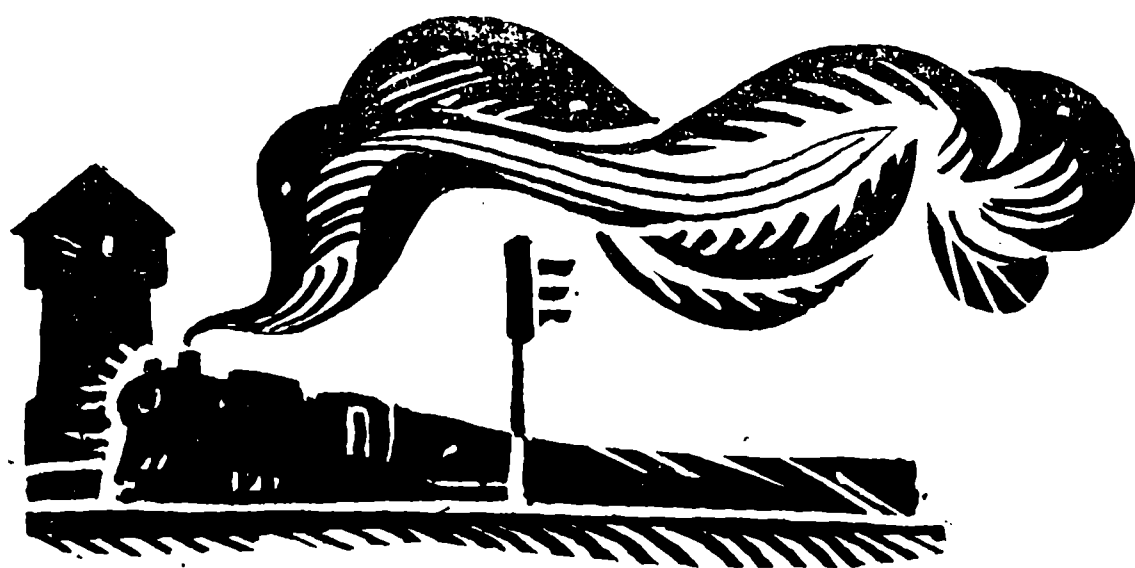
В пер.: 1 р. 70 к.

Книга названа по входящему в нее роману, в котором рассказывается о наших современниках — людях в военных мундирах. В центре повествования — лейтенант Колотов, молодой человек, недавно окончивший военное училище. Колотов понимает, что, если случится вести солдат в бой, а к этому он должен быть готов всегда, ему придется распоряжаться чужими жизнями. Такое право очень высоко и ответственно, его надо заслужить уже сейчас — в мирные дни. Вокруг этого главного вопроса — каким должен быть солдат, офицер нашего времени — завязываются все узлы произведения.

Повесть «Недолгое затишье» посвящена фронтовым будням последнего года войны.

А 70302-024 125-78
068(02)-79

P2
© Воениздат, 1978



МОЙ ЛЕЙТЕНАНТ

роман





ЧАСТЬ 1

В два часа ночи в среду, 6 сентября, полк был поднят по тревоге...

Два часа ночи в этих местах — пик темноты.

Наверное, по поводу именно такой непроглядной черноты некий остроумец сказал: «Хоть глаз выколи». Тьма в самом деле крошечная.

Но, как и повсюду, ночь сюда приходит не сразу. Сначала надвигаются сумерки. Сумерки держатся час-полтора, и почти всегда с оранжево-фиолетовой, угасающей за горизонтом зарей. Вечерняя зоря — это предостережение, это сигнал. Пройдет немного времени — и кто-то будто нажмет кнопку на пульте вселенной, сразу течение жизни прибавит скорости: на полях, на фермах люди, заканчивая свои дела, начнут спешить. Невольно прибавит шагу оказавшийся в пути человек... Тьма опускается на землю мгновенно. Еще минуту назад можно было видеть на небе отблески далекой зари — и вот мрак. Только что можно было различить впереди себя дорогу, и край поля, и дальние строения — и вот крошечная тьма. Уже нельзя понять, в какой стороне лес, а где поле. Исчезла дорога под ногами, скрылась река, скрылось дерево, служившее ориентиром... Казалось, все

на свете поглотила непробиваемая, плотная, тугая, как резина, чернота.

Багровеют от натуги электрические фонари на железнодорожной станции. Оранжевыми пятнами, как на детских рисунках, проступают в ночи сельские окна домов.

Кромешная тьма. Ночь прикрыла все...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

После пяти часов забрезжил рассвет — мутный, промозглый, как осенью. Четко обозначились макушки елок над взгорком, а внизу, в лощине, было по-прежнему темно. В сером небе тоже ни одного просвета — тучи шли низко, давили, чуть ли не задевая землю.

Из-за поворота по лесной дороге двигались, тягуче урча, бронетранспортеры. На спуске не задерживались, только у мостка через ручей, где черные борозды от колес были устланы еловым лапником, водители притормаживали на мгновение, чтобы потом сразу прибавить газу.

Час назад прошел дождь — быстрый и крупный, — превративший поселок в сплошное месиво. Тяжелая дорога и внезапный дождь, осложнивший движение, предвещали немалую мороку в пути. Солдаты, сидевшие в машинах, понимали все это и высказывали разные догадки по поводу маршрута. Соображения подкреплялись фактами — какое начальство прибыло в полк, какой НЗ велено взять. И многое, многое другое регистрировалось опытным солдатским взглядом.

Разговоры по поводу маршрута или отставшей якобы где-то кухни перемежались длительным молчанием, за которым угадывалось всеобщее напряжение и сосредоточенность.

Это особенно стало заметно, когда колонну обогнал газик командира полка. Заляпанная со всех сторон грязью машина умудрилась юрко промчаться по обочине дороги, свернула влево и по травяной целине вскарабкалась на взгорок. Здесь машина лихо развернулась и встала, из нее вышел Павел Григорьевич Ключев — командир полка, полковник, Герой Советского Союза.

Ключев сказал что-то сидевшему в машине водителю

и, заложив руки за спину, стал наблюдать за двигавшейся вдоль опушки колонной. Его широкоплечая фигура четко вырисовывалась, как на хорошей картине. Впрочем, любой солдат в полку всегда мог отличить своего командира среди других — по особенной клюевской осанке. Высокий рост, крупная твердо посаженная голова на крепкой шее создавали впечатление, будто Клюев смотрит на собеседника с выражением некоторого превосходства, как бы даже свысока. Рассказывали анекдотический случай, когда один офицер из штаба округа, маленький, толстенький, приехав в полк, был так взбешен великолепной осанкой Клюева, что тут же повернулся и отбыл обратно, не вымолвив ни слова.

Лицо Клюева было худощаво. Смуглая от ветров и солнца кожа, острые серые глаза придавали ему спортивную сухость, энергичность. Возраст по лицу было трудно определить. Если Клюев глядел на вас, ему можно было дать лет сорок, от силы сорок пять, в его глазах сверкал молодой блеск. Однако со стороны, когда Клюев читал или писал за столом, ему можно было дать и все шестьдесят. В набрякших веках, в складках у подбородка, на шее, в седине, посеребрившей густо голову, сквозило нечто старческое, усталое, напряженное.

Сейчас его лицо было спокойно и твердо, лишь перечертившие лоб морщины были сдвинуты больше обычного к переносью, что свидетельствовало о внутреннем напряжении.

Колонна машин тянулась вдоль лесной опушки, уходя все дальше по проселку. Полковник Клюев следил за ее движением, что-то кивком головы отмечал про себя, прислушиваясь к потрескиванию радиации, которое доносилось из кабины газика. Полковник ждал. Уже подходило назначенное время. Уже машины первого батальона, минуя развилку, втянулись в березнячок и, руководимые невидимым дирижером, рассредоточились по опушке, готовые по первому сигналу выступить и занять позицию.

Полковник Клюев смотрел на опушку, где скрылись машины, довольный маневренностью и быстротой водителей; их умением использовать местность для маскировки. За полковником и его газиком, однако, тоже наблюдали из лесочка — офицеры и солдаты рот; они следили за Клюевым и ждали, как будут развиваться собы-

тия дальше. Не появится ли кто-нибудь еще из начальства?

И начальство появилось.

На взгорок одна за другой взлетели сразу две машины. Полковник Ликеев, старший офицер из округа, вышел из первой машины в сопровождении начальника штаба полка Костина; из второй машины вышли еще четыре человека — начальники полковых служб. Выслушав доклад, Ликеев направился к карте, которая была растелена на радиаторе газика. И покуда он шел, Ключев украдкой окинул его фигуру с ног до головы.

На Ликееве была шинель из тонкого сукна, строгая и прямая, скрадывавшая полноту и тяжеловатость. Хромовые сапоги делали ноги тоньше, легче. На голове фуражка, седые волосы выбиваются немного сбоку, подчеркивая густоту шевелюры. А может, они нарочно чуть выпущены наружу — из щегольства.

Когда ночью Ликеев появился в военном городке и приказал поднять полк по тревоге, у Ключева как-то странно екнуло сердце. Не потому, что он испугался за своих солдат и офицеров. Да и принимать у себя представителей разных рангов из округа он привык и умел держаться с ними ровно и с достоинством. Нет, никакой боязни не было, и, если уж говорить откровенно, то совсем не деловые соображения беспокоили Ключева. Еще ночью он подумал: как неожиданно, что именно Ликеев приехал к нему в часть. Случайность? Совпадение? А может быть, сам Ликеев того захотел? Или, наоборот, Ликеев и думать забыл про то давнее, далекое, может, ему было совершенно безразлично, в какой полк ехать? Служба есть служба. Да и то надо взять в расчет: столько лет миновало с тех пор.

Все же Ключев с интересом разглядывал главного поверяющего, когда тот склонился над картой: непринужденность и уверенность манер Ликеева ему понравились. Видно было, что Ликеев привык быть в центре внимания и держался спокойно, с той долей товарищеского простодушия, по крайней мере внешнего, которое дается долгой привычкой руководить людьми.

Сколько же ему сейчас? Он на год старше, — значит, было двадцать четыре, когда он уехал из части... Уехал в дивизию, сформированную в конце войны, — на другой участок фронта. После этого ни слуху ни духу — как в

воду канул. Двадцать четыре плюс... Значит, ему сейчас пятьдесят три, а на вид дашь гораздо меньше...

— Момент сосредоточения очень важен при решении оперативно-тактической задачи. Скрытность и быстрота движения — одно из условий успеха. Но главное впереди, Павел Григорьевич...

Ликеев повернулся к командиру полка, как бы смягчая неофициальным обращением то суровое и серьезное, что было заключено в предназначавшемся для Ключева пакете. При этом, глядя на него, он привычным жестом поднес правую руку к козырьку фуражки, и на одном из его пальцев блеснуло обручальное кольцо.

Конечно, он женат — иначе и быть не могло. Но золотое кольцо как-то странно не вязалось со всем его обликом. Ключев тут же поправил себя — с тем его обликом, давним.

Ключев взял пакет, зачем-то повертел его в руках, потом резким движением сорвал сургучную печать, достал оттуда бумагу и стал читать. И пока читал, краем глаза видел лицо Ликеева, которое было непроницаемо спокойно, даже слишком спокойно. Как будто задача, поставленная сейчас перед Ключевым и его подразделениями, не представляла ни малейшей сложности.

Наверное, работа в крупных штабах приучила его держать себя так. Школа...

Хотя если вспомнить далекое время, то и в ту пору Ликеев отличался манерами. Суховато-сдержанный, даже чуть надменный... Может, это происходило потому, что Ключев командовал тогда взводом, а он, Ликеев, занимал должность ПНШ-3. А может, совсем не поэтому, а потому, что Ликеев ревновал его к Маше, молоденькой, застенчивой медсестре Маше...

Ключев вдруг услышал, как бьется его сердце. Именно сейчас, когда он читал официальную, строгую бумагу с приказом, он почувствовал биение в груди.

Неужели задача, поставленная сейчас перед ним, была тому причиной? Или ожила вдруг далекая фронтовая история? Но ведь все это было так давно, у него, Ключева, уже двое взрослых детей, да и Ликеев, как можно понять, не одинок.

— Мы иногда напрягаемся, изыскиваем возможности, дабы обеспечить подлинно боевую обстановку. — Голос

у Ликсева был невозмутим до беспечности. — А хороший дождик моментом создает эту обстановку...

«А хороший дождик...» — Ликеев явно кому-то подражал. — Дождик, оказывается, сегодня хороший...»

От группы штабных работников отделился майор Костин. Подошел, встал рядом с командиром полка.

— Прошу, начальник штаба, — сказал со вздохом Ключев и, передав бумагу с приказом, снова углубился в наблюдение за опушкой леса, поглотившего мотострелковую колонну. На лице его при этом блуждала неясная улыбка.

«Чего ему так весело?» — недовольно подумал Ликеев, и спокойное выражение в его глазах сменилось раздражением.

Ключеву же было весело по очень простой причине. Не далее как вчера майор Костин собирался поехать в областной город на традиционную встречу с ветеранами полка, в котором он раньше служил. Но он почему-то не уехал, какие-то дела задержали его. А вот теперь встреча с ветеранами откладывалась надолго, может даже до будущего года. Вспомнив это, Ключев улыбнулся: он подумал о прихотливом непостоянстве военной жизни, к которому, впрочем, давно привык. И еще подумал о собственной удачливости: без майора Костина ему сейчас было бы нелегко.

— Готовьте соображения, начальник штаба, — сказал Ключев спустя минуту и пошагал к машине, в которой потрескивала его рация.

* * *

Белобрысый солдат в пилотке и плащ-накидке стоял около толстой, сучковатой сосны.

— Куда теперь, интересно, нас пошлют? — размышлял он вслух. — Или тут прикажут обосноваться?

Был солдат узкоплеч, вихлявисто подвижен. У него от долгого сидения в машине затекли ноги, он слегка разминался около сосны и все посматривал вокруг, прикидывал вслух насчет перспективы: куда же теперь?

Сегодня ночью, когда роту подняли по тревоге, он решил, что это обычная тренировка. Погоняют с полчаса по плацу или вывезут из городка, проверят оснастку, а потом команда — снова в казарму. Разве впервые? Он

даже не стал наворачивать на ноги портянок, надел для быстроты одни носки. Сейчас жалеет. Отбивает спасительницу чечетку.

О том, что остановка в лесу временная, солдат догадывался, хотя глаза его пытливо посматривали вокруг в надежде: не производится ли какое приготовление, свидетельствующее об обратном?

Но вокруг было спокойно. Нигде ничего не готовилось. Машины стояли, замаскированные, на положенном расстоянии друг от друга. Солдаты, спешившись, дымили сигаретами, глухо переговаривались. Между деревьями кое-где стлался утренний туман. И сигаретный дым, висевший над головами мотострелков, казался частью этого тумана, только был он не серого, а синего цвета.

Солдат поглядел вверх на сосну, притопнул замлевшей ногой, кашлянул.

— Ну что ж! Здесь тоже неплохо. Мне, например, здесь нравится больше, чем на полигоне, — сказал он. — А вы как считаете, товарищ старший сержант?

Он произнес это громко, с нарочитым стремлением обратить на себя внимание; на самом деле ему здесь ничто не нравилось. И все вокруг знали об этом. Илюшечкин (фамилия солдата) не привык к физическим нагрузкам, он презирал их, он не любил сырость, дождь, он скучал по домашнему уюту.

— Честное слово, товарищ старший сержант, мне нравится здесь, — заверял Илюшечкин, поглядывая смеющимися глазками в сторону куривших солдат. Расчет у него при этом был предельно прост: если не сам старший сержант, то кто-нибудь из солдат откликнется на его слова, подаст голос. Ну а он в свою очередь ответит. И ему ответят. И такая потом начнется словесная чехарда, что хоть кино снимай.

Однако солдаты, стоявшие под деревом, не откликнулись, не подали голоса.

— Скорее бы кухня приехала, — продолжал Илюшечкин, старавшийся изо всех сил расшевелить «публику». — Есть идея, товарищ старший сержант! Пока мы тут обдумываем, пока решаем, как да что, кухня может спокойно готовить завтрак из двух блюд. В крайнем случае из одного блюда. Учитывая погодные условия, я согласен и на одно... Может, сообщить об этом товарищу полковнику?

Старший сержант Саруханов стоял около бронетранспортера и молчал, глядя куда-то мимо Илюшечкина. Болтовня солдата раздражала его. Если бы кто другой трепался, а то Илюшечкин, сачок, любитель устраиваться за счет других. Ему бы сегодня быть в котельной, если бы не этот выезд в поле... Помахал бы лопатой на благо военного городка, поукоротил бы свой язык.

Илюшечкин точно услышал размышления старшего сержанта.

— В городке у нас сейчас спят. И буфетчица Катя спит и ни сном ни духом не чает, что помещение ей придется убирать вечером одной, без помощника...

На солдатских лицах заблуждали улыбки.

— Найдутся помощники! Не беспокойся! — донеслись голоса.

Илюшечкин ждал этих возгласов, но, как настоящий артист, не подал даже виду, что рад им.

— Сядет Катя у окна и будет ждать час и еще час...

— Подставляй карман шире, и пяти минут не будет ждать! — донесся снова чей-то голос.

— Сядет у окна, — продолжал невозмутимо Илюшечкин. — А за окном дождь. А в буфете тепло, тихо...

— Это какая же Катя? — раздался чей-то вопрос. — В каком буфете?

— Да слушай его! — откликнулся тут же другой голос. — Баба Катя, почтальонша из колхоза!

Солдаты загоготали:

— В самый раз Илюшечкину!..

— А буфетчица замужем. И зовут ее не Катя, а Зоя.

Илюшечкин поправил пилотку, сделал руками жест, как бы призывая небо засвидетельствовать со своей высоты, с кем ему приходится сейчас объясняться, и сказал, многозначительно усмехнувшись:

— Отродясь не видывал таких несообразительных. Замужем? Ну и что?

— Буфетчицу зовут Зоей! — с прежним недоумением сказал кто-то. — Зоя, а не Катя.

— Нашего командира роты зовут, как известно, Иван Андреевич, а здесь, на занятиях, его именуют товарищ Тридцать первый...

Илюшечкин говорил все это шутя, но старшего сержанта Саруханова уже переворачивало. Черт знает что

городит этот парень! Он слишком много позволяет себе!

— Хватит, Илюшечкин! Прекратите разговоры! Идите в свое отделение.

Саруханов повернулся и сделал несколько шагов вдоль опушки. Солдаты замолкли. На взгорке, за ложиной, офицеры по-прежнему стояли небольшой группой возле двух газиков, окружив полковника Ключева.

— Старший сержант, — слышался голос Гусева.

Сержант Гусев, крепыш с загорелым лицом и голубыми глазами, продрался сквозь заросли орешника. Подошел, встал рядом с Сарухановым, тоже уставился на взгорок.

— Ничего не слышно, товарищ старший сержант?

— Пока ничего, — ответил Саруханов.

Они постояли на опушке и вернулись назад, к бронетранспортеру, находившемуся чуть в глубине. Боевая машина, развернувшись, притулилась около темной корявой осины, правый борт у нее оказался немного выше, и оттого было такое впечатление, будто бронетранспортер, как и люди, пристально вглядывается сквозь деревья в поле, желая узнать, что ему предстоит впереди.

— Дело такое, — протянул Гусев. — Не придется ли тут загорать?

Он посмотрел вверх, на небо. Низкие, в темных разводах, тучи плыли, чуть не задевая макушки сосен.

— Однако, щетина у тебя, старик, — сказал вдруг Саруханов, разглядывая Гусева.

Наедине сержанты позволяли себе обращаться друг к другу фамильярно.

— А что я сделаю! — Гусев засмеялся. — Как не поспишь, так она растет ускоренным темпом. Хоть через два часа брейся. — Он снова посмотрел в ту сторону, где находилась дорога и где на взгорке стоял газик командира полка. — Интересно, чего они там соображают?

— Какая разница, — усмехнулся Саруханов. — Что прикажут, то и будем делать.

Саруханов понимал, что говорит неправду — никому из них не было безразлично то, что предстояло им на учениях.

— Какой час? — спросил Гусев. — Я оставил часы в машине.

— Без двадцати минут шесть, — ответил Саруханов.

— Пожевать бы чего-нибудь.

— Ну вот, и ты туда же, — буркнул Саруханов. — Придет время — пожуешь...

Саруханов скользнул взглядом вправо и влево, туда, где находились машины его взвода. Внутреннее напряжение в ожидании приказа несколько сковывало его, хотя он и пытался скрыть это напряжение. «Все хорошо, по я волнуюсь. Придет приказ — все станет на свои места... Ждать да догонять — нет хуже...»

— Никуда не расходиться! Быть около машин! — сказал он Гусеву уже каким-то другим, официальным, голосом и шагнул через поваленное дерево в кустарник.

Ночь осталась позади, расползались и таяли последние клочья тумана, обнажая желтеющую на березах листву. Хотя было только начало сентября, но осень приходит в эти края не по календарю, а чуть раньше. Кто говорит, будто две недели разница, а кто прибавляет к ним еще две недели. Год на год не приходится. Вот уж и листва на деревьях кое-где начала желтеть, и среди этой листвы зеленые продолговатые тела бронетранспортеров выглядели некими доисторическими животными. Саруханов строго посмотрел вокруг, ища, нет ли каких упущений, не забыл ли он что-нибудь. За время командования взводом он впервые участвовал в учениях такого масштаба, и это льстило ему, он думал, что, если вот сейчас, сию минуту старшие командиры отдадут какую-нибудь команду, его взвод должен напрячь все силы, чтобы выполнить эту команду хорошо и показать себя в деле. Ему даже хотелось, чтобы такая команда поступила как можно скорее, потому что как ни странно, но вместе с напряжением, давившим на него изнутри, он подсознательно испытывал чувство необыкновенной радости. Ему было радостно сейчас оттого, что все ладилось, что на марше его взвод получил похвалу капитана Богачева. Необычная обстановка, ночной марш — все будоражило его, и не потому, что он раньше не испытывал этого, а потому, что во время тех выходов в поле он не был облечен столь высокой ответственностью и властью.

Он прошелся взад-вперед по лесной тропинке, охваченный жаждой деятельности и сознанием причастности к большому четко организованному коллективу людей, которым предстоит выполнить нечто, о чем они еще не знали, но готовы были выполнить. Неосторожно задетая

плечом ветка обсыпала его градом капель. Саруханов поежился и, будто вспомнив что-то, пошагал быстро через заросли к солдатам своего взвода.

* * *

Ситуация перед Ключевым и его штабом вырисовывалась довольно сложная. Передовые подразделения первого батальона находились на опушке лесного массива, протянувшегося сплошной полосой на восток. Далее, за лесным массивом, лежала впадина, поросшая мелким кустарником, иссеченная водоемами и болотцами. По другую сторону впадины была высота 36,8, которую срочно требовалось занять, обезопасив тем самым фланг.

Полковник Ключев отошел от машины, сделал несколько размашистых шагов, посмотрел на небо, которое стало чуть проясняться. Времени на развертывание оставалось мало, он нервничал. Его беспокоили танки, которые из-за непролазной грязи на проселках не поспевали к исходному пункту. «Нет скорости — нет маневра», — подумал про себя Ключев.

— Докладывайте, начальник штаба.

Майор Костин придвинулся к капоту машины, на котором была расстелена карта.

— Связь с подразделениями бесперебойная, — заговорил он, и глубокая морщина пересекла его лоб. — По сведениям, полученным полчаса назад, подразделения вышли...

Майор Костин придвинулся еще ближе и начал перечислять, кто где находится, какое положение занимает то или другое подразделение. Он смотрел на карту, отмечал карандашом места расположения рот и батарей, и невольно казалось, будто он видит сейчас воочию, как двигаются по тоненьким извилистым линиям отставшие подразделения, как они минуют подъемы и спуски, огибая затопленные водой низменности.

— Второй батальон еще на марше, однако есть основание полагать, что в район развертывания прибудет без опозданий. Беспокойство вызывает танковая рота, Павел Григорьевич, — Костин приглушил голос, бросив быстрый взгляд в сторону поверяющего, — дороги раскисли до невообразимости. Мною даны указания изменить маршрут...

Костин спокойно, но так же вполголоса объяснил, почему он изменил маршрут, и показал, каким путем теперь двигаются танки, затем опять бросил в сторону Ликеева изучающе-напряженный взгляд. Этот взгляд не понравился Ключеву, но он не подал виду, не изменил выражения лица, не показал удивления по поводу тревожащей начальника штаба задержки танков. Он сосредоточенно продолжал разглядывать карту.

— Так, так, — протянул Ключев.

Беспокойство начальника штаба было понятно. Ключев хорошо знал, как важно все, о чем говорил Костин. Однако голова его сейчас была занята другим. Долгий военный опыт давал Ключеву немало примеров, когда на марше, при неблагоприятных погодных условиях, у людей будто вдвое добавлялось мастерства, будто вырастали крылья, и за несколько часов удавалось освоить то, что не осваивалось в течение месяца в казарменных условиях. Он, Ключев, безотчетно надеялся на эту способность людей применяться к обстановке. Он даже не думал об этом, или, вернее, думал подсознательно, весь поглощенный сейчас единственной заботой: как овладеть высотой 36,8 — ключевой в настоящей ситуации?

Костин быстро уловил направление мыслей командира полка, показал рукой на зеленую полосу, окаймлявшую на карте высоту со стороны леса.

— По данным разведки, сплошное болото...

Разговор был прерван появлением начальника связи.

— Товарищ полковник, от комдива запрашивают координаты.

«Ну вот! — подумал Ключев. — Комдив уже интересуется нашим продвижением...»

— Передайте, — Ключев посмотрел на планшет с топокартой, — передайте все как есть.

• — Танки еще не вышли на рубеж. Как сообщить?

— Так и сообщите. — Ключев чуть побледнел и повернулся, чтобы не видеть выражения лиц у начальника штаба и его помощника.

— Есть, товарищ полковник.

С минуту Ключев глядел вслед удалявшемуся быстро капитану, пока тот не скрылся в зарослях кустарника, где стояла машина радиосвязи. Острое, сосущее жжение под ложечкой, как всегда, появлялось, если он начинал первничать. «Ну что ж, генерал видел, какая была ночь».

— Есть два варианта достичь высоты 36,8, — продолжал Костин после паузы. — Воспользоваться шоссейной дорогой. — Он провел карандашом линию левее высоты.

— Полагаете, что «противник» будет дожидаться, пока танки обойдут лесной массив? К тому же участок шоссе открытый.

Костин знал эту манеру Ключева подбрасывать во время обсуждения плана каверзные вопросы. Он ждал их, потому что, как ни странно, эти вопросы помогали ему находить правильное решение.

— Да, участок шоссе открытый! — Костин снова чиркнул карандашом по карте и посмотрел в лицо Ключеву. — Но если пробираться просеками...

— А время? — спросил Ключев.

— Будет потеря во времени, — простодушно ответил Костин. — Но без этого не обойтись.

— Понятно. Второй вариант?

— Второй вариант, — брови начальника штаба сошлись над переносьем, — выходить к высоте через ложину...

Он потер кисти рук, будто они у него озябли.

Ключев ничего не сказал. Он продолжал сосредоточенно изучать карту, испещренную значками, размышляя над тем, что услышал от Костина. «Если пойти просеками и допустить потерю во времени, то высота 36,8 может быть занята «противником». Нет, терять времени нельзя, это очевидная истина... Переход напрямую через ложину — выигрыш во времени огромный, если, конечно, такой переход осуществим...»

Он размышлял обо всем этом про себя, ни с кем не делаясь, потому что делиться с кем-нибудь было уже невозможно, теперь наступила очередь сказать последнее слово, принять то или иное решение. И только одно сейчас было важно, чтобы он принял это решение, взвесив все «за» и «против».

Собственно говоря, Ключев и занимался сейчас тем, что пункт за пунктом, скрупулезно взвешивал в уме все эти «за» и «против». На невидимые весы ложились теперь данные топокарты и количество выпавших за ночь осадков, скорость танков и раскисшие дороги, тяжесть бронетранспортеров и глубина болотных вод... От правильного соотношения этих величин зависело сейчас главное: выход к высоте 36,8 и дальнейший успех под-

разделений на танкоопасном направлении. На чашу весов ложилась сейчас очень важная для Ключева величина — его авторитет как командира, его достоинство как офицера.

«Если двинуться к высоте напрямую — через лощину... Танкам болотину не преодолеть. Но мотострелки...»

Ключев всматривался в топокарту. Миллиметр за миллиметром исследовал серо-голубое пространство лощины со всеми ее цифровыми обозначениями. Со всеми ее цветовыми показателями. Но разве можно доверять карте в такую погоду: болото раскисло от ливневых вод. А если иначе? Как иначе? Разве можно допустить потерю во времени? Это — учения. Все равно. Нет, нет! Нельзя. Это равносильно поражению. Ключев поднял голову, и его взгляд встретился с вопрошающим взглядом подполковника Зеленцова, замполита. И, уже все решив окончательно, уже выбрав по карте тот единственный путь, которым будет занята высота 36,8, Ключев сказал почему-то не то, что должен был сказать:

— Где сейчас танковая рота?

— Согласно докладу, который я получил полчаса назад, танкисты находятся в квадрате... — Костин склонился над картой и отметил пункт. Тут же посмотрел на часы и добавил: — Можно предполагать, что за это время они продвинулись примерно...

— Уточните, — сказал сухо Ключев.

Прищурив глаза, он посмотрел долгим взглядом на опушку леса, где ожидала приказа мотострелковая колонна, и тут же увидел лицо Ликеева, с откровенной заинтересованностью наблюдавшего за командиром полка. Перехватив взгляд поверяющего, Ключев повернулся к Костину и сказал спокойно и твердо:

— Передайте приказ командиру первого батальона: выходить к высоте силами мотострелковой роты в районе лощины! — Он прочертил стрелу на карте и посмотрел в упор на Костина. — Рота, выйдя на заданный рубеж, займет оборону...

Последние слова полковника Ключева долетели до ушей не только ближайших его помощников, но и офицеров штаба полка, которые стояли поодаль, около второй машины. Их лица сразу посерьезнели. Особенно заволновался майор Журин, заместитель Ключева по тылу. Он даже сделал шаг вперед по направлению к командиру

полка, желая немедленно выяснить что-то для себя, потом вдруг остановился, приподнял фуражку, взъерошил густые жесткие волосы, снова надел фуражку и тяжело вздохнул. У майора Журина были веские причины, чтобы волноваться: накануне ему удалось приобрести в ближайшем колхозе свежие огурцы и помидоры для солдатской кухни. Когда полк вышел по тревоге в поле, Журин приказал вывезти следом и витамины. Перед его глазами уже рисовалась картина: радостные, довольные мотострелки и приятное удивление на лице представителя округа, увидавшего в обеденном рационе у солдат такую славную закуску.

Да, но когда? Где может состояться такой обед? Этот вопрос больше всего волновал сейчас Журина.

ГЛАВА ВТОРАЯ

На станцию Тимчаки поезд прибывал поздней ночью.

Молоденькая, очень подвижная и очень охочая до веселой беседы проводница обещала лейтенанту Колотову разбудить его перед Тимчаками. Однако, забравшись на верхнюю полку в своем купе, Сергей Колотов быстро понял, что не уснет. Он лежал на спине, устремив глаза на синюю лампочку, тускло горевшую над дверью, прислушивался к монотонному стуку колес на стыках рельсов, к голосам людей на станциях и вздыхал и ворочался, чувствуя под собой мягкое покачивание полки и подрагивающую рядом стенку.

А потом не выдержал и осторожно спустился на пол, стараясь не задеть ногами храпящего на нижней полке старика, нажал осторожно на ручку двери, шагнул в коридор.

Справа и слева в коридоре горели синие лампочки. Стоял полумрак, и было пусто. Пассажиры спали. Наружные двери купейного вагона были заперты на ключ, и на небольших промежуточных станциях их не открывали: сюда никого не ждали. Пассажиры, в большинстве командировочные, ехали либо в города, либо в большие узловые пункты, ничем внешне не отличавшиеся от городов. Колотов среди этой деловой публики выглядел непривычно: он ехал на станцию Тимчаки, которая в же-

лезнодорожном реестре числилась как промежуточная. Название странное: Тимчаки. «А ничего странного! Мы привыкли! — говорила краснощекая проводница, озорно сверкая глазами. — Да и не в названии дело, товарищ лейтенант!»

Колотов, однако, не спрашивал, не допытывался, в чем же заключается это самое дело, если не в названии. Не был он настроен на веселый разговор, к которому так тяготела круглолицая проводница. И не срабатывали поэтому ее заковыристые словечки, не находили в нем отклика.

Вот так и ехал он уже вторые сутки. Тимчаки так Тимчаки — он в общем тоже привык к этому названию.

Миновав прохладный коридор, Колотов прошел мимо служебного купе, напротив которого еще дышал теплом титан, открыл дверь и, чувствуя на себе токи свежего воздуха и колыхание металлического пола — поезд прибавил скорость, — вышел в дребезжащий железом тамбур.

Ночь стояла за окнами вагона, ничего нельзя было рассмотреть, однако Колотов все же прильнул лбом к стеклу, вгляделся. Потом достал сигареты, закурил. И, закулив, продолжал вглядываться в проем стекла, откуда ему иногда светил вспыхивающей точкой огонек сигареты.

Поезд набирал и сбавлял скорость, пронеслись мимо фонари незнакомой станции, мелькнули тусклые светлячки у переезда и на стрелках, а потом снова вагон окутала крошечная мгла, и казалось, ничего больше нет вокруг, кроме громящего в ночи поезда.

«Как все же быстро пролетело время, — подумал Колотов. — Три дня назад я был у себя в родном городе. Ходил по улицам, смотрел кино... А вот теперь еду к постоянному месту службы, про которое ничего не знаю. Ровным счетом ничего...»

После окончания военного училища Колотов находился в отпуске. На курорт не поехал — провел время у матери. Целыми днями читал книги, загорал, кушался в реке. Исподволь, правда, в нем шла подготовка к новой жизни — он вдруг задумывался, замолкал в разговоре. Однако мгновения эти были недолгими. О чем думать? Да и зачем? «Будет день — будут и песни!» — отмахивался он

от возникавших вопросов, убеждая себя, что самое трудное — училище, экзамены — осталось позади.

Когда полковник, вручавший ему направление в часть, сухой, морщинистый, со шрамом на щеке, вдруг посмотрел на него пристально и спросил не по-уставному: «Волнуетесь?» — Сергей Колотов сначала подумал, потом ответил: «Нет». И улыбнулся простодушно. Полковник же мгновенно стал официальным и замкнутым. Кажется, полковник был недоволен ответом лейтенанта. Но Колотов говорил правду. Он действительно в тот момент не волновался. Он не волновался и не переживал даже тогда, когда прощался с матерью. «Ничего, мама! Не грусти. Через год приеду в отпуск. Или ты ко мне приедешь?! Решено: ты приедешь ко мне! Ура, ура!..»

И вдруг сегодня — за несколько часов до конца пути, который был ему предназначен в купейном вагоне скорого поезда, — его окватило волнение. Именно сейчас, ночью, он ощутил, какие перемены произошли в его жизни. Какая ответственность свалилась на плечи.

Он едет в полк... До сих пор он учился. Да-да, сейчас он ясно ощутил: до сих пор его главной обязанностью было учиться. Только учиться. А теперь он едет в полк. Теперь ему предстояло учить других. Кто эти другие? Как они встретят его? Каков командир полка? Кто командир роты? Как отнесутся к нему офицеры-старожилы? Найдёт ли он путь к сердцам этих людей? Встанет ли рядом с ними как равный?..

От всех этих мыслей Колотов не мог уснуть, он теперь стоял в тамбуре, машинально прислушиваясь к тяжёлому дыханию мчавшегося вперед поезда. За окном металась непроглядная тьма. Громко стучали колеса. Стучал замок у наружной двери, хóдившей толчками при порывах ветра то в одну сторону, то в другую. Иногда этот стук обрывался, смолкал, но через мгновение снова возникал с утроенной силой.

И мысли, одолевавшие Сергея, то возникали, то исчезали, не имея устойчивости и ясности. Казалось, он думал обо всем понемногу. То вставало в памяти худощавое, со шрамом, лицо полковника, его неожиданный вопрос «Волнуетесь?», нарушивший чинную строгость порядков высокого учреждения. То появлялись глаза матери, вопрошающие, словно его отъезд оказался для нее неожиданностью. Она теперь снова одна. Возможно, пока

он учился, мать, хотя и представляла со всей ясностью его будущую жизнь, однако все же надеялась, что он будет с нею рядом. В их городе тоже есть воинские части. Почему бы...

Мысли Сергея кружились, растревоженные настойчивым стуком мчавшегося поезда.

Конечно, если вернуться назад лет на тридцать, да сравнить жизнь Колотова с жизнью его сверстника тех лет, то разница получится огромная. Сергей Колотов родился и жил в другую эпоху. Он мог спокойно учиться в школе, мог выбирать себе достойный и по силам путь в будущее. Он был лишен потрясений военного времени — вот в чем главное. Хотя потрясения и его не миновали, и одно из них — смерть отца. Но даже эта утрата не исковеркала его жизнь, и трудности, вставшие перед семьей, были преодолены. Ему не пришлось бросать учебу и идти работать, чтобы помогать матери. Возможно, стол их стал чуточку поскуднее. Может, отчетливее стала выделяться седина в густых волосах матери — смерть мужа, утрата опоры, утрата самого близкого человека. Но в существе своем жизнь Колотовых осталась прежней, она не сошла с накатанных привычных рельсов.

Сейчас Сергей думал: был бы жив отец, о чем бы они говорили в эти дни? Отец, отдавший свою жизнь армии. Какие бы слова он сказал, провожая сына в дальний путь? В груди у Колотова вдруг что-то задрожало, какая-то тоненькая струнка натянулась, спазма перехватила горло. Что-то очень дорогое возникло в памяти, и тут же появилась мысль, которая, в общем, никогда и не уходила из сознания, — мысль о том, что много прекрасного могло бы быть, но не будет, потому что отца рядом нет. Ему вдруг припомнился горьковатый запах увядших цветов, который преследовал его, когда он уезжал в военное училище на экзамены. Тогда он впервые со всей ясностью понял: отца нет. И не было больше долгих вечеров на кухне после ужина и сумбурных бесконечных разговоров обо всем, о чем сейчас трудно рассказать, что невозможно передать словами. Как это передашь: простоту мыслей близкого человека о жизни, доброе участие в твоих повседневных заботах и огорчениях, прямоту суждений и их строгость, проникнутую беззаветной отцовской любовью.

Он жил эти годы, как и все, следуя избранному на-

правлению — учился, был примерным курсантом, имел ровный характер, отзывчивое сердце. Радовался жизни, любил ее, был открыт всему доброму, искреннему. Занятия военными науками, суровый курсантский быт не мешали ему ощущать красоту окружающего мира. Дни его были заполнены до предела — занятия, спорт, книги... Казалось, даже времени не оставалось, чтобы размышлять о собственной судьбе. Да и зачем размышлять — все идет хорошо, не было причин задумываться. И вдруг сейчас, ночью, в поезде...

Сергей глубоко затанулся и бросил окурок под ноги, затоптал, подошел к противоположной двери. Тепловоз издал сильный гудок. Отсветы огней слабо колыхали тьму. Часы показывали половину третьего. Ни одна душа не выходила в тамбур — пассажиры купейного вагона дальнего следования безмятежно спали на своих покачивающихся полках. Все, кроме Колотова.

«А каким я стану командиром? Буду ли для солдат первым советчиком, другом? Чтобы доверяли мне. Дорожили моим мнением. Чтобы любили меня».

Чернела ночь за окном. Колотов стоял в тамбуре вагона, скрестив на груди руки и опершись спиной о стенку, ощущая то редкие, то быстрые толчки наружной двери. Вагон покачивало, и в такт этому покачиванию наплывали и уходили мысли. Он думал о незнакомых ему Тимчаках. Думал о великой армии, в которую он входит как один из ее командиров. Он пытался объять мощь этой армии. Щедрый, самоотверженный народ и любимое его детище — армия. Нет, невозможно объять ее силу, ибо она нераздельна с силой народа, с могуществом всей страны.

Поезд мчался в ночи, хотя где-то в глубинах крошечной тьмы уже таился рассвет. Почти физически Сергей ощутил нехватность своей державы. В городе, где он жил, сейчас раннее утро. Звонят трамваи, выползая из парков, идут один за другим автобусы, направляясь по обычным своим маршрутам.

С грохотом, как ракета, пронесся мимо встречный поезд. Загорелись, замелькали вагонные окна, потом грохот стал ровнее, глуше — поезд прошел, умчался в ночь.

Дверь из вагона неожиданно растворилась, и в тамбур заглянула краснощекая проводница в берете и в пушистом кокетливом шарфике.

Она покачала головой, сказав звонко и весело:

— Ну, товарищ лейтенант! Это что же такое?! Да идите, пожалуйста, в служебное помещение и курите себе на здоровьице сколько вздумается. Ну надо же, товарищ лейтенант, в тамбуре...

Она покачала еще раз головой, и Колотову отчего-то стало неловко: «Действительно, чего это я забился...» Однако идти в служебное помещение он отказался.

— Вот уж не придумывайте, товарищ лейтенант! Ну ни капельки вы не помешаете мне. Ну ни капельки! — уговаривала она, блестя глазами. — Мне сейчас то да се надо сделать, сидите сколько вздумается.

— Нет, я тут постою. Спасибо.

Улыбчивые глаза проводницы изучающе посмотрели на него. Дверь закрылась. Сергей усмехнулся хитровато вслед, представив на секунду перспективу общения с проводницей в служебном помещении, закурил и снова прислонился к двери, за стеклом которой будто чуть-чуть замутилось.

И все же факт, что смазливая проводница пригласила его в свое служебное помещение, льстил его самолюбию. А то, что он не пошел, отказался, поднимало его в собственных глазах. В сущности, Сергей был еще совсем мальчишка...

* * *

Он приехал на рассвете.

Станция Тимчаки как две капли воды была похожа на десятки других станций, мимо которых скорый поезд проносился вихрем вчера и позавчера. Низкий ряд служебных помещений, башня водокачки, приземистые крыши пакгаузов, огородики с помидорной ботвой, с кустами смородины и малины вдоль цепочки одноэтажных домов. Станция была невелика, однако новый пакгауз из железобетонных блоков и железнодорожная ветка в сторону леса свидетельствовали, что она не относится к разряду рядовых.

Тепловоз сипло свистнул, вагоны поплыли вперед. Улыбчивая проводница, стоявшая в дверях, помахала Колотову рукой. Колотов, поставив чемодан на землю, ответил ей тем же.

Когда он склонился, чтобы снова взять чемодан, то

заметил: земля вокруг пропитана водой и кое-где поблескивают лужи — совсем недавно здесь прошел дождь.

Колотова никто не встречал, и это обстоятельство испортило ему настроение. «Очень даже любезно, черт побери!» — выругался он, зашагав к станции — квадратному зданию с квадратными окнами.

Начальник станции, пожилой мужчина в красной фуражке, сразу догадался, с кем имеет дело. Он широко заулыбался и, не дослушав вопроса, стал объяснять, как доехать до поселка Лужаны.

— Очень даже просто туда доехать, товарищ лейтенант, — говорил он, сняв фуражку и поглаживая себя ладонью по лысине. — Тут, за уголком, магазин, — он показал рукой за станционный домик. — Подежурьте около магазина с полчаса — и вам обязательно будет попутная машина...

— Да зачем же полчаса, Захар Николаич! — раздался позади Колотова возмущенный голос. — Никаких полчаса не требуется, а даже совсем наоборот...

Колотов повернулся к говорившему и увидел сидящего человека в двухцветной спортивной куртке и джинсах с заплатой на коленке. Человек уверял, что машину дожидаться не надо, что она уже стоит готовенькая, что товарищу лейтенанту следует сделать лишь одно: как можно быстрее шагать к столовой. И вызвался проводить Колотова.

Час был ранний. В домах хозяйки топили печи. Серый дым, предвещающий ненастье, стлался по земле.

Старенькая «Колхида» стояла около дощатого крашеного строения. Колотов, довольный оказией, поблагодарил сопровождавшего, забрался в кабину, шофер тотчас же нажал на акселератор, мотор взревел, и «Колхида», переваливаясь на выбоинах, покатила вперед. Все складывалось отлично. У Колотова сразу повысилось настроение.

Когда Тимчаки остались позади, шофер, пожилой мужчина с конопатым заспанным лицом, спросил:

— В командировку, товарищ лейтенант, или служить? Колотов ответил, что служить.

— Издалека?

— Издалека. — Колотов назвал город.

— Ого! — взметнул бровями шофер. — Ну как там? Как жизнь идет?

— Да ничего. Нормально.

— Насчет войны ничего не говорят?

— Ничего! — удивился Колотов. — А разве здесь...

— Да здесь тоже ничего, — ответил мужчина, приоткрыл дверку кабины и сплюнул за борт. — Сегодня ночью, когда я на станцию ехал, войска шли. И танки...

— Ну, может, передислокация или еще что-нибудь, — сказал задумчиво Колотов.

— Это конечно, — согласился шофер, энергично выворачивая руль на повороте.

Снова посыпал частый и мелкий дождь. Глядя на струи, расплывшиеся по стеклу, Колотов вспомнил старинную примету: приезд в дождь — хорошо. Почти всю остальную дорогу они ехали молча. Колотов смотрел по сторонам, пытаясь разглядеть места, где ему предстояло служить. Однако густая пелена дождя и тумана мешала; пахло со стороны леса деревом, мхами, запревающей листвой, всем тем, с чего начинается каждая осень.

Машина выскочила из лесу в поле, потом снова был лес, а потом опять поле, и вдруг близко, прямо перед собой, Колотов увидел нарядную крашеную арку и полосатый шлагбаум. Сердце его застучало гулко: он понял, что приехал к месту своей службы.

— Бывайте, товарищ лейтенант, — сказал шофер, помогая снять чемодан. — Счастливо послужить!

Колотов поблагодарил и посмотрел еще раз на красивую арку, на зубчатый зеленый забор, за которым виднелись двухэтажные здания, потом внимательно оглядел себя, поправил портупею и, взяв в руки чемодан, направился к проходной.

* * *

Военный городок лежал перед Сергеем как непрочитанная, незнакомая книга. Спустя несколько минут он в сопровождении солдата шагал к штабу и глядел во все глаза на казармы, на песок, устилавший дорожки, на сквер, на клумбу... И хотя во время учебы в училище ему приходилось бывать в разных гарнизонах, сейчас казалось, будто он все видит впервые: и просторный плац с трибуной, и алые стенды, и прибранные, словно расчесанные елочки вдоль дороги, ведущей к контрольно-про-

пускному пункту, и возвышающиеся вдали перекладины спортивного комплекса.

Он глядел вокруг, на ходу подмечая разные мелочи, всякий пустяк, и стеснялся собственного чувства, которое настойчиво побуждало его сейчас нарушить официальную обыденность вступления в военный городок. Впереди у него будет предостаточно дней, чтобы все рассмотреть, впереди у него вечность. Но что ему до вечности, ему хотелось именно сейчас подойти к плацу, опереться на легонький штакетник у сквера, постоять и послушать шелест листвы, подышать, глядя на серое, клочковатое от туч небо, вжиться в поблескивающую лужичками площадь, в ряды двухэтажных домов, заслоняющих собой горизонт, проникнуться строгостью казарменных окон и пустынностью улочек и переулков.

И кажется, для того чтобы отвязаться, отвлечься от навязчивого желания (хороша была бы картина: приезжий лейтенант, вместо того чтобы поспешить в штаб, разгуливает в сквере), Колотов решил заговорить с солдатом.

— Как служба идет? Как тут живется? А?

— Служба идет нормально, товарищ лейтенант, — ответил солдат будничным тоном и, помолчав, прибавил с оттенком удивления: — А чего ей не идти? Идет!

«В самом деле, чего службе не идти...» Колотов улыбнулся: сколько лет ждал этого момента! Еще дорогой пытался представить, как вступит на территорию незнакомого военного городка. Ну что ж! Момент этот пришел. Он шагает по усыпанной гравием дорожке, и шаги его как бы делают отсчет нового времени в его жизни.

— Сюда, товарищ лейтенант.

В штабе, поднявшись по широкой, чисто вымытой лестнице, Колотов доложил о прибытии. Капитан, принимавший доклад, оказался простецким парнем, хотя и был старше Колотова лет на семь. Он прочитал документы, потом вышел из-за стола и поздравил лейтенанта с прибытием. Они поговорили, капитан объяснил обстановку: полковник Ключев в поле и штаб весь в поле. Но он свяжется по радио с Ключевым либо с начштаба Костиным, проинформирует их о прибытии пополнения.

Он снова крепко пожал Колотову руку. Потом оба уселись на жесткий диван, стоявший у противоположной стены.

В одну минуту капитан рассказал о себе все: когда прибыл в гарнизон, с чего начал службу, как ему живется сейчас.

— Очень хорошо, что вас сюда назначили. Очень хорошо.

Колотов из всего этого понял, что капитану здесь нравится, что он хочет, чтобы и Колотову здесь понравилось.

— Вот только такой вопрос, — сказал капитан, нахмурясь. — Насчет жилья...

Когда Сергей уезжал из училища, то среди его товарищей шли разговоры о квартирных условиях. Чтобы по приезду в гарнизон была предоставлена комната. Все считали, что это самый важный и самый трудный вопрос. Однако сейчас, глядя в улыбочивое лицо капитана, после того как он так хорошо говорил про свой полк и откровенно назвал трудности, было бы просто нескромным выяснять, почему не могут дать ему комнату. Может, такой же, как он, лейтенант женился — вот и выпала комната из офицерского общежития.

Между прочим, насчет семейного положения капитан поинтересовался у Колотова еще в начале беседы. А сейчас он спросил, кто у Колотова остался в родном городе. Есть ли у него братья и сестры.

— У меня только мать, — сказал Колотов.

— А отец?

— Умер.

Капитан опустил глаза, и несколько секунд длилось молчание.

Потом заговорил Колотов:

— Мне бы с дороги привести себя в порядок. К кому обратиться, чтобы встать на довольствие?

— Это мы устроим, — ответил со вздохом капитан. — Сию минуту...

Он перешел к столу и подвинул к себе телефон.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Бронетранспортеры шли медленно, то и дело спотыкаясь о выступающие из земли корневища деревьев. Саруханову казалось, будто ели, стоявшие тесно вдоль обо-

чины заброшенной лесной дороги, подпрыгивают. Борта кидало из стороны в сторону, по крыше хлестали ветки.

Снова заморосило. Урчал, взвиваясь на высоких нотах, мотор.

— Сколько времени? — спросил водитель Никитенко.

— Тридцать пять седьмого, — ответил Саруханов.

Сквозь пелену сеющего дождя проступали редкие квадратики луговин — дорога шла под уклон. Колонна двигалась медленно, осторожно, соблюдая положенный интервал. И вдруг передняя машина встала. Тут же была передана команда: командиры взводов к командиру роты.

Сквозь гудение мотора доносились голоса.

Саруханов открыл люк и пружинисто спрыгнул на землю. Впереди между деревьями мелькнули широкие плечи лейтенанта Никонова, командира второго взвода. Скоро Саруханов понял причину остановки. Лес вокруг поредел, и лесная дорога обрывалась, уходя в болотину. Редкие сосны маячили на ней островками; извилисто тянулся с холма кустарник.

Бронетранспортер разведчиков, замаскированный ветками, стоял справа. Чуть дальше были вырыты щели. В них виднелись спины солдат и выставленные автоматы.

Капитан Богачев, командир роты, в плащ-накидке с поднятым капюшоном, из-под которого колюче щетинились густые брови, уже отчитывал командира первого взвода Жернакова.

— Мобилизуйте людей, а не рассуждайте! — говорил он, жестко поблескивая глазами.

— Я уже дал команду, — лейтенант Жернаков показал на солдат. — Сейчас начнем. Ведь не голыми же руками...

Богачев даже глазом не повел. Его лицо, крупное, с выпирающими скулами, оставалось неподвижным. Полчаса назад рота получила приказ выйти через лощину к высоте 36,8, Богачев испытывал гордость от сознания, что не кому-то другому, а именно ему поручили это задание. Но вместе с тем он отчетливо представлял, что значит пройти через болотистую, топкую лощину, какие усилия потребуются от людей, а главное — не было полной гарантии, что такой переход возможен: целые озера воды стояли то тут, то там, а сверху, кроме того, все сыпал и сыпал дождь.

По данным разведки, участок, на котором рота нахо-

дилась, был наиболее благополучным. Наряду с озерами воды тут имелись островки твердой почвы. Поэтому было решено гатить болото, чтобы могли пройти бронетранспортеры. За бронетранспортеры прежде всего и беспокоился Богачев. Он доложил о произведенной разведке лощины командиру полка и о своем решении форсировать болото. Полковник Ключев утвердил это решение. Все было ясно, оставалось только действовать.

— Вопросы есть? — спросил Богачев стоявших перед ним командиров взводов.

Никто не ответил, хотя вопросы имелись. Например о саперах. Но никто про них не спрашивал, понимая, что командиру роты и без напоминаний известно, как бы сейчасгодились саперы. И если командир молчит, значит, так надо, значит, таковы условия операции.

— Задача ясна? — нахмурившись, опять спросил Богачев.

— Ясна, — негромко ответил Саруханов.

— Дело предстоит серьезное, ответственное, — сказал Богачев. — Весь полк, можно сказать, смотрит на нас. — Он помолчал, потом вдруг вспыхнул, посуровел и произнес громко: — Нашей роте выпала честь форсировать это болото и выйти к высоте 36,8. По местам, товарищи!

Командиры взводов пошли к своим подразделениям. Вскоре вдоль болотины и в лесочке послышался скрежет лопат, команды, хлюпанье воды под ногами, удары топоров. Каждому было ясно, что другого пути к высоте нет, что все теперь зависит от их ловкости и сообразительности. Сержант Аникеев, чернобровый, несколько флегматичный в движениях парень, вдруг обнаружил, что на взгорке в лесу под деревьями лежат камни. Аникеев сказал об этом Саруханову. Камни можно укладывать в колею, бронетранспортеры пойдут по ним, как по асфальту.

Подошел сержант Гусев.

— Это идея, — сказал он. — Только хватит ли камня?

— Хватит, хватит! — заверил возбужденный Аникеев. — Там этого булыжника столько валяется!.. Только территорию захламляет.

— Старший сержант, — сказал Гусев, — надо посылать людей.

— Погоди, — Саруханов наморщил лоб. — Погоди по-

сылать. — Он взглянул быстро на Аникеева: — Сначала надо хорошенько проверить... Ты, Аникеев, возьми с собой одного человека. Да вот... — Он повернулся и крикнул: — Блинов! Рядовой Блинов, подите ко мне!

Рядовой Блинов нес охапку елового лапника. Услышав, что его зовут, повернулся, положил лапник на землю и косолапой рысцой направился к командиру взвода.

Саруханов объяснил: надо разведать, много ли в лесу камня, посмотреть, пригоден ли, где лежит и как лучше его доставить сюда. Обращаясь к Аникееву, скомандовал: — Действуйте!

То, что Саруханов приказал Блинову, а не кому-то другому пойти с Аникеевым, не было случайностью. Аникеев во взводе недавно — раньше служил у Жернакова, потом перевели сюда. Возможно, флегматичность Аникеева была тому причиной, но в ситуациях, когда требовалась особая точность, Саруханов старался, правда незаметно для самого Аникеева, проконтролировать сержанта. А Блинов — опытный солдат, в прошлом строитель; ему Саруханов доверял полностью.

Если сведения Аникеева насчет камня окажутся верными, тогда и гадать нечего — через час они будут на той стороне. Саруханов, прищурившись, поглядел снова на лес, куда ушли его подчиненные. Ему казалось, что время идет ужасно быстро, а Блинов с Аникеевым действуют слишком медленно. «Копаются, черт возьми, когда каждая минута дорога...»

Дождь внезапно усилился. Саруханов натянул на голову капюшон плащ-накидки, подхватил мокрыми руками бревно, которое несли к болоту солдаты, готовя лежневку. Они увязали в грязи. Саруханов почувствовал, как поползла холодная струйка за голенище.

— Еще немного, ребята! — сказал он. — Еще рывок...

И, отпустив бревно, перейдя на другую сторону, стал заносить его в направлении клубящегося под дождем озера, упираясь изо всей силы в вязкую почву, остервенело двигая плечом и чувствуя рядом руки солдат.

— Плотнее трамбуйте! Плотнее! — слышался жесткий голос Богачева.

— Черта тут утрамбуешь, — проворчал себе под нос Саруханов и в тот же миг увидел бежавшего к нему Блинова.

— Есть камень, товарищ старший сержант. Людей надо посылать. Аникеев там ждет...

— Сейчас, — проговорил Саруханов и направился к Богачеву.

Известие о том, что в лесу обнаружен камень, облетело моментально солдат. Уже соображали, уже прикидывали, как и где удобнее пробивать колею. «Теперь пусть льет, — говорили про дождь. — Теперь нас не запугаешь...»

— Саруханов! — Богачев приподнял край капюшона, вытер лоб. — Твоя задача, Саруханов, организовать доставку. Имей в виду, чем дальше в болото, тем камень требуется крупней. Действуй!

— Есть, товарищ капитан!

И как-то разом все вокруг задвигалось, заходило. Стучали гулко трамбовки, щелкали, падая друг на друга, камни, которые солдаты приносили и складывали на берегу.

А когда цепочка солдат, настилавших колею, достигла середины болота, появился замполит Зеленцов.

— Спокойно, спокойно, товарищи! — услышал Саруханов его голос. — Не кидайте кое-как. Расчетливее укладывайте.

Закинув за спину полы плащ-накидки, Зеленцов показывал, как надо опускать камень, как фиксировать колею вешкой.

— Давай-давай, хлопцы!

Чавкала под ногами земля. Саруханов слышал за спиной шлепки падающих в жижу камней, слышал железное скобление лопат и вздохи людей, прокладывающих эту необыкновенную трассу, и смотрел на противоположный берег.

— Много еще осталось! Как, старший сержант, через полчаса достигнем? — спрашивал Гусев.

— Думаю, будем через полчаса, — отвечал Саруханов.

Подполковник Зеленцов переходил от группы к группе, заглядывал в лица, улыбался. Механики-водители были тут же, проверяли грунт, прикидывали, как лучше провести по болоту тяжелые машины.

— Клади жердь сюда. Клади.

— Шевелись, хлопцы!

Бронетранспортер командира роты двинулся первым.

Богачев шел за машиной. Он шел и глядел по сторонам, иногда поправляя вешку, ощупывая что-то ногой, и часто посматривал на часы.

Раздвигая белотную жижу, машины шли осторожно, как бы спотыкаясь, то вдруг буксуя. У Богачева в такие минуты холодело внутри: пройдут ли? Вот машина резко накренилась, поползла в сторону, водитель прибавил газу, и она снова выровнялась, пошла спокойно. Позади остался самый опасный участок. «Счастье, что под болотиной твердый грунт, а то бы пропали», — подумал Богачев, заглядывая вперед и подсчитывая, сколько осталось метров до противоположного берега.

Сквозь гул мотора, сухой шорох дождя по плащ-накидке, обдуваемой ветром, до ушей Богачева донесся голос следовавшего позади сержанта с рацией.

— Товарищ капитан, вас Двадцать первый просит.

Богачев поговорил с Ключевым, доложил обстановку, потом молча выслушал командира полка, время от времени произнося: «Есть», «Будет выполнено!» В конце разговора он увидел, что бронетранспортер уже миновал опасную зону, и тут же сообщил:

— Товарищ Двадцать первый, первая машина прошла!

Потом Богачев, будто очнувшись, повернулся и поглядел назад, в сторону леса. Он увидел на краю лощины две фигуры: замполита Зеленцова и полковника Ликеева. Полковник Ликеев был уже здесь. Зеленцов объяснял ему что-то, показывая то на карту, то взмахом руки на простирающуюся перед ними болотину, на кустарник с возвышавшимися зелеными шапками сосен. Богачев широкими шагами пересек поросшую осокой полосу земли и вышел на берег. В груди у него гулко стучало. «Поверяющий уже здесь. Первая машина прошла. Прошла... Первая прошла...» Казалось, он сейчас не знал никаких других слов, кроме этих двух: «Первая прошла...»

На краю лощины тоже видели, что первый бронетранспортер благополучно пересек лощину. Однако на лице полковника Ликеева не отразилось при этом никаких чувств. С бесстрастным видом он продолжал следить за действиями роты. Лишь когда и второй бронетранспортер

преодолея лощину, он спросил стоявшего рядом Зеленцова:

— Давно капитан Богачев на роте?

— Четвертый год, — ответил Зеленцов, продолжая наблюдать задвигающимися через болото бронетранспортерами. — Приехал к нам на роту. Да вот задержался...

— Вы считаете, надо выдвигать?

— Я считаю: да. — Ответ Зеленцова прозвучал категорично. — Надо.

Хотя Ликеев в разговорах с подчиненными всегда подчеркивал категоричность, непререкаемость своих суждений, у других он терпеть не мог этой категоричности.

— С точки зрения военной науки вашему Богачеву можно было бы накидать не мало претензий, — проворчал он.

Зеленцов не ответил. Они прошли в лес. За орешником, обдавшем их брызгами, обогнули траншею, за которой стояла группа солдат. У прикрытых брезентом гранатометов присели на корточках гранатометчики. Негромкий, с хрипотцой, голос доносился оттуда:

— Итак, товарищи, вы понимаете, что нашему государству надо быть всегда начеку. Про маневры НАТО около границ социалистических стран я уже говорил. Но можно привести факты и помельче. Вот, к примеру, бывшие гитлеровские вояки ставят вопрос, чтобы носить ордена, полученные ими в минувшей войне. А бывший фашистский ас, бомбивший наши города и села, убивший тысячи стариков, женщин, детей, теперь учит молодых летчиков бундесвера, как бороться с «красной опасностью». Поняли, какой поворот... Вывод из всего этого мы должны сделать только один: учиться. Постоянно учиться. Военское мастерство повышать. Я смотрел сейчас, как наши форсируют болото. Войну вспомнил. Сколько приходилось тогда форсировать разных преград! Под огнем! Под обстрелом! Должен сказать, что я сегодня доволен. По-фронтальному действовали ребята! Молодцы!

Ничего, казалось бы, не было особенного в этих словах, произносимых неизвестным Ликееву человеком. Обычные слова, которые можно прочесть в газете, услышать на политинформации в любом полку. Однако сейчас на краю лощины, у болотины, которая несколько часов назад представлялась весьма трудным препятствием,

эти слова прозвучали по-особенному значительно и глубоко.

Ликеев посмотрел вопросительно на Зеленцова.

— Это Роговик, старшина и парторг роты, — сказал Зеленцов, мягко и как-то ласково улыбаясь при этом. — Замечательный человек. Между прочим, фронтовик.

Они вышли на дорогу. Ликеев посмотрел на часы и вдруг спросил Зеленцова, давно ли он работает с Ключевым.

— Давно, — охотно ответил Зеленцов. — Я в этом полку пропагандистом был. При полковнике Ключеве. А потом меня назначили заместителем по политчасти.

— Понятно, — ответил бесстрастным голосом Ликеев и пошел вперед, к своей машине.

Ему вдруг захотелось рассказать замполиту, что сам он тоже давно знаком с Ключевым. Еще с фронта. Но он промолчал, посчитав, что для него, поверяющего из округа, это сообщение окажется лишней эмоциональной нагрузкой и может каким-нибудь образом нарушить общепринятую субординацию.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

В то время как мотострелки форсировали болотистую ложину, по проселку в сторону военного городка мчался крытый брезентом газик. В газике сидела Зинаида Трофимовна Сизова — человек в округе известный, председатель лужанского колхоза.

Зинаида Трофимовна иногда в шутку подчеркивала значительность своей должности, говоря, что по масштабам она не уступит должности командира полка. «Мы тоже воюем круглый год», — смеялась она, сравнивая работу колхозников в поле и на ферме с солдатской службой.

В шутливых словах Зинаиды Трофимовны была доля истины — те урожаи, которые лужанским колхозникам удавалось снимать в прошлые годы, давались действительно с бою. А колхозники, побывавшие на фронте, утверждали, и не без оснований, что Зинаида Трофимовна ведет себя в трудовых битвах как настоящий командир — не боится ответственности, умеет определить главное на-

правление, и если отдаст распоряжение, то уж и заставит его выполнить во что бы то ни стало.

«Командир-то командир...» Зинаиде Трофимовне нравилось называть себя так, но командовать, однако, ей приходилось нелегко: в ее обиходе не было слова «приказ», она больше на сознание действовала, разные стимулы использовала. Ну как отдашь приказ механику Тропачеву, если у него осколок остался в ноге от фронта и к непогоде Тропачев места себе не находит!.. Как заставишь Настасью выкладываться на ферме, если Валерка третий год женихается с ней, уверяя, будто у него не имеется надлежащей для семейной жизни зарплаты!

Когда Зинаида Трофимовна начинала говорить о стимулах, то выяснялось, что в переводе на более простой язык это означало ее чуткость, ее интерес к тем, кем она призвана руководить. Тут оказывалось, что она знает все о каждом колхознике — кто чем дышит, о чем думает. Кто собирается приобрести к весне новенькую «Яву», а кто замахнулся на «Жигули», у кого намечены свадьбы, кто хитрит, а кто — нет. Если проведала, что в сельпо появились недорогие сервизы, она либо сама зайдет и скажет, либо передаст через кого-нибудь, чтобы приобретали. В Лужанах Зинаиду Трофимовну любят, на проводах новобранцев в армию она — главный распорядитель, а при возвращении солдата — первый гость в доме.

Три года назад в областной газете был напечатан очерк про Зинаиду Трофимовну. Прочитав его, она несколько дней не могла глядеть людям в глаза: боялась, что люди подумают, будто она сама расписала себя корреспонденту. А корреспондент и не беседовал с ней; про этот факт она даже сообщила в газету. Однако опровержение не было напечатано, оказывается, корреспондент использовал в очерке высказывания колхозников; с колхозниками он поговорил обстоятельно и ничего лишнего не прибавил.

Частый, с порывами, дождик бьет хлестко в стекло газика, колея заполнена водой, каскад брызг взлетал, когда газик на скорости рассекал лужу. Шофер Федя свирепо крутил баранку, выворачивая колеса, но машину снова заносило. И опять Федя крутил баранку, искоса поглядывая на председателя, стараясь узнать, какое впечатление производит его классная езда.

Однако Сизова сидела на своем месте, глядела непод-

вижно в стекло, по которому бил дождь и елозили щетки «дворника». Настроение у нее было пасмурное. Вчерашняя метеосводка добавила раздражения: «без существенных осадков». Ночью, услышав, как шумит за окном дождь, Зинаида Трофимовна вышла на крыльцо. Не было нужды долго соображать, чтобы вынести совершенно противоположное заключение: осадки весьма существенные.

Вот так из года в год: каждую осень жди подвоха со стороны погоды, все время спеша. Весной увеличили площадь под овощи, особенно под картофель, а теперь Сизова не знала, как управиться с урожаем: не хватало людей, не хватало машин. А разговор в районе до сих пор вгоняет ее в краску. Больнее всего было то, что мораль («Организаторскую сметку надо иметь, товарищ Сизова!») прочитал ей Володька Синьков, парень из их же поселка, которого она же и выдвинула недавно на работу в райисполком.

Зинаида Трофимовна, конечно, знала цену любой морали: выкаблучивался Володька, строя из себя высокое начальство, и чихала она на него. Не ему учить ее организаторской сметке. Но вот дожди — это серьезно. Кто ждал эти дожди! И сразу две машины вышли из строя. Можно бы снова постучаться в район, но Сизову при одной мысли о новом разговоре с Володькой корбило. Нет, нет! С утра она объехала бригады, положение критическое. Недостает машин на вывозке, Зинаида Трофимовна не стала искать виноватого, села в газик и, когда Федя повернул ключ от зажигания, завел мотор, скомандовала тихо:

— В военный городок.

* * *

— Прямо поедем или в объезд? — спросил Федя, притормаживая на всякий случай у перекрестка.

В плохую погоду Федя всегда на этом месте спрашивал, и не было случая, чтобы Зинаида Трофимовна сказала: «В объезд!» Можно было бы привыкнуть, но Федя упрямо спрашивал всякий раз, будто от того, какой дорогой они поедут, зависело нечто важное.

Сейчас Зинаида Трофимовна даже не удосужила его ответом, махнула рукой, что означало: прямо.

Вообще, дорожка в военный городок была у Зинаиды

Трофимовны проторенная. Давно. Еще когда каменные корпуса тут только возводиться начали, она, Сизова, сразу грядущее узрела. Что несут эти корпуса? Какую новину вспашут? Она — человек опытный. Все поняла: и насчет техники, и насчет людей. И с первых дней старалась быть поближе к военному населению городка.

Между прочим, Зинаида Трофимовна себя тоже причисляла к военному сословию. И не без оснований. В военном билете у нее было указано: сержант. В молодости она воевала. Хватила лиха, когда с батальоном пограничников отступала от Бреста до Москвы в сорок первом. Она тогда была девчонкой. Сейчас кому скажи: с восемнадцати лет в партии — удивятся. А ее в сорок втором году приняли. И первую рекомендацию, кстати, дал ей командир батальона. Вот был человек высокой честности.

А сюда, в Лужаны, ее муж привез, тоже бывший боец пограничного батальона. Приехали в сорок пятом году. Мужа определили в колхозе фермой заведовать, потом на партийные курсы послали учиться... А она нигде не училась. С первого дня как пошла в полеводческую бригаду, так и работала там, пока вдруг председателем не выдвинули. Муж к тому времени болеть стал, раны фронтовые давали о себе знать. Два раза в госпитале лежал, операций разных перенес — не сосчитаешь. А только не смог он победить свои недуги, и вот уже скоро десять лет, как она вдова.

В делах, всегда неизменных и повторяющихся на селе, — посевная, уборка, посевная, уборка — закрутила ее жизнь. К тому же не одна она осталась: две дочери. Было ей тут о чем подумать и чем заняться.

В военный городок она уже и раньше ездила с разными просьбами. А что поделаешь? Володька Синьков в разговоре так, напрямую, и заявил: исключительные возможности — воинская часть рядом. Да что там Володька Синьков! Разве сама она, когда городок только отстраивался, не прикидывала то да се в смысле помощи, не рассчитывала разве в перспективе?

Прикидывала. Рассчитывала. А вот когда дела касалось, было всегда почему-то стыдно.

На контрольно-пропускном пункте дежурный, увидев Сизову, тотчас позвонил своему начальству. Лужановскую председательшу здесь знали.

— Да, да, мне надо пройти к Николаю Матвеевичу, — сказала она в трубку. — К Николаю Матвеевичу...

— Подполковника Зеленцова нет в части. И неизвестно, когда будет.

— А Ключев?

— Ключев тоже отсутствует.

У Сизовой глаз наметанный: около арки дорога расхлестана. За забором тишина. Но расспрашивать не стала: порядок сохранения военной тайны ей был известен.

Можно было бы возвращаться домой, в Лужаны. Однако Зинаида Трофимовна отлично понимала, что если она возвратится ни с чем, то поставит под удар урожай картофеля — с раскисшего поля его надо вывозить в хранилища. А на чем? Звонить в район? А что там? Откуда там достанут для нее пяток-другой грузовиков-вездеходов? Не достанут.

Значит, надо изыскивать возможности здесь. Стучаться. Просить.

Она направилась в отдел продовольственно-вещевого снабжения и поспела в самый раз, поскольку старший лейтенант Фомин собирался куда-то уезжать.

Пока он разговаривал с кем-то по телефону, Зинаида Трофимовна, присев на стул в кабинете, разглядывала знакомые ей портреты Суворова и Кутузова, висевшие в простенке между окнами. Разговоры внизу, под портретами, велись о гречневой каше, о зимних тулупах, комбинезонах, шапках-ушанках и о прочем вещевом и продовольственном снабжении подразделений. Сизова отлично понимала, какое значение имеет в походе гречневая каша или теплые обмундирование, их взаимосвязь со стратегией она испытала в свое время на себе, однако всегда улыбалась, видя под портретами полководцев, на столах, не карты с расчерченными красными стрелами, не зубчатые линии исходных рубежей, а накладные на мясо, масло, крупу, овощи, на кальсоны и нижние рубашки.

В кабинете в углу на стуле сидел еще один человек — молоденький лейтенант, и Фомин, положив телефонную трубку, тотчас же обратился к нему.

— Так вот! — сказал он, видимо продолжая ранее начатый разговор. — Машина отправится в тринадцать ровно. Готовьтесь. Вещи можно оставить в ротной каптерке. — Он встал и показал в окно: — Вот наша столовая. Белое здание. Потом зайдете ко мне.

Лейтенант стоял и слушал, стараясь ничего не упустить из того, о чем говорил Фомин. Сизова поняла: новенький.

— Кстати, Зинаида Трофимовна, — сказал Фомин и потер лоб загорелыми пальцами, — к вам просьба: помогите лейтенанту Колотову устроиться в Лужанах. Нужна комната в приличном доме. Поуютнее, поспокойнее... На время, конечно, пока мы не найдем ему жилье здесь, в городке.

— Хорошо, — ответила Сизова, окидывая улыбчивым взглядом лейтенанта. — У меня на примете есть один дом, там будет удобно. — И тут же подумала, возвращаясь к цели своего посещения, что после просьбы Фомина о квартире ей будет легче разговаривать с ним.

— Вот и ладно, — взметнул обгорелыми на солнце бровями Фомин. — Вот это по-соседски.

Сизова утвердительно покивала головой: конечно, по-соседски. Посмотрела на лейтенанта, как тот повернулся и, чуть ли не печатая шаг, направился к двери.

— Молоденький, — сказала она, вздохнув. — Совсем молоденький...

— Только что из училища, — заметил Фомин и взглянул на часы, потом полистал перед собой блокнот, протянул руку к телефону, но тут же опустил трубку.

Ну что ж, у всех дела. И у Сизовой их полным-полно. И без всяких околичностей она стала рассказывать про свои беды на картофельном поле, про полетевший сошник и про одну-единственную машину, которая работает на вывозке и, конечно, не справляется.

Фомин выслушал, прошелся по кабинету. Тяжелая была походка у старшего лейтенанта, грузная — сапоги постукивали подковками по полу. Подумал о чем-то, почесал затылок и повернулся к Сизовой.

— Ладно, Зинаида Трофимовна, — сказал он. — Помощь мы организуем нынче же, можете не волноваться на этот счет. Колхоз выручим. Но в ответ вы нам овощей подбросите. Тонн двадцать картофеля.

— Могу хоть и тридцать. Только через заготконтору надо оформить, — сказала Сизова. И объяснила: — Я ведь не из своего кармана беру.

— Я тоже не в свой карман кладу, — улыбнулся Фомин и для большей убедительности показал рукой за окно, где виднелись казармы. — В общем, договорились. Я сей-

час кое с кем переговорю. Уточню наши резервы. После обеда, думаю, машины у вас будут. Устраивает? — Он выразительно посмотрел в глаза Сизовой.

— Спасибо, — сказала она. — Большое спасибо.

— Ладно, ладно, — кивнул Фомин, пожимая руку Сизовой и провожая ее до двери. — А лейтенанту вы посмотрите комнатку. Чтобы получше. Договорились?

— Договорились.

Сизова вышла из кабинета, миновала коридор, открыла входную дверь и направилась к контрольно-пропускному пункту. По-прежнему в небе плыли низкие тучи, но дождь перестал. «Дождь перестал — это хорошо», — думала Зинаида Трофимовна, выпагивая по дорожке, посыпанной мелким гравием. Конкретная цель, какую она ставила при поездке в военный городок, была достигнута. Она даже не ожидала, что так удачно закончится ее разговор. Ведь полк выехал на учения, и все же ее не оставили одну, ей помогли. «Вот что значит военные! Совсем другое дело, когда обращаешься к военным...»

* * *

Она миновала контрольно-пропускной пункт и решила, что если уж оказалась в военном городке, то надо воспользоваться случаем и зайти к Райке, поглядеть на внука Мицьку, который был ее слабостью. Старшая дочь Райка четыре года назад вышла замуж за прапорщика Жору Газаева, чернявого веселого начальника мастерских в полку. До Райки в округе была сыграна с военными не одна свадьба — факт, между прочим, немаловажный. Несколько бывших мотострелков осели прочно в Лужанах, в соседних деревнях, и Зинаиде Трофимовне очень пришлось пополнение. Ребята оказались подходящие, мастера. В общем, соседство военного городка, с какой стороны ни посмотри, было выгодно для лужанского колхоза.

Райка жила в блочном четырехэтажном доме со всеми удобствами, где жили офицерские семьи. Зинаида Трофимовна поднялась на третий этаж и, немного отдышавшись после крутой лестницы, нажала кнопку звонка. Дверь отворилась, на пороге она увидела свою дочь, торопливо вытиравшую руки о фартук.

Войдя в квартиру, Сизова сняла фуфайку, и, пока Райка хлопотала, собирая на стол чай, она, помыв руки,

ходила по комнате и разглядывала, какие возникли тут новшества. Деревянную кровать она видела раньше, гардероб с зеркалом тоже видела, книжный шкаф — тоже. А вот альбом на столе — это новинка, этого она еще не видела. Сизова стала внимательно разглядывать фотокарточки, вставленные аккуратно в картон. Почти все снимки были посвящены Митьке, его смешливая рожица демонстрировалась во всех видах. И Зинаида Трофимовна с удовольствием рассматривала фотографии, благо что сам оригинал, к неудовольствию бабки, спал у себя в кроватке, загороженной от света цветастой занавеской. Тут же в альбоме была помещена и ее фотография, тоже аккуратно вставленная в картонку; Зинаида Трофимовна вспомнила, как Жора, зять, фотографировал ее в Лужах. Еще был один снимок — они с Райкой рядом, мать и дочь, старая и молодая. У Райки волосы спускались волнистой гривой на левую щеку. «Мои волосы, — вздохнула Зинаида Трофимовна, улыбнувшись. — А вот глаза у Райки отцовы. И повадки отцовские...»

— Чай готов, мама, — сказала Райка, входя в комнату. — Пойдем.

Они прошли на кухню и сели за стол. Райка вынула из холодильника масло, колбасу. Налила в чашку чай.

— А себе?

— Я пила только что.

Зинаида Трофимовна прихлебывала чай и искоса поглядывала на дочь. Ну кто бы узнал в раздобревшей молодухе с подведенными синей краской ресницами прежнюю Райку! Откуда что взялось!

— Уехал, значит, Жора.

— Уехал, — кивнула Райка. — Как сумасшедший вскочил и умчался. Даже бритву забыл.

— А ты куда смотрела? Почему не положила?

— Ночью же! — Райка с прищуром поглядела в окно на улицу, покрасовалась перед матерью ресницами. — Жора не разрешил мне вставать с постели.

Зинаида Трофимовна покачала головой.

— Избаловал тебя Жора.

— Ну и пусть! — воскликнула Райка. — Мне это нравится.

— Вижу...

— Жора говорит, на следующее лето к морю поедem, —

сообщила Райка будничным голосом, но в глазах ее полыхали искорки. — Я ведь не видела моря-то.

— А Митьку как?

— Митьку с собой возьмем.

Зинаида Трофимовна нахмурилась: у нее всегда портилось настроение, когда разговор заходил о Митьке. Таскать парнишку по дорогам, как будто в Лужанах нельзя оставить. Да умные люди сюда приезжают, чтобы дышать свежим воздухом, а они надумали трястись в такую даль — себе покою не дают и парня мордуют.

— Мы насчет Митьки еще не решили твердо, мама, — сказала деловито Райка. — Может, тебя будем просить, — добавила она озабоченно, хотя по лицу ее было видно, что вопрос с Митькой уже решен, оставят его у бабушки, оставят.

— Лейтенант новый в часть прибыл, — вспомнила Зинаида Трофимовна. — Сейчас в штабе видела. Молоденький. Насчет квартиры просили меня узнать. В Лужанах пока будет жить.

— Лейтенант? — Райка взяла кончиками пальцев тонкую пластинку сыра, отправила себе в рот. — Ты смотри-ка! Женатый? Нет?

— Не знаю, — пожала плечами Зинаида Трофимовна. — Едва ли. Насчет квартиры просили, а про жену не было разговора.

— Хорошо бы холостой! — заметила по-деловому Райка. — Нашим девчонкам жених. — Она встала из-за стола и повернула в черном, из пластмассы, динамике выключатель. «О скалы грозные, дробясь, плескали волны...» — тянул хрипловатый бас. Райка подождала, пока он выведет последнее слово, и выключила.

— Слушай, дочка, давно хочу спросить тебя, — сказала Зинаида Трофимовна, снова нахмурясь. — Жора твой собирался учиться. Как у него с этим? Чего-то молчите.

— А никак! — ответила простодушно Райка, сначала как бы не понимая, о чем ее спрашивают. Подняв свои подсиненные глаза, она пожала плечами: — Чего голову ломать, мама. Нам разве плохо?

— Подожди, подожди. Вы же сами говорили...

— Говорили, — подтвердила Райка, усмехнувшись. — Только ведь нам не к спеху. У Жоры такая специальность, что его с руками и ногами везде возьмут. Ему бо-

яться нечего, если демобилизуют. Это ты увидела лейтенанта и подумала насчет Жоры. Ну, мама, чудачка!

— Лейтенант тут ни при чем! — заметила сухо Зинаида Трофимовна. — Без лейтенанта знаю, что вам надо учиться. Странно, что ты этого не понимаешь. Где бы вы ни жили и кем бы ни работали — всегда учиться надо. Особенно в молодости.

Видя, что Райка, слушая ее, лишь улыбается да крутит головой в разные стороны, и боясь расстроиться окончательно, Зинаида Трофимовна стала собираться. «Чего долбить в пустое место — только нервы себе дергать».

— Еще чашечку, мама?

— Нет, не хочу.

Она встала и пошла в прихожую одеваться. Не спеша повязала косынку, надела фufайку. Райка стояла и глядела на нее синими глазами открыто и весело.

— Посидела бы, мама. Митька проснется.

— Когда мне сидеть! На поле надо. Это твоё дело... Лопнешь скоро от лежания.

— Скоро Митька проснется, — продолжала спокойно Райка, не обращая внимания на упрёки. — Проснется, а бабушка уехала, не дождалась. Он потешный бывает, когда проснется, такой потешный, что просто сил нет смотреть на него. А бабушка не дождалась...

— погоди тараторить, — поморщилась Зинаида Трофимовна. — Я тебе про одно толкую, а ты про другое...

— Про что, мама? — вздохнула Райка.

— Я тебе говорю...

И Зинаида Трофимовна повторила то, что уже много раз говорила раньше. О горячем быстром времени, о молодости, которая ускачет, о том, что ей, матери, стыдно за нее, стыдно, что ее дочь — молодая, сильная — превратилась в тунеядку, спит да гуляет и ничем, кроме тряпок, не интересуется.

— Ну, чего молчишь?

— Слушаю, мама.

— Ах, слушаешь! — качнула головой Зинаида Трофимовна. — Все слушаешь! А дело ни с места.

— У меня Митька, мама.

Разговор обычно всегда заканчивался фразой: «У меня Митька, мама». И так же как и раньше, Зинаида Трофимовна проговорила: «У других тоже дети». И как выход

из положения назывался детский сад и приводились положительные примеры.

— Не хочу, — отрезала Райка вопрос о детском саде.

— Почему?

— Сама буду воспитывать своего ребенка.

— Ишь ты, какие слова придумала! — Зинаида Трофимовна в упор посмотрела на Райку и покачала головой. — Ну-ну...

Что вкладывала Зинаида Трофимовна в свое «ну-ну», Райке было хорошо известно. Однако она не хотела продолжать спор и сделала вид, будто не замечает насмешливых интонаций в голосе матери.

— Подожди, мама, секунду. Я провожу тебя.

Она прошла быстро в комнату, скинула халат, достала из шкафа цветастое платье, натянула его прямо на голое тело и, заглянув в Митькину кроватку, вернулась в прихожую. Когда мать и дочь вышли на крыльцо, обе некоторое время стояли и смотрели прямо перед собой — на мокрую, в лужах, землю, на мокрый забор, мокрые, пожелтевшие на макушках акации. Взгляд Зинаиды Трофимовны остановился на дальней, заслоненной раскидистым дубом крыше. «Клюев-то на учениях, а Марья Степановна одна... Может, скучает...»

— Надо бы заглянуть к Маше, — проговорила вслух Зинаида Трофимовна, продолжая глядеть на крышу под развесистым дубом. — Какая незадача — времени мало. А давненько не виделись. Надо бы заглянуть...

Райка улыбнулась, пожала плечами.

— Боже мой, мама! Ты такой импульсивный человек! — сказала она.

— Какой? — Зинаида Трофимовна посмотрела на дочь.

— Импульсивный! — повторила Райка.

— Что это значит?

— Это значит, Жора говорит, человек волнуется по пустякам.

— Я волнуюсь по пустякам?

— Да, — добродушно ответила Райка. — Тебе хочется зайти к Марье Степановне — возьми и зайди.

— Мне хочется, а дело не позволяет, — объяснила Зинаида Трофимовна.

— Тогда перенеси посещение на другой день.

— Спасибо, что надоумила, — сказала Зинаида Трофимовна. — Я бы и не догадалась без тебя,

— Ой, мама, не серчай! — Райка чмокнула мать в щеку. — Приходи, когда Митька не будет спать. Он такой потешный... Вот проснется, а бабушка...

Последних слов Зинаида Трофимовна уже не слышала, она сидела в машине, и Федя прогревал мотор.

Она потом смотрела на раскисшую впереди дорогу, прикидывая в уме, сколько дел ей надо сегодня сделать и куда попасть. Часы показывали без двадцати минут двенадцать. Федя лениво крутил баранку, ехал не торопясь, хотя дорога позволяла. Зинаида Трофимовна хотела сказать, чтобы прибавил скорость, но передумала, ничего не сказала. Что у нее за день такой сегодня — всех подгоняй да упрашивай! Так нет же, не будет она подгонять, пусть едет как хочет!

Она опять стала думать о Райке. Какая была работница — веселая, быстрая, проворная. Не многие равнялись с ней на ферме. Пришла после десятилетки, а через год в районе разговоры про нее шли как о самой передовой. Казалось, нашла девка работу по душе. «Мама, мама, вот увидишь, я добыюсь такого рекорда, ты только смотри, чтобы никаких потачек, чтобы корма давали вовремя...» Потачек не было никому, но появился чернявый, тонкий, как гвоздь, прапорщик Жора Газаев. Быстро скрутили свадьбу, а через полгода ушла Райка с фермы, забыв про обещанные рекорды. Сидит теперь дома с Митькой, роется в тряпках, фотографируется для альбома, заводит магнитофон с колесиками, слушает дурашную музыку и покрикивает на Жору.

«Эх, Жора, Жора, грозный прапорщик!..» — качает головой Зинаида Трофимовна.

ГЛАВА ПЯТАЯ

За болотистой лощиной, которую форсировала рота Богачева, километров пять тянулся кустарник — ивняковые да ольховые заросли. Этот кустарник окаймлял большую холмистую, с перелесками, равнину, по одну сторону имевшую возвышение, обозначенное на картах цифрами «36,8».

Обзор с высоты был прекрасный.

К двум часам рота укрепила позиции на склонах. Бро-

нетранспортеры, зарывшись в землю, стояли на отведенных рубежах, готовые открыть огонь. Прибыл обед. Капитан Богачев, довольный своими подчиненными, осматривал расположение огневых точек в третьем взводе. Солдаты, за исключением тех, кто дежурил, отдыхали в палатках, в наспех оборудованных шалашах, приводили в порядок обмундирование, сушились. Удачно совершенный марш и переход через болото радовали солдат. Со всех сторон доносились голоса.

— А я думал: завязнем. Ступить нельзя было, как вязко.

— Ты думал! Индюк тоже думал.

— Подполковник со мной рядом стоял, говорит...

— Замполит, что ли?

— Ну да. Говорит, во время войны солдаты почище этого болота брали.

— Конечно брали.

Богачев осмотрел позиции взвода, поглядел вверх, на небо, и направился к себе. За ним следом шагал Саруханов. Капитан Богачев похвалил его за форсирование и за порядок во взводе. Поэтому на лице у Саруханова то и дело возникало довольно-радостное выражение, которое он всячески старался скрыть от окружающих.

— Впереди у нас еще много работы, — сказал задумчиво Богачев по поводу учений. — Поэтому главное сейчас, чтобы люди не расслабились. Не раскисли. Понял? Держать людей в готовности...

Курносое и бровастое лицо капитана Богачева и вся его мощная, крепкая фигура с широкими плечами и крепкими мускулами ног выражали решительность и строгость. Однако и в его строгом лице тоже просвечивало такое же радостное выражение, появлявшееся как бы против воли хозяина.

Услышав голос ротного командира, подошел лейтенант Жернаков, подкручивая, по обыкновению, свои черные усики. Глаза Жернакова блестели от возбуждения.

— Уж не перепутали ли мы все карты командования? — сказал он Богачеву после официального доклада. — Никто, наверно, не рассчитывал на такой быстрый переход.

— Ничего, ничего, — добродушно ответил Богачев. — Не торопись. Главные дела впереди. Роговик! — крикнул

он старшине, заметив его около палатки. — Проверяешь? Хорошо, хорошо! Занимайся своим делом.

И он поднял тяжелую руку, помахал одобрительно, довольный хозяйственностью своего старшины, который сконструировал и изготовил для похода очень удобные легкие палатки. Их можно быстро раскинуть и так же быстро собрать. Хорошо получилось с палатками. Молодец старшина!

К трем часам небо на горизонте чуть посветлело. На взгорок выкатил зеленый, с оранжевыми пятнами на бортах, вездеход. Переваливаясь неуклюже по кочкам, он подъехал к позициям роты. Из люка, когда вездеход остановился, выскочил незнакомый лейтенант в походной форме. Осмотревшись, он направился строгим шагом к Богачеву.

— Товарищ капитан...

Богачев стоял около палатки, он был не один: рядом — лейтенант Жернаков, старший сержант Саруханов, — все в накинутых на плечи коробящихся плащ-накидках. Однако Колотов сразу догадался, кто тут старший, и, более того, он понял, что старшему уже известно о его прибытии.

Рукопожатие Богачева было твердым, жестким. Он представил Колотову стоявших рядом командиров:

— Лейтенант Жернаков, старший сержант Саруханов.

— Здравствуйте, товарищи! — сказал Колотов.

Богачев еще раз колко и быстро поглядел на прибывшего — ничего не отразилось в этот миг на лице ротного командира: ни радости, ни удивления, ни сожаления. Но Колотову и этого взгляда было достаточно, чтобы ощутить, какой нрав у его начальника. «Серьезный мужик, кажется. Не шурши». Зато Жернаков разглядывал Колотова с откровенным любопытством, с неприкрытой бесцеремонностью, покоровившей неприятно Колотова, однако он не считал себя вправе обижаться, понимая, что именно так и должны разглядывать новичков старые гарнизонные служаки.

А в глазах Саруханова, узких и чуть раскосых, к любопытству, которое они выражали, примешивались смущение и неловкость, будто он был виноват в чем-то, что-то не выполнил, хотя обязан был выполнить. И возможно, для того чтобы скрыть эту неловкость и смущение, Саруханов стоял к Колотову боком и очень внимательно

изучал угол палатки, морщинившийся от упиравшегося в него ольхового сучка.

— У нас тут по-походному, лейтенант, — сказал Богачев и тоже поглядел на морщинившийся угол палатки. — Так что не будем держать долгие речи. Сразу приступим к делу.

И, повернувшись, он направился в палатку и позвал за собой остальных.

В палатке он сбросил с себя плащ-накидку и крикнул: — Максименков!

Тотчас же рядом зашуршало, слышались шаги, полотноще раздвинулось. Однако войти в палатку солдат не успел — в проеме лишь показалось его лицо.

— Быстро в третий взвод, Максименков! — сказал Богачев. — Пусть готовятся к построению.

— Да я сам лучше пойду, — сказал Саруханов и встал; тут же, словно вспомнив что-то, приложил руку к фуражке и отчеканил: — Разрешите, товарищ капитан, отправиться в распоряжение взвода?

Неулыбчивый Богачев кивнул и, когда Саруханов вышел, сказал:

— Заместитель командира взвода. — Он откашлялся и пояснил: — Ваш заместитель, товарищ Колотов. — Потом еще помолчал немного и добавил: — Два месяца исполнял обязанности командира.

В палатку вошел старшина Роговик. Богачев представил его Колотову и тут же углубился в бумаги, которые Роговик принес на подпись. На какое-то время командир роты забыл о Колотове, он заспорил со старшиной по поводу недополученного ИЗ.

— Половина четвертого, — вполголоса еказал Жернаков, взглянув на часы. — Уже половина четвертого. — Повернувшись, он снова стал разглядывать в упор Колотова: — Откуда родом, лейтенант?

— Родился на юге. Город Мариуполь. Но жил там недолго. А вы?

— А я из Перми. — Жернаков провел пальцами по усикам. — Помните, у Горького: «Пермяк — солены уши».

Колотов не помнил, но кивнул головой.

— Какое училище закончили?

Колотов назвал.

— Так, — вздохнул Жернаков, продолжая разглядывать новичка. — Хорошо. С жильем как устроились?

- Обещали комнату в Лужанах. Пока временно...
- Временно. Так, так... — покивал Жернаков. — Вы один?
- Один, — сказал Колотов.
- Ну, одному ничего, — успокоил Жернаков.
- А вы?
- У меня семья.
- Понятно. А служите тут давно?
- Давно.

Какая-то странная нота прозвучала в голосе Жернакова, когда он сказал «давно», но Колотов так и не понял, что она выражала: то ли недовольство, что находится здесь давно, то ли безразличие. Колотов не успел об этом подумать, как Жернаков обратился к нему с новым вопросом:

- Чего это вас сюда?
- А что? — удивился Колотов.
- Да так, между прочим, — замялся Жернаков и переменил тему: — Мы сегодня в два часа ночи снялись. Представляете? Проливной дождь и все правила маскировки. Представляете?!

— Представляю, — сказал Колотов. — В училище приходилось.

— В училище! — Жернаков усмехнулся. — В училище была малина, а не жизнь. Погодите-ка! — Он прислушался, о чем говорили Богачев со старшиной, затем махнул рукой и, глядя Колотову прямо в глаза, добавил: — Жаль, что вам не пришлось сегодня форсировать болотину. Ну, все еще впереди. Успеете...

— А какая задача? Что предстоит нам? — спросил Колотов, старавшийся не выделять слово «нам» и произвольно все-таки подчеркнувший его.

Жернаков усмехнулся уголками губ, поглядел на своды палатки:

— Как обычно. Ну что вы, не знаете?

— Понимаю, — протянул Колотов со вздохом. Про себя подумал: «Ломается чего-то, воображает». По первому впечатлению Жернаков ему не понравился.

Наконец капитан Богачев закончил обсуждение хозяйственных вопросов со старшиной Роговиком. Все распланировали, все уточнили: где быть летучке, где сапожнику, как распределить взрыв-пакеты... Капитан Богачев прошел медленно в конец палатки, потом тут же

вернулся, о чем-то подумал и, обращаясь к Колотову, сказал тихо, будто самому себе:

— Что ж, Сергей Павлович, пойдете. Представлю вас взводу, которым вам предстоит командовать.

Они вышли из палатки.

* * *

Взвод — две шеренги солдат в походном обмундировании — стоял в березняке. Лица Колотов плохо различал, все солдаты казались ему одинаковыми.

Капитан Богачев прошелся вдоль строя, подал команду «Вольно» и сказал:

— Лейтенант Колотов Сергей Павлович назначен командиром третьего взвода. С сего часа он вступает в эту должность. — Подождал немного, оглядывая строй, и добавил: — Вопросы есть?

Строй безмолвствовал. Какие могут быть вопросы, если солдаты впервые видят человека. Да и не та сейчас обстановка. Видимо, капитан понял, что вопросов не будет, и тут же резко скомандовал:

— Взвод, смирно!

Колотов вздрогнул от неожиданности, замер: он не знал, что произойдет дальше, — он все еще переживал то особое, первое и, может, оттого самое торжественное чувство соприкосновения с теми, о ком он думал прошлую ночь в вагоне поезда и кто теперь стоял перед ним и в упор разглядывал его.

— Старший сержант Саруханов, два шага вперед!

Вышел, четко отбивая шаг, Саруханов.

— За отличное исполнение службы объявляю благодарность старшему сержанту Саруханову!

— Служу Советскому Союзу!

Колотов стоял рядом с Богачевым, смотрел вперед: все правильно, объявлена благодарность Саруханову, который командовал взводом до него. «Конечно, так и должно быть, чтобы человек не подумал чего-нибудь такого... Все правильно». Колотов видел улыбки на лицах солдат — они тоже довольны — и вдруг понял, до сознания его вдруг с особой ясностью остро дошло, что, после того как его, Колотова, представили взводу, солдаты только и ждали от командира роты одного — благодарности для Саруханова. «Вот в чем штука: они его любят, — подумал Колотов. — Любят...»

Капитан Богачев дал команду «Разойдись!», распустил строй, хотя Колотов рассчитывал, что после «торжественной части» он обратится к солдатам с короткой речью. Должен же он что-нибудь сказать при вступлении в должность. Однако в следующее мгновение он был рад, что все получилось именно так. Солдаты окружили Саруханова, о чем-то спрашивали его, шутили, пожимали руку. Для них событием был не факт вступления Колотова в должность командира взвода, а факт ухода с этой должности Саруханова. «Жалеют, наверно. Привыкли... А я для них — вещь в себе, чужой, посторонний человек», — размышлял Колотов, ощущая прямо физически, как ползет, разливается в груди чувство, к которому он не питал уважения. Чувство это — зависть. Он сейчас завидовал Саруханову.

Богачев посчитал процедуру представления нового командира взвода законченной, козырнул и отправился к себе — к нему уже снова прибегал Максименков с какими-то бумагами. Колотову он не сказал больше ни слова, по-видимому решив, что новый командир должен теперь действовать самостоятельно. Наверно, правильно решил. Армия — не детский сад, где водят за ручку. Столько лет учили — теперь пришла очередь отчитываться. Командуй. Покажи на деле, что ты есть за человек и почему тебе присвоено офицерское звание. Колотов невольно улыбнулся далеким своим мыслям. В этих несегодняшних мыслях планировался душевный разговор с командиром роты — про учебу в училище, про курсантские напряженные будни, про гарнизонные наряды... В ротной канцелярии, в строгой тишине, под проницательно-добродушным, мудрым взглядом командира роты... А капитан Богачев повернулся и ушел, тяжело поводя широкими плечами, будто пробираясь сквозь толпу; у капитана Богачева за полчаса-час на лице ни разу не мелькнуло благожелательно-мудрого выражения, которое планировалось Колотовым. На лице у капитана Богачева были написаны властность, твердость, сдержанность; ни морщинки не было на его загорелом лице. Прибыли для прохождения службы? Очень хорошо. Проходите же тогда эту службу и не надейтесь, что с вами будут тут нянчиться.

Сырой, неуютный березняк покачивал вокруг мокрыми ветвями. Стояли небольшой группой солдаты и разговаривали с Сарухановым; пользуясь случаем, удлиняли

передышку, раскуривали по второй сигарете. Гудел где-то вдалеке мотор, и казалось, целая вечность миновала, как Колотов уже находится здесь, но прошел всего лишь час, всего лишь час.

«Серьезный, однако, мужик, — подумал Колотов снова про командира роты. — С первого дня учит...»

Ради справедливости следует сказать, что Богачев был очень недоволен решением заменить Саруханова. Нет, нет, у Богачева не было претензий лично к Колотову. Конечно, на взводе полагается быть офицеру. Но вводить человека на должность во время учений — тут, извините, непонятно, какая такая необходимость. Ну, не справлялся бы Саруханов — тогда другое дело. Так нет же, все шло отлично! И вдруг новый человек, которого совсем не знаешь. Не рискованно ли? Последнее соображение Богачев даже командиру полка высказал. После удачного рывка через раскисшее от дождей болото Богачев решил, что он может сказать Ключеву о своих возражениях. Полковник Ключев даже размышлять не стал. «Вы что же, и на войне стали бы ждать подходящего момента?» Вот и весь разговор. Сказал — как отрезал. Беседа с Ключевым велась по радию, много не наговоришь. У Богачева до сих пор не улеглось раздражение, и, возможно, именно это раздражение отразилось на том, как Богачев встретил прибывшего в роту лейтенанта.

Колотов стоял в одиночестве и смотрел на солдат, окружавших Саруханова. Неизвестно отчего, но ему вдруг стало жарко. Он провел ладонью по подбородку, оттянул воротник, поправил лежащий безукоризненно под погоном ремень портупей.

— Товарищ старший сержант!

Саруханов поглядел вокруг, как бы убеждаясь, что зовут именно его. Потом двинулся не спеша к Колотову.

— Может, посмотрим позиции?

— Пойдемте, — кивнул головой Саруханов. Оглянувшись назад и крикнул: — Гусев, Аникеев, по местам!

Огневой рубеж находился метрах в полтораста от березняка.

Они двинулись к нему тропинкой, проторенной между деревцами, по гладко причесанным травяным кочкам; пересекли исхлестанную колесными шинами дорогу, ступили в перелесок, где из-под каждого куста выглядывали рыхлые, большие, как листья лопуха, шляпы чернушек.

И пока они шли, Колотов напряженно думал, как повести себя с солдатами, что сказать, о чем спросить. Очень хотелось не ударить лицом в грязь, и вместе с тем он боялся впасть в крайность. «Сейчас за каждым моим взглядом, за каждым моим жестом наблюдают. К каждому слову прислушиваются. Лучше промолчать, чем наговорить глупостей».

Минуты три спустя они подошли к окопу. У края бруствера сидел солдат в плащ-накидке. Бруствер густо утыкан еловыми лапами, среди них — каска. Солдат держал в зубах, покусывая, травяную былинку и смотрел в поле. Заслышав шаги, он обернулся, расправил узкие плечи, вздернул подбородок. У солдата были голубые насмешливые глаза.

— Рядовой Илюшечкин ведет наблюдение! — доложил он.

Рядовой Илюшечкин на построении взвода отсутствовал, но был в курсе происшедших перемен. Его глаза испускали зайчики, свидетельствовавшие, что Илюшечкин — большой охотник до разных перемен.

Колотов отдал честь и неторопливо спустился в окоп, прошел из конца в конец, оценил глубину, потом стал внимательно разглядывать раскинувшееся впереди поле и кустарник.

— Все в порядке, товарищ Илюшечкин?

— Все в порядке, товарищ лейтенант.

— Какие объекты держите под наблюдением?

— Под особым наблюдением у меня кустарник, товарищ лейтенант.

— А почему каска лежит на земле? Почему вы без каски, товарищ Илюшечкин?

Илюшечкин неуклюже привстал над бруствером, достал каску, плащ-накидка его задралась, открывая тощие ноги.

— Голова устала, товарищ лейтенант. От каски голова у меня устает.

— Что? — Колотов посмотрел на солдата в упор. — Если снимете еще раз каску — получите взыскание.

И тут же, положив правую руку на край окопа, Колотов пружинисто вскинул свое легкое, натренированное тело наверх, на землю. Ни слова больше не сказав ошеломленному Илюшечкину, двинулся дальше. «С этим пар-

нем придется повозиться, — думал он. — Чует мое сердце — придется...»

Саруханов шагал рядом. Они прошли несколько шагов по открытому месту и скрылись в березняке, который послушно расступился перед ними.

Заморосило. В нагнетающей тишине были слышны удары капель по глянцевиной листве.

— Очень трудно бывает настроить человека психологически, — сказал Саруханов, нарушив молчание. — Человек чувствует условность обстановки, как бы ты ее ни оговаривал, как бы ни обставлял. Все равно он знает: идут учения, и только.

«Это он насчет Илюшечкина, который был без каски», — подумал Колотов.

— Конечно, есть еще дисциплина, — добавил Саруханов.

— Мне кажется, что в конкретном случае речь должна идти как раз об этом, — сказал Колотов ровным, спокойным голосом. — У парня, по-моему, нелады с дисциплиной. Или я ошибаюсь?

— Да нет, не ошибаетесь, — усмехнулся Саруханов, запахиваясь плотнее в плащ-накидку.

Колотов подождал, не скажет ли Саруханов еще что-нибудь про Илюшечкина. Но тот молчал. Шел чуть впереди, зорко поглядывая по сторонам, и, возможно, ждал вопросов от лейтенанта. Или думал о чем-то своем, совсем не касающемся этого поля, болотины и занятых взводом позиций. Разве не мог Саруханов думать сейчас о чем-нибудь совершенно постороннем?

И опять Колотов едко посмеялся над собой. Ну, интуиция!.. Дома, в поезде, в тряской «Колхиде» пытался представить своего заместителя и не угадал. Даже близко ничего похожего на воображаемые картины. Виделся ему в тех представлениях некий широкоплечий, с круглым добродушным лицом крепыш сержант, с которым он ведет беседу где-то в укромном уголке — то ли на плацу, когда он пустынен, то ли в клубе, а может, в курилке. Сквозь плавающие космы сигаретного дыма хорошо говорить человеку, чего ты, собственно, хочешь. Какие планы строишь. Что ты наметил. Ты делишься замыслами, раскрываешь заманчивые перспективы. Ах как вспыхивали, как горели в тех представлениях яблочные щеки крепыша сержанта! Каким рвением были полны глаза! Сколько

было повторяющихся «Есть! есть! есть!», произнесенных на разные голоса, с разными оттенками силы, но с одинаковой готовностью исполнить немедленно, в наикратчайший срок указания подкованного всеми науками лейтенанта!

Честно признаться, Колотов сейчас и сам не мог понять, как могла втемяшиться ему в голову такая белиберда. Вот шагает рядом старший сержант Саруханов. У него умное, спокойное, полное достоинства лицо. Он знает свое дело, он хорошо исполняет его. Если бы вдруг Колотов не приехал — ничего бы чрезвычайного не произошло, ровным счетом ничего.

— Знаете что, Саруханов, — сказал, помолчав немного, Колотов, — я ведь только начинаю службу в полку, мне будет трудно, если вы не поможете. Я на вас очень рассчитываю, понимаете?..

Говоря это, Колотов напряженно смотрел Саруханову в лицо. Для него был сейчас очень важен этот разговор.

— Само собой разумеется, товарищ лейтенант, я буду делать все... Если бы вы даже не просили, я бы все равно действовал так. Да разве можно иначе, товарищ лейтенант? — сказал Саруханов просто.

В березняке зашелестела листва, тронул тонкие стволы ветер, толкнул в спину Колотова, потом развернулся и ударил спереди, закрутил, заиграл полами плащ-накидки. Веселый, добрый ветер.

У окопа, ловко скрытого кустарником, Саруханов представил Колотову сержантов Гусева и Аникеева. Первый был низкоросл и плотен, с открытым большим лбом, с глазами чуть навывкате. Второй, Аникеев, — высок и статен до изящества. По едва заметному различию интонаций в голосе, с каким Саруханов говорил с сержантами, Колотов заключил, что его заместитель благоволит больше к Гусеву.

«Еще два моих помощника, — думал Колотов, поглядывая то на Гусева, то на Аникеева. — Каковы они? Что представляют собой эти два парня?»

Они обошли позиции взвода дважды.

И хотя существовал порядок: старший по званию идет впереди, — они нарушили этот порядок; впереди шел Саруханов — он тут знал все, по его указаниям тут рыли окопы, устраивали ячейки для пулеметов, он был в от-

вете за глубину ячеек, за ширину бруствера, за маскировку, за выбор сектора для обстрела. А лейтенант Колотов шел следом за ним, присматривался, уважительно поглядывая на чужую работу.

Когда они достигли места, где траншея огибала высоту, Колотов постоял немного, посмотрел в пространство, покрытое кустарником и отделявшее их от болота. Саруханов без слов понял лейтенанта и показал на пулеметные точки — полоска кустарника и край болота были на их ответственности. Колотов кивнул, они повернули назад и зашагали молча, как бы еще раз оценивая свое траншейное хозяйство — насколько оно соответствует задаче.

На гребне, откуда тянулся ход сообщения в лесок, они сделали перекур. Отсюда на холмистую равнину открывался широкий простор.

Сергей Колотов был городским жителем. Но всякий раз, попадая в лес или в поле, он не переставал удивляться цвету травы и разным запахам и как-то по-детски реагировал на голоса птиц. Хотя осенняя трава, ее цвет и запах были для него просто запахом и цветом лесов и полей, он не воспринимал их в раздельности, как это умеют делать исконно сельские жители, которые знают, как пахнут полевая кашка, шиповник, колокольчики, ромашка... Зато он, Колотов, сильнее ощущал свежесть воздуха, покой...

Колотов стоял и глядел вокруг, и Саруханов стоял рядом, не зная, не догадываясь, что же такое привлекло внимание лейтенанта, и в недоумении прикидывал, не допущена ли им какая ошибка. После ночного марша и беспокоев на болотине простирающаяся впереди равнина была для Саруханова всего лишь плацдармом, на котором скоро придется показывать свое искусство и выучку, идти в атаку или отбиваться от наступающих.

Тихо похрустывали опавшие листья под ногами. У березы Колотов нагнулся, чтобы сорвать ветку с багрово-черной неведомой ягодой, и в это время над лесом разнеслись далекие унылые звуки. Он выпрямился. В низком небе изящным изгибающимся клином летели птицы.

— Журавли, что ли? — спросил Колотов.

— Журавли, — ответил Саруханов.

Запрокинув голову, Колотов проследил за ними. Мгновение — и клин скрылся в серой мгле неба, только еще слышалось далекое курлыканье.

— Полетели до дома.

— Что? — очнулся Колотов.

Саруханов показал рукой в небо:

— Я говорю: полетели домой...

— А где у них дом?

— В теплых краях, должно.

Синий тонкий дымок струился от сигарет. Колотов не спеша затягивался, какое-то внутреннее чувство подсказывало ему: надо побыть наедине со старшим сержантом, поговорить о посторонних делах — не о взводе, а о чем-то другом, и тоже близком.

— А ваш дом далеко?

— В Москве.

— В отпуске были?

— Нет. Летом можно было поехать, да прошляпил, не проявил активности.

— Чего же так?

— Так получилось! — Саруханов блеснул глазами и отвернулся.

— Может, теперь получится? — спросил Колотов.

— Да чего уж теперь! — Саруханов глянул куда-то поверх кустов. — Какой уж там отпуск! В мае — срок.

— В мае? — переспросил Колотов и качнул головой. — Действительно, осталось немного.

Он замолчал, поглядев вперед, на пологие холмы, на низкорослый кустарник, который начал почти незаметно для глаза отчетливо прорисовываться. Небо светлело, налетел ветерок, и Колотов глотнул этого ветерка, подумав снова о необъятности Родины, о том, что холмистое пространство перед ним — это теперь его дом, боевая позиция взвода. Резким, профессиональным взглядом он обещал зубчатые выступы траншей, вырытых по склону с расчетом на внезапный ядерный удар «противника», и остался доволен своим земляным хозяйством.

* * *

Цепочка солдат в касках, с автоматами в руках заняла окопы справа и слева. Рота, развернутая в цепь, сосредоточилась у подножия высоты 36,8 в ожидании сигнала к атаке.

«Главное, чтобы рывок был стремительный, четкий... — подумал Колотов. — Как ловко, бывало, совершал бросок из окопа курсантский взвод».

Колотов оглянулся и увидел шагах в пятнадцати от себя капитана Богачева. Он стоял позади и держал в руке фляжок. Взгляд его был устремлен куда-то далеко вперед, и создавалось впечатление, будто капитан Богачев ждал оттуда сигнала, чтобы, приняв этот сигнал, дать команду всей роте.

Колотов всегда с особым чувством отсчитывал эти секунды перед атакой — еще в годы пребывания в училище, на тактико-строевых занятиях, он испытывал особое волнение, когда звучала команда: «Приготовиться к атаке!» Ему не довелось быть на войне, он только слышал о ней от отца, видел ее в кинофильмах, читал в книгах. Но вот раздавалась команда: «Приготовиться к атаке!» — и какое-то извечное, жившее в нем, по-видимому, с рождения чувство близости, родства с теми, кто поднимался в атаку и брал приступом днепровский плацдарм, кто шел на Зееловские высоты, форсировал Вислу, — это чувство обострялось в нем с невиданной силой, вызывая жаркий холодок в груди. Да, он, конечно, знал: атака учебная, даже артподготовки не будет — их задача в максимально короткий срок достичь рубежа на взгорке. Достичь по всем правилам современной военной науки.

Где-то слева раздался глухой хлопок — разбрызгивая вокруг блестящую пыль, ракета описала дугу.

— Вперед! — крикнул Колотов, с удовольствием отмечая про себя, что цепь солдат его взвода дружно развернулась в боевой порядок.

Короткими очередями застрочили пулеметы.

— Вперед! Вперед! — опять прокричал Колотов и, выпрыгнув из окопа, побежал по кочковатой сырой земле.

Минута, вторая, третья...

— Ура! Ура!

Мелькали впереди и сбоку каски солдат, спешно устанавливавших пулемет. Интервалы между солдатами то сокращались, то увеличивались. Иногда кто-то отставал, и до ушей Колотова доносился голос Саруханова, подбадривавшего или сердито упрекавшего отставших. Колотов певольно подумал: сколько пройдет времени, пока он также, как и старший сержант, будет знать людей своего взвода? И как это сделать лучше и быстрее.

— Ура! Ура! — кричали по фронту.

Колотов бежал вместе со всеми, изредка поглядывая назад и влево, где следом за цепью солдат шел капитан

Богачев. И вдруг сердце его тревожно забилося, сухо стало во рту. Позади Богачева, в двадцати метрах от него, шагал отец — те же слегка сутуловатые плечи, тот же твердый и резкий поворот головы, грузноватая от старости походка. Отец будто догонял ушедшую вперед цепочку солдат. Колотов на мгновение застыл, вглядываясь до боли в глазах. Но мираж уже исчез. Позади Богачева шагали два человека, и одного из них Колотов узнал: это был полковник Ключев.

Тут же разнеслась команда: «Приготовить гранаты!»

Напряженная минута. Колотов теперь в одной линии с солдатами, зорко глядит вправо и влево. Солдаты действуют четко, быстро.

Последние метры. Темп нарастал. Шаг! Второй! Третий! Руки отведены для взмаха...

— Ура!

И неизвестно откуда взявшаяся неподвластная Колотову сила вдруг приблизила к нему все, за чем он еще несколько минут наблюдал как бы со стороны: и окоп, и равнину впереди с кустарником на взгорке, и солдат, напружинившихся в броске...

Жернаков оказался прав, когда говорил, что предстоит обычное дело. Была дана команда отойти на исходные. Хмуро-сосредоточенный, напряженный, мокрый, Колотов шагал к окопам. Взвод вступил в знакомый березнячок. Солдаты приглушенно переговаривались между собой, и так же приглушенно шелестела листва на кронах деревьев. Ветра не было, но березы шелестели, и Колотов слушал этот шелест, чувствуя, как прерываются мысли и затухает возбуждение после атаки. Время будто остановилось для него. И сам он вдруг потерял ощущение конкретности окружающего — он находился тут, в молодом березняке, у высоты 36,8, над головой его висело низкое дождливое небо, а в глаза ему светил далекий апрель. И шелестящие березы будто неторопливо повторяли давнее, и сам он оказался неожиданно у окна в городской квартире и глядел на затихающую городскую улицу, а за солдатской цепью мелькнули до боли знакомые сутуловатые плечи отца...

Оглянувшись, Колотов понял, что солдаты изготовились к новому броску, что никакого апреля нет, а на сырую землю с березовой листвы падает мелкий, противный дождь — вот откуда это шелестение кроны, — и рав-

нина впереди подернулась седым туманом, как в измороси. Между деревьями причудливо поблескивал полосатый борт бронетранспортера, от земли тянуло волглой сыростью, чавкала под ногами грязь. Сердитыми голосами перекликались сержанты. Новая атака, новая атака...

— Надо же, как похож на отца, — пробормотал Колотов, вспоминая недавний мираж, и вздохнул. — Как во сне...

ГЛАВА ШЕСТАЯ

В ту памятную весну апрель был теплым и солнечным. Вековые липы на набережной распускали свои немыслимо пахучие почки, разнося вокруг дурманяще-пряный аромат. Лучи солнца били в окно, однако Сергей Колотов старался не видеть, не замечать их: с утра до полуночи он просиживал за учебниками, готовясь к последним школьным экзаменам. Школьные экзамены на аттестат — это первая зарубка той теплой весны. А вторая — отец.

В конце апреля выписался из больницы отец, который находился там с середины марта. Однако возвращение отца домой отнюдь не означало, что он выздоровел. По-прежнему он почти не вставал с дивана и часто, отчаянно задыхаясь, кашлял. Мать, возвратившись вечером с работы, ходила с темными кругами под глазами от бессонных ночей, хотя старалась говорить бодрым, громким голосом, который еще больше усугублял тревожное настроение.

Сергей продолжал свои ежедневные занятия. У них была лишь одна, хоть и большая, комната. Прерывистый, с хрипотцой, кашель отца за спиной часто заставлял Сергея прочитывать по пять-шесть раз одну и ту же страницу учебника. Знакомые формулы и старые задачи, которые раньше легко решал, сейчас казались хитроумными ребусами. Иногда Сергей просто не мог сказать, о чем он только что прочитал на той или иной странице: мысли его витали в тот момент непонятно где. В редкие же часы тишины и покоя, которые наступали у отца после приема сильного лекарства, Сергей вдруг ловил на себе его пристальный и кажущийся очень собранным взгляд; отец как бы спрашивал сына о чем-то очень важ-

ном, решающем. Сергей часто ощущал на себе этот взгляд, но всегда делал вид, будто ничего не замечает.

Он в тот день открыл старый-престарый учебник по геометрии. Раздел о трапециях был густо насыщен чертежами, а в тексте повторялись стереотипы: «Если из точки «А» провести прямую линию в точку...» Сергею не хотелось проводить прямую ни из точки «А», ни из точки «Б»... Вот такое было настроение. За окном сияло теплое весеннее солнце, которое чуть ли не топилось в стекле.

Позади, прикрывшись старым платком, лежал на диване отец, читал газеты. Кажется, ему сегодня было лучше — он меньше кашлял, не глотал без конца таблетки, а самое главное — размышлял вслух, что считалось хорошим признаком.

— Представь, — отец пошуршал газетой, — не разрешили положить венки на могилы погибших. А ведь за них, за их землю сложили наши ребята голову.

— Где это, папа? — спросил Сергей не поворачиваясь.

— В Китае.

— В Китае? — переспросил Сергей и пожал плечами. — Ну и номера!

Отец помолчал, потом ворчливо заметил:

— Что это — цирк, что ли? Номера...

— Так говорят, папа, — ответил Сергей. — Когда что-то несуразное, то говорят: номера.

Отца, однако, объяснение сына не удовлетворило. Он продолжал яростно шуршать газетой, разглядывая ее то с одной стороны, то с другой.

— Тоже, понимаешь, словечками бросаетесь, — сказал он. — Вникнуть надо, что это такое... А ты — номера...

Сергей на это ничего не ответил, давно зная, что отец болен и что нервы его расстроены до предела.

— Ты про Сталинград читал? — спросил отец после небольшой паузы. — Про бои за Сталинград?

— Конечно читал. И в кино ходил, кинофильмы видел. — Сергей круто повернулся к отцу: — Ты что, папа, такие вопросы задаешь? Кто же про Сталинград не знает?

— Ладно, ладно, — отец напряженно сощурился. — Не расходишь. Мне совсем про другое хотелось у тебя узнать.

— Ну, спрашивай.

— Ты вот скажи, можешь ты представить, какую от-

ветственность нес там, в Сталинграде, каждый боец и командир?

— Примерно могу.

— Можешь ты представить, какую ценность имел там каждый боец, каждый опытный, смелый командир?

— Ну, конечно...

Сергей внимательно смотрел на отца, стараясь понять, куда тот клонит, задавая свои вопросы.

— На вес золота! — Отец привстал на диване и погрозил кому-то рукой. — Что там золото! Нет такого металла, чтобы можно было сравнить... Каждый боец, каждый командир на вес золота — это, я тебе скажу, целое подразделение, это — участок фронта. Фашисты тогда лавиной шли как оголтелые, а на берегу наши оборону держали: где полк, — считай, батальон едва наберется. Где батальон — там едва-едва роту скомплектуешь. А что такое взвод? Видимость одна. Отделение. А называлось — взвод. Зато рубеж — как у взвода:

Отец передвинул подушку, спустил ноги на пол и, подавшись вперед, заговорил горячо:

— Вот какое время было. Каждый человек на счету. А моего товарища, майора артиллерии Федченко, командировали, между прочим, на восток. Он уехал, и я позже, через год примерно, узнал: в Китай уехал, на помощь нашим товарищам отправился, чтобы за народную республику биться. Нам тогда и переписываться не пришлось. После войны, когда уж фашистов разбили и на востоке был полный мир, я тогда получил известие: погиб майор Федченко. Соображаешь?

— Понимаю.

— Он погиб. А на его могилу нельзя прийти. Почтить... Это как? Порядок?

— Папа, я не хочу, чтобы ты расстраивался. Ты ведь все хорошо знаешь, что и как, — сказал тихо сын.

— Знаю, знаю, — согласился грустно отец. — Но как вспомню майора Федченко, так и не по себе мне делается. Какой человек был! Умница. А душа какая! Все отдаст для товарища. Командование ценило его очень, а командировало. Соображаешь? Братство. Брат помогает брату, когда ему трудно... Мешаю вот тебе сегодня...

— Да ладно, папа, успею.

Конечно, у Сергея оставалось мало времени — в обрез, а материал по предмету обширный. Тут бы сидеть над

книгой как проклятому, не поднимая головы. Но отец в последнее время так редко бывал разговорчив. Так редко бывал в приподнятом настроении. Все молчит да о чем-то думает. Молчит, думает, кашляет.

— Я понял, папа.

— Понял? Вот и хорошо, — отец улыбнулся и вдруг надсадно закашлялся.

— Я сейчас принесу лекарство.

Сергей быстро встал из-за стола и торопливыми шагами направился в кухню. Микстура от кашля стояла в холодильнике. Он вернулся, неся в одной руке стакан, в другой — темную пузатую бутылку. Его лицо, синие глаза под пушистыми дужками бровей выражали тревожную сосредоточенность.

— Ты бы сидел, сынок, отвлекаешься.

Сергей налил в ложку микстуры, подал отцу и присел рядом на стул. Еще издали, на расстоянии, отец казался прежним — не так бросались в глаза худоба щек, дряблость кожи у подбородка. Но когда видишь все это близко, делается не по себе, тут особенно заметно, как изнурила, исхлестала, издергала его тяжкая болезнь. Лицо серое, ввалившееся, шея тонкая, кадык обнажился, нервно дергается. По бокам подбородка пролегли две глубокие горестные складки.

Сергей не выдержал и опустил глаза.

— Получше немного? — спросил он, когда отец выпил лекарство и лег.

— Ничего, ничего. Хорошо. Иди занимайся.

— Успеется.

Сергей не ушел. Откинулся на спинку стула, посмотрел в окно на синее небо, на белые пушистые облака, плывущие за крышей соседнего дома. В глазах его таилась озабоченность. Отец болен. Тяжело болен. А он, молодой, энергичный, ничем не может помочь. Какой ужас! Какая же геометрия ползет при этом в голову.

— Сколько тебе осталось? — спросил, отдышавшись, отец. — Предметов, говорю, сколько осталось?

— Три.

Помолчали.

— А дальше что? Не решил?

— Не знаю, папа. Окончательно не решил.

— Пора, Сергей.

— Сам знаю, что пора.

Сергей встал, прошелся по комнате. Остановился у окна.

С улицы незаметно заползала в комнату вечерняя синева. От нахлынувших мыслей о будущем, от частого отцовского капля беспокойно на сердце у Сергея. Выйти бы на воздух, походить по улицам, встретиться с товарищами. Но разве можно оставить отца одного!

Разговор в конце концов (в который уже раз!) перешел к его будущему — о чем же еще говорят родители с детьми в дни последних экзаменов в школе? Экзамены пройдут; школа — десять лет жизни — останется позади. А что впереди?

— Теперь время другое, папа, — сказал Сергей. — Возможностей разных много. У нас в классе Виктор Четунцов на киноартиста хочет учиться, а Николай Серегин с Мишкой Прохановым в авиационный институт думают податьсь, Генка Зернов — в энергетический. Никто о военном училище и разговора не ведет. Не знаю... На всю жизнь закабалить себя!.. Не знаю...

Отец все эти объяснения и доводы неожиданно принял на свой счет: что вот, дескать, он, в прошлом кадровый военный, полковник, а не смог даже собственному сыну внушить уважения к своей профессии. Чтобы сын его слушал такие речи — ишь ты: «закабалить», — и не только слушал, но и сам разглагольствовал! Сергей был не рад, что завел этот разговор. Попробуй объясни пожилому да больному человеку, что ты и твои приятели и в мыслях не имели намерения посмеяться над его профессией. Что они в расчет как-то не принимали, будто их слова покажутся кому-то обидными. Говорили как есть — кому что нравится, кто как думает. Выражений не подбирали. Разве это плохо? Но объясни-ка попробуй все это отцу!

На его счастье, с работы вернулась мать.

У Елены Петровны имелся свой ключ от квартиры, но она знала, что дома сын, и позвонила — два коротких звонка. Они жили давно одни, без соседей, но Елена Петровна привыкла: два коротких звонка — это ее пароль, кроме того, она любила, чтобы ее встречали.

Разговор отца с сыном о профессиях сразу же был забыт.

Отец, дабы не производить удручающего впечатления, приподнялся с дивана, сунул ноги в тапочки и пошел на кухню ставить чайник. Через минуту там зашумела под

краном вода, зазвенела посуда. Сергей хорошо знал, что отец делает это через силу, но остановить его не решался. Да тут такое поднимется!

Мать появилась в дверях, и по глазам ее можно было понять только одно: все вокруг распрекрасно и хорошо. Уже давно было принято у них в семье не интересоваться здоровьем отца, не спрашивать. Чтобы не фиксировать внимания на болезни. Чтобы не усугублять общего напряженного состояния. Всеми способами создавалась атмосфера спокойствия — внешним видом, поведением, разговорами, что никакого, дескать, опасения нет, что происходит самое обычное. Ну, приболел, ну, подзалежался, а что такого, разве уж и приболеть в его-то годы нельзя?

— Сережа, разверни! — громко и весело сказала мать. — Зашла в кондитерскую... Ох и пир у нас будет сегодня!

И сама за одну минуту переоделась, сполоснула руки под краном, прошла на кухню.

Отец орудовал на столе, расставляя посуду, резал сыр, укладывая его аккуратно на тарелку, ломтик к ломтику. Но, видимо, слабость одолевала его, он присел на стул, вытер лицо платком.

— Вот уж кухарничать тебе ни к чему, — сказала Елена Петровна. — Будто и без тебя не справимся. Да и торопиться нам некуда. Ну-ка, Сережа, подай отцу полотенце.

Она достала с полки красивый круглый поднос, разложила пирожные, обдала кипятком чайник и заварила чай, поставила на стол вазу и высыпала в нее из кулька конфеты.

Отец посматривал на мать с улыбкой и одобрением, но все же вопрос стоял в его глазах: ради чего задумано такое пиршество? Какая причина? Он перебирал в уме все известные и ставшие привычными даты: день рождения Елены Петровны прошел, день свадьбы будет осенью, день его собственного рождения, день рождения Сережки... Никак не мог он додуматься. Может, в школе у Елены Петровны какое событие.

— Что? Забыл? — ответила она на немой вопрос мужа. — А ну-ка припомни: что было двадцать пятого мая в одна тысяча девятьсот тридцать пятом году? Ну-ка, ну-ка, неужели забыл?

Сергей стоял на кухне и, улыбаясь, смотрел то на от-

ца, то на мать. Ему было тоже интересно узнать, что же произошло в тот майский день с отцом почти сорок лет назад.

— В тридцать пятом году я закончил училище, — задумчиво проговорил отец. — Досрочно, весной, нас выпустили. Если ты имеешь в виду эту дату, то ведь это прошло.

— Нет, я другую дату имею в виду, — сказала Елена Петровна.

Отец нахмурил брови, соображая, потом усмехнулся:

— Какую же еще? Ума не приложу, не могу вспомнить.

— А такую! — блестя глазами, сказала Елена Петровна. — Двадцать пятого мая в том тридцать пятом году ты приехал... Куда?

— Неужели?! — Отец даже привстал со стула, пораженный. — Неужели в этот день мы приехали с тобой в Заозерье?!

— Именно в этот день, Паща.

— Ну, Сережка, подвигайся ближе. Видишь, какая мать у нас памятливая. Ты знаешь, что такое Заозерье? Хотя откуда тебе знать! Это же мой сто восемнадцатый стрелковый полк — первое назначение после окончания военного училища. Ай да мать, ну и молодец!

— Как сейчас помню! — снова заговорила Елена Петровна. — Прибыли мы с тобой в это самое Заозерье. Фанерный чемодан — вот и весь багаж. А в чемодане мой летний сарафан, да тапочки, да смена белья. Приехали, а полк только устраивался, только начинал обживать место. Солдаты в палатках, а нас в командирское общежитие. Помнишь, обед готовили на улице, на кирпичиках. А дожди-то, дожди-то, бывало, всю комнатенку в бараке зальет.

— А на летних учениях полк, помню, получил отличную оценку, сам комбриг присутствовал, — сообщил как бы в противовес воспоминаниям жены Павел Иванович. Глаза у него разгорелись, лицо будто округлилось. Будто и не лежал час назад больной и разбитый.

— О себе чего не хвастаешь? — сказала мать и повернулась сияющим лицом к сыну: — У него, Сережа, взвод считался лучшим в полку. Самым лучшим! Командир полка — это само собой, комбриг приехал и лично благодарил отца за службу.

Сколько уже раз Сергей наблюдал за родителями, когда те начинали говорить о своей жизни в разных гарнизонах. И все равно не переставал удивляться. Как начнут вспоминать — обоих будто подменят. Лица разгорятся, глаза заблестят, голос изменится неузнаваемо — будто не много-много лет назад все это происходило, а недавно, вчера или позавчера.

Сергей часто задумывался, пытаюсь понять: что же такого особенного было в их той, далекой, жизни? Трудности сплошные, как послушаешь. Переезды, учения, дожди, скудный до минимума быт. А за что же они постоянно вспоминают то время, ту далекую жизнь? Неужели за то, что нелегко она доставалась им? Ведь в самом деле — очень нелегко.

Отец любил рассказывать о своем армейском прошлом. И всегда у него выходило так, что лучше той жизни, какую он себе избрал, и быть не может. Прямо, категорично, без каких-либо оговорок. А если трезво рассудить: что он получил от той жизни? Откуда его болезнь? Малярией и мать болела, потому что жить приходилось в местах, где комаров этих — тучи. Постоянные волнения, боевые тревоги, переезды из одного гарнизона в другой — да он сам, мальчишкой, еще застал это распрекрасное времечко. Две школы переменил, пока пять классов закончил. А они хвалятся не нахвалятся этой жизнью. Отец, когда уж совсем слег, то только и вел разговоры про лагерные сборы в сороковом году, или про Соловьеву переправу в сорок первом, или про весеннюю Прагу в сорок пятом. Войну отец закончил не в малом чине — майором. Но бродяжная жизнь для него с войной не прекратилась: бросали его то в один округ, то в другой — всюду он должен был что-то налаживать, закреплять, поднимать. О себе совершенно не думал. Многие военные за это время академии пооканчивали, в штабах при округе работают, в крупных центрах. А отцу все было некогда, все недосуг. На курсах каких-то побывал в пятидесятом году — вот и вся его академия. А ведь в конце концов это тоже сыграло свою роль: присвоили звание полковника, а выше ни-ни — образования не хватает. Вот во что обошлись ему бесконечные путешествия по гарнизонам, все эти горячие точки, куда его в срочном порядке тыкали.

Сергей щадил отца и никогда не говорил с ним об этом, но сам-то он считал, что с отцом поступили неспра-

ведливо. Валили на старого служаку всякую черновую работу, а в результате — отставка и тяжкая болезнь.

У Елены Петровны уже лицо покраснелось — вспомнила, как верхом на лошадях с отцом куда-то добирались (вон куда их занесло!). А сам отец тоже мыслями был со своими далекими ротами, которыми тогда командовал, со звуком трубы, разрывающим утреннюю лагерную тишину, с торжественными построениями на линейке, с раскатистыми командами старшин, ведущих свои подразделения в столовую...

Сергей слушал их. Сначала ему было все это забавно, когда старики былую молодость вспоминали. Потом... То ли о себе он подумал, то ли еще о чем — только и сам начал вдруг заводиться. Ничего определенного у него в голове не было — просто вдруг испортилось настроение. Он встал из-за стола и сказал, что хочет прогуляться. И чтобы его не остановили, не задержали — сразу вышел из комнаты.

* * *

Синело небо — будто сопротивлялось темноте. И вдоль улицы, за школой, шелестели свежей листвой старые (двумя руками не обхватишь) деревья.

Лето, лето наступало. Любимое время для каждого школьника. Каникулы чуть ли не три месяца — никаких уроков, никаких забот, лежи с утра до вечера на реке, купайся, загорай! Или можно в молодежный лагерь податься для разнообразия, или на лодке в соседний городок... Множество всяких удовольствий.

Ах как летит время! Не заметил, не увидел, как подкралась, подошла пора расставания со школой. Приходится прежние удовольствия забывать. Всему, оказывается, бывает конец. Только заботам пока нет конца.

У родителей, если их послушать, как-то легко все выглядело в жизни. Будто заранее кто-то электронную программу в них заложил. «Окончил военное училище, послали в гарнизон...» — «Почему в училище? Почему не в другое место?» — «Шли многие ребята и в другие места. А я пошел в училище». — «Скажи: почему?» — «Время такое было». — «Какое время?» — «Время подсказывало: обороняться надо уметь каждому. Я решил сделать это своей профессией...»

Разговор с отцом, как правило, на этом обрывался. Последний аргумент действовал безотказно. И Сергей уже размышлял о себе: сумел бы он так же поступить, как и отец? По тревоге. По первому приказу. В любую часть, на север, на юг, на заброшенную дикую окраину страны. Отец считает свою профессию основой основ: на ней мир зиждется, трудовая жизнь народа. Наверно, отец прав. Хотя всяких кампаний за мир у нас сейчас много проводится. Но главное правило соблюдается неукоснительно: держать порох сухим. Горячие головы деловая постановка вопроса хорошо остужает. Откуда видно, что хорошо? Более двадцати лет без войны живем. Разве не показатель?

Мигнул за поворотом красный огонек автобуса. Мигала вывеска у кинотеатра. Лампочки — красные, синие, желтые, зеленые — поочередно зажигались, следуя за широко расставленными буквами: «Спутник» — названием кинотеатра. Потом секунда темноты — и снова светящаяся цветовая гамма на огромном щите. Каждый вечер эти лампочки зажигаются и гаснут в одном и том же порядке, извещая людей о том, что здесь находится кинотеатр «Спутник».

Говорят, человек должен прежде всего знать самого себя. Он, Сергей, пока не может похвастаться этим. Чего он хочет в жизни? Куда стремится? Ах, как не просто, как трудно ответить на эти вопросы в семнадцать лет! Месяц назад у Сергея мелькнула в голове мысль: пойти по стопам отца. Сверкнула тогда в глаза неведомая ему и чем-то уже знакомая жизнь.

Месяц назад приехал в школу майор из горвоенкомата. Целый час рассказывал десятиклассникам о разных льготах и привилегиях для офицеров. Не приукрашивая, обрисовал жизнь и учебу в военном училище. Про радиоэлектронику, про счетно-вычислительные машины, про телеустановки рассказывал — обо всем сдержанно, по существу. Впечатляющая получилась картина: вооружение армии, техника, люди... Однако на Сергея тогда не столько рассказ майора подействовал, сколько сам майор. Моложавый, в красиво и ловко подогнанном военном костюме, он держался просто и спокойно. Наверно, манера разговора майора и подействовала на Сергея. Он вдруг мысленно поставил себя на его место — и, что же, получалось неплохо, Сергею правилось. В ту именно минуту и мельк-

нула в голове у него мысль: а что, если пойти?.. «И я стану таким же элегантным, подтянутым, знающим себе цену высокообразованным офицером. Что, если сказать да?»

Но какая-то сила удерживала его от последнего шага — он даже отцу не рассказал про посещение майора. Боялся, что находится под воздействием посторонних отвлекающих факторов. Посторонний фактор — это, по его мнению, личное обаяние майора.

Сергей миновал кинотеатр, пройдя по противоположной стороне улицы, потом резко повернул обратно, к дому. Однако, сделав шагов с десятков, остановился. Постоял, поглядел, словно бы размышляя, куда податься, и, махнув как-то отчаянно рукой, двинулся снова к кинотеатру.

Фильм был старый — про разведчиков. Сначала Сергей еще следил за развитием действия. Грохотал на экране скорый международный поезд. Сидел у окна улыбчивый грустный человек, который ехал в логово врага. Грохотал вагон, мельтешили по коридору темные, непонятные личности в черных галстуках бабочкой. Пил чай из стакана в красивом подстаканнике улыбчивый человек, рассеянно поглядывая в окно. Сергею вдруг стало скучно. Он встал и, осторожно пробравшись между рядами, направился к выходу.

Во дворе дома, огибая выступавший углом корпус, ехала, сигналив фарами, белая машина «скорой помощи». Сергей пристально посмотрел ей вслед и заспешил к подъезду.

Он поднялся на третий этаж. Воткнул в замочную скважину ключ, открыл дверь. И уже в прихожей почувствовал запах новокаина. Свет горел в комнате и на кухне. Родителей не было.

На столе около блюда с пирожными лежал листок бумаги. Рукой матери было написано: «Папу повезли в больницу. Я с ним».

Сергей остоленело стоял над столом и глядел в записку. В голове никак не укладывалось: только что мать и отец были здесь, пили чай, весело разговаривали и вдруг: «повезли в больницу».

Дальний первый гарнизон отца, в память о котором мать устроила этот скромный пир, — и вдруг больница.

Он присел на стул и тупо уставился в тарелку с пирожными. Час или два сидел и все прислушивался, все

ждал: вот-вот раздадутся шаги на лестничной площадке и зазвенит звонок над входной дверью.

Но Елена Петровна не возвращалась. Она не вернулась, хотя прошло уже много времени, уже широкий квадрат окна стал прорисовываться бледным утренним светом.

Сморенный усталостью, Сергей прилег на диван и забылся коротким, тревожным сном.

* * *

Он не знал, сколько тогда проспал: час ли, два ли? Когда проснулся и раскрыл глаза, первое, что увидел, было лицо матери. Мать плакала, сидя на стуле в его ногах.

* * *

Отца похоронили через три дня.

Тревожные, томительные потянулись дни. Сразу пусто стало в квартире. Мать ходила поникшая, молчаливая.

На пятый день Сергей отправился на кладбище — матери ничего не сказал: хотелось побыть одному.

Песчаные однообразные холмики — ряды их тянулись широкой полосой справа и слева. У некоторых могил стояли люди с лопатами, подправляли, обкладывали свежим дерном. Кладбище было новое, недавно открытое в городе. Деревца, посаженные года полтора назад, чудосочно маячили своими ветками в дальнем конце. Черный памятник из гранита возвышался над могилой, где был похоронен зимой летчик — Герой Советского Союза. Этого летчика в городе знали многие. Два года назад он приезжал к ним в школу в День Победы, рассказывал про войну. Сергею запомнилось: летчик, вспоминая разные боевые эпизоды, воздушные бои, так горячился, так переживал при этом, будто был снова на фронте, будто снова гнался на истребителе за «мессершмиттом», стрелял, делал виражи, шел в лобовую.

Над могилой отца стоял столбик с прибитой к нему дощечкой, на которой было выведено черной краской: «Полковник Колотов П. И.». Внизу стояли цифры: «1912—1966».

Тихо, безветренно было на кладбище. Грело солнышко.

Пахло увядшими цветами из венков, пестрели в глазах алые ленты с надписями. Сергей стоял, смотрел перед собой в пространство, чувствуя, как в мозгу ворочаются неподатливые, тяжелые мысли.

Вдруг припомнились слова старого седого врача из больницы, куда ходили с матерью, чтобы взять необходимые документы и справки. Склонив голову, врач долго выписывал диагноз отцовской болезни, а написав, сказал: — Его война убила.

Вот так. Со Дня Победы уже более двадцати лет прошло, а война продолжает убивать. И про летчика говорили, что фронтовые раны сказались, что если бы не раны, то такому могучему человеку, каким был он, еще жить бы да жить. Вот что война проклятая натворила!

«Ты, отец, считал, что твоя профессия основа, что на ней мир и труд держатся. Ты судил справедливо, хотя сам раньше срока в сырую землю ушел. На твои плечи легла самая большая тяжесть — защищать мир и землю, по которой я сейчас хожу...»

С той страшной ночи, как на Сергея свалилось это невыразимое горе, резкая перемена произошла с ним. Теперь он старался сделать по дому все, не позволяя матери касаться ничего. Вставал рано, убирал квартиру, ходил в магазин за продуктами. Пока мать возилась с чайником и готовила завтрак, он переделывал уйму дел. Они молча сидели и пили на кухне чай. Потом мать шла в школу, где, собственно, учеников ее уже не было: она преподавала в начальных классах. Сергей в это время садился за учебники. В школе ему хотелось поскорее отделаться от товарищей, от докучливо-жалостных взглядов и вопросов, с которыми иногда кто-нибудь лез к нему.

Как-то после очередного экзамена, шагая по коридору, он вдруг услышал позади себя быстрый перестук каблучков. Девчонки из его класса несмело предложили:

— Сережа, пошли в кино.

— Неохота, — буркнул он и, чтобы избежать дальнейших разговоров, так посмотрел на девчонок, что те, растерявшись, отступили.

— Ну, хорошо, хорошо... Как хочешь. Мы думали... О чем они думали, ему было неинтересно.

Он сам теперь не мог отвязаться от собственных дум. Будто какая-то пелена сползла с глаз. И было даже странно: раньше жил, читал учебники, книги, решал задачки

по математике, ходил в кино и ни о чем вроде не думал. Все казалось простым, обычным, легко совершимым. Дни летели за днями, что-то уходило, и что-то новое, неизведанное, приходило. И так хорошо было жить в этом беспрестанном таинственном ожидании следующего дня, который обязательно придет и подарит себя ему, Сергею...

И вдруг вступила в него, вошла в мозг и сердце мысль: жизнь — это не смена дней, не череда часов и минут. Жизнь — это когда сердце заполнено чувствами, которые поднимают, гонят вперед. Это постоянное действие, круговорот миллионов частиц, таких же малых, как и он, и более весомых, более значительных, совершающих свое движение в гармонии, создаваемой нашим обществом, его потребностями, его насущными целями.

Модель его понимания жизни была, конечно, условна и в чем-то даже наивна. Но самое важное, что он извлек из своих размышлений, — это совершенно четкое, ясное сознание необходимости найти себя, определить свое место в жизни, свое главное дело. Чтобы в общей структуре частиц (Сергею импонировал язык физиков) его роль и его рабочая нагрузка были наивысшими.

Он думал. Он взвешивал.

В конце мая Сергей решил окончательно: он поступает в военное училище.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Второй день длилось ненастье. Нудный дождик часами брызгал, превратив поля в чавкающие при ходьбе болотца, а дороги, разбитые танками и бронетранспортерами, — в жидкие грязевые потоки. Лейтенант Колотов демонстрировал солдатам свою закалку: ходил прямо по лужам и не шарахался, если с ветки обрушивался на него холодный душ. В серых глазах Колотова и на всем лице его было такое выражение, точно он говорил: «Какая чепуха — дождь! Мы видали и покрепче штучки». Старший сержант Саруханов стоял перед ним, держа руки по швам. У Саруханова отношение к дождю под стать колотовскому: «А что, в самом деле? Не сахарные, не растаем... Подумаешь, дождь!»

— Товарищ лейтенант, ну как? Какие новости?

Колотов только что вернулся от Богачева. Подразделения полка были теперь разделены на две части и действовали друг против друга. В палатке у Богачева собрались командиры приданных подразделений. Капитан Богачев развернул на столике карту и начал сразу с обстановки — никаких обсуждений, что было ночью или утром, никакого анализа.

«Может, так и надо? — подумал Колотов. — Мне, новичку, хочется знать, что да как, а им все ясно, для них вчерашний день — что прошлогодний снег».

Против них действовал второй батальон полка. Полоса обороны из трех опорных пунктов, один из них — в роще Голубая. Богачев позвал лейтенанта-артиллериста, и тот рядом с картой Богачева расстелил свою, расчерченную красными линиями. На разбор этой схемы, на сверку ее с картой ушло минут пять, потом Богачев подзывал по очереди командиров взводов и обсуждал с каждым его боевой участок. Колотову было достаточно выслушать несколько вопросов, чтобы понять: командир роты знающий, деловой человек. Все было у Богачева предусмотрено, все выверено, и, кажется, самый придирчивый и строгий начальник не мог бы обнаружить малейшего изъяна в его наметках и планах.

— Где сейчас ваши люди?

— Взвод отдыхает. За исключением дежурных наблюдателей.

— Оружие, снаряжение?

— В порядке.

— Не раскисли под дождем?

— Нет.

— Смотрите, чтобы готовность... Я проверю.

Богачев разговаривал в своей обычной суховато-резкой манере; он разговаривал тем же тоном и с другими офицерами, не было никакой разницы. Но Колотова, однако, неприятно возбуждали интонации ротного командира. «Я теперь свой, но еще не могу привыкнуть», — подумал он.

* * *

Старший сержант Саруханов, без плащ-накидки, в легкой ватной куртке, вышагивал рядом с Колотовым.

— Ну как там, товарищ лейтенант? Что нас ожидает?

Его лицо дышало молодостью, веяло от всей его фигуры здоровьем и энергией привычного к походам, к условиям полевой жизни человека. Из-под козырька фуражки поблескивали влажно глаза.

— Новостей особых нет, — произнес задумчиво Колотов. — Держать пока оборону. Но предполагается атака на опорный пункт «противника». — Он рассказал Саруханову все, что слышал у командира роты в палатке; они вместе спустились по склону и посмотрели на скрытую в морозящем дожде, темным пятном выступавшую на горизонте рощу.

— С километр, пожалуй, отсюда будет, — кивнул Саруханов в сторону рощи. — Интересно, кто там из наших?

— Это не имеет значения, — думая о чем-то своем, сказал Колотов.

На минуту разговор у них оборвался. Саруханова уколола категоричность лейтенанта.

— В настоящем бою — другое дело, — продолжал Колотов. — А мы учимся. Для нас важен элемент неизвестности, потому что он помогает тренировать ум, волю. И вообще скажу: сильный и незнакомый «противник» приносит больше пользы, даже если ты и проиграешь.

— Проигрывать неприятно. Да и начальство сердится, — заметил машинально Саруханов.

— Конечно, неприятно, кто спорит, — ответил Колотов, пропустив мимо ушей замечание насчет начальства. — Надо стараться не проигрывать. Между прочим, отделение Аникеева действовало вчера неуверенно. Будто что-то мешало ему. Какая-то неслаженность ощущалась.

Саруханов молчал.

— Вы говорили с Аникеевым?

— Нет.

— Почему?

Саруханов потер ладонью лоб, как бы собираясь с мыслями.

— История весьма короткая, товарищ лейтенант.

— Чья история?

— История Аникеева, — повторил Саруханов, искоса поглядывая на Колотова. — Сержант Аникеев служил раньше во взводе Жернакова. Там у него с первого дня не заладилось. Возникли сложности. Аникеев тогда попросился во второй батальон. Парню, видно, стало невмogu. Но замполит Варганов сказал: «Никуда от нас не

уйдешь». И его оставили в роте. Только перевели к нам во взвод.

— Понятно, — кивнул Колотов. — И давно Аникеев в нашем взводе?

— Около трех месяцев.

— Какое же у вас впечатление? Справляется он со своими обязанностями?

— Справляется, в общем, — Саруханов на мгновение закусил верхнюю губу. — Понимаете, товарищ лейтенант, Аникеев — парень, в принципе, не плохой, только вот характером мягковат. А иногда я думаю: может, он после Жернакова никак не войдет в колею?

— В каком смысле «не войдет»?

— Да в самом прямом — в житейском. Вот, к примеру, вы прибыли к нам — Аникеев сразу заволновался.

Колотов от недоумения даже крикнул: смотрите какие круги пошли при его появлении!

— Что же забеспокоило Аникеева?

Саруханов хитровато усмехнулся, но тут же погасил усмешку.

— От характера, наверное, все зависит, товарищ лейтенант. Был у нас прапорщик Иванько, при котором Аникеева перевели во взвод. Стал Аникеев вроде привыкать помаленьку, а Иванько возьми да и отправься на учебу. Я остался за командира взвода; ко мне привыкать нечего, но все же... А теперь вы — новый человек. Как в народе говорят: «Новая метла по-новому...» В общем, ясно. Вот Аникеев и занервничал. Может, от неуверенности. Когда уверенности нет, то по пустякам человек горит. Разве не так?

— Да, это правда, — согласился Колотов, взглянув быстро и с любопытством на своего заместителя. — Насчет уверенности — это точно, — добавил Колотов и неожиданно подумал о себе, о том, что осторожничает, боится, как бы не попасть впросак. Ну как с первого шага возникнет о нем невыгодное впечатление. Потом долго не избавишься. Первое впечатление, известно, самое яркое.

— Ладно, — сказал Колотов, перехватив улыбку Саруханова. — Не затянулась бы только эта акклиматизация. Три месяца — мало это или много?

В голосе лейтенанта слышались железные нотки. «Три месяца — мало это или много?» Вопрос поставлен

ему, Саруханову. Лейтенант считал его главным ответчиком. Впрочем, так оно и было: при нем Аникеев пришел во взвод, при нем слабохарактерность свою проявлял. Все правильно. Только разные бывают люди — один быстро входит в форму, приобретает нужные навыки, а другому требуется время — три месяца, полгода, год...

Вслух же Саруханов сказал, стараясь быть спокойным:

— Я считаю, что Аникеев будет хорошим командиром. Помогать ему надо.

— Понятно, — произнес Колотов, как бы подытоживая беседу. — Мне понятно, почему вы решили не говорить с Аникеевым о вчерашних просчетах. — Колотов окинул цепким взглядом худощавую фигуру своего заместителя: «Этот Саруханов, видно, неплохой психолог». И добавил одобрительно: — Давайте подождем с разговорами.

Зашуршали рядом кусты, послышался кашель. Отводя руками мокрые сучья, подошел сержант Гусев.

— Ты чего, Гусев? — спросил Саруханов.

— Да так, ничего, — ответил сержант. — Тут сейчас танкисты приходили. Местность смотрели.

— Значит, танки будут, — сказал Саруханов.

— Танки так танки, — пожал плечами Колотов. Все это давно и хорошо было знакомо ему еще в училище.

— Товарищ лейтенант, у меня вопрос, — сказал Гусев.

— Слушаю.

— Вчера наш бронетранспортер нарвался на мину. А сегодня как, вернут его нам?

Вопрос был вызван условностью обстановки, создаваемой на учениях. В сущности, в таких вопросах и проявлялся психологический настрой людей.

— А если бы в бою это случилось, товарищ Гусев? — спросил Колотов.

— В бою все ясно, товарищ лейтенант, — ответил Гусев.

— Ну раз все ясно, — подмигнул Колотов, — тогда и спрашивать нечего.

Гусев глаза опустил. Не первый месяц в строю, знает, какими словечками отделяются иногда старшие командиры. Скажут вот так — мягко, необидно, — а получается, что дальше сам соображай и не лезь с глупыми вопро-

сами. Хотя бронетранспортер стоит целехонький и сколько времени простоит — неизвестно.

А Колотов потянулся за сигаретами, достал пачку, угостил Саруханова и Гусева, сам прикурил от зажигалки, затянулся, вдыхая с удовольствием пахучий дым, и опять подмигнул Гусеву.

— В училище у нас случай был, — сказал он, и Гусев понял, что лейтенант не подвел черту разговору насчет бронетранспортера, что он продолжает этот разговор. — В июле месяце дело было. Жара, духота — спасения нет. А мы на учениях. Обстановка самая боевая. И вдруг наша машина попадает на мину. В неподходящий момент нарвались, потому как дана команда: «Отходить!» А как отходить нам — мы пешие. И пришлось вперед идти, чтобы под огонь не попасть. В самый центр расположения «противника» угодили. Лес сплошняком. Ткнемся в одном месте — дозор. Ткнемся в другую сторону — сторожевое охранение. Одним словом, в кольцо. А жажда мучает — представить себе трудно. Такая жажда, что полжизни бы отдал за глоток воды. И будто назло, ни одного ручейка в лесу, даже лужицы поганой не сыщешь.

Колотов замолк, посмотрел в гущу березняка, где мелькнула фигура солдата с автоматом. А может, он специально сделал паузу, чтобы Гусев как следует прочувствовал ситуацию?

— Ну и как же? — не вытерпел все тот же Гусев. — Как вышли из положения?

— Да очень просто, — сказал Колотов. — Больше суток прятались в лесу, искали щелку в боевых порядках «противника».

— Нашли?

— Нашли.

Гусев и Саруханов рассмеялись, довольные развязкой. Колотов тоже улыбнулся, увидев на секунду себя и своих товарищей по курсантскому взводу, черных, обросших, в пыли — ну действительно прорвавшихся сквозь вражеское кольцо!

— Вот так, товарищ Гусев. Есть еще вопросы?

Гусев выпрямился, щелкнул лихо каблуками. В движении этом промелькнула некоторая ирония, но Колотов сделал вид, что ничего не заметил.

«Они воспринимают боевую обстановку и боевые действия на учениях как некую игру. Да так оно и есть:

большая, серьезная игра. Надо лишь приложить силы, чтобы сделать ее как можно достовернее, значительнее...» — думал Колотов.

* * *

Затишье на высоте 36,8 продолжалось недолго. Три взрыва, прозвучавшие в глубине березняка, нарушили его. Стало известно, что в тыл проникла диверсионная группа «противника». Одновременно началось наступление на высоту с фронта, со стороны рощи. Оттуда по простирающейся холмистой равнине уже двигались бронетранспортеры.

Колотов со взводом находился на правом фланге. Из конца в конец неся по равнине нарастающий гул. В березняке слышалась трескотня автоматов. Колотов проходил по траншее, оглядывая своих солдат, и слышал в другом конце голос Саруханова, объяснявшего что-то людям. Разворачивались и отходили бронетранспортеры «противника», отсекаемые огнем минометчиков, — на равнине шел бой.

И вдруг затихла автоматная трескотня в тылу, в березняке. Огибая высоту со стороны лощины, появились танки. Тяжелая броня их маслянисто поблескивала от дождя. И два взвода из роты Богачева, усиленные танками, совершили фронтальный удар по опорному пункту «противника», по роще Голубая.

Танковый десант.

Преодоление препятствий.

Атака...

Стало уже совсем темно. Сильнее заморосил дождь. Солдаты, грязные и мокрые от дождя, измученные минувшей бессонной ночью, устраивались на новом месте — в лесу. Ставились палатки, определялись границы наблюдения для сторожевых постов, выделялись секреты — все так, как на войне. В темноте разносились голоса сержантов, дававших указания своим подчиненным.

— Жив, Гаврилов? — спрашивал кто-то. — Это тебе не в футбол играть...

— Помалкивай, салага...

— Дай-ка сигарету. Мои совсем размокли.

Деловой рабочий ритм людей был на какое-то мгновение прерван густым гудением танков. Сквозь чащу леса замелькали огни. Танки и бронетранспортеры двигались маршевой колонной.

— Наши! В прорыв пошли! — слышались голоса со всех сторон, и люди приготовились следовать дальше, но было сообщено, что рота Богачева останется здесь, в роще. Все снова занялись делами, которые в мокром, неуютном лесу никому не хотелось делать.

Засветились кое-где в углублениях костры. Лейтенант Колотов, после того как были поставлены палатки, приказал Гусеву отрядить людей за ужином: прибыл ужин, посыльный от старшины Роговика торопил взводных. Колотов присел у костра, разожженного рядом с поваленным старым деревом, пошевелил палкой угли, отворачивая лицо от взметнувшихся кверху искр. Тут же грелись у огня солдаты.

— Ну что, Блинов? — спросил Колотов, узнав одного из них. — Как дела?

— Да дела ничего, товарищ лейтенант, — сказал Блинов.

— По такой бы погоде грамм по двести, товарищ лейтенант, — бросил другой солдат, фамилию которого Колотов не запомнил.

— Дома будешь глотать по двести, — проговорил Блинов, поворачиваясь спиной к огню.

Из темноты вынырнул Саруханов, склонился над костром, прикурил и, морщась от дыма, сказал:

— Лавриненко и вы, Блинов, быстро к сержанту Аникееву. Поможете сделать сушилку. Побыстрее только.

Солдаты встали и, не сказав ни слова, пошли куда-то в темноту леса.

Колотов сидел неподвижно, смотрел в огонь, охваченный вдруг нахлынувшим радостным чувством общности с людьми, которые сейчас устраивали себе ночлег в роще, которые только что вместе с ним бежали по кочковатому, раскисшему полю, преодолевая рвы, заграждения... Колотов любил сильных, выносливых людей. И радовался от души, глядя на них, любовался открыто. А как не любоваться! Настоящие мужчины! Воины! Богатыри!

Вторые сутки без сна — а Саруханову хоть бы что. Только щурит больше и без того узкие глаза. Бодр, подвижен, все подмечает, везде успевает. Тут ноги к вечеру

гудят, мокро кругом, а он с блокнотом где-нибудь пристроится — итоги дня подводит. Вот и сейчас затянулся несколько раз сигаретой, бросил в огонь, потом достал блокнот, зашуршал бумагой.

— Товарищ лейтенант, старшина Роговик, он у нас парторг, говорил, что надо ежедневно вести наблюдение и учет. Кто как действовал на учениях, у кого какие недостатки обнаружались, вроде как оценку давать каждому прожитому дню... Я такой учет и раньше вел — помогает, знаете.

— Очень хорошо. Я считаю, очень хорошо! — сказал с чувством Колотов.

— Вот тут список, товарищ лейтенант, — продолжал Саруханов, подавая Колотову блокнот. — Посмотрите мои оценки за сегодняшний день. Может, что не так, давайте обсудим.

— Едва ли я, Саруханов... — замялся смущенно Колотов. — Я еще не знаю людей. Как мне судить?

— Все же взгляните, — настаивал Саруханов.

Колотов взял блокнот, пробежал глазами по списку. Почерк у Саруханова ровный, убористый. Большинство фамилий, которые здесь стояли, мало что говорили Колотову. «Надо быстрее входить в курс, копаюсь, не успеваю...» — выругал он себя. Но все же некоторые фамилии были ему знакомы, кое-кого из людей он уже знал. Пятерка Блинову, пятерка Лавриненко, Скворцову... Не густо, однако. Скуповато... Четверок было побольше. Против фамилии Илюшечкина стояла двойка, и в отведенной специальной графе было записано коротко: «Недостатки прежние — расхлябанность, слабая дисциплина». Колотов придвинулся к Саруханову, показал пальцем в блокнот на фамилию Илюшечкина (этого солдата он запомнил).

— Двойка — дело серьезное? — сказал он вопросительно.

— Очень серьезное, — ответил Саруханов. Помолчал немного и, отвернувшись, словно бы от дыма, добавил: — Скоро вы сами убедитесь в этом, товарищ лейтенант.

И по тому, каким тоном Саруханов это сказал, видно было, что ему немало пришлось попортить крови из-за Илюшечкина.

— Ну ладно, — сказал Колотов и снова посмотрел в список. — Гусеву с Аникеевым вы никаких отметок не вывели?

— Неудобно мне теперь, товарищ лейтенант.

— Ладно, пусть останется так. Я тоже пока не готов, боюсь ошибиться, — признался Колотов.

— Значит, я могу объявить эти оценки?

— Да, объявите.

У костра сбоку возникла долговязая фигура Максименкова, связного командира роты.

— Товарищ лейтенант, вас капитан Богачев спрашивает.

— Иду.

Колотов встал, застегнул ворот и, оправив под ремнем складки, пошагал за Максименковым.

* * *

Недалеко от опушки леса, в палатке, сидел капитан Богачев на ящике из-под консервов и что-то диктовал писарю. Командир взвода Жернаков прислушивался к тому, что говорил командир роты, и, судя по глазам, которые у него возбужденно блестели, слова Богачева были ему приятны. Лейтенант Никонов тоже был тут. Привалившись на ветки ельника, уложенные по краям палатки, он курил и, напряженно уставившись в газетный лист, бубнил вполголоса: «Олимпийские чемпионы — гандболисты СССР выиграли международный турнир... Штангисты в полутяжелом весе...» Тут же находился техник роты, рыжий, угрюмого вида прапорщик, рассматривавший под лампочкой деталь от двигателя, вертевший ее так и этак черными от мазута руками. В углу копошился с рацией сержант-связист.

Лейтенант Колотов, отодвинув полог палатки, вошел, и Богачев, не переставая говорить что-то писарю, показал ему рукой, чтобы присаживался, где посчитает для себя удобным. Колотов поглядел вокруг и, увидев Никонова, сел рядом.

— Как лейтенант, ноженьки гудят? — спросил Никонов, гася сигарету.

— Гудят.

— И у меня тоже. — Никонов посмотрел в сторону Богачева и буркнул сердито: — Долго они будут там копать? Пишут, пишут, сколько можно?!

Вошел старшина Роговик с Максименковым, принесли термосы с борщом и кашей. Все сразу оживились, вспом-

нив, что с утра у них сегодня во рту не было ни крошки. Капитан Богачев тотчас же прекратил разговор с писарем и, потирая руки, стал ждать, когда Максименков нальет ему в миску борща. Ели с аппетитом, сначала молча, а потом, утолив первый голод, снова разговорились. Капитан Богачев сказал, что действовали сегодня хорошо, и велел отметить особо отличившихся солдат и сержантов. Лейтенант Жернаков рассказывал, как ловко удалось миновать со взводом боевое охранение «противника», какую грубую ошибку и даже халатность допустили те, когда пренебрегли элементарными правилами маскировки.

— Как я увидел их, ну, думаю, сидите себе тут на здоровье, мокните до утра. Они, главное, позицию себе выбрали никудышнюю — в ложбине. Поленились, черти...

Разговор, в общем, крутился вокруг удачного выхода лейтенанта Жернакова со взводом в тыл «противника». Жернаков был героем дня. Он сидел довольный, с аппетитом обгладывая косточку, и только мелькавшая в глазах его холодная усмешка как-то не вязалась с общим добродушно-восторженным настроением окружающих.

— Я, конечно, дал жару ребятам, — продолжал Жернаков, вспомнив наказ Богачева перед выступлением насчет маневра и быстроты. — Пот с них в три ручья лил. Уж выкладывались, когда обошли сторожевое охранение. А на взгорке я ефрейтора Саватеева и трех солдат с пулеметом оставил, чтобы они нам в тыл не ударили.

— Ты поступил правильно, — сказал капитан Богачев, распрямляя медленно спину. — Это называется воевать не числом, а умением.

— Говорят, полковник Ключев тобой интересовался, — произнес тихо Никонов.

— Ладно, не сочиняй! — отмахнулся Жернаков и блестящими глазами посмотрел на Богачева.

Капитан Богачев перевел взгляд на Никонова, на упругих щеках его дрогнули желваки, но он ничего не сказал. Решил не портить хорошего настроения.

— Самое главное — неожиданность, — пояснил Жернаков. — Они просто не ожидали, что мы с той стороны зайдём, были так уверены... — рассказывал он, жестикулируя.

Но в лейтенанта Никонова будто бес какой вселился: не мог расстаться со своими шуточками.

— Слушай, Жернаков, какая ситуация. Говорят, поверяющему усы твои не понравились. Что будем делать?

Однако шутка его не была принята. Капитан Богачев нахмурился и, глядя куда-то в угол палатки, где сидел сержант-связист и скоблил ложкой по дну миски (скобление это раздражало Богачева), сказал, что действия второго и третьего взводов его не удовлетворили, что их активность перед рощей выглядела показной, о чем «противник» лишь случайно не догадался, что цепи при наступлении подчас сбивались, нарушая интервалы.

— Это в первую очередь вас касается, — сказал командир роты и прямо в глаза посмотрел Колотову. — Ваш взвод был на фланге и отставал.

Колотов не выдержал жесткого взгляда командира роты, поспешно кивнул, соглашаясь. Жаром пахнуло в его лицо, и ему хотелось только одного: чтобы Богачев не углублялся в детальный разбор действий взвода, чтобы не начал тыкать в глаза, где и почему именно его взвод залег, упустил время, а потом, как бы потеряв управление, начал мельтешить. Ему очень не хотелось такого разбора, по крайней мере сейчас, здесь, в присутствии его товарищей и особенно после лестных слов, высказанных командиром роты в адрес лейтенанта Жернакова. Колотов коротко и однообразно кивал: «Да, да... неудачно получилось», а сам неотступно думал о том, как бы поскорее Богачев перевел разговор на другую тему.

Совершенно некстати в разговор вмешался Никонов.

— Это какое же место вы имеете в виду, товарищ капитан? — спросил он.

— Когда выходили к выемке, — ответил Богачев.

— У выемки! — Никонов даже присвистнул. — Так вы бы посмотрели, какие там кочки. Черт ногу сломит у этой выемки!

— Там кочки! А в другом месте не кочки! — разгорячился Богачев. — Уж не прикажешь ли ковер расстелить?

— Ну, зачем же ковер, — процедил обиженно Никонов. — А кочки там дикие...

Ему никто не ответил.

Разговор зашел о «противнике». Вспоминали, кто из второго батальона мог находиться в боевом охранении, прошляпавшем группу Жернакова; кому сейчас выдают за ротозейство. Колотов не принимал участия в разговоре, потому что не знал тех людей, молчал и слушал. Ни-

конов, восседавший на груди елового лапника, как на пружинящей высокой перине, стал рассказывать ему, видимо из вежливости, про второй батальон, который на учениях всегда ставят против них. При этом Никонов с веселой ухмылкой в серых глазах предупредил, погрозив пальцем в пространство, что теперь надо держать ухо востро, почаще оглядываться по сторонам, потому что комбат 2 будет искать случая, чтобы подловить комбата 1, так как всем в полку известно — они между собой соревнуются.

— Говоришь ты, Никонов, очень странно, — сказал, покачав головой, Богачев.

— Почему же странно, товарищ капитан? — спросил Никонов, устремляя свои веселые глаза на командира роты. — Говорю как есть.

— Очень даже странно, — повторил Богачев.

— Объясните.

— Во-первых, что такое подловить... Выходит, будто комбат 2 только и ждет, чтобы мы ошиблись. Это неверно: никто друг друга не ловит. Оба комбата соревнуются, но при чем же здесь подловить, получается полная бессмыслица. Это во-первых. А во-вторых, давайте, товарищи, по местам. Завтра, — он взглянул на часы, — то есть уже сегодня, у нас будет немало работы. Надо отдохнуть для пользы дела.

— Есть, по местам! — ответил за всех Никонов и, накрывшись шинелью, направился к выходу.

Колотов вышел следом.

За палаткой стояла кромешная тьма, но кое-где среди деревьев тлели угли от костров, и отблески от них позволяли ориентироваться. Колотов шагал не спеша, то и дело отводя руками сучки, и все равно натыкался на них, чертыхаясь при этом про себя. Сегодня он отсчитывал третий день своего пребывания в полку. Всего-навсего третий! Он многое увидел, познакомился с людьми. Узнав сейчас, во время ужина, подробности действий взвода Жернакова, про его дерзкий выход в тыл «противника», про боевое охранение, которое не справилось с задачей, он как бы все примерял на себя. Умно и смело действовал Жернаков. Колотов вспоминал, какими хорошими словами отзывался командир роты на рассказ Жернакова, и себя неожиданно видел в роли такого же рассказчика. Перед ним возникало резко очерченное, загорелое лицо

командира первого взвода; с присущей молодости щедростью Колотов награждал Жернакова самыми лучшими качествами, и только одно его смущало: холодноватая и часто мелькавшая усмешка в глазах лейтенанта, когда он рассказывал. И потом усы. Наверно, это не существенно, однако усы Жернакова почему-то больше всего не нравились Колотову.

Взбодораженный потоком совершенно несуразных, а может быть, и наивных мыслей, лейтенант Колотов подошел к палатке, где располагался его взвод. Здесь он невольно задержал шаг, прислушался. Саруханов еще не спал. Возможно, он дожидался командира взвода, чтобы узнать о планах на ближайшие часы. Он сидел перед тлеющими углями костра и выговаривал сержанту Аникееву за Илюшечкина.

— Что ж я такого сделал? Посмеялся, и больше ничего, — оправдывался Аникеев.

— Он скоморошничает, дурачится, а ты смеешься! — горячился Саруханов. — А дело с него потребовать тебя нет! Да как ты дело потребуешь с него, если потакаешь?!

— Как же потакаю? Совсем не потакаю, старший сержант, — возражал Аникеев.

— Нет, потакаешь, — заговорил с той же горячностью Саруханов. — И очень странно, что не хочешь этого понять. Он тебе шуточками разными да прибаутками отвечает на замечания, будто тут цирк какой! Смотри, как ребята сегодня трудились, а он все паясничает. Смешочки ему... Нет, нет, Аникеев, ты имей в виду: Илюшечкин на твоей ответственности. Я который раз говорю тебе об этом! И спихнуть его тебе никуда не удастся. Никуда...

Колотов кашлянул и направился вдоль палатки к костру. Разговор сразу умолк.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Третий день шли учения в поле. Третий день над военным городком плыли низко тяжелые тучи; белый фасад здания в ограждении мокрых деревьев тускнел, будто чем-то испачканный. Мутно блестела в лужицах вода на площади в центре. Неприютно холодный, подступал к городку лес, медлительно помахивавший на ветру пожел-

тевшими ветвями берез и осин. И красный щит, установленный при входе в штаб, резко выделялся из окружающего, как бы напоминая всем о других, веселых, красках.

В этот день ранним утром Марья Степановна Ключева проснулась с неприятным чувством. Сразу, как проснулась, подошла к окну и посмотрела во двор на серую, с завядшей травой клумбу, на тропинку, ведущую к улице, на кусты вишен и частокол мелкого штакетника, ограждавшего участок. Убедившись, что все на месте, она перевела дух. Приснится же такое! Ей приснилось, будто они с Павлом спят крепким сном, а за окном грохот, взрывы, шум голосов... Как только Павла нет, да еще если полк поднят по тревоге, ей всегда вспоминается война. Сколько лет уже прошло с тех пор, а вспоминается. Марья Степановна отошла к кровати, посмотрела на часы и позвонила, вздыхая и хмурясь, в полк: нет ли для нее каких известий от Павла? Дежурный ответил, что нет — никаких поручений он не получал от товарища полковника Ключева.



Марья Степановна была одна из тех женщин, которые свой главный интерес в жизни видели в интересах и заботах мужа. Она познакомилась с Павлом на фронте — молоденькая застенчивая медсестра и бравый командир стрелкового взвода. Они поженились. Маша Ключева, как звали ее друзья и однополчане, когда закончилась война, оставила свою медицинскую профессию — вид крови, истерзанного, изуродованного тела приводил ее в полубморочное состояние. В гарнизонах, где служил ее муж, она выполняла любое дело, какое подворачивалось под руку. Была библиотекарем, кассиром в сберкассе, воспитателем в детском саду, оператором на почте, но ни одна из этих должностей не удовлетворяла ее; она просто добросовестно выполняла обязанности, считая, что настоящее призвание ее в другом.

«Может, это очень узко, — подумала она однажды, — но я счастлива, если счастлив Павел, если здоровы дети... Мне так хорошо, если я успеваю помочь ему в чем-то. Иногда кажется, будто я способна жить лишь его жизнью».

Когда Марья Степановне стало известно, что в полк для проверки приехал Ликеев, у нее как-то неприятно екнуло сердце. Собирая мужа в ту ночь, она спросила его, как встретились бывшие фронтовики. Муж хмуро буркнул, что никак, что Ликеев был сух, официален и лишь мельком упомянул об их фронтовом знакомстве. И вот этот маленький факт беспокоил сейчас Марью Степановну.

Кому расскажи: фронтовики — и такая встреча, — засмеют. Да в чем дело? Столько лет прошло! Какие могут быть сейчас претензии!

«Может, потому так получается, — думала Марья Степановна, — что приехал сюда не в гости, а как поверяющий? Поэтому и держит себя строго, чтобы соблюсти беспристрастность? Нет, не потому. Не эта причина», — отвечала она тут же себе и старалась, напрягая память, представить того, давнего Ликеева.

Какой он был? Как держал себя? Как говорил, улыбался?

И вот уже плывут перед ее глазами поля, вьется в кустарнике дорога, скрипит повозка с медикаментами, повозочный, сгорбившись, сидит в передке. А они шагают свади — она и Ликеев, молодой, но очень серьезный старший лейтенант Ликеев.

В серой гимнастерке, в ремнях, белый подворотничок оттеняет загорелую шею, на лбу густой вихор волос — ничего был парень. Девчатам из санвзвода нравился. Командиры про него говорили: далеко пойдет, уже теперь помощник начальника штаба, хотя в полку недавно.

Дело прошлое, хитрить ни к чему: лестно было ей, молоденькой девушке, внимание Ликеева. И хоть ничего между ними такого не было, но какая-то нитка связывала. Принимала его ухаживания. Когда руку ее задержит в своей, иной раз будто невзначай обнимет. Не противилась. Не возражала. Хотя внутренне часто сжималась: то ли это? зачем это? Обидчив был Ликеев ужасно. Чуть что — сразу сух, официален, металл в голосе.

Когда летом полк отвели на отдых, Ликеев решил, видно, использовать время, чтобы поставить точки над «и». И неизвестно, как бы все повернулось, как бы сложились их отношения — не безразличен был ей Ликеев. Только скрутила ее в ту пору злая анги́на, слегла Маша и неделю провалялась пластом. Какие уж тут разговоры,

когда градусник тридцать девять и пять десятых показывает. Когда чуть в госпиталь не упekli.

А полк после отдыха снова ушел на передовую. Вскоре и она вернулась к своим обязанностям. И опять Ликеев к ней с самыми серьезными намерениями, о которых, кажется, уже знал весь фронт. Снова, хоть и изредка, встречи и как бы само собой разумеющиеся поцелуи — ну прямо жених и невеста.

И вдруг теплое июльское утро и переправа на неизвестной русской реке, где она, бледная, растерянная медсестра Маша, эвакуировала раненых в медсанбат.

Теплое июльское утро светит ей и теперь в глаза, и, будто живая, переправа стоит перед ней. Разве забудешь место, где повстречала тебя судьба? Судьба в образе долгоязого улыбчивого лейтенанта Ключева.

Ох, что же она потом пережила! Вспомнить даже смешно сейчас. Ликеев не хотел уступать. Старая, как мир, песня, хоть и говорят, что ревность — пережиток. Он преследовал ее. Он просил, унижался. Грозил. Да, грозил. Но Пашка Ключев тоже крепкий орешек — быстро усек ситуацию. Ликеев в штабе, а Ключев на передовой. Однако нашел возможность. До сих пор молчит, не открылся, но она-то знала точно — была у них тайная встреча. Поговорили по душам мужчины, и Ликеев отступил, отошел в сторону.

Отошел. Отступил. Перестал преследовать. А вот обиду, видно, не забыл. Обида оказалась живучей. Значит, все та же старая песня...

Со стороны поглядишь, кажется, все это глупость, молодость, вспыльчивость. Встретила человека, которого полюбила безоглядно, — какая же тут ее вина? Никакой. Пора бы и забыть. Да она и забыла. Давно забыла...

А может, и Ликеев забыл? Может, мерещится ей неприязнь его к Павлу? Подумаешь, встретились не так, как хотелось. А как им встречаться? Не в гости приехал. Служба есть служба.

Марья Степановна напилась чаю и, убрав со стола посуду, стала собираться. Постояла у зеркала, потрогала уши, которые ей показались горячими. «Ругает кто-то». Надела плащ и вышла на крыльцо.

Ее первый визит был к Жернаковым.

Лейтенант Жернаков во время отпуска гостил у себя на родине, вернулся оттуда с молодой женой. Тоненькая

черноглазая женщина без мужа редко где показывалась — до того жила в большом городе, а тут военный городок: скучала, людей сторонилась. С утра до вечера у себя дома одна.

«А ведь я тоже была молодой, — подумала Марья Степановна. — Как, бывало, нахлынет на меня тоска, когда Павла проводишь на учения! Только я не признавалась, держала себя в руках и его не расстраивала. Да что учения! На фронте была рядом. Кто-нибудь думает: сладко рядом-то. А на самом деле и сладко и горько: сколько раз на дню близкого человека на смерть провожаешь...»

Эти мысли заставили ее вспомнить детей. Хорошо им — войны не испытали.

Она часто думала про себя об этом, радовалась, но никогда не позволяла себе корить этим молодых людей, как это делают иногда некоторые старики, желая особенно сильно пристыдить кого-нибудь за поведение.

Где-то далеко, может быть в Лужанах, гудели беспрерывно машины, натужно и зло. Но это не мешало слышать, как с деревьев на траву стекали капли дождя. Вся поляна впереди была подернута изморосью, и за этой низкой пеленой виднелся неподвижный лес, будто темная неровная стена прикрывала горизонт.

Еще издали она увидела зашторенные окна в квартире Жернаковых. Она поднялась на второй этаж, и ее невеселые предположения подтвердились.

На диване лежало скомканное одеяло, какие-то книжки в беспорядке валялись на полу и в изголовье, рядом с подушкой, а на спинке стула висели чулки.

— Добрый день! — сказала Марья Степановна.

— Здравствуйте!

Похоже, Татьяна, жена лейтенанта Жернакова, еще спала. Возможно, она разбудила ее.

В халате и босиком она бегала по комнате: то поднимет что-то с полу, то приберет что-то на столе, то проведет пальцами по волосам, как бы причесываясь.

Марья Степановна с улыбкой смотрела на ее суетню. Взгреть бы надо основательно за беспорядок. Ишь какая соня!

А Татьяна, рассовав куда-то книги, сдернув со стула чулки, которые положила потом под подушку, наконец решилась раздвинуть штору на окне.

И дневной свет ворвался в комнату, осветив ее скром-

ное убранство и беспорядок, которые тотчас как бы ушли на второй план и даже потеряли свое значение, потому что на первый план выступила сама хозяйка комнаты, молоденькая хорошенькая женщина с заспанным лицом и капризными подкрашенными губами.

— Здравствуйте, Марья Степановна! — повторила она смущенно. — Извините, я не ожидала. Раздевайтесь, пожалуйста. Вот сюда можно повесить.

Если говорить по-честному, Марью Степановну не удивило все это. Беспорядок в комнате. Зашторенные окна. Книги, валявшиеся на полу. И видимо, привычное лежание на диване до обеда. И то, что на губах у Татьяны вчерашняя помада, хотя и вчера она сидела целый день дома. Вообще, ничего не удивило, потому что Марья Степановна заранее знала, что увидит все это.

Уж так повелось у нее издавна. С незапамятных далеких времен. Если муж, командир полка, по каким-то незаметным для стороннего глаза деталям и признакам мог почти безошибочно определить, что собой представляет тот или иной офицер, прибывший в полк, то она, женщина, жена командира полка, точно таким же проницательным взором могла судить о спутниках этих офицеров, особенно молодых. Тут у нее тоже почти не было ошибок. Каждый молодой офицер, прибывший в гарнизон с женой, попадал под ее негласную опеку. Потому что кому, если не ей, знать женские тонкости, и сложности военного быта, и трудности становления новой семьи. Тут если не помочь вовремя, не подсказать...

И она помогала, подсказывала. Для этого у нее помимо чисто человеческой заинтересованности были и некоторые официальные права. Она состояла активным членом полкового женсовета — не председателем, как некоторые жены других командиров в других полках, а всего лишь членом. Роль председателя ей казалась слишком масштабной. Это в женсовете! А уж о более представительных организациях она и говорить не могла. Зинаида Трофимовна Сизова — та была для нее вообще каким-то феноменом, таким необыкновенным самородком, до которого ей было так же далеко, как до звезд.

Марья Степановна сняла плащ, повесила его на крючок и постояла минуту у зеркала, собираясь с мыслями.

А Татьяна в это время еще что-то прибрала в комнате, еще какую-то бросающуюся в глаза мелочь устранила.

— Пришла посмотреть, как ты тут без мужа хозяйствуешь...

— Ой, да что вы! Какая я хозяйка! — Татьяна рассмееалась вроде так, беззаботно, весело. И вдруг снова вскочила, пробежала через всю комнату, схватила какую-то тряпицу, ранее не замеченную ею, сунула в шкаф. — Как хорошо, что вы пришли!

Глядя на нее сейчас, Марья Степановна, кажется, поняла, за что ее полюбил лейтенант Жернаков. За веселость. За беззаботность. Однако было ясно: хозяйка она никудышная. Наверно, обед не умеет приготовить, из столовой, наверно, обеды приносят. И вообще, рассчитывать на нее, видимо, мужу трудно, как, наверно, и обижаться. Не привыкла, не приучена.

Марья Степановна и Татьяна помолчали несколько секунд, посмотрели в окно.

Потом глаза их встретились, и тут же Марью Степановну будто иголкой кольнуло. Так неожиданно в глазах Татьяны она увидела слезы.

— В чем дело, Таня?

— Я сейчас поставлю чайник.

Марья Степановна кивнула.

* * *

За окном стояла все та же серая мгла. Так в этих краях бывает в начале осени. Нахлынут дожди, как по графику, дней на пять, на шесть. Потом снова отличная погода — с солнцем, с сухим мягким листопадом, с голубым бездонным небом, как в середине лета. Но эти пять-шесть дней на улицу лучше не глядеть: не погода, а тоска зеленая, мерзость какая-то, при виде которой невольно вспоминаются шумные городские улицы, кафе, театры, кино и все прочее.

А солдаты в такую погоду ведут учебные бои в поле.

Марья Степановна усадила Татьяну рядом с собой на диван.

— Ты мне расскажи все-таки, что произошло?

— Ничего сверхъестественного... Работы в школе нет.

— Как нет?

— Очень просто. В штате два преподавателя по черчению и рисованию. Зачем им третий?

— Подожди, подожди, не горячись. Может, действи-

тельно сложилась такая ситуация. Разве нельзя пока временно пойти... — она замялась.

— На другую работу?

— Да.

Татьяна резанула ее глазами и отвернулась.

— Зачем же я тогда образование получала? Четыре года училась. Государство деньги тратило. Чтобы все бросить?!

— Какую ерунду говоришь! — Марья Степановна даже покраснела, не в силах скрыть своего возмущения. Казалось, вот-вот и ее прорвет, не выдержит она и выдаст этой девчонке по первое число.

Но она сдержалась, подавила в себе гнев.

Минуту, а то и больше обе молчали. Татьяна, глядя в пол, сосредоточенно что-то обдумывала. Потом вскинула голову, сказала совершенно спокойно:

— Это не ерунда, Марья Степановна. Это близко касается меня. Я хочу работать по специальности. Я к этому готовилась.

Марья Степановна нахмурилась, снова внутренне вспыхивая. Чуть что — начинаются у молодых разные категорические утверждения: невозможно, нельзя... И претензии: я, я, я... Подай немедленно на блюдечке.

А Татьяна будто подслушала ее мысли:

— Понимаете, Марья Степановна, я, конечно, знала, куда ехала. Мне еще домашние говорили, когда мы с Борисом заявление в загс отнесли: «Куда ты, Танька, поедешь? Что ты будешь там делать?» Они оказались правы. Моей специальности здесь не требуется.

«Даже домашние говорили. А она, выходит, все же поехала».

— Здесь нужны агрономы, механизаторы. Здешний председатель Сизова сказала мне: «Идите в бригаду полевых учетчиц. Твердый оклад и натурой еще. Вполне прилично». Почему это, Марья Степановна, когда говоришь про работу, сразу начинают соблазнять ставками, льготами? Разве только в этом дело?

«Да, заявление в загс было подано. И собралась она в дальний гарнизон. О чем, интересно, она тогда думала?»

— Борис тоже хвалился. Такой край, такой край! В гуще жизни! А приехали — этого нельзя, того нельзя, туда не ходи. Узурпатор какой-то!

«Кажется, проблема носит и некий личный оттенок».

- То есть как это узурпатор?
- Конечно, узурпатор.
- Не понимаю. Поругались, что ли?
- Нет, не поругались.
- А чего?

Татьяна снова обожгла ее глазами. Продолжала холодно, с каким-то злым запалом:

— Только не подумайте, пожалуйста, что я жалуюсь. И вообще разговор между нами, прошу вас. Я терпеть не могу коллективных обсуждений.

«Фу-ты! Сколько сердитых слов. Ужасно самолюбива!»

— Ладно, ладно. Никому не скажу. Давай выкладывай, что у тебя там, — сказала Марья Степановна.

— Это выглядит, может, глупо. Мне даже неудобно... Но помните, вы говорили насчет изокружка в клубе. Я вначале согласилась, а потом отказалась. Помните? Я еще молола что-то насчет времени. Так вот знайте — настоящая причина совсем в другом. Мне просто Борис не разрешил.

Татьяна медленно отвела голову в сторону. Видно, кипело у нее все внутри.

«Действительно, узурпатор этот Жернаков! Кто бы мог подумать?!»

— Ну и что? Ну и не разрешил. А ты вникла как следует, почему он не разрешил? Какие-такие у него мысли в голове бродили? — сказала Марья Степановна вслух. — Дело-то проще простого: любит он тебя.

— Какая же это любовь? Одной не разрешает мне шагу ступить. На тебя, говорит, пялят глаза. Мужиков, говорит, тут слишком много... А что же я, виновата, что на меня смотрят? Что мужиков здесь много?

«Конечно не виновата».

— Ты, вероятно, бросилась стыдить его? А то, может, и похлеще — на смех подняла? Знаешь, есть такая манера у некоторых: человеку не по себе, человек страдает, а его высмеивают, подковыривают, шпильки на каждом слове...

— Что же, по-вашему, потакать? Подчиниться? Да он тогда такую силу заберет, что убежишь.

— Вот тебе раз, какие слова говоришь: «силу заберет»! При чем тут сила? Ведь это твой муж.

— Я никогда не думала, что моя жизнь так сложится.

— Какая жизнь, Таня. Очнись. Жизнь еще впереди. Не придумывай себе страхов, которых нет. Борис хороший парень. Ты вот все о себе, о себе. А о нем ни слова. Будто у него и сердца нет. Будто вы не по любви сошлись. А ты бы душевней к нему. Муж — самый близкий человек, приноравливаться надо друг к другу. Может, ревность свою он и сам чувствует и презирает себя за это, только справиться не может. Помочь надо. Душевней да подоверчивей обращайся. Тогда и в ответ тебе будет доверие...

Марья Степановна замолкла. Она теперь знала все. Обычные неурядицы, когда строится молодая семья. Особенно если кто-то из двоих вырос неженкой, маменькиной дочкой или маменькиным сынком.

Она оглядела неубрашенную комнату.

«Конечно, маменькина дочка. Сухая маменькина дочка».

По-прежнему на улице моросил дождь, окно было мутно и серо, и сквозь стекло едва проглядывали деревья вдоль дороги.

А Марья Степановна вдруг улыбнулась задумчиво и ясно. Она принадлежала к тому типу людей, которые всегда полны надежд. Самых разных и самых радужных. С далекой юности тянулась у нее пора самых светлых надежд. И никогда не иссякали они в ней, хотя в жизни ей доставалось и хватила она немало лиха. В войну. Да и в первые послевоенные годы.

— Ладно, Таня. Хандру-то откинь. Ты про Бориса сейчас думай. Погода смотри какая, а они в поле. — Она обхватила ее за плечи. — Узурпаторство-то его сойдет, вот увидишь.

— Марья Степановна, мы договорились с вами... Я надеюсь...

Марья Степановна успокаивающе кивнула.

— Конечно договорились. Ничего и никому не скажу про это. И не предупреждай меня больше.

— Спасибо, что зашли. Спасибо.

В глазах Татьяны прятались смущение и виноватость. Ведь действительно пришлось Марье Степановне затратить столько времени. Объяснять ей, будто маленькой девочке. Сидела тут одна, перебирала чего надо и не надо, накручивала... Очень получилось хорошо, благодарна она, хоть и стыдно, что пожилой уважаемый человек,

жена командира полка, тратит на нее свободное время. Уж, наверно, нашлось бы что-то поинтересней, да вот так...

— До свидания. Извините.

Марья Степановна пожала плечами, удивляясь, за что тут извиняться.

Если насчет времени? Тогда Татьяна ошиблась. Нет, Марья Степановна не считала, что затратила его слишком много. Главное же — она чувствовала: Татьяна уже что-то поняла. Значит, разговор не пройдет бесследно.

* * *

Вернувшись к себе домой, Марья Степановна вдруг вспомнила о сыне. Почему Андрей ничего не пишет? Хотя она никогда не была избалована письмами сына, даже когда тот учился в летном училище; бывало, ждешь-ждешь весточку, и уж, кажется, должна бы привыкнуть, да вот не привыкла. Андрей после окончания училища, еще год назад, был послан за границу, где служил в Группе советских войск. Точное его местонахождение она не знала и с этим тоже не могла свыкнуться. Где-то там, за границей, а в каком конкретно месте — военная тайна.

Сколько уже раз просила и предупреждала Андрея: пиши почаще — иначе буду волноваться. Разве трудно черкнуть две строчки: жив, здоров...

И опять Марья Степановна задумалась о судьбе офицерских жен, о судьбе матери, у которой сын — военный летчик. Что уж ей только не приходило в голову — ведь всегда беспокоилась, если Павел долго задерживался в поле или уезжал с полком на большие учения или когда сын учился летать и неделями не писал... Лезло в голову всякое, и начинала вдруг волноваться ни с того ни с сего.

«Нет, нет, надо взять себя в руки», — сказала себе Марья Степановна и открыла стол, где лежали письма Андрея. Старые, давнишние письма.

Когда на нее находила тоска, она всегда доставала эти письма. Почитает и успокоится. Будто с Андрюшкой по-видается.

Вот письмо, которое по времени относится к первым дням, как Андрей поступил в училище. Про Одессу расписывал, про море, про корабли... Первая весточка из

училища была самой длинной. А потом пошли все короче и короче.

Марья Степановна вынула то, первое, послание сына, но читать не стала — она знала его наизусть. Положила снова в конверт и достала другое, которое Андрей прислал месяца полтора назад из-за границы.

В этом письме Андрей коротко рассказывал об инспекторской проверке, о своих полетах на сверхзвуковом, которые прошли удачно, о благодарности генерала, старого фронтовика и известного когда-то летчика; справлялся о здоровье отца и матери, посылал им приветы и поцелуи, просил не скучать.

Марья Степановна читала и вспоминала то время, когда Андрюше было три года и они жили в другом дальнем гарнизоне, на севере. У Андрюши плохо развивалась речь. Это очень беспокоило родителей, они даже обращались к врачам, но потом все наладилось. И ей сейчас было как-то особенно приятно сознавать, что это тот самый Андрюша, ее сын, который говорил «капа» вместо «пока», теперь летает на сверхзвуковых самолетах и что у него там, в своем гарнизоне, течет уже какая-то своя, самостоятельная, мужская жизнь и заслуженный старый генерал объявляет ему благодарность.

«А ведь в письме очень чувствуется его натура. Гордый. Ни одного слова о себе, — подумала Марья Степановна. — Ни одной просьбы, ни единой жалобы. Отцовская повадка. Я когда еще это заметила... Бывало, в школе учился, сколько намучились мы: не успеет привыкнуть — надо переезжать. Мальчиш был, а все понимал, не хныкал и поблажек себе не требовал. В училище тоже, конечно, доставалось. Иные курсанты засыплют родителей просьбами: пришлите то-то, узнайте то-то... А он — никогда. Все у него бывало хорошо и отлично: никаких вроде трудностей, никаких тревог. Всегда улыбка и радушие для других, всегда готов прийти на помощь любому».

Марья Степановна так расчувствовалась от этих воспоминаний и размышлений, что тотчас, не долго думая, села за стол и стала писать Андрею длинное и полное материнской теплоты и ласки письмо. Никакого особого содержания в нем не было, никаких особых известий или вопросов — только материнская теплота и ласка.

И после того как она написала, на душе у нее стало спокойно.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

У полковника Ключева в семейном альбоме было мало фотографий, относящихся к военному времени. Некогда было в те годы фотографироваться. Да и те, что имелись, едва ли сохранились бы, если б не Марья Степановна. Она любила фотографироваться и умела хранить снимки. Ее стараниями и заботами фронтовое прошлое Павла Ключева в отдельных, и, к сожалению, не самых значительных, эпизодах, представало перед потомками зримо. На одном снимке старший лейтенант Ключев запечатлен в кругу однополчан: группа офицеров в живописных позах стоит возле блиндажа. Лето. Широкий сучковатый чурбак поставлен посредине, на нем — котелок. У всех офицеров подчеркнуто бесшабашное выражение на лице, у каждого на груди медали, у кого-то — ордена.

Снимок был сделан в сорок четвертом году в Луге, под Ленинградом, — вскоре после того, как была прорвана немецкая линия обороны и взято несколько населенных пунктов, в том числе и небольшой городок Луга. Офицеры, собравшиеся у блиндажа, в тот день обмывали награды; в котелке, согласно неписаному фронтовому ритуалу, купались в водке, выданной по этому случаю с некоторым превышением порции, новенькие ордена и медали, полученные присутствующими за совершенные во время прорыва обороны подвиги.

Некоторым из тех, кто заснят на фотографии, не довелось встретить Победу. Другие уже после войны ушли из жизни, пройдя через долгие месяцы госпитальных мук и страданий. А некоторые — их осталось очень мало — живут и здравствуют до сего дня. Вон крайний справа, с пышным чубом, выбившимся из-под фуражки, с парабеллумом на поясе, с орденами Красной Звезды и Отечественной войны, — это ведь Павел Ключев. Попробуй-ка узнай в этом худощавом и чуть сутуловатом молодом человеке теперешнего полковника Ключева. А четвертый в том же ряду — это Ликеев, тоже всего лишь старший лейтенант.

Как давно это было!

* * *

В четыре часа дня полковник Ключев прошел не спеша в штабную машину, где собрались офицеры. В осан-

ке, в походке, в движениях его чувствовались невозмутимость и спокойствие. Но в глазах было можно уловить упрямую в глубину настороженность: поверяющие приезжают в части не для того, чтобы наговорить командирам комплиментов, — эту истину он усвоил давно.

Клюев приветствовал присутствующих и сел на предоставленный кем-то табурет. Сел, спокойный и довольный всем на свете, даже этим внеплановым совещанием, на котором должен выступить полковник Ликеев. «Что ж, очень хорошо, — говорил его вид. — Это еще не разбор, но я рад обменяться мнениями по ходу дела. Это, видимо, правильно и только поможет нам всем...» Он даже отказался пройти вперед, к небольшому столу, куда его несколько раз приглашал начальник штаба Костин. Может, только в этом отказе и выразилось его отношение к совещанию, инициатором которого был Ликеев. Сам Клюев считал, что сейчас не до совещаний.

Полковник Ликеев начал свое выступление с перечислений. Сухо, по-деловому, он перечислил требования, которые предъявляет к ним, командирам подразделений и частей, округ; называл номера приказов, цитируя чуть не наизусть все, что относилось к новейшим тактическим построениям боя, к взаимодействию сложного боевого механизма, неузнаваемо выросшего и окрепшего в результате научно-технической революции в стране. Ликеев повторял известные истины, однако они звучали сейчас для всех присутствующих необычайно свежо, потому что Ликеев говорил об этом просто, без лишнего пафоса, тон его голоса, интонация — все свидетельствовало о внутренней работе мысли, которая охватывала широкий и важный круг вопросов.

«Молодец, хорошо говорит. Все верно и понятно, — подумал Клюев, сообщая сам себе о впечатлении, произведенном на него Ликеевым. — Раньше он не умел так говорить».

— Оснащение армии боевой техникой, ее количество и качество, организационная структура подразделений позволяют успешно решать сложнейшие тактические задачи. Умнейшая техника в наших руках — техника, способная творить чудеса, если ею овладеть, если на нее взглянуть как на близкого боевого помощника...

В штабной машине и так-то было тихо, а тут наступила прямо-таки гробовая тишина. Начальник штаба

Костин, опустив голову, ждал, что скажет далее полковник Ликеев. Сосредоточенно нахмурясь, чертил карандашом что-то у себя в блокноте зампотех — грузный, лысеющий подполковник Шаров. А Ликеев, словно чувствуя, как ошарашит всех то, что он вскоре скажет, говорил пока об элементарнейших вещах — о том, как необходимо людям осваивать технику, сколько нужно сил и энергии, чтобы выработать у людей автоматическое взаимодействие с техникой, умение воспользоваться ею в нужное время и в конкретных условиях.

«Ну, пора, кажется, товарищ Ликеев, давай, что тебе у нас не понравилось», — проговорил про себя Ключев, сохраняя между тем на своем лице прежнюю невозмутимость и спокойствие.

— Ваш выход через болото в район высоты 36,8 совершен удачно, — сказал, громко вздохнув, Ликеев, как бы услышавший призыв Ключева. — Задача выполнена, и можно, конечно, отметить энтузиазм командира роты и его бойцов. Более того, можно похвалить вас за это. Риск, как говорится, дело благородное. Однако для нас всех существует и другой аспект: современность технической оснастки совершаемой операции. Несколько лет назад, не спору, произведенная операция могла показаться достойной подражания. Но теперь, в нынешних условиях тактического и технического прогресса, требования у нас иные, и такая организация выхода через болото к высоте едва ли оправдана, она, скорее, плод упорного следования уже отживающей традиции... Я не могу здесь усмотреть нежелание или неумение подключиться к тому новому, что открывает нам техника. Я считаю: это результат впитавшейся в нас традиции. Об этом я и хотел сказать вам здесь, чтобы можно было сделать мгновенные выводы и вовремя перестроиться. Учения продолжаются, на календаре, как вы знаете, не сороковые и даже не пятидесятые годы, будем же учитывать это в своей работе. Да нам, кстати, и не позволят не учитывать этого.

Последние слова Ликеева прозвучали с намеком, и это почувствовал Ключев, хотя опять же ни один мускул не дрогнул на его лице.

Ликеев улыбнулся.

— Суть-то в том, чтобы не было нарочитости, когда мы совершаем тот или иной тактический маневр. Вот, дескать, повод продемонстрировать действия и полевую

выучку мостоукладчиков, вот повод показать саперов... Мы стараемся проводить учебу в условиях, приближенных к боевым. И здесь все должно быть максимально естественно, без нагнетания особых трудностей, которые иногда кажутся просто анахронизмом. Сорок лет назад выход на рубеж атаки совершался пешим порядком, сейчас, как вы знаете, у нас на вооружении имеется техника — бронетранспортеры и боевые машины.

— Однако про пеший строй забывать не следует, — сказал тихим, усталым голосом подполковник Зеленцов.

— Забывать вообще ничего не следует. В этом суть нашего разговора. Боевая задача, с одной стороны, и материально-технические средства для ее выполнения — с другой. Я специально останавливаюсь только на этих двух аспектах, опуская другие для ясности. Тактическое решение операции исходит в основном, повторяю, из этих двух аспектов. Самым лучшим планом считается тот, который обеспечивает выполнение задачи минимальными средствами и в наикратчайший срок. Тогда нагрузки оправданы... Имеется в виду умелое распределение технических и огневых средств.

Клюев по-прежнему сидел в той же спокойной позе на своем месте. Он понимал, что Ликеев бросает свои упреки лично ему как командиру полка, он чувствовал по взглядам помощников, что те ждут его слова, и упорно молчал. Учения еще не кончились. Предварительный разговор мог, конечно, иметь более веское продолжение при заключительном обсуждении, при разборе, при отчете старшим начальникам. Возможно, Ликеев на это и рассчитывал. Но Клюев не хотел, не желал вступать сейчас в обсуждение этого вопроса. «Ах, товарищ Ликеев, товарищ Ликеев! Для вас, штабного работника, всегда существует лишь одно: выполнено ли и как? А для меня к этому прибавляется еще такой аспект: кем? Я командую людьми, я учу их, и мне очень важно, кто они есть сегодня, кто они — завтра и послезавтра, насколько готовы они морально и физически... Впрочем, к обсуждаемому эпизоду это не относится полностью. Речь идет о принципе...»

Однако обстановка при разговоре приняла какой-то тягостный характер, и майор Костин, не дождавшись Клюева, решил прояснить вопрос. «Будешь молчать — черт знает что навешают!»

— Мостоукладчики находились на левом фланге, где вышли на переправу, на которую мы не рассчитывали... Кроме того, если бы они поступили в распоряжение капитана Богачева, не насторожило бы разве это разведку противной стороны? Ведь в оперативной дерзости и состоял план выхода через болото, так сказать, традиционными методами...

— Возможно, возможно, — сказал сухо Ликеев и посмотрел в упор на Костина. — Хотя дерзость, в моем сегодняшнем понимании этого слова, носит иной характер.

Клюев глубоко вздохнул, лицо его впервые за все время разговора изменило своему обычному выражению невозмутимости. Остро заблестели серые глаза за припухшими веками. Клюев тут же склонил голову, как бы стараясь скрыть от других это свое новое выражение. Он смотрел в пол, в резиновую гофрированную дорожку, заменяющую коврик, а в глазах его вдруг заплескалась мутная зыбучая Даугава. Ему вдруг вспомнились разбитые понтоны, он увидел обломки досок и бревен, плывущие по реке. Доски поблескивали сахарной белизной на сломках. «Саперы под огнем навели переправу через Даугаву, а она взлетела на воздух. И тогда пришлось стрелковым батальонам... Мы взяли эту жуткую в своеволии реку, потому что иного выхода просто не было. Не было, не было.... И мы взяли...»

Клюев сделал над собой усилие и выпрямился, и опять лицо его приняло прежнее выражение: все хорошо, будто никаких упреков не кидал ему Ликеев, будто не мигнула ему из далекого прошлого суровая холодная Даугава, все спокойно, идет обычный деловой разговор на тему, как и когда лучше применять приданные средства обеспечения. «Ах, товарищ Ликеев, товарищ Ликеев, все очень верно, о чем вы говорите. Очень даже верно, если видеть только одно направление нашей работы».

После совещания Клюев не стал сопровождать Ликеева. Он по своему долгому опыту знал: некоторые поверяющие при рассмотрении плана учений вырабатывают свою, «идеальную», схему действий подразделений и иногда невольно понуждают командира следовать этой схеме. Диктат не диктат, но что-то вроде дружеской рекомендации, к которой не прислушиваться рискованно. Клюев не любил опеки, не любил связывать себе руки — он поручил Ликеева начальнику штаба Костину. Шаров, как всегда

немногословный, доложил: один бронетранспортер вышел из строя. Зампотех тут же добавил, как бы стараясь сгладить впечатление: «Один бронетранспортер... А вообще за технику я спокоен, так что не волнуйтесь». Ключев с удивлением поглядел на Шарова: почему он должен волноваться сейчас? Чего это Шаров успокаивает? Тут же догадался: результат выступления Ликеева. Ну что ж, и то хлеб. И невольно улыбнулся, представив, как Шаров сейчас начнет трясти своих подчиненных. И подумал добродушно: «Ничего, ничего. Пусть потрясет — полезно...»

Снова вдруг наплыло воспоминание и пахло запахами далекой Даугавы. Обломки понтонов, точнее, несколько бревен позволили им тогда совершить чудо. Жаль, что Ликеева уже не было с ними, он бы понял... Старая и вечная истина: жизнь меняется, человек обрастает новыми механическими помощниками. Кому бы пришла в голову там, на Даугаве, такая фантазия, что реку можно будет форсировать на тяжелых боевых машинах. Однако при любых механизмах человек не теряет своей ценности. Удача или неудача — как конечный результат дела — всегда требует разностороннего и справедливого анализа. Бой ведет не техника, бой ведет человек. «А про человека он ничего не сказал. Может, потому что привык иметь дело с картами, схемами... А нужно, обязательно было нужно сказать, если уж решил поговорить».

Неожиданно Ключев собрался ехать опять на правый фланг, туда, где находилась рота капитана Богачева. Ликеев же, занятый разговором с Костиным, не открывал заранее своих замыслов; он делал свое дело.

Откинувшись на спинку сиденья, Ключев ехал, впериw глаза в ветровое стекло машины, за которым качались и прыгали полуоголенные метелки берез, поднималась и опускалась на холмах дальняя стена леса. Слева от себя Ключев видел знакомый хмурo-сосредоточенный профиль своего постоянного шофера. Шофер знал, как достается командиру полка на учениях, как он переживает за каждую роту, за каждый взвод, и старался — вел машину быстро (полковник любит быструю езду), но аккуратно (после проливных дождей дорога превратилась в сплошное месиво из грязи). На повороте, когда газик внезапно закинуло, водитель виновато посмотрел на полковника, но тот даже глазом не повел. Широкое усталое лицо

его было замкнуто-сосредоточенным — Ключев весь ушел в собственные мысли, и неровная, в коленях, дорога будто способствовала сейчас тому, что в его памяти возникали и гасли обрывки далекого прошлого, и он переносился на несколько лет назад, когда еще не было полковника Ключева, а был старший лейтенант Ключев, отчаянный и немного самоуверенный парень, шагавший по осенним дорогам вперед, на запад, вперед, на запад! Через многие годы он не мог забыть эти дороги и вскакивал по ночам с безотчетным чувством тревоги, как при неожиданном артобстреле или бомбежке на передовой.

Он снова думал о подразделениях своего полка, которые еще прошлой ночью вошли в прорыв, образованный атаками роты капитана Богачева. Что-то вроде усмешки мелькнуло на губах Ключева. Он вспомнил слова Ликеева: «Традиционные методы переправы...» И представил Богачева — широкоплечего, резкого, властного, — умевшего отдаваться целиком, без остатка, той большой игре, которая разворачивалась на поле. Себя не пощадит, но и другим покоя не даст. Ключев, как и большинство командиров его ранга, прослуживших длительное время в одном полку, любил своих офицеров. Он знал каждого не только в лицо, знал характер, семейное положение, привычки и недостатки, достоинства и слабости. «Капитана Богачева пора представить на повышение, — думал он, сидя в машине. — На батальон бы можно ставить: созрел, действует грамотно, смело, не шаблонно. Стараются, конечно, рассчитывая на внимание. Надо, надо представить», — заключил свои размышления Ключев, вспомнив недавний разговор о том же самом с Зеленцовым и Костиным.

Рядом с Богачевым в этих размышлениях командира полка возникали и другие офицеры, среди которых был и лейтенант Жернаков, — острый парень, рвется вперед! — и лейтенант Никонов — добрый получился офицер, хотя еще не освободился от гражданских замашек (Никонов был призван в армию после окончания педагогического института, даже работал педагогом года два). Тут же Ключев вспомнил, что в роте у Богачева новичок. Когда лейтенант Колотов представлялся полковнику, поговорить удалось мало, но Ключев всегда доверял первому впечатлению — Колотов произвел на него хорошее впечатление.

Сквозь ветровое стекло синела сумрачная глушь осеннего леса. Газик сильно трянуло на взгорке (опять водитель быстро посмотрел на замкнуто-сосредоточенное лицо Ключева, и снова полковник не прореагировал на толчки машины), потом опять поползла под колесами вязкая, разбитая автомобильными шинами дорога. Мотор натужно гудел, работая с предельной нагрузкой. И гудение это не смущало Ключева. Именно под такое гудение ему лучше думалось.

Если слова Ликеева и не задели глубоко полковника Ключева, потому что речь шла о многом, в том числе и о том, правильно или неправильно выходила рота Богачева к высоте 36,8, насколько решение соответствовало тактическому плану, и о многом другом, о чем в двух-трех словах не скажешь, то сама постановка вопроса в чистом виде или, как иногда говорят, в принципе взволновала Ключева. Уж не говоря о том, что Ликеев несколько сам абстрагировался от общей обстановки, когда заговорил, что рота Богачева выходила на высоту через болотину, используя традиционные методы, не соответствующие якобы современному состоянию и оснащению войск техникой. Ключеву в словах поверяющего вырисовывался тот угол зрения, который он, Ключев, считал односторонним или в лучшем случае недостаточным. Угол зрения этот заключался в слишком большом, преувеличенном, отношении к технике, ставящем ее чуть ли не на первое место в решении разных боевых эпизодов. Ключев любил и уважал технику, но считал, что умение иногда обойтись без нее, проявить находчивость, смекалку достойно уважения и должно всячески поощряться.

Он ехал сейчас в машине и, насупившись, размышлял обо всем этом, приводя самому себе разные факты из армейской жизни, разные доводы и соображения, упоминаемые порой в дружеской беседе с товарищами, хотя вслух эти мысли в каком-нибудь официальном месте почти никогда не высказывал из боязни быть понятым неправильно, односторонне. Не высказал он их и полковнику Ликееву. «Оратор я плохой, какое-нибудь словечко вылетит не так — оправдывайся потом».

Да ведь и не в принципе дело. Не принцип же его когда-то увлек, не с этого все началось. В годы войны встретился ему человек, который стал для него примером. Этот человек считал, что лишь люди с чуткой струк-

турой, сильные и вместе с тем отзывчивые, способны уловить настроение других, усилить это настроение многократно и повести за собой. Эти люди часто командуют — это внешняя сторона их дела. Зимой сорок второго года человек, ставший для него образцом, водил в атаку роту на Черной речке, под Ленинградом. Как он умел привлекать к себе людей! Сколько солнца, любви и высокой ответственности за все и за всех было у него для каждого! Рота прогремела славой по всему фронту. Собранные из разных концов страны люди — с разными характерами, различным житейским опытом, всех возрастов и положений — оказались безукоризненно слиты в единое целое. Роту можно было бы назвать железной, но тогда подобных названий не давали. Это считалось нескромным. И уж совсем бы не подходило такое название ее командиру и первому другу Ключева, капитану Ивану Зотову, который был собой худощав и бледен, глаза имел голубые и по-детски простодушные. Спустя много лет Ключев понял, что секрет заключался в умении слышать и понимать людей. Десятки отбитых атак, страшные полуголодные месяцы блокады — этому человеку, израненное, иссеченное пулями тело которого покоится под белым обелиском на Пискаревском кладбище, город обязан многим.

И он, полковник Ключев, тоже обязан ему многим.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Бой, хотя бы и учебный, — это постоянное возникновение разных препятствий и умелое их преодоление. Имеются в виду препятствия, которые возникают не только перед наступающими подразделениями непосредственно: учитываются и те, которые в силу естественного удобства могут стать ими, если своевременно не обратить на них внимания.

Подразделения первого батальона, двинувшись вперед, углубились клином в позиции «противника». В стремительном движении никто не придавал вначале особого значения поляне, расположенной в двух километрах справа, в лесу. Когда же «противник» уперся и сопротивление его стало нарастать, все поняли, каким ценным по-

дарком может обернуться для него эта лесная поляна. Выбросив десант, он мог отсюда нанести контрудар по позициям наступающих.

— Это плацдарм... Плацдарм!

Требовалось немедленно обезопасить наступающие подразделения от возможного контрудара «противника».

Богачев вызвал лейтенанта Колотова, объяснил обстановку.

— А не может быть такой ситуации, что поляна уже занята? — спросил тихо Колотов.

— Не думаю, — ответил Богачев, углубившийся в изучение узкой зеленой полосы на карте. — Во всяком случае, будьте осторожны.

— Я?

— Да, — хмуро кивнул Богачев. — Вы со своим взводом займете поляну в квадрате... — Он снова назвал координаты, и голос его прозвучал вызывающе резко. — Готовьте людей. Соображайте насчет маршрута. Я сейчас приду.

«Удивительная манера разговаривать, — размышлял Колотов, шагая к себе во взвод. — Характер такой или психоз? То ли холку намылили ему в штабе? Или боится, не справлюсь? Нервничает...»

Последнее соображение Колотова соответствовало истине: капитан Богачев действительно опасался, сумеет ли новенький, не обкатанный в походах и войсковых учениях лейтенант осуществить поставленную задачу. Он намечал послать взвод Никонова. Однако вмешался подполковник Зеленцов:

— А почему бы, капитан, не испытать новенького?

Богачев тогда откровенно поморщился.

— Задание особенное, товарищ подполковник, лучше послать офицера, которого я знаю.

— Лейтенант Колотов теперь офицер вашей роты. На мой взгляд, самый подходящий случай узнать его поближе.

— А если задача не будет выполнена? Спросите с меня?

— Конечно спросим! — улыбнулся Зеленцов. — А как же иначе? Вы отвечаете за роту. Кстати, на фронте, когда прибывали молодые офицеры, гадать не приходилось. Не было времени на обкатку.

Упоминание о фронте покорило Богачева: «Что они,

сговорились? Командир полка, когда приехал Колотов на учения и заменил Саруханова, ссылаясь на фронтовые условия. Теперь Зеленцов — то же самое. Да что я, против, что ли? Давайте пошлем Колотова, испытаем...»

* * *

Выступали в сумерках.

В первой машине, стоя в люке, ехал Колотов.

Как бы наблюдая за движением машин, смотрел вслед капитан Богачев..

«Волнуется старик. Или проверяет... Проверь, проверь!» Колотов еще не мог забыть холодного тона, каким разговаривал с ним командир роты.

Двигатель бронетранспортера работал почти бесшумно. Колотов стоял, опираясь рукой на крышку люка, поглядывал по сторонам. С того момента, как взвод разместился в машинах, он молчал, как бы выражая этим предельную сосредоточенность.

Широкий гребень, поросший молодым ельником, служил ориентиром. Когда бронетранспортер поравнялся с ним, Колотов дал сигнал остановиться. Подождал, когда подтянутся остальные. Затем командирская машина вошла на гребень и двинулась на малой скорости в кустарник. Слышался шелест сучьев по броне, щелчки сухого дерева, понавшего под скаты.

Сумеречная серая тишина стояла вокруг. Колотов взглянул на часы, потом на компас. Зеленоватые стрелки поблескивали в темноте. Остановив машину, Колотов уточнил азимут.

Прошел час или чуть меньше... Кусты вокруг почернели и приблизились. Прокричала в глубине леса какая-то птица. Колотов повернулся и просверлил темноту синим лучиком карманного фонаря, просигналил: осторожно, заглушить моторы.

По расчетам Колотова, поляна находилась метрах в четырехстах. Он приказал высадиться. Снова посмотрел на компас и распорядился: сержант Гусев со своим отделением остается около машин, всем остальным принять боевой порядок.

Через полчаса они достигли лесной опушки, поляна находилась рядом. Стараясь держаться кустарника, пошли вдоль опушки, соблюдая величайшую осторож-

ность — у «противника» могли быть приборы ночного видения. Колотов шагал впереди. Очень хотелось курить, но никто даже не заикался об этом. Шли, напряженно вслушиваясь, время от времени останавливаясь и снова всматриваясь в непроницаемую темноту...

Когда-то в училище, еще на первом курсе, Колотов выработал своеобразную манеру поведения на занятиях, которую в шутку прозвал «линией открытого боя». Суть ее заключалась в том, чтобы не уклоняться от преподавательских вопросов, не делать вида, будто смотришь в сторону, когда руководитель семинара ищет желающего попробовать свои силы, не прятаться за спины товарищей. Если есть недоуменные вопросы — обращаться с ними напрямую, не беспокоясь, как это скажется на авторитете: «Ах, такого пустяка не можете уяснить?!» Никогда не лавировать: знаешь — знаешь, не знаешь — не знаешь. На физподготовке он смело шел к снаряду, чтобы повторить замысловатое упражнение, которое только что показал физрук. Повторить не всегда удавалось — часто смелость оборачивалась синяками, растяжением сухожилий, — однако Колотов оставался верен своей методе. Та же картина была на занятиях по тактике — преподаватели уже знали, кого вызывать первым, кто не растеряется, решая необычную задачу. Когда в клуб приехал иллюзионист и во время представления попросил кого-нибудь из зрителей на сцену, чтобы засвидетельствовать реальность, добротность, прочность лежавших на столе и предназначенных для демонстрации предметов, курсанты в один голос закричали: «Колотова! Колотов, выходи!». Вот что значит держать «линию открытого боя».

На третьем курсе вдруг обнаружилось, что преподаватели очень любят вести беседу с курсантом Колотовым. На четвертом курсе его доклад на научной конференции был признан лучшим. Итог вообще оказался в пользу Колотова: он извлек за время пребывания в училище знаний больше, нежели многие его товарищи по курсу...

Со стороны долины налетел порывами ветер. Залопотали листья осинника, зашумели макушки берез. Саруханов, замыкавший движение, подошел к Колотову.

— Чувствуете, товарищ лейтенант? — спросил он, отдышавшись после быстрой ходьбы.

— Вы о чем?

Снова подул ветер — низом и сильно.

— Горелым бензином пахнет. Чуете?

Колотов втянул носом воздух.

— Точно, черт возьми! Бензином несет.

— Либо машина тут недавно прошла, либо где-то рядом стоит...

Был тотчас же отдан приказ: следить за любыми неровностями почвы. Предупреждение оказалось своевременным. Лавриненко и Блинов, пройдя шагов десять, склонились к земле, стали ощупывать ее руками: подозрительные углубления, напоминающие колею... Колотова накрыли плащ-накидкой, он подсветил фонариком, и стало окончательно ясно: здесь проехал вездеход, совершенно свежие следы. Тут же под плащ-накидкой была составлена шифровка для капитана Богачева.

Потом Колотов поднялся с земли и, поправляя ремень, произнес со вздохом:

— Теперь дело за нами, товарищи! Только за нами.

* * *

Удивительное дело, как устроен человек! Вот идут учения — все по плану, все, кажется, хорошо. Но люди уж слишком спокойны, даже холодны — не настоящий бой, не война... Но вдруг маленькая деталь, пустяковый штришок — и игра оживает и будоражит уже каждого участника стремлениями перехитрить «противника», оказаться умнее, сообразительнее. От командира передается возбуждение солдатам, и каждый хочет быть первым, и не только первым, а стратегом, полководцем, бывалым разведчиком...

Колотов отозвал Саруханова в сторону и посоветовался: кого послать вперед?

Было решено: двигаться вдоль колеи, проложенной вездеходом. Впереди Саруханов, рядом с ним, в нескольких метрах, неразлучная пара: Блинов и Лавриненко.

Тьма вокруг стала еще гуще. А может, в глазах темнело от напряжения и усталости. В тишине зашуршал кто-то справа, слышалось чавканье. Кто-то решил перекусить остатками прибереженного в походе бутерброда.

«Вездеход в долине. Видимо, это разведка. С какой целью она послана? Как раскрыть их планы? Вот был бы подарочек капитану Богачеву от лейтенанта Колотова!»

Размышления его были прерваны коротким свистом, напоминающим посвистывание сусликов. Условный сигнал Саруханова. Все притаились. Колотов пополз вперед.

— Я только что слышал стук лопаты, — сказал Саруханов шепотом. — Отчетливо слышал.

Некоторое время они лежали, тяжело дыша и прислушиваясь. Предельная осторожность. «Противник» рядом. Малейший неосмотрительный шаг может погубить все.

Кругом было тихо.

— Но я не мог ошибиться, товарищ лейтенант, — зашептал Саруханов. — Я слышал отчетливо.

Протяжный, чуть слышный свист — и снова они поползли вперед. Тишина вокруг стала напряженной. «Только бы не звякнул кто-нибудь оружием», — подумал Колотов, и в тот же момент до него совершенно явственно донесся удар заступа о землю.

— А вон, смотрите, вездеход! — возбужденным шепотом сказал Саруханов, и Колотов пораился остроте его зрения.

Темным пятном проступал впереди вездеход, замаскированный ветками деревьев. Уже слышны тихие возгласы копавших землю. Недалеко прошел кто-то — сначала в одну сторону, потом в другую. «Как все странно в этой игре, — подумал Колотов. — Это же ребята из второго батальона. Интересно, что они думали, устраиваясь тут. Думали, что ночью их не побеспокоят?» Он пожал руку Саруханову, давая этим понять, что пора. Саруханов и Блинов, оба с взрыв-пакетами, поползли в обход. Колотов достал из сумки ракетный патрон.

Вот они — минуты перед броском. Не различая в темноте своих солдат, не видя их лиц, Колотов вместе с тем чувствовал, что они тоже, как и он, в напряжении, что они готовы по сигналу вскочить, бежать, действовать, готовы выплеснуть из себя ту силу, которая исподволь накапливалась в них, пока они пробирались сюда лесом, пока ползли по-пластунски через поле... Убеждаться в этом не было необходимости — эта готовность чувствовалась даже в окружающей атмосфере, будто насыщенной неким магнитным потоком, пронизывающим их насквозь. И сам Колотов сейчас был странно уверен, что все произойдет так, как надо. Впереди Саруханов, рядом с ним Блинов, никаких случайностей не должно быть.

Короткие бледно-зеленые огни ударили из темноты, при их свете резко простунила башенка вездехода с хищно устремленным в сторону поля стволом крупнокалиберного пулемета. Один за другим разнеслись гулкие взрывы. Застрочил по перебежавшим солдатам «противника» пулемет. Колотов зажал ракетный патрон в кулаке и дернул за шнур.

В общей сумятице хлопка не было слышно, лишь белая шипящая струя унеслась вверх.

В свете мерцающей ракеты Колотов увидел в стороне от вездехода офицера с повязкой на рукаве. Он что-то кому-то кричал, кому-то приказывал. На груди его светился сигнальный фонарь. Колотов тоже зажег свой фонарь и пошел незнакомому офицеру навстречу.

Это был один из помощников Ликеева. Выслушав доклад Колотова, он раздраженным, сухим голосом приказал, чтобы вездеход покинул позицию.

— А вы, лейтенант, продолжайте действовать, командуйте, — сказал он тем же раздраженным голосом и осветил довольно бесцеремонно фонариком лицо Колотова, прислушивавшегося к гулу бронетранспортеров, доносившемуся из глубины леса.

У полувырытого окопа курили солдаты из взвода Колотова, грязные и мокрые, измученные бессонными ночами; они стояли сейчас и разговаривали мирно с солдатами «противника». Гул бронетранспортеров в темноте ночи надвигался все ближе и ближе.

Учения продолжались.

* * *

Колотов понимал, что действия взвода захватом бронетранспортера «противника» не ограничатся, что впереди еще большая работа. Надо как можно быстрее организовать оборону — обезопасить поляну от возможного нападения «противника». «Быстрота при захвате плацдарма и в организации обороны — первое условие успеха», — так учил их майор Кривенко на занятиях по тактике. Николай Иванович Кривенко — прекрасный товарищ. Два последних года в училище сблизили их. И разница в возрасте не мешала. Просил перед отъездом писать ему обо всем.

Ночь по-прежнему стояла над поляной, над окружа-

шими ее лесами, но привыкшие к темноте глаза уже различали слабые контуры машин и деревьев. На вагорке, обращенном к западу, стучали лопаты. В тишине этот стук странно отдавался в ушах. Копали там, где никто никогда не копал. В сыром, промозгом воздухе, если стук прекращался, текли ароматные струи сигаретного дыма.

В надвигающихся серых бликах Колотов видел ритмично склоняющиеся фигуры солдат. Он обошел позицию, еще раз взвесил, все ли учтено, все ли так, как положено, и присел поодаль на сложенную в несколько раз плащ-накидку. «Еще немного осталось, — сказал он себе и полез в карман за сигаретами. — Еще один урок...» Он хорошо понимал, что это за урок — танки. «Танки справа, танки слева», — вспомнил он слова Жернакова. Хотелось спать. «Перехитрили мы все-таки их», — подумал он о вездеходе. Но радости не было. Очень клонило ко сну. «Полежать бы минуток триста...» И ребята устали. Выдыхаются. Сколько за эти дни выбросили земли! А маршброски?! А повторяющиеся атаки?! Сегодня утром, вчера, позавчера, третьего дня... Он вдруг вспомнил улыбающееся лицо Саруханова, когда капитан Богачев объявил ему благодарность. А лейтенант Жернаков как сиял вчера! «Все мы люди, все человеки». Колотов посмотрел на часы, соображая, сколько потребуется времени, чтобы закончить работу по оборудованию позиции, и приказал Саруханову, чтобы открыли НЗ. Вскоре услышал приглушенные голоса солдат, приветствующих сообщение об ужине. И опять прикинул в уме, удобно ли размещены на позиции секреты и посты охранения.

Спали под открытым небом на плащ-накидках, постеленных на сучья ольшаника. Такими же плащ-накидками накрылись. Разговаривали мало — усталость валила с ног.

Едва забрезжило утро, Колотов, проснувшись, приподнялся на локте, протер глаза, посмотрел на силуэты кустов в мутной предрассветной мгле. Потом еще раз протер глаза и рывком поднялся, прошел за куст, делая взмахи руками, чтобы согреться. Около окопов, еще не ясно различимых, копошились солдаты — курили, глухо обмениваясь замечаниями по поводу промозглой погоды. Тут же Колотову сообщили, что капитан Богачев вызывает его на связь.

Через полчаса Колотов шагал от бронетранспортера обратно, к окопам. Уже отчетливо были видны кусты ольшаника и дальняя елочка на взгорке, где он обосновал свой наблюдательный пункт. Серая пелена облаков над лесом вдруг расползлась, показав кусок белого неба. Стало тише вокруг.

И вдруг Колотов понял, что никакой тишины нет — тонкий вибрирующий гул донесся со стороны дальнего леса. Гул нарастал с каждой минутой, и откуда-то из-за елочек долетело предупреждающее: «Танки!» Солдаты попрыгали в окопы. Колотов тоже прыгнул в окоп, пристально всматриваясь туда, где узкой просекой уходила в лес холмистая поляна.

Первый танк вырвался на скорости из леса, используя гребень холма, и сразу же как-то неуловимо отвернул вправо, за ним тут же выехал второй, третий — машины шли быстро, отчетливо слышалось рокочущее гудение их моторов. В рассветной мгле они были почти невидимы, изредка покажется покатая башня то в одном месте, то в другом — танки были совсем рядом.

«Самое главное — не пропустить момент... Не пропустить момент», — думал Колотов. Сквозь гудение машин до него донесся голос Саруханова:

— Приготовить гранаты!

Как бы со стороны Колотов отметил: «Саруханов — хороший помощник, мне повезло...»

— Гранаты к бою! — крикнул Колотов.

Первый танк, мчавшийся на скорости к окопу, вдруг замедлил движение и остановился. Рядом, тяжело грохоча разгоряченным мотором, встал второй. В ту же минуту Колотов увидел слева капитана Богачева, размашисто шагавшего вдоль окопов. Рядом с Богачевым был офицер с повязкой на рукаве.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Вечером в тот день, когда Зинаида Трофимовна Сизова побывала в военном городке и так удачно договорилась насчет вывозки картофеля, она получила письмо из Бреста. И вот радости после успешно завершеного дня как не бывало. Какая тут радость, если дорогие те-

бе люди уходят из жизни! В письме сообщалось, что Шорин Григорий Петрович плох и умирает. А кем был для нее комбат пограничного батальона капитан Шорин — даже ответить не просто. 22 июня сорок первого она осталась одна — семнадцатилетняя девчонка. Одна на всем белом свете. Прибежала в батальон пограничников. А Шорин и слушать ее не хочет: «Мне детей не нужно». Только увидел, что она не уйдет, что уходить ей некуда, немцы рядом, — сдался. «Ладно. Но еслипустишь слезу — тут же отправлю в тыл».

«Комбат Шорин плох. Комбат Шорин умирает».

Бледной, задумчивой была Зинаида Трофимовна в тот вечер. Сидела неподвижно, облокотившись на стол. Темные морщины избороздили ее лоб. Она думала о своей жизни, о своей молодости. Младшая дочь Галина давно спала, а ей не спалось.

Какой был командир — этот Шорин! Рука жесткая. Других не щадил, но и себя тоже. На пограничной заставе вырос. Рядом с вражеским станом. А это означало готовность ко всему. Мирное время — а у него на груди орден Красного Знамени. Удивительной храбрости был человек. И бойцы его любили. За своего командира были готовы в огонь и в воду.

Ночь, ночь. Ни огонька не видно в домах. Только в одном окне — у председателя колхоза Сизовой — свет. Склонилась над столом Зинаида Трофимовна, одолели ее тревожные думы, воспоминания.

«Комбат Шорин плох. Комбат Шорин умирает».

А как же получилось такое, что с людьми, близкими ей, почти что родными, не виделась? Где же она была все эти годы? Почему не съездила туда, где начиналась ее молодость? Все дела, все заботы. Не побывала в местах, откуда в большой мир шагнула! Как же так?!

Два года назад послали ее на выставку в Москву. Ехала скорым поездом. В вагоне-ресторане, пока официант записывал ее скромный заказ, мимо, тяжело прихрамывая, прошел мужчина в пиджаке защитного цвета. Обычный пассажир, как и другие. Посмотрел вправо, влево, выбирая место поспокойнее, сел за столик в противоположном конце вагона, лицом к ней. Она сначала и внимания не обратила. Пожилой человек взял в руки меню, изучает его, откинувшись на спинку стула, — дальнотзорный, значит. Потом положил меню обратно на стол,

сложив бумажку зачем-то вдвое. И снова откинулся на спинку стула, выбирая положение поудобнее.

И вдруг в какое-то мгновение он поглядел в упор на Сизову. Ее словно током ударило: она глаза его увидела. Такие глаза могли быть только у одного человека!

Она встала и подошла к столику.

— Григорий Петрович, вы меня узнаете?

Мужчина пристально взгляделся в нее, чуть откинув седую голову и немного прищурясь.

— Неужели Зина Багрова?

Ее девичья фамилия была Багрова.

— Я, Григорий Петрович.

Так, неожиданно, спустя более двадцати лет после войны, произошла ее встреча с комбатом Шориным, с тем самым Шориным, который в сорок первом году говорил: «Если пустишь слезу — тут же отправлю в тыл».

А в тыл пришлось отправлять в сорок втором самого Шорина, тяжело раненного под Тулой.

Тот период жизни, когда она пришла в батальон и вместе с батальоном отходила от Бреста на восток, а потом наступала на запад, ей запомнился еще и тем, что командовал батальоном Шорин. Уже став женой и матерью, познав жизнь и в горе и в радости, она иногда размышляла про себя: как же формируются такие люди, как Шорин? Через что же они проходят в жизни, вырабатывая в себе такую стойкость и волю? Она жадно смотрела в поблекшее, сизое лицо Шорина, на его седую голову, на черную кожаную кисть руки, безжизненно лежащую на столе, а перед глазами ее вставал тот, другой Шорин, командир батальона пограничников. Она видела его в серой гимнастерке и синих галифе, перетянутого крест-накрест ремнями, шагавшего впереди колонны с немецким автоматом через плечо.

На станции Красное задержался эшелон, железнодорожники ремонтировали путь... После ночного тридцатикилометрового марша батальон занял оборону. Бойцы валялись с ног, но комбат казался железным. Его голубые, с металлическим оттенком, глаза отсекали всякие страхи, поднимая людей в атаку снова и снова. До полудня гремел бой, эшелон сумел уйти. Багрову потом долго тошнило от запаха крови.

Как давно это было!

В вагоне-ресторане рядом с Сизовой сидел старый

больной человек. Только глаза не потеряли каким-то чудом былую голубизну.

— Выросла ты, Зина. Не узнать.

«Выросла! Разве этим словом называют седину и морщины на лице?»

Шорин беспрерывно курил. Рассказывал о себе скупо. После того как потерял руку, почти два года валялся в госпиталях. Семьи нет, семья осталась там, в сорок первом... Едет к себе домой, туда, в Брест. Здесь был в гостях, она должна помнить лейтенанта Пригоду, который любил слово «именно», произнося его сокращенно: «имно». «Имно здесь будем держаться!», «Имно тут наш рубеж!» Так и до сих пор не научился произносить правильно этого слова. Живет в райцентре, на пенсии — к нему и ездил. Тот батальон, который он вел в сорок первом, — теперь единственная его семья. Некоторых разыскал, переписывается. Могилы некоторых нашел — хлопцы спят в земле на пути от Бреста до Москвы...

Узнав, что Сизова едет в Москву на выставку, он глубоко затянулся сигаретой, глянул на нее из-под морщинистых век голубым давнишним светом.

— Это хорошо. — Он улыбнулся.

Почему ей всегда казалось, что глаза его отливают холодом? Какой такой металл ей привиделся в них?

— Это хорошо, Зина, — повторил Шорин.

В голубизне его глаз она увидела простодушие и давнюю, застарелую грусть и еще — неустроенность.

В Москве, на вокзале, уже спустившись в метро, она сказала:

— Григорий Петрович, родной мой! Приезжайте в Лужаны. Честное слово, не пожалеете. И работа найдется... И вообще...

Шорин смешался. Железный человек, боевой командир, выводивший свой батальон в сорок первом из колец и полуколец, сейчас растерялся.

— Ну, правда, Григорий Петрович, — продолжала она, стараясь не замечать его дрожащих губ и странно застывших глаз. — Раз вы один, то давайте поближе к тем, кто стал вашей семьей. Ну в самом деле, Григорий Петрович!

— Спасибо, Зина, — сказал он, отвернувшись. — Пригода тоже звал, но я не согласился. Я никуда не поеду

оттуда. За Брестом лежат мои — жена и пятилетний сын. Я хочу быть с ними.

Они сели в метро и в молчании доехали до Белорусского вокзала. Но Шорин не зря считался волевым человеком. На вокзале он разговорился. «Не спится мне ночами, знаешь. Все думаю, думаю. Все хочу ребят наших найти... Вот тебя встретил, надо же, такой случай. А ведь искал, справки наводил... К тебе, Зина, я, может, и приеду. Побывать. Посмотреть на твои теперешние дела. Ты сама, если будет возможность, напиши, кого помнишь... Как же так, чтоб забыть! Не много уж осталось то нас...»

Когда подошел поезд, уходивший на Брест, помогая Шорину подняться в вагон, Сизова с горечью заметила, как посинели его губы. Да и сам он, видно, чувствовал себя неважно после дороги, но, преодолевая слабость, с присущей безжалостностью к себе сказал: «Не обращай внимания, Зина, на старика. Расхлябился по погоде. Ничего, ничего, потачку не надо давать себе...»

Они еще раз посмотрели друг другу в глаза и обнялись. Простились.

Поезд вскоре ушел, последний вагон отгромыхал за семафором, а она все стояла на опустевшем перроне и не могла прийти в себя. Неужели это был комбат Шорин? Неужели его встретила?! Глаза застилало предательской пеленой, и в этой пелене простиралось перед ней бескрайнее, огромное, как пустыня, поле. По полю шел комбат Шорин, седой и сгорбившийся; он звал своих ребят, он искал свою батальонную семью.

Картина встречи с комбатом Шориным вставала перед ней как живая. Зинаида Трофимовна сидела за столом и думала. Она вспоминала то, что было давно, в пору молодости, и что происходило недавно; память ее хранила многое: запах пороха, слезы детей, огни пожаров, цвет поспевавшей пшеницы... Лица многих вставали перед ее глазами, и Зинаида Трофимовна думала об этих людях, стараясь понять через них, как идет жизнь. Ей было жаль ушедших людей — отца, убитого на заставе в сорок первом, и мать, которую так никто и не видел после того июньского рассвета, потому что в дом попала бомба, и мужа, бывшего фронтовика-артиллериста... Она

вспомнила опустевший военный городок, полковника Ключева и своего зятя Жору Газаева, которого в полку считали очень строгим, а дома от его строгости ничего не оставалось. Ей вдруг представилось лицо молодого лейтенанта, который прибыл в часть, чтобы нести службу, и для которого она обещала подыскать квартиру. Всем людям ей хотелось дать счастье, и счастье это как-то по-особому просматривалось через комбата Шорина, и все ее сегодняшние воспоминания, все ее мысли были у нее связаны отчего-то с комбатом Шориным. Она подумала о Ключеве и тут же обратилась к Шорину, вспомнила лейтенанта Колотова и опять же вернулась к Шорину, представила прапорщика Жору Газаева и тут же поставила рядом Шорина.... Билась мысль в ее голове: «Комбат Шорин плох...»

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

День разгуливался. На взгорке весело горели костры. Дым стлался по склону в долину и оттуда, отторгнутый неведомой силой, взвивался кверху. Солдаты приводили в порядок оружие. Саруханов, знобко поеживаясь, читал мораль Илюшечкину, который корчил из себя обиженного.

— Ты думаешь, тебя не раскусили? — говорил Саруханов, разглядывая Илюшечкина.

Худощавое смуглое лицо Саруханова, вся его крепко сбитая фигура выражали деловую озабоченность. И все же он был несколько рассеян и, произнося слова, то и дело посматривал вверх, на небо, радуясь проглянувшему сквозь тучи голубому лоскутку.

— Да чего я такого сделал, старший сержант? — отвечал Илюшечкин, сморщившись.

— Пришел в армию, а не в артель, — продолжал Саруханов тем же ленивым голосом и опять поглядел вверх, на голубую полоску. — Пришел и думаешь, будешь сачковать. Не выйдет. Почему от работы увиливаешь?

— От какой работы? Сержант Аникеев...

— Сержанту Аникееву, — прервал его Саруханов, —

надоело возиться с тобой. — Он помолчал и после паузы добавил: — Автомат после чистки покажете мне.

— Есть, товарищ старший сержант, — уныло ответил Илюшечкин.

Саруханов отвернулся и пошагал по взгорку к кустам, к костру. Дым, кружась, стелился по поляне, будто стекал по невидимому руслу. Солнце уже освещало лес, и было видно с холма, как ходят вокруг бронетранспортеров, стоявших на опушке, водители. «Летучка» — сизовато-зеленого цвета фургон — стояла поодаль, и двери ее были распахнуты. С непостижимой ясностью Саруханов вдруг понял, что скоро они уедут отсюда, что учения заканчиваются. Это чувствовал не только он — солдаты тоже догадывались, и это было видно по их возбужденным физиономиям, по зазвеневшим вдруг голосам, по какой-то смешливости, внезапно охватывавшей то одних, то других. Непостижимая, таинственная солдатская интуиция! Как будто уже здесь, в поле, на них повеяло прежним размеренным ритмом жизни в военном городке — с теплыми спальными комнатами, с танцами и кино в субботу, с чистыми строгими классами...

В общем, все ощущали смену атмосферы, которая неизвестно когда произошла и молниеносно распространилась вокруг. А возможно, это была врожденная способность человека угадывать, то есть умение объединять, сопоставлять внешне незаметные детали, сводя их в целое.

В жизни Саруханова угадывание сыграло однажды решающую роль: полтора года назад он вдруг оставил институт, придя после многих мучительных раздумий к безжалостному выводу о своем несоответствии. Он не растерялся, не бросился в крайность, когда многоопытные уважаемые товарищи советовали ему перейти в другой институт — лишь бы в институт. Он никуда не перешел, он решил присмотреться к себе, а чтобы это не выглядело забавной игрой, направился в ближайший понедельник в районный военкомат. «В армии я прекрасно разберусь в себе», — сказал он.

А когда пришел в армию, увидел вокруг себя множество людей, понял: присматриваться к себе некогда. Люди шагали строем в столовую, лежали под дождем на стрельбище, прыгали на теплую броню танка, мерзли в карауле, смеялись в клубе на танцах или у телевизора —

каждый день был заполнен до предела. Он стал сержантом, получил отделение, стал командиром, незаметно входя во все дела взвода, проникаясь интересами своих солдат, служебными и личными. Сутки были размерены по часам, и эта размеренность не тяготила его — он чувствовал себя на месте. Он не привыкал к армейским порядкам — как сказали бы некоторые, — он просто чувствовал себя на месте.

Сквозь свинцовые проемы облаков голубел кусочек неба — даже небо отражало смену атмосферы на земле. Саруханов шагал не спеша по взгорку. Высохшие стебли травы хлопали его по голенищам. Он посматривал рассеянно по сторонам, любуясь обороной, которую возвели ночью. Молодцы ребята, здорово потрудились!

Перед костром на корточках сидели два солдата. Прислушиваясь к шелесту разгорающегося огня, Саруханов спросил:

— Что, Блинов, не испугался, когда танки пошли?

Блинов, широкоплечий, с крутым затылком, ответил простуженным басом:

— Я-то не испугался, а вот Лавриненко, у того заняло...

— Чего? — сумрачно спросил Лавриненко.

В роте давно было известно: два приятеля, Блинов и Лавриненко, любят подтрунивать друг над другом.

— Хотел, вишь, из окопа убежать, да танк остановился.

— Слушайте его, товарищ старший сержант. Он наговорит, — сказал насупившийся Лавриненко.

— Во какой, разве признается!..

Саруханов, посмеиваясь, сидел у костра и глядел в огонь, безжалостно расправлявшийся с сухим валежником. Хорошо вот так сидеть и смотреть на оранжево-малиновые язычки пламени, на потрескивающие, рассыпающиеся угли. Атаки, броски, окопы, неисчислимое множество всяких дел, которые приходилось совершать вчера, и позавчера, и третьего дня, — все сейчас отступило, все поблекло и казалось далеким, ушедшим. Сейчас перед глазами был только огонь — тепло, заслонившее на какой-то миг пройденные дороги. Не надо никуда торопиться, можно смотреть без конца в огонь, который будто гипнотизировал, обволакивал своим полыханием. Саруханов наклонился лицом поближе к костру — пахло жа-

ром, запахом дыма, тлеющих трав. «Огонь», — сказал он про себя, и это прозвучало в нем как открытие, и он снова склонился, испытывая непонятное удовольствие от припекающего жара и от запаха сырости, дыма и еще чего-то, чем пахнет всегда осенний костер.

— Старший сержант, объясни мне! — Лавриненко поднял на Саруханова свои карие, с прищуром, глаза. — Мы заняли тут оборону, танки на нас пошли. Мы стреляли, гранаты бросали, а кто победил — не пойму!

— Ну, Петруша! — задумчиво промолвил Блинов. — Бросать надо хорошо, тогда все будет понятно.

— Как будто я бросаю хуже тебя! Ты вот суешься, а без толку. Я старшего сержанта спрашиваю.

Саруханов глядел на тлеющие в костре угли, раздумывал, как ответить. Взвод выполнил свою задачу, все сделал, что нужно. Но ведь и танкисты действовали неплохо. Нахмутив брови, Саруханов попытался восстановить в памяти утреннее сражение с танками.

— Тут будет учитываться многое, — произнес наконец он негромко. — Как и за сколько времени вырыли окопы, в какой момент мы начали отражать атаку, когда начали стрелять танки, был ли их выход внезапным. Все это будет взвешено, проверено...

— Понятно, — сказал Лавриненко. — Танкисты будут в свою сторону гнуть, наши — в свою....

— Ничего подобного.

— Почему же ничего подобного? Бой-то не настоящий!

— А если бы настоящий? — Саруханов внимательно посмотрел на солдата. — Представь, что настоящий. Как ты считаешь: устояли мы против танков? Ты же военный человек, ну-ка прикинь!

В задумчивости Лавриненко потер обметанную щетиной щеку, затем снова бросил взгляд на огонь и на горловину поляны, уходившую в лес.

— По-моему, устояли... А ты как думаешь, Александр?

— Я считаю, мы отбили атаку, — сказал Блинов и шумно выдохнул воздух.

— Вот и ответ на твой вопрос, — улыбнулся Саруханов, посмотрев на Лавриненко.

Подошел Илюшечкин. С горестным вздохом доложил, что оружие приведено в порядок. Саруханов, не глядя,

взял автомат. Наметанным глазом оценил: действительно, вычищено добросовестно. И смазка в норме.

Возвращая автомат, сказал:

— Странная история, Илюшечкин. С первого слова вы не воспринимаете. Обязательно требуется дополнительное внушение.

Илюшечкин опять вздохнул, раздумывая, какой ответ следует дать старшему сержанту, чтобы попасть в точку. Ничего не придумал.

— Это наводит меня на нехорошие мысли, Илюшечкин, — продолжал Саруханов. — И бросьте кривляться, когда с вами разговаривают.

Илюшечкин выпрямился, руки по швам. С Сарухановым шутки плохи — мигом можно схлопотать внеочередную работенку.

— Товарищ старший сержант, командир взвода идет, — сказал Блинов.

По взгорку шагал лейтенант Колотов. Не доходя метров пяти — десяти, звично крикнул:

— Погасить костры!

Солдаты суетливо забегали; в разных местах повторялась команда: «Погасить костры! Погасить костры!» Тут же в застывшем воздухе картинно взвилась ракета, описывая дугу над кустарником, где стояли бронетранспортеры. Это были сборы. Все вокруг ожило.

Бронетранспортеры, тягуче урча, разворачивались на месте и потом двигались по размякшей земле, прокладывая себе путь вдоль лесной опушки. Позвякивало оружие, солдаты проверяли снаряжение, встряхивали просыхающие плащ-накидки, доносились голоса сержантов, торопивших своих людей.

В один миг все пришло в движение...

Вспугнутый гулом моторов, большой серый заяц выскочил из-за кустов. Не ожидая встречи с людьми, замер в отдалении, тревожно прядая ушами. «Черт серый! — воскликнул сержант Гусев. — Ребята, глядите!» Цепочка, которой двигался взвод, сломалась, часть солдат стала заходить справа, чтобы преградить зайцу путь, другая часть — слева. Заяц сидел на одном месте, изредка подрагивал ушами, будто отбиваясь от невидимых комаров.

«Давай, давай заходи, ребята! — крикнул негромко Колотов. — Слева, слева заходи!» Но в тот же момент заяц сделал немыслимый прыжок в кусты и скрылся. Солдаты в недоумении застыли, пораженные проворством и сообразительностью косо́го. «Назад, а не вперед пошел!» — сказал кто-то. «А что он, дурак, что ли?!» — «С ружьем бы сюда!» — «А ты умеешь?»

— Товарищи, — раздался вдруг строгий голос Саруханова. — Вы что, на прогулке? А ну, принять быстро строй!

Колотов, неожиданно смутившись, пошагал быстро вперед.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Ликеев, тяжело ступая, прошел в дальний конец штабного автобуса. «Только так и должен ходить поверяющий, — подумал Ключев, следуя сзади. — Тяжело и спокойно».

— Вот сюда, Юрий Константиныч, — сказал он вслух.

Ликеев сел, положил руки на столик, побарабанил пальцами. На безымянном пальце правой руки поблескивало обручальное кольцо. Вид у Ликеева был усталый; он дышал тяжело, будто после пробежки.

— Что ж, сквозную атаку на правом фланге провели мастерски, — сказал он, потирая руки.

Ключев посмотрел на него внимательно, как бы говоря взглядом, чего же тут особенного, атака как атака, но внезапно и сам оживился:

— Мне тоже понравилось.

— Да, да, — сказал Ликеев, продолжая о чем-то думать. — Престо мастерски.

Слово «мастерски», видимо, нравилось Ликееву.

— Хороший аккорд на завершающем этапе.

Ключев на это ничего не ответил, показывая лишь глазами, что он весьма рад и с удовольствием принимает похвалу. И на то, что Ликеев подчеркнул — на завершающем этапе, — тоже никак не прореагировал.

Оба помолчали. Ключев поглядывал на Ликеева, тот потирал себе лоб и почему-то морщился. Чувствовалась усталость. Поверяющему пришлось поехать в эти дни.

И всюду нужен был внимательный глаз, всюду необходима была сноровка в оценке работы, проводимой подразделениями.

— Вы любите собак, Павел Григорьевич? — неожиданно спросил Ликеев.

Вопрос прозвучал странно.

— Обычно, — пожал плечами Ключев. — Не питаю особых чувств, но...

— Правильно делаете, — сказал серьезным тоном Ликеев. — Я вот астмой мучаюсь. Доктора определили — аллергия на собачью шерсть.

— У вас дома собака?

— Была. Пудель.

Ликеев посмотрел на потолок, достал из внутреннего кармана пластмассовую коробочку, сунул в рот таблетку. Было слышно, как близко к автобусу подъехал вездеход. Лязгнула железная дверца, взревел мотор. Ликеев поморщился. Ключев встал и вышел из штабного автобуса. Тут же гудение мотора прекратилось.

— Состарились мы с тобой, Павел Григорьевич!

Это было первое за время пребывания в полку приглашение Ликеева поговорить о прошлом.

— Помнишь наш сто двенадцатый?

— Конечно помню, — сказал Ключев и тряхнул густо-волосой, с проседью, головой.

— Какие мы тогда были молодые!

В восклицании ощущалось сожаление. Минуты две оба молчали.

— Как вы поживаете, Павел Григорьевич?

Ключев чуть было не рассмеялся. Об этом стоило бы спросить раньше, при первой встрече или немного погодя. Ах, Ликеев, Ликеев! Все соблюдено. Вдруг на учениях возникнет конфликтная ситуация! Когда меньше знаешь человека, решать легче. Все учтено.

— Живу хорошо. Вот видите, — он поглядел по сторонам, — вся моя жизнь тут — в полку. Вы теперь узнали ее лучше, нежели бы я сам рассказал.

— Марья Степановна как поживает?

— В своих заботах... Она у меня большой общественник, помогает мне. С женами офицеров и сержантов — это ее персональный участок. Несет ответственность за спокойствие и мир между супругами в полку. — Ключев, слегка улыбаясь, наблюдал за лицом Ликеева. — Вам бы

следовало ее навестить, Юрий Константинович. Она будет рада!

— Может быть, загляну, — проговорил Ликеев и посмотрел на Ключева как-то странно. Что-то, видно, вспомнилось ему. Помолчал. — Но сейчас не смогу. Никак не смогу.

— Понимаю, понимаю, — с готовностью согласился Ключев. — Ну, может быть, потом, при случае... Вдруг командировка в наши места.

Ликеев молча кивнул, не собираясь развивать тему дальше.

— Дети у меня уже взрослые, — похвастал Ключев. — Дочка замужем за военным, на Урале живет. А сын летчик.

— Холостой?

— Холостой. — Ключеву было очень приятно, что Ликеев интересуется его семьей. Он тоже решил спросить: — А у вас как насчет потомства?

— У меня сын, — сказал Ликеев. — Еще в институте учится. В медицинском. По материной тропе пошел. Жена у меня врач, — добавил он.

— Военный врач?

— Нет, гражданский... Педиатр.

Еще разные подробности узнал Ключев про Ликеева, про себя рассказал: где и в каком году служил после войны, места разные вспомнили — шла, в общем, неторопливая беседа. И ситуацию свою обсудили: столько лет не виделись — и вдруг поверяющий! У Ключева опять мелькнула мысль насчет осторожности Ликеева, что разговорился он лишь под конец. Он, конечно, не сказал ему об этом. Ни к чему. Может быть, такое у них дело, что приходится держать ухо востро. Зачем-хорошую беседу смущать.

— А Героя вы когда получили? — спросил Ликеев (они так и не смогли перейти на «ты»).

— В сорок четвертом, — ответил Ключев и опустил глаза. — Даугаву форсировали.

— Понятно. — Ликеев повел плечами. — Я в это время под Варшавой был.

— А войну закончили где?

— Далеко. От фронта далеко, — пояснил Ликеев, шумно вдохнув в себя воздух. — В академии я тогда учился.

«Эх, черт возьми! — подумал про себя Ключев. — Вон когда в академию-то попал. Еще война шла. А я...»

Академия была для Ключева запретной темой, он даже в мыслях не любил касаться ее. Всю жизнь собирался учиться, да так и не пришлось. То бросали в одну сторону; только дела начинали налаживаться — бросали в другую. Поездил. А отказываться не умел.

— Между прочим, в округе сейчас формируется один отдел, — сказал Ликеев. — И при вашем опыте...

— Да нет, — махнул рукой Ключев. — Куда мне!

— Почему «нет»?

— Нет, нет, — повторил Ключев.

— Почему же? — недовольно нахмурился Ликеев. — Я не понимаю.

— Из полка не хочу уходить.

Ликеев посмотрел на Ключева пристально. Отвернулся, помолчал, потом сказал глухо:

— Знаете, если интересы дела... Я думаю, стоит вам подумать. Ведь и возраст к тому же... Жизнь в городе.

— Все знаю, Юрий Константинович, но...

Он, однако, не договорил. Из радиной машины прибежал, задышавшись, сержант-связист. Он сообщил, что генерал на линии, вызывает их на связь. Обоих полковников. И товарища Ликеева, и товарища Ключева.

— Ну, наконец-то дождались, — сказал Ликеев с той свободной манерой говорить о старших, с которой обычно говорят офицеры, несущие службу при крупных штабах и привыкшие к общению с большим начальством. — Все же подумайте, Павел Григорьевич, о том, что я сказал, — добавил он, продолжая прерванный разговор. — По-моему, следует подумать.

— Из полка я не уйду, — сказал Ключев. — Не будем говорить об этом, Юрий Константинович. Генерал ждет нас...

Через полчаса, переговорив с генералом, они вышли из радиной машины. У обоих на лицах было написано, если воспользоваться терминологией метеорологов: «ясно», «солнечно», «без осадков».

— Старик в наилучшем расположении духа, — сказал, усмехаясь, Ликеев. — Прямо разомлел от удовольствия... А знаете, что ему больше всего понравилось?

— Что?

— Как вы среагировали при угрозе ядерного удара. Он, по-моему, вообще равнодушен к земляным работам. — Ликеев глянул на массивную фигуру Ключева. — Вы действительно провели это блестяще, я отметил в отчете.

Ключев медленно шел рядом, остро поглядывая по сторонам. Лениво, вполоборота, махнул появившемуся неизвестно откуда майору Журину, что означало: действуй, обедаем здесь. Журин тут же приказал кому-то заводить машину.

— Саперам досталось, — сказал Ключев, отвечая Ликееву. — Это был самый трудный для них день, но они справились. Мне тоже понравилось.

— Да, — протянул Ликеев, улыбаясь, — там вы дали полное инженерное обеспечение...

— Кажется, мы не ошиблись, — вставил мягко Ключев.

— А энтузиазм?

— Что — энтузиазм? Разве он отсутствовал? — спросил Ключев, поймав взгляд Ликеева и догадываясь, о чем тот хочет сказать.

— Энтузиазм людей в сочетании с техническим оснащением — вот в чем суть проблемы.

Низко, над самой землей, пролетел вертолет. Когда шум улегся, Ликеев, глядевший некоторое время ему вслед, закончил свою мысль:

— Было время, когда приходилось рассчитывать только на энтузиазм солдатских масс, на отвагу... Не хватало техники. Сейчас это время далеко позади, наша армия оснащена самым современным оружием. Энтузиазм, преданность делу в соединении с первоклассной техникой — в этом залог успеха.

Ликеев вдруг замолчал и улыбнулся.

— Зачем это я говорю вам? Ведь вы все понимаете. Это элементарно.

— Юрий Константинович, вы говорите так потому, что вам не понравилось, как мы выходили через болото на высоту 36,8, — сказал Ключев. — Вам показалось, что мы недостаточно по-современному выполнили тот маневр. Мы не использовали технику...

— В какой-то мере да, — буркнул Ликеев.

— Во-первых, техника у нас в то время не стояла на

берегу и не скучала, — продолжал, почему-то покраснев, Ключев. — А во-вторых, не бесполезным было убедиться, насколько сильна в людях воля и личная инициатива, как они будут действовать в сложных условиях, то есть требовалось узнать величину того главного компонента всякого успеха, который особенно должен быть развит у солдата. Расчет же строить только на техническом оснащении...

Он не успел договорить. Подъехала машина, и из нее вышел начальник штаба Костин со своим помощником. Поздоровавшись, блестя глазами, Костин быстро спросил на ходу Ключева: «Ну как? В порядке, Павел Григорьевич?» Костин имел в виду разговор с генералом. В ответ Ключев кивнул утвердительно.

* * *

Богачев ходил взад-вперед по высохшему, твердому взгорку возле кустов. Листва на кустах пожелтела и во многих местах опала. Богачев, проходя мимо и зацепив рукой несколько прутьев, срывал машинально листья и тут же бросал их на землю. Он был в плащ-накидке и в зеленой каске, подвязанной ниже подбородка ремешком.

Подошли командиры взводов.

— Доложите о состоянии людей и техники. — Богачев поочередно уперся глазами в каждого.

Доклады были предельно кратки. У лейтенанта Жернакова — порядок. У Никонова один человек сбил ногу, двум требовалось заменить сапоги. Во взводе Колотова солдат Илюшечкин тоже натер ногу и, кроме того, прожег у костра шинель. У одного человека болели зубы.

— Насчет зубов надо было раньше подумать! — возмутился Богачев. — А если бы учения продолжались — что тогда?

Командир роты будто забыл, что Колотов приехал в полк сразу на учения, что он не мог знать, у кого что болит. А может, и не забыл про это Богачев, может, помнил, только решил с первого раза приучать к порядку молодого командира взвода.

— Кто у вас лучший водитель? — продолжал свои вопросы Богачев.

— Никитенко, — ответил не очень уверенно Колотов. — Рядовой Никитенко.

— Освободите. Считайте, что Никитенко у вас нет. Поставьте того, кто овладел смежной специальностью водителя. Под вашу ответственность, лейтенант.

— Я посоветуюсь с Сарухановым, — смущенно сказал Колотов. — Вы понимаете, я не могу...

— Вы командир взвода, следовательно, обязаны знать все и предусмотреть возможные неожиданности. Иначе можете сорвать выполнение боевой задачи. Времени было достаточно. Вы не согласны?

— Согласен, товарищ капитан, — сказал Колотов.

— Все. Вы свободны.

Он даже не взглянул, как повернулся, четко приложив к каске руку, лейтенант Колотов. Тем же суховато-напряженным голосом Богачев разговаривал с Никоновым.

«Суровый мужик, — подумал про себя Колотов, шагая к стоявшим на опушке бронетранспортерам. — Будет стружку снимать. Уж это точно — будет... Как это я, в самом деле, не сумел за несколько суток узнать всех и каждого! Вот бы и объяснил мне, как это сделать. А то давай мылить шею! Жестко стелешь, жестко, капитан Богачев!» Колотов неожиданно оглянулся и постоял немного, наблюдая, как, получив порцию «указаний», отделился от группы лейтенант Никонов и побежал быстро к своим машинам.

Сам не зная чему, Колотов вдруг улыбнулся. Но удивительное, может, заключалось сейчас в том, что капитан Богачев начинал ему нравиться.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Поздно вечером Сизова возвращалась с поля домой.

Не доезжая шоссе, попросила Федора остановиться. Открыла дверцу машины, прислушалась.

Стая галок ошалело взмыла с пашни, шум их крыльев и гомон донеслись до ушей Зинаиды Трофимовны. Однако за галочьим гомоном ее слух ясно различил густой напряженный гул моторов, идущий из глубины леса. Зи-

наида Трофимовна ступила ногой на землю, вышла из машины и стала слушать.

Вверху в пепельном сумраке скупом мигали звезды. Со стороны поля тянуло ветерком. А гул со стороны леса все нарастал.

— Наши, — сказал Федор, тоже выйдя из машины. — В военный городок возвращаются.

Гул приближался, становился все отчетливее, все круче.

И вдруг из лесу по шоссе, светя белыми точками фар, выехала первая машина, за ней — другая, третья... И вот уже все шоссе, протянувшееся по опушке, усыпано движущимися светляками.

— Хорошо идут, — сказал Федор, бросил сигарету и добавил: — Я служил действительную, знаю. Держать интервал — это надо уметь.

В самом деле, машины шли четко, на равном расстоянии друг от друга. Получалось такое впечатление, будто колонна состояла не из отдельных машин, а представляла единое целое — управляемую, подчиненную единой воле живую цепочку.

— Темно — это раз. И потом дорога, — продолжал объяснения Федор. — Маленькая кочка или рытвина... Тут все надо учитывать.

— Прекрасно идут, — сказала Зинаида Трофимовна, провожая глазами движущуюся колонну. — Молодцы.

Пунктиры огней терялись за холмом справа, но гул моторов не уменьшался, бронетранспортеры на скорости выезжали из лесу.

— А то бывает, что и в темноте идут, без всяких фар, — сообщил со вздохом Федор, видимо, вспоминая свою службу в армии. — Инфракрасный луч помогает... Бывало, танк мчится ночью на полигоне... Даже жуть берет.

Сизова улыбнулась. Сколько лет прошло — привыкла она к городку. И гул моторов никогда не мешал ей. Более того, сейчас этот гул был даже приятен ей, он общал, что жители городка возвращаются домой, что дело, ради которого они покидали свои квартиры, сделано.

Вот уж и нет огней на шоссе, оборвался огненный пунктир, и теперь за машинами следовала тьма. И гул моторов стал отдаляться. Все произошло столь неожиданно и быстро, что Сизовой стало вдруг грустно.

— Поедем и мы, Федор, — сказала она. — Чего стоять...

Федор открыл дверцу, включил фары, потом молча обошел машину, постучал по скатам и, только проделав эту процедуру, сел за руль.

Вокруг было темно как ночью.



ЧАСТЬ

2

ГЛАВА ПЕРВАЯ

После десятидневного ненастья снова пришла солнечная, ясная погода. Конец сентября выдался сухой. По утрам стояли легкие холода, земля на дорогах гулко постукивала под ногами, а к полудню солнце набирало силу, прогревало землю, и тогда вдруг пахло ушедшим летом и жарой.

Возвратившись с учений, полк несколько дней приводил себя в порядок. Люди ходили в баню, скребли и чистили в казармах, производили уборку на улице — на дорожках, на плацу, в скверах, — проверялось и чистилось оружие, в железобетонных боксах механики вместе с водителями копались в моторах бронированных машин, гулко визжала под резцом сталь и трещала электросварка в механической мастерской, лоснилась от свежей краски арка при въезде в городок. Все хозяйственные потребности и нужды были четко установлены, разбиты по категориям, и на них сейчас, после учений, шло массированное наступление в полку — с фронта, с тыла, с флангов.

Колотов в эти дни стал совершенно своим человеком в роте. Способствовало этому в немалой степени то обстоятельство, что он жил в казарме, облюбовав себе место для отдыха в каптерке у старшины Роговика. Вместе с солдатами вставал, обедал и завтракал в столовой, участвовал в распределении людей на работы и изво всех сил

старался быть полезным на этих работах и был рад, когда старшина Роговик, появившийся за пятнадцать минут до подъема в казарме, советовался с ним, что лучше и как сделать, и просил лейтенанта помочь и проследить: «Уж вы, товарищ лейтенант, пожалуйста!», «На вас надежда, товарищ лейтенант!». Когда бы Колотов раньше мог подумать, что все эти слова могут привести его в такое прекрасное настроение.

Генеральная чистка, приведение в порядок оружия и боевой техники закончились, и началась повседневная армейская жизнь, тот размеренный, наполненный учебой и тренировками ритм, занимавший время с утра до вечера. Вскоре Колотов переехал из каптерки в поселок Лужаны на ту самую квартиру к бабушке Настасье, которую подыскала ему Сизова. Квартира была отличная — в его распоряжении оказался почти весь дом.

1 октября, в воскресенье, Колотов с утра слушал радио, как слушал его и в предыдущие дни, когда было получено известие о советской автоматической станции, доставившей лунный грунт на землю. Он был взволнован этим событием необычайно. Накануне вечером долго ходил около дома и посматривал на луну, которая то и дело обозначалась за плывущими облаками, и сам себе удивлялся: столько раз уж видел эту луну — и поверить не мог, что теперь есть такой аппарат, который может слетать туда и обратно. Конечно, он верил, но было в душе такое чувство, будто все это фантастика и сказка, и никак он не мог еще свыкнуться с мыслью, что аппарат такой есть, что из привычной фантастики он вступил в жизнь.

Искусственные спутники уже были пройденным этапом, уже освоены космические корабли, многодневные полеты в космическом пространстве экипажей в составе двух и трех человек — чего тут удивляться какому-то аппарату! Но в том-то и дело, что Колотова этот аппарат больше всего удивлял, и он даже поспорил насчет важности открытия с лейтенантом Никоновым. Потому что корабль все-таки управляется человеком, его присутствие координирует действие наземных станций. А тут ничего — тут механизм, скопление полупроводников и разных чутких датчиков, до предела доведенная точность действий-ответов по сигналам, даваемым с Земли. Нет, нет,

тут, именно тут было чему удивляться!.. Так например рассуждал Колотов.

Утром слушал радио, собирался сесть за конспект, но так и не сел, полный впечатлений, и ходил по просторной комнате, никак еще к ней не привыкнув после тесной каптерки, после спанья под открытым небом, после пяти лет училища и курсантского общежития. Он посмотрел в окно на двор, улыбнувшись чему-то, и, надев спортивную куртку, вышел на крыльцо.

«Что за чудо стоят деньки!» — подумал он, оглядываясь и щуря глаза от света и от порывов колкого, с холодом, ветерка. Ему вдруг захотелось в лес, к речке, захотелось быстрой ходьбы, дымящегося костерка, картошки, испеченной на углях, и нескладных разговоров про стихи Есенина, про отчаянность сверстников, штурмующих все на свете, про березовый туман и про луну, с которой удалось зачерпнуть... Он чуть было не сказал про себя «землицы», но опомнился и не сказал ничего, потому что слово «грунт», употреблявшееся в официальных сообщениях, ему не нравилось.

Хозяйка дома, Настасья Петровна, в фуфайке, в платке, повязанном низко, из-под которого улыбочиво выглядывали старушечьи глаза, копошилась на огороде, подвязывала кусты малины. Она увидела лейтенанта, посветлела лицом.

— Пожалуйста, пожалуйста! — сказала она, весело оглядывая его и выходя из-за кустов. Ей, видимо, казалось, что если лейтенант вышел на улицу, то его надо немедленно занять чем-нибудь, иначе он снова уйдет в дом.

— Очень хорошо. Пожалуйста! — повторила она, показывая рукой на огород и сад. — Погуляй, посмотри. Вон как у нас.

И улыбаясь, вытирая руки тряпкой, Настасья Петровна, или, как ее все здесь звали, бабушка Настасья, вышла из-за кустов, будто только и ждала его прихода.

Колотов тоже, как и бабушка Настасья, беспричинно улыбался, ему было очень приятно видеть хозяйку такой, какая она есть. Оба они смотрели друг на друга некоторое время, пока бабушка Настасья, не вспомнив что-то, позвала его в сени.

— Поди сюда, — сказала она, приняв сразу серьезное выражение. — Посмотри скорей...

Колотов прошел за ней в сени и остановился. Бабушка Настасья показала вверх на стену:

— Залазь и сымай.

На стене под потолком висел велосипед.

— Вот сымай и ездй.

— Да зачем, Настасья Петровна!

— Сымай! — сказала она громко и сердито.

Колотов снял велосипед и вынес его на крыльцо. Там, пристроившись на лавочке, принялся заправлять в покрывки камеру, склонившись, энергично орудовал насосом.

Бабушка Настасья стояла напротив, смотрела на его работу и, очевидно обрадовавшись случаю рассказать о том, что было связано с велосипедом, говорила:

— Еще Михаилом был куплен. — Михаил — это сын бабушки Настасьи. — А кататься не пришлось. Как уехал в город Мурманск, так и гоняет теперь по морю. И на велосипед не смотрит. И внук Олег — весь в отца. Приезжал летось, такой крутила... «Где у вас, бабушка, водоемы?» Водоемы ему нужны — плавать да корабли пускать.

Колотов проверил передачу, обтер налипший по краям втулок солидол, покрутил рулем — велосипед был на ходу — и решил испробовать.

— Хороша машинка. Хороша, — говорил он, ведя велосипед на улицу и зная, что его слова приятны бабушке Настасье. — Почти совсем новая.

Он вышел на середину улицы, разогнался, сел на велосипед и покатил, равномерно работая ногами. Кататься в сухую прохладную погоду было действительно одно удовольствие. Он проехал по улице, завернул к шоссе, промчался по ней с полкилометра, резко затормозил, потом покатил обратно, зная, что бабушка Настасья дожидается его у калитки. Так оно и было. Он подъехал, слез и, заводя велосипед во двор, снова начал хвалить машину, ее легкий ход и удобство. Лицо у бабушки Настасьи сияло, она была довольна, что вспомнила про этот велосипед, довольна постояльцем, таким деликатным и вежливым и вместе с тем очень серьезным молодым человеком. В общем, оба — и хозяйка дома, и постоялец — были в прекрасном настроении в это утро и довольны друг другом.

— Ездить будешь на службу, — сказала она деловым тоном.

— Спасибо...

Она махнула рукой, словно отбиваясь от мухи.

— Поди за мной.

Теперь она провела его через маленькую дверь в кладовку, где ароматно пахло садом. Приподняла над ящиками соломенные маты. Сахарно светились уложенные в ящики яблоки, груши.

— Накладывай, — сказала она тем же деловым тоном и подала корзинку.

Колотов сообразил, что возражать нетактично. Он стал накладывать.

— Врачи говорят, витамины, — заметила бабушка Настасья, видимо, решившая подвести под свои действия строгую научную базу.

Потом он сидел у себя в комнате, хрупал аппетитно яблоки и слушал радио. Были последние известия, дневной выпуск. Войска НАТО проводят очередные маневры. Полуфинальные игры на кубок по футболу. Погода в разных концах света. Старый академик высказывал свои мысли по поводу автоматической станции, принесшей лунный грунт на Землю. «Это здорово, — снова подумал Колотов про станцию. — Очень здорово... А я сегодня катался на велосипеде, — вдруг вспомнил он без всякой связи. — Так хорошо, оказывается, кататься на велосипеде».

После обеда он пошел гулять по селу и познакомился с местными достопримечательностями. В магазине купил стержни для шариковой ручки, в клубе познакомился с расписанием сеансов по воскресным дням. Афиша, написанная черной краской, извещала о танцах. Играет ансамбль «Самоцветы». «И в нашем городе тоже были «Самоцветы», — подумал Колотов. Люди, встречавшиеся на улице, оглядывались на него. Тут все знали друг друга в лицо. Он был незнаком, и многие, наверно, строили разные догадки по поводу его присутствия в селе. «Я тут точно турист», — сказал про себя Колотов, проходя мимо приземистого серого здания, на фронтоне которого стояли крупные белые буквы: «Амбулатория». Около парикмахерской стояли двое парней в ярких куртках и курили. У них были заросшие щетиной щеки и припухшие глаза.

— Эй, лейтенант! — спросил один из них сиплым голосом. — Подскажи, который час?

— Три часа, — сказал Колотов и повернул обратно.

«В общем, село как село, — решил он, шагая к дому. — Как и многие. А девчонок почему-то не видно...»

Возвратившись домой, Колотов прошел к себе в комнату и сел за стол. Конспекты для завтрашних занятий со взводом ждали его. Но он не спешил. Раскрыл толстую общую тетрадь в коленкоровом переплете, которую завел недавно. На первой странице синими чернилами было написано: «Великий Эйнштейн считал, что факты часто кажутся совершенно странными, непоследовательными и, собранные вместе, в целом не связанными и что только чистое мышление приведет исследователя к установлению связи между ними».

Колотов задумался. «Я хочу знать людей, которыми мне доверено командовать. Чтобы лучше руководить ими, мне необходимо понимать их поступки, выражающие в своей внутренней связи характеры. Нужен последовательный и глубокий анализ поступков».

На второй странице тетради стоял краткий заголовок: «Факты». Чуть ниже было написано следующее:

«25 сент. Сержант Аникеев наказал Илюшечкина за пререкания. При этом так вспылil, что я не ожидал. Обычно такой выдержанный».

Рядовой Наумов работал в штабе. Позвонил ПНШ, сказал, что очень хорошо работал, надо вынести благодарность. Наумов выслушал без всякого восторга. Очень угрюмый парень. Редко улыбается.

26 сент. Случайно услышал разговор. Лавриненко выговаривал Илюшечкину: «Как ты живешь? Ты ничем не интересуешься. Даже газет не читаешь. Живешь, как трава».

Рядовой Беляков убирал территорию в разных местах. Три раза докладывал о выполнении задания. Очень любит докладывать.

Рядовой Илюшечкин, когда было личное время, слонялся целый час из угла в угол. Подойдет к зеркалу, почешет челку, попьет воды из бачка, спросит у дневального, сколько градусов обещали по радио, и снова идет к зеркалу, чтобы в пятнадцатый раз почесать свою челку.

28 сент. Случайно услышал разговор Саруханова со Скворцовым. О стихах. Рядовой Скворцов объяснял свою точку зрения: «Некоторые стихи читаешь и заучиваешь для души. Я Пушкина два раза почитаю и уж знаю наизусть. А вот некоторые не могу».

29 сент. Гаврилова с Наумовым старшина назначил работать в оружейную комнату. Пришел проверить через два часа: работает лишь угрюмец Наумов. «А где Гаврилов?» — «Отпросился поиграть в футбол». — «Зачем же ты его отпустил?» — «Не отпустил бы — все равно ушел бы. Футболист».

Колотов захлопнул тетрадь и стал ходить по комнате. Что-то в этих кратких заметках, сделанных им с целью изучения людей, взволновало его — он и сам не мог понять что. «У каждого человека есть своя особая внутренняя жизнь, и надо умело, без насилия включить эту жизнь в общее дело. — Он тут же понял, что пытается составить схему, которая никому не нужна. — А то, что у каждого есть такая внутренняя жизнь — это очень хорошо, — подумал он позже. — Пусть будет еще богаче, еще выше эта жизнь, и никто другой, как я, должен всеми силами помогать и способствовать этому. Вот так». Он снова сел за стол и наконец-то принялся за конспекты.



ГЛАВА ВТОРАЯ

В ротной канцелярии однажды утром Колотов увидел смуглолицего старшего лейтенанта в щегольски подогнанной гимнастерке и аккуратных наглаженных брюках. С дружеской непосредственностью он встал навстречу и протянул руку:

— Варганов, замполит роты.

— Здравствуйте!

Колотов присел к столу. Он еще ранее слышал, что замполит лежит в госпитале после аппендицита. Значит, выписался, приступил к своим обязанностям.

За дверью ротной канцелярии слышались торопливые шаги дневального. Донесся голос старшины Роговика: «Дежурный! Позовите ко мне дежурного!»

— Ну, как идут дела? — спросил Варганов, продолжая дружелюбно разглядывать Колотова. — Слышал,

слышал, что вам пришлось сразу с корабля на бал. — Он как бы сделал ударение на последнем слове, как бы тоном, интонацией и глазами говоря: «Все знаю: про учения, что пришлось в атаку взвод водить, с людьми знакомиться на ходу, на хозяйственных работах отдуваться. Знаю и одобряю». — Как взвод показался вам?

— Ребята хорошие.

— Хорошие ребята, — подтвердил с горячностью Варганов, продолжая с тем же дружелюбием вглядываться в глаза Колотова. — Я был уверен, что они понравятся вам.

— Теперь дело за немногим, — сказал Колотов, краснея заранее от своей откровенности и доверия, которое внушил ему с первых минут замполит. — Дело за тем, чтобы и я понравился взводу. — Он смешался, посчитав, что выразился неудачно, и торопливо добавил: — Чтобы я стал хорошим командиром.

— Все в ваших руках, — сказал Варганов. — Не обижайтесь, что говорю избитыми словами, но лучше действительно не скажешь. По себе знаю, что у вас будут разные сомнения и трудности, а какое дело, скажите, обходится без них? Трудности и сомнения всегда будут, важно, чтобы вы были готовы преодолеть их, чтобы не считали это нудной, скучной обязанностью. Ну, да я чувствую, с вами этого не случится.

Колотов опять покраснел и отвел глаза в сторону, боясь, как бы замполит не увидел в них искорки удовольствия, вспыхнувшие при последних словах.

— Почему вы так уверены? — спросил Колотов, слабо улыбаясь. — А вдруг...

— Я сказал, что все в ваших руках, — ответил Варганов, все более и более нравившийся Колотову своей манерой вести беседу. — Мне капитан Богачев рассказывал про учения. Он вас отметил. А это не мало — у нашего командира роты наметанный глаз. И из его рассказа я заключил, что вы любите наше дело. Ведь любите?

Что-то было в серых глазах замполита такое — располагающее, простое, — что Колотов понял: с этим человеком можно быть совершенно откровенным.

— Люблю, — сказал Колотов и вздохнул.

— Я тоже люблю, — произнес задумчиво Варганов.

— А насчет учений... — продолжал Колотов, чувствуя необходимость быть объективным. — Моя роль во взводе

была невелика. Саруханов командовал, а я старался не мешать.

Варганов, улыбаясь, посмотрел внимательно на Колотова, и его взгляд как бы говорил: «Прекрасно понимаю вашу скромность... На вашем месте я говорил бы то же самое».

— Вы не вмешивались, потому что видели: все идет правильно. Саруханов, конечно, толковый командир. Но я считаю: не вмешиваться, когда все правильно, — большое искусство. Особенно для человека, который только что приехал и которому невольно кажется, что он обязательно должен проявить себя в чем-то, иначе подумают, будто он не способен командовать. Вы согласны?

— Да, я согласен с вами, — подтвердил, улыбнувшись, Колотов. — Только я не считаю это большим искусством.

— Большое искусство, поверьте мне, может, иногда даже большее, нежели какой-нибудь приказ отдать или распоряжение! — твердым голосом произнес Варганов.

Он помолчал и впервые за все время разговора отвел глаза в сторону. Долго уминал пальцами дымившийся в пепельнице окурок.

— Чем сейчас взвод занимается?

— Физподготовка.

— Ну и как?

— Половина взвода — прилично, а половина — слабо.

— Слабо? — Варганов наморщил лоб.

Колотову стало неловко оттого, что он так категорично высказался, и он тут же принялся объяснять, стараясь не задевать роту и сваливая все на порядки в школах, где теперь увлекаются секциями, а общего физического развития не дают. Он привел в пример себя, как ему доставалось по физподготовке в училище, как гонял себя беспощадно на разных кроссах и на гимнастических снарядах.

— Зато такие прекрасные результаты! Хоть на пьедестал ставь, — заметил с улыбкой Варганов и спросил, в какой же секции занимался в школе Колотов.

— В шахматной, — ответил Колотов и после паузы добавил: — И в училище тоже... У меня по шахматам разряд.

— Разряд! Очень хорошо! — Варганов одобрительно посмотрел на собеседника.

— Да ничего особенного, — ответил Колотов.

— Я тоже немного в шахматы играю. Очень люблю шахматы. Но разряда у меня нет, — сказал Варганов.

— Относительная вещь — этот разряд, — проговорил Колотов, ругая себя за хвастовство и стараясь сгладить впечатление. — Очень зыбкая...

— Уж не прибедняйтесь. Если придется играть, буду просить фору.

— А я не соглашусь!

Оба рассмеялись, с интересом разглядывали друг друга.

— Как устроился с квартирой? Доволен? Конечно, все это временно, — заметил Варганов. — Как с питанием?

Колотов рассказал. Потом, видя, что Варганов встает, тоже встал. Серые внимательные глаза Варганова окинули его с ног до головы.

— Ну что ж, будем служить, Сергей Павлович!

— Будем служить! — ответил громко и весело Колотов и даже прищелкнул каблуками.

«Хороший парень! Очень хороший парень! — думал он, выходя из казармы и направляясь в сторону спорт-городка. — Поговорили — будто сто лет знакомы. Все чувствует, все понимает. Хороший парень!»

Всю дорогу Колотов думал о замполите. На душе было легко и весело.

* * *

На учебном поле Колотов построил взвод: тактико-строевые занятия.

Ветер гулял, поддувал под шинели, шелестел пожухлой травой. Солдаты поеживались, переступая с ноги на ногу, слушали лейтенанта.

Колотов, сдержанно-строгий, подтянутый, ходил вдоль строя и рассказывал. О чем? Азы военного искусства, которые могут показаться сухим сводом правил, если их не заполнить живой плотью жизни. Колотов старался. Он рисовал перед солдатами одну картину за другой. Он водил их по следам сражений минувшей войны, вспоминая легендарные рейды танковых армий Рыбалко и Ротмистрова, бои за плацдармы на Одере и Висле, то вдруг удалялся в глубь истории, оживляя перед слушающими походные колонны Кутузова и Суворова. «Надо пробу-

дить в них мечтания... Маршальский жезл в ранце должен быть осязаем. Они должны понять, что именно с этих азов начинался путь любого полководца. На учебном поле отрабатываются простейшие тактические построения».

Он подал команду четко, строго. Взвод развернутым строем, выставив вперед автоматы, двинулся по направлению к лесу. Колотов шагал следом и посматривал на секундомер.

Слева в цепи, ловко ступая между кочками, шел Блинов, рядом с ним, глядя куда-то в одну точку, будто плечом чувствуя друга, шагал Лавриненко, чуть дальше Илюшечкин семенил, то отставая, то вырываясь вперед, а на правом фланге, тоже рывками, перескакивал через неглубокие рытвины Гаврилов. Из-за этих двух солдат цепь взвода часто ломалась. Колотов дал команду «Стой!» и подошел к Илюшечкину.

— Товарищ лейтенант, а местность смотрите какая! Мне точно по заказу на всех занятиях...

Колотов смотрел на Илюшечкина. «Не может быть, чтобы я не нашел к нему подхода, — думал он. — Только не нервничать. Только стараться делать свое дело спокойно. Пусть он поймет, что для меня главное в отношениях с человеком — доверие».

Он приказал, чтобы Илюшечкин сам выбрал себе место в цепи, какое ему больше подойдет.

— Да ладно, товарищ лейтенант, останусь здесь, — проговорил Илюшечкин и отвернулся.

Снова прозвучала команда: «Становись!» Колотов прикинул на глаз расстояние впереди, которое надо преодолеть, и бросил резко: «Вперед!» И одновременно засек время по секундомеру.

Солдаты снова пошли, стараясь держать интервалы между собой. «Автоматы! — напомнил Колотов. — Автоматы к бою!» Теперь Колотов следовал за Илюшечкиным. Тот оглядывался, косил глазами на соседей.

Цепочка солдат залегла. Защелкали спусками автоматы. Снова разнеслась команда взводного — и опять солдаты идут по кочковатому полю, по увядшей, пожухлой траве, прыгают через рытвины и небольшие канавы. В осеннем воздухе четко слышны металлические щелчки затворов...

Это надо почувствовать — общность порыва. Здесь, на

учебном поле, постигаешь, что такая общность дается не сразу, а настойчивым, напряженным трудом. И строгой дисциплиной. Вот взвод снова устремился в атаку, и Колотов, командир, — единое целое с людьми, он как бы слит с солдатами единой напряженной задачей, единой волей.

Сухо желтела впереди луговина. Чернели кустики облетевшего ивняка, сизо поблескивали на опушке березы.

— Вперед! Вперед!

Что-то грозное слышалось в этом повторе команды, в той серьезности, с какой шагал позади взвода лейтенант Колотов. И эта грозность и серьезность передавались солдатам, будто и в самом деле они шли в настоящую атаку сквозь встречное железное завывание ветра — к невидимому впереди рубежу, за которым — неизведанное, страшное, ошеломляющее...

И вот этот рубеж подступил. Колотов резко прокричал, будто выдохнул из себя:

— Броском, марш!

Солдаты рывком устремились вперед, то пригибаясь, то совершая зигзагообразный маневр, который как бы помогал им избежать встречных выстрелов. Быстрый топот ног, тяжелое дыхание, разгоряченные потные лица. Сплошной темной стеной виднелся впереди лес — на подступах к нему лежала холмистая, изрезанная ложбинами равнина. Едва взвод поднимался из ложбины на другую сторону, как снова звучала команда Колотова:

— Вперед! Вперед!

Еще спустились в одну ложбину. Лес был совсем близко. По склону тянулся мелкий кустарник. Колотов остановился, сдвинул каску на затылок, вытер тыльной стороной ладони пот. Оглядел солдат. Сплюнул в кустарник, сказал:

— Ну как, Илюшечкин? Как атака?

Илюшечкин, кирпично-красный, с мокрым от пота лицом, облизнул губы, улыбнулся.

— Перекурить бы, — сказал он, отряхивая налипшую на шинель траву.

— Рано, — ответил Колотов и приказал повторить атаку.

И снова щелчки затворов, и стук солдатских каблучков по затвердевшей земле, и беспощадно-грозное: «Вперед! Вперед!»

Потом они расстелили на взгорке плащ-накидки и присели на отдых. В осеннем, настоящем травами и сыростью воздухе запахло табачным дымом. Белые облака плыли в вышине — спокойные и бесконечные в своем движении. Любил Колотов глядеть на облака.

Рядом сидели, курили солдаты. Кто-то крикнул, кто-то сплюнул, кто-то повертел в руках автоматом, соскабливая налипшую грязь. Разговор не клеился — устали. Искоса быстро поглядывали на лейтенанта: загонял их сегодня.

— Товарищ Наумов, чего такой скучный? В чем дело? — нарушил тишину Саруханов.

Угловатый, с широкими скулами Наумов сморщил лоб.

— Я не скучный, товарищ старший сержант. Я как обычно. — Он покосился на Саруханова.

— Ну, как обычно! Это неправда. Обычно ты веселый. Может, очень устал?

— Нет, ничего, — сказал Наумов.

— Ну тогда повесели нас. Расскажи, как красил ванную комнату.

— Да ведь вы слышали, — буркнул Наумов, пожав удивленно плечами.

— Кто слышал, а кто — нет! — вставил громко Илюшечкин. — Я, к примеру, не слышал.

— Как же не слышал! — нахмурился Наумов. — Я же, помню, при тебе говорил...

— Да чего ты споришь, как торговец, — вмешался в разговор Гаврилов. — Тебя просят... Расскажи. Вон лейтенант не слышал.

Колотов уже понял, что историю с ванной комнатой во взводе знают все, кроме него. Что Саруханов, видимо, и разговор затеял, чтобы растормошить немного ребят, а заодно и его, лейтенанта, познакомить с историей о ванной комнате.

Наумов, однако, не знал, как ему поступить. Морща лоб, он взглянул на Колотова.

— Расскажите, если вам не трудно, — попросил лейтенант.

Кто-то притянул Наумова за руку и заставил сесть поближе. И Наумов сел. Солдаты сдвинулись вокруг, лица зацвели улыбками, все стали ждать.

— Так было дело, — зажмурив глаза, начал Наумов. — Двадцатого мая прошлого года...

— Число помнит! — взвизгнул Илюшечкин, но его тут же оборвали.

— Продолжай, Наумов.

— Двадцатого числа пришла ко мне одна гражданка и попросила выкрасить ванную, кухню и туалет. Материал, сказала, будет ее и все такое прочее... Кухня большая, хорошая, шкафы по стене с посудой...

— Ладно ты про кухню, — опять вмешался Илюшечкин. — Давай про ванную.

— Если еще зайкнешься, встанешь вон туда, — сказал сержант Гусев, поглядев сердито на Илюшечкина. — Продолжай, Наумов.

Наумов рассказал про свою работу в бригаде маляров-отделочников, про то, как его там уважали и почему именно его захотела заполучить в качестве мастера та гражданка.

— Значит, так, говорит, сделай, чтобы кругом было весело. Какую хочешь краску бери, какой хочешь тон подбирай, только чтобы весело было.

Самое интересное в этой истории, как понял Колотов, было впереди, и поэтому Наумова все время подталкивали, торопили. Но он, пока не рассказал, какой тон был подобран на кухне, какой бордюр он вывел в прихожей, как выбрал краску для туалета, не захотел, видимо, приступать к главному. Более того, проинформировав в деталях про кухню, туалет, прихожую, он вдруг замолк. Повернулся в сторону леса и стал смотреть туда, будто что-то интересное увидел. Все, однако, ждали продолжения рассказа.

— Ну, а дальше? — не вытерпел опять Гаврилов.

Наумов поднял высоко голову и сказал:

— Плохо дальше. Плохая хозяйка попалась.

— Почему?

— Переделать велела.

— Где?

— В ванной комнате.

— Почему?

— Лебедей велела закрасить.

— Каких лебедей?

— Которых я нарисовал.

Последние слова Наумов произнес под дружный смех солдат. Все тут же начали уточнять, как это ему пришло в голову нарисовать на стене в ванной комнате лебедей.

Почему именно лебедей, а не еще что-нибудь. И где он видел, чтобы в ванной комнате на стене плавали лебеди? Громче всех гоготал Илюшечкин, его прямо-таки переламывало от смеха. Он уже давал советы Наумову, что надо было нарисовать в ванной комнате, чтобы понравилось хозяйке, и смеялся еще громче. И чтобы прервать этот смех, Колотов приказал строиться.

Пока солдаты вставали и разбирались в строю, Колотов незаметно наблюдал за Наумовым. Замолк разговор. Подошел Саруханов и доложил. Было тихо, Колотов дал команду «Вольно» и прошел перед строем, вздохнул, поглядел на солдат спокойно, открыто, весело.

— Я рад, что услышал эту историю с лебедями, — сказал он и поглядел на небо, как будто собираясь увидеть там тех самых лебедей. — Наумов старался сделать как лучше. Мне бы, например, очень понравились его лебеди. Той женщине не понравились. Но дело в конце концов не в этом. Он старался сделать как лучше. Вот что важно. Вот что великолепно. Делать как можно лучше. Каждое дело. Любое дело, которое тебе поручают.

Колотов говорил и смотрел на лица солдат и краем глаза видел большое белое облачко, медленно плывущее в сторону леса. Он думал в эту минуту о себе, о замполите Варганове, о Наумове, угрюмом на вид солдате, в голове которого родилась такая необыкновенная фантазия с лебедями.

Белое облако будто легло на макушки деревьев. Колотов приказал взводу развернуться для атаки, достал из кармана секундомер. И в какое-то мгновение, сразу посерьезнев, скомандовал:

— В атаку! Вперед!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Замполит Варганов сидел в ротной канцелярии — изучал журнал боевой подготовки. За прошедшие полдня он успел уже поговорить со старшиной Роговиком, являвшимся также и партгрупоргом роты, с комсоргом, с агитаторами. Умение организовать свое время было характерной чертой Варганова. Причем он обладал завидной способностью входить в курс дела так быстро и спокой-

но, что создавалось впечатление, будто он и не покидал своего места. Утром лишь появился в расположении роты, а уже солдатам казалось, вроде бы и не существовало долгого перерыва и не отсутствовал замполит два месяца. Варганов говорил, что самым большим недостатком в человеке он считает бездеятельность, а одним из великолепнейших качеств — энергию, инициативность. Он редко проводил совещания и собрания, полагая, что они не всегда бывают полезны. Зато очень любил индивидуальные беседы с людьми. С комсортами и агитаторами он говорил обо всем — о положении в Португалии, о последнем кинофильме Шукшина, о канадских хоккеистах, модных прическах, о льготах для демобилизованных, но всегда при этом не терял из виду главного — всегда старался пробудить, развить в людях активность, тот внутренний, нравственный режим, который в любом деле не позволит им стоять в стороне.

Сам Варганов кроме чисто служебных обязанностей (хотя попробуй определи, где у замполита кончаются эти обязанности!), занимался уймой разных дел. Он вел пространную переписку с бывшими солдатами роты, отслужившими положенный срок и трудившимися на заводах, стройках, в колхозах. Шефствовал над кружком красных следопытов в местной школе, выступал с докладами перед офицерами и сержантами о последних военно-технических усовершенствованиях за рубежом (когда только успевал прочитывать литературу), конструировал походные ленинские комнаты, участвовал в диспутах... Варганов всегда тщательно продумывал свой личный план на день и настойчиво учил этому других. Поэтому он очень много успевал. Солдатам и офицерам в роте уже стало привычно, что их замполит всегда и обо всем знает, и они, не стесняясь, шли к нему.

В журнале боевой подготовки Варганов интересовался показателями первого взвода. После проведенных учений о взводе лейтенанта Жернакова много говорили. Варганов был рад этому, он мгновенно оценил значение факта, сразу подумав о том, как эффективнее передать опыт Жернакова другим. Ради этого он решил прежде всего сам изучить доподлинно, какие же были сделаны взводом предварительные шаги, позволившие выйти вперед, добиться таких прекрасных результатов.

За этим занятием и застал его капитан Богачев.

— А! Изучаешь! — сказал он, бросив на стол планшет и пододвинув ногой стул. — Ну как?!

— Да, изучаю, — ответил Варганов и быстро перелистнул страницу, показывая на совершенно чистые графы. — Не пойму, почему образовались здесь пропуски. Забыли записать, что ли?!

Командир роты нахмурил брови, соображая.

— Месячной давности события. Может, забыли. Да и какое это имеет значение сейчас?

— Не понимаю, — вопросительно посмотрел на него Варганов.

— Учения были недавно. Самый свежий показатель — учения. На разборе взвод Жернакова отметили. Что было когда-то — сейчас не играет никакой роли.

— Так уж и не играет? — усмехнулся Варганов.

— В глобальном значении — никакой, — сказал Богачев, переходя на шутливый тон и тут же снова становясь серьезным. Такие переходы от шутки к серьезному всегда были у Богачева внезапны. — Между прочим, — добавил он, помолчав, — двух человек из взвода Жернакова я представил на краткосрочный отпуск.

— Кого же?

Богачев назвал фамилии.

— Заслужили ребята. Молодцы!

— А в других взводах?

Богачев покачал отрицательно головой.

— Два человека только разрешили.

— Как бы другие не обиделись.

— Я же сказал: разрешили только два человека.

— Понимаю, — протянул задумчиво Варганов. — Все понимаю. В первом взводе Саватеев, кажется, недавно ездил в отпуск. Когда это было? — замполит прищурился. — В июне месяце? А еще раньше...

— Ну и что? — удивился искренне Богачев. — Ездил. Заслужил.

— А в других взводах никто не заслужил?

— Что ты мне все про другие долбишь? Другие, другие! — Богачев нахмурился. — Взвод Жернакова выходит по всем показателям в отличные. Значит, надо его поддержать, стимул дать дополнительный, что я и делаю, как видишь. Разве не понятна логика? Мне даже объяснять тебе обидно. Другое дело Никонов, у того про свой взвод забота. Пристал вчера...

— Ага! Значит, Никонов пристал. Вот видишь! Что же ты сказал ему?

— Сказал: работайте, поднимайте взвод... Буду и для вас биться. Он меня, между прочим, сразу понял. Согласился.

Варганов улыбнулся, они некоторое время помолчали, потом заговорили о приближающихся стрельбах, к которым надо тщательно подготовиться. Однако странно: они говорили о тренировках, о необходимости срочно проверить прицельные станки, а мысленно Варганов то и дело возвращался к тем самым отпускам, о которых узнал от Богачева, и никак не мог побороть в себе какое-то чувство досады, будто сделано было что-то не так. А что — не мог уяснить. Чувство это исчезло к концу дня, когда пришлось заниматься другими делами, быть в штабе у Костина, потом у подполковника Зеленцова. Исчезло, потому что появились новые ощущения, новые заботы. Картина жизни полка для него все более прояснялась, и в этой большой жизни для него все четче прорисовывались его собственные задачи. Что-то пришлось уточнять, какие-то детали, планы; какие-то делать наметки, и, разумеется, опять возникали вопросы и новые беспокойства. Но все это вместе создавало атмосферу привычной для него жизни, привычной, любимой работы, по которой он соскучился. Это означало для старшего лейтенанта Варганова, что болезнь, лежание в госпитале позади, что он вернулся в часть и на повестке дня у него множество разных дел, которые требуют его немедленного участия. Варганов входил в напряженный ритм полковой жизни, он радовался своему возвращению в строй.

* * *

Вот уж и фонари зажглись в городке — к ночи дело пошло. И на плацу, со стороны штаба, не белеет самодельная трибуна. Осенняя темнота сочится со всех сторон.

Октябрь месяц на листке календаря. Тяжкое времечко приближается — проверки всякие, подведение итогов. На носу стрельбы. Идут разговоры, будто капитана Богачева вот-вот переведут куда-то. На батальон, кажется, хотят ставить. Оно, конечно, хорошо: на повышение пой-

дет. Говорят, будто после отпуска (отпуск еще Богачев не использовал, вот как!) получит новое назначение. Где получит — неизвестно: здесь ли, в полку, или в другом месте. Поговаривают, что Ключеву очень хочется оставить Богачева в полку. Еще бы: вырастили, воспитали, а теперь отдавай. Хотя прикажут — и отдашь. И ничего не поделаешь — приказ есть приказ. Только бы повременили все же немного, пока он, Варганов, пообтешется после госпиталя, пообсмыслится, не сразу бы только...

Может, дурака он свалил — поспешил. Здоровье — не шутка. Может, надо было послушать доброго совета. Врач в госпитале не то что предлагал — настаивал: необходимо санаторное лечение. На какие-то анализы ссылался, крутил его, простукивая так и этак, предупреждал и даже страшил. А он: нет, ни в какую.

И не то чтобы ему блажь какая пришла в голову — совсем нет. Таков варгановский нрав, такое сердце: заскучал по полку. А тут еще про учения узнал, ну просто никакого терпения нет: поеду. Вот и приехал.

«Что ж, не легкий характер у командира роты Богачева», — продолжал свои думы Варганов, направляясь в сторону штаба. Да разве он об этом не знал? Давно знал. И на легкую жизнь никогда не рассчитывал. С мягким ровным характером дело иметь просто, а ты попробуй что посложней. Да и не в этом, в конце концов, дело. Богачев — способный командир. Очень способный. А властность? Жесткость? Ну что ж, у волевого умного человека эти качества никогда не приобретут довлеющего значения. К тому же рядом он, Варганов, заместитель по политчасти...

Свет падал из широкого окна клуба. И кто-то постукивал каблуками позади, будто догонял или очень спешил.

Варганов оглянулся: уж больно торопится человек.

Лейтенант Жернаков — в шинели, португеей через плечо.

— А! Добрый вечер!

— Добрый вечер!

— Ну как дела?

— Нормально, Евгений Михайлович.

— Как молодая супруга?

— Да вроде ничего.

— Не скучает?

— Да всяко, Евгений Михайлович.

— Заходите как-нибудь к нам.

— Спасибо.

— Ну ладно, шагай. Тебе надо побыстрей.

Варганов с присущей ему наблюдательностью давно приметил: как женился Жернаков, так человека будто подменили — к концу дня старается не задерживаться. Спешит к жене. Вечерами оба сидят дома, никуда не ходят. В клуб, на кинофильм и то редко когда выберутся. Вот она, любовь, что делает!

Ах, надо, надо расшевелить их! Вот забыл спросить. И Варганов крикнул вдогонку:

— Как у супруги с работой, Борис?

— Да пока еще никак, Евгений Михайлович!

«Пока еще никак. Это плохо... Что-то надо сделать. Надо заняться. А то не заметишь, как возникнет проблема. Молодым без дела нельзя...»

* * *

Сквозь открытую форточку из клуба доносился баритон, сопровождаемый разливистыми звуками аккордеона и гитар. Сержант Гусев из третьего взвода пел про опавший заледенелый клен, над которым кружит, крутит белая метель. Когда Гусев замолкал, аккордеон и гитары, будто стремясь наверстать упущенное, давали самый громкий звук.

Репетиция ансамбля, догадался Варганов, всматриваясь в квадрат освещенного окна с дороги. Этот ансамбль тоже возник при его участии. Осенью прошлого года был только аккордеон да гитара, на которой играл он, Варганов. Зато певцов было человек шесть, и пели они хором. А потом возник ансамбль, хотя хор тоже остался. Гусев считается солистом и на вечерах выступает то в сопровождении инструментального ансамбля, а то поет вместе с хором.

Или что увидел?

Или что услышал?

Словно за деревню

Погулять ты вышел...

В другое время Варганов обязательно зашел бы в клуб. И присел бы вместе с ребятами, взял бы в руки гитару и поиграл, и послушал бы, как поет солист ансамбля.

ля сержант Гусев. Но он обещал, что сегодня придет домой вовремя. Первый день. Нельзя. Сам же утром дал честное слово жене, что будет соблюдать режим.

Варганов еще раз посмотрел в освещенный проем окна, за которым виднелись чьи-то склонившиеся над гитарами головы, и заторопился домой. Вдогонку ему неслась, все слабее и слабее, уже другая песня — про дожди и девчонку, которая ждет солдата. Песню эту разучивали давно, как раз в то время, когда Варганов участвовал в ансамбле. Гусев пел ее легко, и гитаристы с аккордеонистом дружно подпевали ему.

Уже клуб остался позади и надо было повертывать на дорожку влево, чтобы напрямик выйти к дому. Варганов само собой как-то замедлил шаг, будто раздумывая, здесь ему идти или по шоссе, через контрольно-пропускной пункт. В ушах по-прежнему звучала песенка про дожди и про девчонку, которая должна ждать.

«Конечно, Богачев такой человек, — думал Варганов, внезапно вспомнив разговор с командиром роты, — уж если кого поддерживает, то изо всех сил, на всю катушку. Уж тут на него никакого удержу. Про других может и забыть... А Жернаков — что? Жернаков молодец. Вырос человек. Очень вырос».

В прошлом году женился — привез молодую жену. И вот ведь какая ерунда получается: был Жернаков холостой — так он, Варганов, лучше понимал его. Больше контактов было. А теперь вдруг замкнулся Жернаков. Вроде, по слухам, все у него хорошо, а какой-то он другой. Жесточинка вдруг проявилась, резкость в обращении с подчиненными. Хотя пример ему есть с кого брать: капитан Богачев насчет резкости не уступит. А может, это-то как раз и пришлось по душе командиру роты? «Не миндальничать — у нас армия, а не детский сад...» — вспомнились Варганову слова Богачева.

«Как бы то ни было, а Жернаков переменялся за это время. И я ничего о нем не знаю. Почти ничего. Какие у него мысли? Что у него в душе? Может, помощь какая нужна? Ввод на первом месте, а человек суровее и замыкается с каждым днем. А может, дома неладно?.. Хотя не похоже. Ведь тогда бы человек переживал. А тут просто замкнулся и похолодел...»

На шоссе, у леса, натужно гудя при подъеме, мигали фарами грузовики. Весело светились четырехэтажные до-

ма офицерского общежития, где сейчас хозяйничали на кухнях жены, поджидая со службы своих мужей. Знал Варганов, что в одной из этих квартир его тоже ждут — жена и дочь. Он еще раз поглядел в сторону леса, однако огней на шоссе уже не было. Их поглотила чернота.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Колотов открыл тетрадь в коленкоровом переплете и записал: «Мало знать, надо уметь пользоваться знаниями».

Возможно, многие люди обладают вполне достаточными знаниями, но результаты, считающиеся блестящими, достигаются умелым их применением в деле, на практике. Инструмент можно иметь, но владение инструментом дается не каждому.

«Я, наверно, совершаю ошибку, когда стараюсь чуть не механически передать свои знания людям. Происходит загрузка обширной информацией, которая хотя и имеет отношение к делу, но не дает того, что хотелось бы. Я тороплюсь — вот в чем ошибка. Нужен более глубокий и продуманный план подхода к людям, рассчитанный на Постепенное вовлечение их в орбиту всех дел, нужных мне как командиру и им как солдатам, чтобы мои знания стали их достоянием».

Колотов прошелся по комнате, продолжая свои размышления: «Все стремятся к знаниям, но передача их другим — не менее трудоемкая штука». В тетрадь он записал:

«2 окт. Вечером случайно увидел в руках у Саруханова книгу «Тактика в боевых примерах». Я сам люблю эту книгу, а Саруханов почему-то засмущался и, как мне показалось, постарался перевести разговор на другую тему.

3 окт. Рядовой Скворцов взял обязательство овладеть специальностью гранатометчика. Сам, без подталкиваний. Пулеметом уже владеет. Но просил, чтобы об этом не говорили на собрании. Стеснительный человек.

4 окт. Сержант Аникеев вынужден был наказать Илюшечкина. Курил в неположенном месте. Вечером, я видел, сержант снова грустил: трудно дается ему каж-

дое дисциплинарное внушение подчиненным. Очень переживает.

5 окт. Обнаружил: рядовой Гаврилов редко пишет домой. А сам получает всегда много писем. Из дому родные пишут. С завода — футбольная команда.

Когда прихожу во взвод, рядовой Беляков оказывается самым проворным: первым успевает подать команду «Смирно!». Сегодня суетный день — приходилось уходить, снова приходиться, и так три раза. Беляков оказался на высоте — никому не уступил, все три раза его голос подавал команду «Смирно!».

Колотов захлопнул тетрадь, задумался. Факты, факты... «Я начал записывать это как факты, которые откроют мне людей, позволят выявить закономерность их отношений между собой и мотивы тех или иных поступков. Какая самонадеянность. Все гораздо сложнее. Я не могу пока сделать никаких определенных выводов. Возможно, фактов еще мало. Надо записывать и записывать...»

Он вышел на кухню, где гремела посудой бабушка Настасья. У нее было прекрасное настроение. Ставила чашки на стол и поглядывала на письмо, лежавшее с краю. Получила письмо от сына и внука. Праздничные чашки на столе, праздничная ваза с вареньем, праздничные ложечки...

— Значит, внук ваш решил в морское училище, — сказал Колотов, усаживаясь за стол.

— Да. Пишет, что все комиссии прошел...

— Ну, до комиссий еще далеко, — заметил Колотов. — Ведь на будущий же год.

— На будущий. А говорит, у какого-то начальства уже был.

— Наверно, в военкомате.

И весь дальнейший разговор за чаем у них шел про морскую службу, про которую бабушка Настасья где-то уже слышалась. Колотов, прихлебывая чай и заедая его пирогом, рисовал ей радужные картинки про могущество техники, про отсутствие кораблекрушений и даже высказал мысль, что морская служба ничуть не сложнее мотострелковой, а пожалуй, еще и полегче будет, и этим окончательно успокоил бабушку Настасью.

Теперь она с глубокой озабоченностью смотрела на Колотова. И, встретив ее взгляд, Колотов смутился, потому что выругал себя за хвастовство и, чтобы оставить

хорошее впечатление, начал говорить про свой армейский коллектив, в трогательных словах изображая дружбу и дисциплинированность солдат, тонко обходя разные нарушения, неполадки, существование гауптвахт и нарядов вне очереди.

— В армии порядок, — говорил он. — И в морском флоте тоже. Я буду очень рад, если ваш внук станет морским офицером.

Эти слова растрогали бабушку Настасью, и она ушла к себе в комнату и вскоре принесла оттуда фотографию внука. Заложив руки за спину, молодой паренек в рубашке с расстегнутым воротом стоял на берегу озера около лодки, а в лодке сидела девушка. Колотов похвалил парня за спортивный вид и еще несколько минут рассматривал лицо девушки, сидящей в лодке.

«Люська, пожалуй, была красивей», — подумал он и почувствовал, что на кухне жарко, посидел еще немного, потом поблагодарил бабушку Настасью за чай и направился к себе.

Он расстегнул ворот рубашки так, как он был расстегнут у молодого парня, стоявшего на берегу озера, и снова представил девушку в лодке. Воспоминание о Люське было ему неприятно, и он даже прикрикнул на себя: «Колотов, ты что? С этим же покончено! Ты что?! — Он часто обращался к себе по фамилии, когда был наедине с собой и когда нужно было срочно от чего-то отмахнуться, что-то побороть в себе. — Не будь слабаком, Колотов! Слышишь?!» Эти или подобные словечки слетали с его губ, пока он раскладывал на столе книги и наставления, готовясь к завтрашним занятиям.

* * *

Утром туманы еще не рассосались в низинах — Колотов крутит на велосипеде. С утра он — в казарме.

Привычка осталась с училища — вставать рано. Да и любил Колотов часы подъема. Ну-ка, целая рота, как один человек, по секундомеру вспорхнет с постелей — это картина. Где еще увидишь такую слаженность, такую четкость? У Колотова кровь в эти мгновения ходила ходуном — так бы и стал в строй, и побежал вместе со всеми на зарядку!

— Ну чего уж, товарищ лейтенант, каждый день вы.

Отдыхали бы, — говорил старшина Роговик, улыбаясь прищуренными глазами.

Отдыхать ему пока некогда. Да и потребности особой нет. «Годы лейтенантские — время золотое, надо пользоваться каждой минутой», — говаривал когда-то в училище майор Кривенко. И верно, кто, как не он, командир взвода, ближе всех стоит по служебной лестнице к солдатам. Значит, надо знать все, надо быть с ними, проследить, проверить, дать почувствовать, что ты рядом, что твой глаз и самый строгий и самый добрый, что ты — как старший брат им... Ведь неспроста командира иногда отцом называют. Заслужить надо.

На этот раз Колотову не удалось полюбоваться картиной армейской побудки. Ибо в то самое время, когда он поднимался по лестнице в казарму, его встретил дежурный по роте.

— Капитан Богачев вас спрашивает...

— Где он? В канцелярии?

— В канцелярии... Оружие проверял...

— Оружие? Ну и что?

Оружие для солдата — святая святых. Оно всегда должно быть в боевой готовности. С первого года службы солдата приучают к этому. Постоянно ведется наблюдение, как оно содержится, в каком виде. Оружие — это как бы лицо воина, которому оно вручено. За него он в ответе. Командир роты, командиры взводов, старшина проверяют его по особому графику. Бывает, что на дню оружие проверяется по нескольку раз, и, пожалуй, можно с уверенностью сказать, что в армии это один из самых придирчивых осмотров.

Колотов мог бы немало порассказать, как учили курсантов хранить и беречь оружие. И слава богу, ему такая наука привилась. Ни одного, даже пустякового, замечания не бывало за время учения. А некоторые долго не могли привыкнуть к порядку.

Он и в роту когда прибыл, начал с того же — с хранения боевого оружия и ухода за ним. Были случаи небрежности. У Илюшечкина, у Гаврилова. С первого раза не хотелось прибегать к суровым мерам — ограничивался внушением.

«Неужели теперь? Кто же? Как могло получиться?»

Голос командира роты он слышал еще за дверью. Шумно, почти на крик разносил Богачев кого-то. Дне-

важный в коридоре стоял хмурый. В спальнях комнатах пусто: рота вышла на физзарядку.

Колотов быстро поправил портупею, фуражку и взялся за дверную ручку.

Так и есть: Илюшечкин стоял, растерянный, посреди канцелярии рядом с Аникеевым, а капитан Богачев у стола, на котором лежал автомат, — бледный, глаза сверкают. Все ясно: значит, Илюшечкин подвел.

Колотов доложил.

— Вот полюбуйтесь! — воскликнул Богачев и рванул-ся, зашагал по комнате. — Вот посмотрите, в каком виде автомат! Вы только посмотрите, как он его смазал! Как это назвать — такое отношение?!

Кровь отхлынула от лица Колотова. Он поглядел на Илюшечкина. Самое обидное было для Колотова то, что он уже разговаривал с Илюшечкиным по поводу оружия, и тот обещал. И другая обида была — на себя: как это случилось? почему проморгал? как допустил? И неизвестно было сейчас, кого больше ругал Колотов: рядового Илюшечкина или себя, командира взвода?

Капитан Богачев взял со стола автомат, передал дежурному по роте. Илюшечкину и Аникееву приказал отправиться в распоряжение роты.

— Указываю вам, лейтенант Колотов, на слабый контроль, — сказал он, немного помолчав. — Думаю, вы понимаете всю серьезность. Виновных наказать своей властью. Разберитесь, почему так получилось.

Богачев сел за стол, хмуро молчал, глядя куда-то в окно.

Молчал и Колотов. Что он мог сказать? Ничего.

Вышел из канцелярии, чтобы не мозолить глаза командиру роты, который в запале мог наговорить всякого.

«Вот и распрекрасное утреннее настроение. Из-за одного шалопа...»

Колотов шагал по коридору, и все дрожало у него внутри.

«Романтику разводишь... Про высокие материи, про полководческое искусство историйки рассказываешь. А элементарная дисциплина во взводе хромает...»

Из бытовой комнаты вышел рядовой Илюшечкин. Вихляющей, нарочито небрежной походкой он подошел почти вплотную к Колотову. Все еще кипя яростью, Ко-

лотов в упор смотрел на Илюшечкина. Тот не выдержал взгляда, опустил глаза.

— Прошу передать ему!.. — запальчиво произнес Илюшечкин и задохнулся. — Прошу передать, чтобы не кричал на меня! Пусть дает взыскание, а не кричит!

— Рядовой Илюшечкин, вы не умеете обращаться к командиру!

— Пусть не кричит...

В глубине коридора, на лестнице, послышался топот ног. Рота возвращалась с физзарядки.

— Скажите, Илюшечкин, — спокойным голосом спросил Колотов, — в вашей семье кто-нибудь воевал?

— Нет, — ответил Илюшечкин. — Мой отец во время войны работал на оборону.

— Понятно.

— Какая тут связь?.. Между прочим, отец за работу на оборону получил орден.

— Связь обычная, рядовой Илюшечкин. Ваш отец выполнил свой долг перед Родиной, а вы свой долг не выполняете. Вам не знакомо такое чувство, как честь семьи. Фамильная честь. А еще обижаетесь, что на вас кричат.

— Да, я прошу, я не привык, чтобы на меня кричали, — проговорил Илюшечкин.

— А я не привык говорить одно и то же по несколько раз. Вы обязаны нести службу честно. Вашему отцу будет стыдно за вас, Илюшечкин.

Колотов повернулся и зашагал прочь — к себе во взвод. А Илюшечкин остался стоять на месте, медленно приходя в себя от всего того, что произошло с ним в это утро.

* * *

После обеда между Колотовым и Жернаковым произошел неожиданный разговор.

— Я удивлен, Колотов! Я думал, ты покрепче...

Жернаков курил, пуская струи дыма вверх и приглаживая тонкими пальцами усики.

— Что такое? — не понял Колотов.

— Да насчет этого ЧП в твоём взводе. Уж больно спокойно относишься. Будто ничего и не случилось.

— А как, по-твоему, я должен относиться? Кулаками бить себя в грудь?!

— Зачем же кулаками. В устав загляни, перечитай повнимательнее. В уставе, между прочим, четко сказано. — Жернаков помолчал секунду-другую и спросил: — А скажи, твой Илюшечкин принимал присягу?

Колотов покраснел, как он краснел всегда, если чувствовал насмешку.

— Предположим, принимал. Ну и что?

— А то, что выдать ему надо было на всю катушку. Чтобы понял! Чтобы другим неповадно было.

— Рядовой Илюшечкин получил взыскание.

— Какое? — перебил его Жернаков. — От сержанта Аникеева, что ли?

— Да, от Аникеева.

Жернаков вместе со стулом подвинулся ближе к Колотову.

— Твоего Аникеева, если хочешь знать, самого учить и учить надо. Ему самому следовало бы врезать пару внеочередных за плохой контроль.

— Что ж, будем учить и Аникеева, — сказал, стараясь быть спокойным, Колотов. — А насчет внеочередных — так вот мое мнение: одной строгостью много не возьмешь.

Жернаков шумно вздохнул.

— Ну, знаете, этими тонкостями заниматься... Здесь армия, а не детский сад. Провинился — получай наказание.

— При чем тут детский сад? — ворчливо проговорил Колотов, вспоминая, где и от кого он слышал эту фразу. — Воспитывают не только в детском саду.

— Сказка про белого бычка, — махнул рукой Жернаков. — Поговори с ним, — обратился он к сидевшему рядом командиру второго взвода Никонову. — Объясни хоть ты ему, что и как!

Никонов, засунув руки в карманы брюк, безмятежно посматривал на обоих, не вступая в разговор. На восклицание Жернакова он лишь поморщился, что означало: а ну вас, надоели, разбирайтесь сами!

— Вы рискуете потерять авторитет во взводе, — нажимал Жернаков, перейдя вдруг на «вы». — У Илюшечкина уже не первое нарушение. Вы подумали, какой пример для других? Вот, скажут, серьезный проступок, а ему один наряд вне очереди. Представляете последствия?

— Только, пожалуйста, не преувеличивайте! — закипел в свою очередь и Колотов. — С вашими доводами я не соглашусь никогда. Уж не кажется ли вам, будто солдатская добросовестность зависит от внеочередных нарядов?

— Вы в роте без году неделя. Вы не знаете, как налаживать дисциплину. Спросите у Никонова, он вам скажет.

Никонов, однако, продолжал молчать и лишь временами морщился, бросая быстрые взгляды то на одного, то на другого.

— Вы думаете, педагогика и все такое прочее. Раз, два — и порядок. Ошибаетесь, дорогой товарищ. И если не поймете сразу, упустите время — поздно будет. На шею сядут, помяните мое слово.

Жернаков резко встал и прошел в другой конец комнаты.

— Да хватит вам! Сколько можно! — не вытерпел Никонов. — Ну чего пристал к человеку, Жернаков? Если он считает, что так лучше, — его дело. Он командует взводом, он несет ответственность.

Колотов вдруг побледнел. Кто из них затеял этот разговор? Из-за чего они стали спорить? Из-за проступка, который совершил его подчиненный? Из-за меры наказания? Ведь действительно он без году неделя в полку. Но почему Жернаков разговаривал с ним таким тоном? А сам, сам разве сдерживался?

И, желая смягчить впечатление от высказанных резких слов, Колотов сказал, обращаясь к Жернакову:

— Может, я ошибся. Но мне показалось, что Илюшечкин искренне переживает свою оплошность. Зачем же его наказывать еще, если он сам... И Аникееву наука — вперед будет умнее. Вот так я рассудил. Понимаете?

— Ладно, успокойся, — сказал Никонов, которому лейтенант Колотов нравился. — Я, например, не вижу большой беды...

— Да ты у нас теоретик! Тоже большой выдумщик! — вставил Жернаков.

Никонов засмеялся.

— А что, по-твоему, плохо?

— Всякая односторонность вредна.

— Насчет односторонности впервые слышу. — Никонов помолчал немного.

— Односторонность. Одна сторона... Одна, — повторил Жернаков.

В комнату вошел старшина Роговик.

— Товарищ лейтенант, — сказал он, обращаясь к Колотову, — капитан Богачев велел передать, что ваш взвод выделен на работы.

— Опять? — вырвалось у Колотова. — Опять мой взвод?

— Сейчас подойдут машины, — сказал Роговик.

— Куда поедем?

— На станцию. За кирпичом.

— Ну ладно, — сказал Колотов, поднимаясь. — За кирпичом так за кирпичом. Привет, товарищи!

ГЛАВА ПЯТАЯ

Прошло еще несколько дней. Колотов после ужина вернулся в казарму. В спальней комнате взвода он обошел ряды коек, стараясь не упустить ни одной мелочи. По-видимому, характер человека сказывается даже в том, как убрана его постель, подумал Колотов, останавливаясь около кровати Илюшечкина. Ну разве это заправка? Одеяло лежит неровно, морщит, подушка помята. Он перевел взгляд на соседние койки. У Блинова постель демонстрировала аккуратность и обстоятельность своего хозяина; матрац чуть приподнят, подушка взбита. У Саруханова ощущалась щеголеватая сдержанность военного человека. Будто и матраца на сетке нет, а одеяло натянуто, как сукно на столе.

Уже несколько раз Колотову приходила в голову мысль, что точно такую же тощую постель он где-то видел раньше. Но где — не припомнит.

Он подошел к окну и провел ладонью по слегка запотевшему стеклу. Отчетливо увидел двор, огни фонарей. За низким штакетником поблескивала скамейка, устроенная в виде правильного четырехугольника, в центре которого, в углублении, стояло ведро: коллективная пепельница.

И вдруг Колотов вспомнил, у кого он видел такую же плоскую аскетическую коечку. Стажировался в прославленной мотострелковой дивизии, участвовал в боль-

ших учениях. Батальон, к которому он был прикомандирован, совершал марш-бросок. С полным комплектом выкладки, гранатометы, пулеметы — все на себе. В жару, под июльским, нестерпимым зноем... К вечеру, когда марш-бросок был совершен, Колотову было приказано доставить донесение генералу.

Сухощавый, седой в просторной рубашке защитного цвета, генерал армии сидел за раскладным столиком. Он быстро взглянул на вошедшего в палатку — взгляд был живой, острый, как бы прощупывающий. Колотов стоял руки по швам, как положено, подбородок приподнят — смотрел на генерала и немного волновался: фамилия у генерала известная — герой минувшей войны.

«Он, конечно, не помнит отца. Где тут упомянуть — столько народу прошло перед глазами. Да и разница в служебном положении. Хотя отец рассказывал...»

Генерал командовал дивизией в страшные, трудные месяцы обороны Сталинграда. А отец Колотова — батальоном. Их фронтовые дороги потом разошлись, но особого рода связь, внешне никак не проявляемая, существовала между отцом Колотова и этим генералом. И странным образом теперь эта связь коснулась его, Сергея.

— Хорошо, хорошо, — сказал генерал капитану, положившему на столик какую-то бумагу, и опять посмотрел пристально на Колотова, на его подтянутую, стройную фигуру.

— Как чувствуют себя бойцы после марша? — спросил он.

Колотов ответил, чеканя слова, что марш-бросок совершен успешно, что люди чувствуют себя отлично.

Что-то вроде улыбки мелькнуло на сухих, увядших губах генерала. Видимо, ему понравился этот сержант с курсантскими погонами, и он спросил еще о разных мелких подробностях, связанных с марш-броском, о занятиях в училище, которое, оказывается, хорошо знал.

— Нужен боец, — сказал он, продолжая все так же внимательно разглядывать Колотова. — Боец умелый, выносливый, умный. Воспитывайте у людей эти качества.

Наверное, слова, сказанные генералом, Колотов слышал и раньше. Это были обычные слова. Но в тот момент они прозвучали для него по-особенному, по-новому, и Колотов потом все размышлял: в чем секрет? Почему с одним человеком поговоришь и тут же забудешь, о чем

говорили. А другой произносит почти те же слова — и они западают в душу надолго.

По возвращении с учений Колотов рассказывал однокурсникам про свою встречу со знаменитым полководцем. Мелочи разные припоминал: как посмотрел генерал на него, чем интересовался, какое выражение было на его лице... Но про тощую, аскетически суровую коечку, которую увидел в генеральской палатке, он забыл. Она будто выпала из его памяти.

А вот сегодня неожиданно вспомнил.

Да, но какая тут связь: молодой, срочной службы старший сержант Саруханов и заслуженный, всему миру известный генерал?

* * *

Войдя в ленинскую комнату, Колотов увидел лейтенанта Никонова, старшину Роговика, сержанта Гусева. Шло заседание редколлегии ротной стенгазеты. На двух сдвинутых вместе столах белел лист плотной бумаги, и старшина Роговик, в отглаженной гимнастерке, в портупее, восседал в центре и водил по листу карандашом, будто командующий армией по карте. Роговик, редактор ротной стенгазеты, планировал, куда какую заметку поместить. В стороне сидел, сгорбившись, солдат Наумов и с обычным хмурым выражением на лице рисовал заголовки к заметкам. Заголовки получались яркие, броские, с особым веселым оттенком красок, что так не вязалось с хмуростью Наумова.

Стенгазету, то есть очередной ее номер, было решено посвятить минувшему выезду в поле и проведенным там учениям. Колотова еще неделю назад попросили написать заметку, поделиться своими впечатлениями, как свежего в гарнизоне человека. Он написал, однако учений не коснулся — просто рассказал о своих чувствах при вступлении в полк после училища. Заметка понравилась, и ее тоже собирались напечатать в стенгазете.

Редколлегия совещалась уже около часа, обсудили, какие материалы готовы, какие требуют доработки. Посмотрели, как будет выглядеть оформление газеты. И после многих прикидок и споров определили порядок, в каком будут помещены заметки на листе. Роговик подводил итог. Его задубелое, с оттенком густого румянца ли-

цо, какое бывает у людей, привыкших к ветру и солнцу, выражало торжественную серьезность и сосредоточенность. Видно было, что он занимался стенгазетой с удовольствием.

— Статью командира роты разобьем на две колонки, — говорил он, чиркая карандашом по листу сверху вниз. — Фото лейтенанта Жернакова — в правом углу, рядом — его рассказ о взводе. Здесь дадим выступления командиров отделений. А внизу — схема боя, потом обмен опытом. И как всегда, итоги соцсоревнования. Да, еще письма уволенных в запас, стихи... Ну как? Здесь заметка лейтенанта Колотова, — он кивнул Сергею. — Дальше сатира, юмор...

Послушав Роговика и уяснив, какая богатая будет по содержанию газета, Колотов отошел в сторону, стал разглядывать стенд, посвященный боевой учебе мотострелков в послевоенные годы.

— Подходят ли стихи в этот номер? Ведь он целевой, а стихи про природу, про речку да лес, — услышал Колотов за спиной голос сержанта Гребенюка из первого взвода.

— А почему не подходят? По-моему, про речку неплохо написал Скворцов. По-моему, стихи на месте, — задумчиво отозвался Роговик.

«Скворцов? Это кто же? Из моего взвода, — сообразил Колотов, по-прежнему изучая стенд с фотографиями солдат и сержантов пятидесятых годов. — Значит, Скворцов пишет стихи. Интересно».

— Мало у нас рассказывается про агитаторов, как действовали на учениях, — сказал Гусев.

— Наверно, рассказывать нечего, — ответил ему Гребенюк, усмехаясь.

— А ведь правда, верно замечено, — снова отозвался Роговик. — Тут мы действительно упустили. Надо расширить статейку, сказать обо всем как есть. Это же очень важно, товарищи!

Сзади к Колотову подошел Никонов, взял его за локоть.

— Старшина Роговик на капитанском мостике, — сказал он полупшепотом.

— Вижу, дело у него поставлено, — сказал Сергей.

— Ну, ты еще не знаешь нашего старшину, — улыбнулся Никонов.

— Кто бы мог подумать, — проговорил Колотов, поглядывая с интересом на Роговика. — Прямо профессиональный газетчик!

— Слушай, Сергей, какие у тебя планы на вечер?

— Да ничего особенного. Домой собираюсь.

— Тогда у меня есть предложение, — решительным голосом заявил Никонов. — Пойдем ко мне.

— Удобно ли? Так неожиданно, — засомневался Колотов.

— Все удобно. Все хорошо, — прервал его Никонов, загоревшийся мыслью пригласить к себе в гости Колотова. — С женой познакомишься. — Он бегло посмотрел вокруг, будто вспоминая, не забыл ли что-нибудь. — У тебя во взводе дела?

Колотов ответил, что никаких дел нет, и они вышли в коридор.

* * *

Через полчаса они поднимались по ярко освещенной лестнице четырехэтажного офицерского дома, как две капли воды похожего на многие другие дома подобного типа. У Никонова с женой была большая комната, с большим квадратным окном, заставленным куклами, пластмассовыми собачками, кошками, зайчиками и разными другими зверушками. Увидев такое скопище игрушек, Колотов невольно огляделся и, не найдя того, что искал, вопросительно посмотрел на Никонова.

— Что, брат, смотришь, где же баби? — воскликнул Никонов и рассмеялся, довольный произведенным впечатлением. — Давай проходи, проходи. Никакого баби нет.

Однако, чувствуя, что Колотова заинтриговали игрушки и чтобы не возникло по этому поводу каких-нибудь фундаментальных соображений, объяснил:

— Жена в детском саду работает. Спектакли детишкам устраивает. Ну а дома тренируется со мной.

— Жаль, что только с тобой, — подмигнул хитро Колотов. — Пора бы...

— Ну-ну! — рассмеялся Никонов. — Мы же недавно поженились. Претензии нам пока рано предъявлять. Так что напрасно...

Колотов постоял у книжных полок, быстро пробежал глазами корешки, отмечая, что русская классика пред-

ставлена у Никонова в собраниях сочинений, и невольно позавидовал: когда успел раздобыть подписку?

Вошла молодая черноволосая женщина в белой кофте.
— Знакомься, Сергей. Моя жена, Лиза, — сказал Никонов. — Собирается стать педагогом, воспитателем подрастающего поколения.

Лиза протянула руку, взглянув быстро и прямо в лицо Колотову, потом пошла на кухню.

— Вот приехала сюда ко мне, — сказал немного погодя Никонов про жену. — Все оставила и приехала. Не испугалась. — Он понизил голос: — Мы расписались-то здесь, представляешь... Ее родители, если говорить откровенно, не жаловали меня, а она не посмотрела, приехала. Прихожу однажды со службы — я тогда жил в поселке, — а она меня ждет... Давай, слушай, снимем наши куртки.

Они разделись. Никонов прошелся по комнате, остановился у окна, о чем-то задумавшись.

— А к тебе никто не должен приехать?

— Нет, никто, — ответил Колотов.

Появилась снова Лиза с горой посуды в руках. Расставила тарелки и чашки на столе, спросила:

— Ну что новенького у вас, товарищи лейтенанты?

Никонов посмотрел на Колотова:

— Чего у нас новенького, Сергей? Роговик стенгазету выпускает. Все новости там.

— Молодец ваш Роговик, — сказала Лиза.

— А у нас все молодцы, — заметил Никонов. — Кого ни возьми. Жернакова за последние учения хвалят. Портрет в стенгазете — это надо понимать.

— Не нравится мне ваш Жернаков, — сказала Лиза.

— Почему? — спросил Сергей.

Никонов замахал на жену руками:

— Слушай ты ее, Сергей! Чего она понимает! — Никонов был явно раздосадован замечанием Лизы.

— Все же интересно, почему вам не нравится Жернаков?

Лиза вздохнула и покосилась на мужа.

— Он сердится. — Она показала глазами на Никонова. — А что тут такого? Я высказываю собственное мнение. Я могла бы и самому Жернакову об этом сказать. Чего он такой важный?! Ипогда встретит и поздороваться забудет. Или ждет, когда с ним первая поздороваешься. Воображала!

— Ну видал, Сергей! — воскликнул Никонов. — Чисто женский подход. Забыл поздороваться! А может, в голове у него в это время были важные мысли... Может, совсем не до того человеку было...

Никонов всячески пытался уйти от неудобного для него разговора.

— Вообще, не пристало говорить о человеке за глаза, — сказал он, нахмурясь.

— А я ему, ты же знаешь, и в глаза говорила.

Никонов зажмурился и потряс головой, так что его волнистые волосы рассыпались по лбу.

— Мама, родная! Да что это такое? Что ты к Жернакову придираешься? Офицер как офицер. У Сергея может сложиться превратное впечатление. Не слушай ты ее, Сергей! Давайте лучше выпьем!

Колотов улыбнулся: осторожничает Никонов, боится, как бы разговоры не пошли. А Жернакова, видимо, здесь недолюбливают.

Они выпили и помолчали. Слышно было, как за стеной глухо бубнил телевизор. Разговор замялся, все будто прислушивались к невнятному лопотанию телевизора. Потом Лиза, считавшая себя виновницей заминки, стала расспрашивать Сергея об училище, о городе, где он жил. Колотов был рад возможности сгладить неловкость, хотя в душе считал, что ничего особенного не произошло (подумаешь, покритиковали Жернакова!), но если хозяину не понравилось, значит, есть причины, значит, меняй пластинку.

Он рассказал про свои курсантские годы, про выпускной вечер. Постепенно разговор оживился. Лиза расхваливала здешние места и вообще показалась Колотову женщиной откровенной, простой, радушной. Интересовалась, как Колотов устроился с питанием, со стиркой белья, другими бытовыми подробностями. Живо изобразила свой приезд, обстановку в комнате, где обитал раньше Никонов (он тогда снимал квартиру в Лужанах), как встретил ее, какие сделал глаза и как с первого же дня она взяла в свои руки все.

— Здесь, в гарнизоне, прекрасный микроклимат, — говорила она, хлопотливо подкладывая Колотову на тарелку салат. — Марья Степановна Ключева — вы не знакомы с ней? — чудесная женщина. Как великолепно, что у нашего командира такая жена. Она нам с Лешей очень

помогла. Ну, да вам, конечно, не понять. Вот жени-тесь...

Никонов, испугавшись, как бы Лиза опять не допустила какого-нибудь перекоса в разговоре, налил в рюмки и сказал:

— Сергей, я предлагаю выпить за мою жену. Она молодец. Она — мой помощник.

Лиза, покрасневшись и очень похорошев оттого, выпила, потом встала и ушла на кухню.

— Сегодня провожу занятия по огневой подготовке, — сказал после паузы Никонов, — вдруг приходит Богачев и начинает гонять всех подряд по материальной части. Есть у меня один солдат. Так, ничего парень, только уж очень медлительный. Комроты напустился на него, а он молчит... Уж чего я не люблю, так это когда начальство приходит и с ходу начинает гонять.

— Мне тоже такая манера не нравится, — улыбнулся Колотов. — Но, может, это полезно?

— В каком смысле?

— Приучает владеть собой.

— Думаешь, приучает? — Никонов пожал плечами. — Кто знает... — Он помолчал. — Ты ведь знаешь, я окончил педагогический, и во мне, наверно, крепко сидит педагог. Я постоянно думаю: педагогично или не педагогично? По отношению к какому-нибудь поступку, слову. Иногда мне кажется, что это здорово мешает. Ведь армия — не средняя школа.

Он посмотрел на Колотова вопросительно, ожидая его мнения.

— Да, конечно, — сказал Колотов, — солдаты — это не подростки. Хотя воспитывать приходится и нам.

— Вот-вот, я об этом и думаю. Меня очень интересует один психологический момент. Внутреннее состояние... Я не только воспитатель, но и командир, который в любую минуту может повести их в бой. Воспитатель и вместе командир, требующий беспрекословного подчинения. Ты меня понял?

Никонов вышел из-за стола и прошелся по комнате.

— Я тебе только что говорил про Богачева. — Никонов наморщил лоб, вспоминая. — Я вроде возмутился, что он пришел и начал гонять солдат по огневой подготовке. Резко, жестко, не обращая внимания, у кого какие склонности, у кого какой характер. Мне, знаешь, показалось,

что так нужно. Я даже позавидовал: он командир. Вот дай ему сейчас роту незнакомых людей, и он мгновенно подчинит их себе. Он — командир. Понял меня?

— Ну что же дальше? Ты тоже командир.

— Командир. — Никонов поднял воинственно плечи и опустил.

— Что тебя беспокоит?

— А то, что какие-то качества, которые есть у Богачева, отсутствуют у меня. Иногда мне кажется, что у Жернакова эти качества тоже имеются. А у меня нет.

Никонов высказывал свои затаенные мысли, поэтому горячился, было видно, что он давно думал об этом и, возможно, не сразу решил поделиться сомнениями с Колотовым.

Доверие товарища по службе тронуло Колотова.

— Слушай, тебе хочется быть настоящим командиром. Правда?

— Правда, — сказал Никонов.

— И ты им будешь.

— Откуда у тебя такая уверенность? — Глаза Никонова, однако, радостно заблестели.

— Интуиция, — произнес Колотов с улыбкой. — Я чувствую это подсознательно. Честно тебе скажу про себя: когда решил после десятого класса пойти в военное училище, то многого не представлял... И растерянность, и колебания — все было. И неизвестно, что бы получилось, если бы не один человек...

— Кто же он? — спросил быстро Никонов.

— Майор Кривенко. Командир учебной роты.

— Что же он такого сделал?

— Очень многое, — ответил коротко Колотов, но, встретив напряженно-ожидающий взгляд Никонова, добавил: — Долгая история, если все рассказывать. Как-нибудь потом... Он просто стал мне другом, хотя по возрасту гораздо старше. Понимаешь, я даже не знаю, как это объяснить. Мы с Николаем Ивановичем Кривенко говорили откровенно обо всем. О политике, философии, о назначении военного командира, о смысле жизни, отданной армии. Этот человек до мозга костей — военный.

Никонов перебил его:

— Мне бы хотелось повидать твоего друга.

— Повидать? — Колотов усмехнулся. — А вдруг бы Кривенко не понравился тебе? Могло быть такое? Могло.

Ты же сейчас признавался, что какие-то качества или стороны характера в других людях тебя привлекают, а иные отталкивают. Это естественно. Иногда, согласишься, наши симпатии и антипатии зависят от условий и времени: сейчас души не чаешь, а немного погодя... Нельзя, на мой взгляд, поддаваться этим чувствам. Николай Иванович Кривенко любил повторять: «Не ломай натуру. Не стремись быть похожим на другого, потому что наверняка схватишь только внешние приметы. А будь верен себе. Люби дело, ищи к нему ближайших путей, учи этому делу других, будь всегда справедлив, честен — и ты завоеешь мир, то есть сердца...» Может, я повторил его слова не совсем точно, но главное я запомнил: любовь к делу и к людям, верность долгу — вот путь, на котором формируется человек. И командир тоже...

— Он хорошо сказал, твой Кривенко, — проговорил задумчиво Никонов. — Любовь, долг — это главное.

— Именно, — подхватил Колотов. — Любовь заставит тебя искать пути к человеческому разуму, к сердцу, она подскажет, как тебе надо действовать в том или ином случае. Она воспитывает...

— Да, да, — согласился Никонов, — все кажется так просто.

— Просто только на словах, а на деле очень сложно, — вздохнул Колотов. — Вот тут и важен пример. Когда тебе дается пример, это убедительно. Мне, кстати, очень понравился наш замполит Варганов. Я пока ничего такого не могу сказать, мы с ним один раз поговорили, но он мне понравился. По-моему, хороший парень!

— Ну, Варганов — золото! — сказал Никонов. — А вот обо всем, о чем с тобой тут размышляли, я бы не рискнул говорить с ним. Сам даже не знаю почему.

Лиза, вошедшая несколько минут назад в комнату, тихо сидела поодаль и слушала.

— Знаете, Сережа, — обратилась она к Колотову, — в каждой профессии существуют свои тонкости. Но профессия военного человека, командира, требует, как никакая другая, характера. Для меня, к примеру, удивительно: Леша такой стеснительный, как он командует, не приходится ли ему совершать насилие над собой?

— Не волнуйтесь, — сказал Колотов и подмигнул Никонову — Еще как командует.

— Не кокетничай, Лизка! — крикнул Никонов, види-

мо испугавшись, как бы жена не углубилась в исследование его характера. «Колотов, конечно, хороший парень. Но нельзя же распахиваться с первой встречи». — Не кокетничай! — повторил он. — А то поставлю по стойке «смирно» или в наряд отправлю.

И Лиза уловила настроение мужа, не стала развивать тему.

— Не хочу в наряд. На танцы хочу, — капризно сказала она. — Я человек общительный, веселый, к городским условиям приспособленный. Танцевать хочу...

— Сейчас будут танцы. Сейчас мы организуем! — вскочил Никонов и направился в угол, где стоял радиоприемник с проигрывателем. — Можно стол передвинуть, чтобы просторнее.

— Ох ты, господи! Вот за что, оказывается, я любила этого человека! Стол передвинет... Танцы устроит! Блеск! — смеялась Лиза. — Ну побыстрей, Леша, берись за тот край. Да осторожнее, тюлень!

Они перенесли стол вместе с закусками к стене, туда же сдвинули стулья. Проигрыватель долго потрескивал, отказываясь вращать диск. Наконец после многих хитрых манипуляций хозяина диск с пластинкой закружился — и в комнате зазвучало танго. Тут же Лиза подошла к мужу, опустила руки на его плечи. Они стали танцевать, позабыв на какое-то мгновение обо всем.

Колотов сидел около проигрывателя, смотрел, как крутится на нем пластинка. Черный крутящийся диск и музыка будто завораживали его — он смотрел в одну точку и чему-то тихо улыбался.

Сегодня был хороший вечер. Радость новых встреч, новых знакомств охватила его. Он взглянул на танцующих. «Им хорошо. Они любят друг друга. Хорошая пара...» Ему снова вспомнилась Люська. Он тут же выругал себя, потому что считал: мужчина должен быть мужчиной. Мужчина даже в душе не имеет права позволить себе расслабиться. А воспоминания о Люське расслабляли его. И чтобы прервать их, обрубить, он стал думать о Никонове, о Лизе. «Хорошая пара, очень подходят друг другу...» Он откинулся на спинку стула и крикнул:

— А ну, Леша, веселей ходи! Ну-ка, покажи, как танцуют офицеры! — Колотов, охваченный внезапным возбуждением, остановил проигрыватель, быстро снял пластинку и поставил другую — шейк.

И вот наваждение: будто выплеснутая неведомо откуда накатившей волной, на него смотрела, ему улыбалась Люська.

Шейк — ее танец. Коронный ее танец.

Старая любовь еще кружила ему голову.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Знакомство Сергея с Люськой началось полтора года назад. Однажды вечером — весна, теплынь, воздух точно травами настоян — они бродили вдвоем по городу, завернули в какой-то сквер, где деревья накрывали лавочки шатром. Но они не сели на лавочку, а остались стоять, повернувшись друг к другу лицом. Потом опять ходили по улицам и оказались близко от ее дома. Люська — так звали ее все подруги — спросила спокойно: «Зайдешь?» У Сергея мурашки пошли по спине, он знал, что Люська живет одна. Он в ответ кивнул, и оба тут же пересекли улочку, направившись к калитке, за которой были двор и крыльцо. Люська жила на втором этаже в старом кирпичном доме. Сергею пришлось подниматься впотьмах по широкой лестнице. Он воспользовался случаем и обнял Люську.

У себя в комнате Люська щелкнула выключателем. Загорелась лампочка под большим красным абажуром на длинной ножке, осветив старинную горку с посудой, тахту и низенький столик.

Люська бросилась хозяйничать. Сварила кофе, нарезала хлеб, сыр, поставила неполную бутылку с коньяком.

Они выпили, чокнувшись, из крошечных рюмочек и стали жевать бутерброды. Потом еще выпили. Люська включила проигрыватель. Мягкие, булькающие аккорды поплыли по комнате, и Сергею вдруг показалось, что он сильно опьянел. Но он не устранился этого. Пускай. Ему все сейчас нравилось. И собственное опьянение, и то, что Люська называет учреждение, где работает, «конторой», что ведет себя просто, что собирается поступить на курсы стенографии, так как теперь секретарше нельзя без стенографии.

— Хочешь еще кофе?

— Кофе? Что ж, можно.

Люська налила кофе, наполнила рюмки коньяком, затем взяла сигарету и закурила. Облокотившись о низенький столик, так что были видны ее красивая шея и выемка на груди, подперла кулачком щеку, уставилась на Сергея. Он тоже смотрел на нее — на лицо, на шею. Потом она примяла сигарету в пепельнице и пересела на стул рядом с ним. Он тут же обернулся к ней, обнял...

А на другой день были тактико-строевые занятия в поле. Сергей сидел вместе с другими курсантами на опушке леса, слушал, что говорил майор Кривенко, но голова его плохо соображала. Он смотрел на небо, на облака, беспричинно улыбался чему-то и часто вздыхал.

Пожалуй, это была лучшая часть воспоминаний Сергея о Люське. Повторялись их встречи, он уже привык к маленькой комнате на втором этаже, и все чаще возникали разговоры о жизни в гарнизоне. Люське не нравилось это слово, оно пугало ее, но Сергей объяснил, что ничего пугающего тут нет: у гражданских людей — поселки и города, у военных — гарнизоны.

Иногда в разговорах они очень близко касались будущей своей жизни. Но Люська странно вела себя при этом, Сергей все время чувствовал, что она думает о чем-то другом, какие-то иные заботы владеют ею.

А то вдруг она начинала дурачиться:

— Ты в самом деле хочешь увезти меня в свой далекий гарнизон?

— Хочу.

— Ой как здорово! А это очень далеко отсюда?

— Может, и далеко.

— А как мы будем там жить?

— Прекрасно.

— А танцевать там можно?

— Только со мной.

В комнате у Люськи на стене висел портрет черноволосого человека в толстом грубом свитере — репродукция из журнала «Огонек». Во второе или третье посещение Сергей уже знал, что это знаменитый автогонщик из Аргентины.

— Ты любишь быструю езду? — спросил он, глядя на портрет.

— Нет, я люблю автомобили, — ответила Люська и усмехнулась.

На октябрьские праздники их пригласили в компанию. Люське что? Люське просто. А Сергей горел синим пламенем: его рота назначалась в гарнизонный наряд.

Но все обошлось, нашли замену. В условленный час он, начищенный, наглаженный, поднимался по лестнице на второй этаж. Стучали каблуки по выщербленным ступенькам. Шестьдесят ступенек. Звонить, однако, не пришлось — дверь сама распахнулась перед ним, и Сергей в первое мгновение даже зажмурился: на пороге стояла Люська. И какая Люська! Желтые брюки в обтяжку, туфли с высокими лакированными каблуками. И совершенно немыслимой расцветки кофта с глубоким вырезом. Есть от чего прийти в оцепенение.

— Уже целый час жду тебя! — сказала недовольным голосом Люська, когда они вошли в комнату, и крутанулась перед зеркалом.

На автобусной остановке мужчины пялили на нее глаза. Но Люське хоть бы что. Спокойно ходила туда-сюда, демонстрируя свои брюки. Черт, а не девка. Когда вышли из автобуса, она прежде всего устроила себе смотр: хорошо ли лежат волосы, не сбилась ли сзади кофточка? А куда ей сбиться, если она натянута, как на барабане.

В доме, куда они направлялись, нужную квартиру можно было не называть. Из окна неслась музыка. Люська нажала кнопку звонка — никакого ответа. Пришлось звонить несколько раз, потом стучать. Наконец-то их услышали. Девушка с белыми волосами, спускавшимися на глаза, открыла дверь и хотела обнять Люську, но она увернулась, испугавшись за парфюмерию.

— Вот познакомься, — сказала Люська.

— Сергей.

Девушка протянула руку, сказала безразлично:

— Очень приятно, — и сама представилась: — Юлия.

В комнате мебель была сдвинута в одну сторону, на журнальном столике крутился магнитофон. На Люську и Сергея никто не обратил внимания. Видимо, так было принято. Лишь две девушки в куцых юбочках помахали ей руками, да загорелый седеющий мужчина в замшевой куртке сделал галантный поклон. Четверо парней, примерно такого же возраста, как и Сергей, сидели у окна и курили.

Справа, в распахнутую дверь, была видна вторая комната. Там находился стол с закусками и вином. Программа

вечера была разработана, кажется, всерьез, фундаментально.

Когда спустя несколько минут сели за стол, широкоплечий парень из тех, что курили у окна, подмигнул Сергею и спросил, что налить. Сергей показал на сухое вино. Одна из девушек в коротенькой юбочке заспорила, почему сухое, но сидящий мужчина солидно объяснил: военная служба, порядок, надо понимать.

— И в праздник нельзя? — удивилась девушка, презрительно поджав губы.

— И в праздник, — подтвердил все тот же мужчина.

— Вот почему я отказался от военной карьеры, — вставил с усмешкой широкоплечий парень. — Тысяча ограничений.

— Ну, тебя ограничишь! Дождись! — сказала Юля, которая была хозяйкой квартиры.

— Я же говорю: пожертвовал карьерой, — не унимался парень.

— Зато мы в генералы выйдем! — произнесла Люська и отпила из фужера глоток. — Ведь правда, Сергей?

Он пожал плечами и неожиданно покраснел. Дурацкий какой-то разговор. «В генералы выйдем!» Пока он соображал, что бы такое сказать, подходящее случаю, снова гроыхнули трубы, завывли саксофоны.

— Танцевать! Танцевать! — крикнула Юля и обхватила за шею широкоплечего парня.

Сидящий мужчина с серьезным видом подошел к Люське. Та вопросительно поглядела на Сергея, он кивнул, и они ушли в соседнюю комнату, где уже крутилось несколько пар.

Через некоторое время музыка затихла, и Люська вернулась. На ее лице были капельки пота, плечи поднимались и опускались, как после бега. Девчонки в коротеньких юбочках шушукались, поглядывая изредка на Сергея. Сидящий мужчина деловито объявил, вытираясь клетчатым платком.

— Талант! Это талант, товарищи! — И добавил с задумчивым видом, проходя мимо Сергея: — А вы почему не танцуете?

Сергей пожал плечами, ничего не сказал.

Компания была обычная — с бору да с сосенки, как говорят. Немногие знали друг друга, но в том-то и заключалось дипломатическое соображение устроителей: свести

людей, авось кто-то кому-то приглянется, и, глядишь, завяжутся узелки... Сергей всегда чувствовал себя скованно в таких компаниях. И хоть он пришел не один, с Люськой, но все равно не мог приспособиться и скучал. Можно бы, конечно, пойти потанцевать. Но еще в начале знакомства Люська высказалась со всей откровенностью: «Плясун ты средний...» Нет, если бы свои ребята...

Магнитофон уже снова ревел во всю мочь. Шейк. Тут Сергей не выдержал, вышел в соседнюю комнату, где танцевали парни. Но картина превзошла все ожидания. Седеющий мужчина вышагивал вокруг Люськи, делая какие-то замысловатые па. Но зато Люська давала жару. Ее ноги, обтянутые брюками, летали вправо и влево, то, казалось, она шла в какую-то драку, наступала, извиваясь всем телом, то, словно обессилив, отходила назад, крутила бедрами, делая совершенно умопомрачительные выпады. Даже парни заинтересовались, перестали курить, ожидая, чем это все кончится. А одна из девчонок вдруг взвизгнула.

Музыка затихла, и все захлопали в ладоши, как на концерте. Люська, разгоряченная, ослабевшая, подошла к Сергею, обхватила его за плечи.

— Ой как здорово! Сережка!.. Так здорово! Я давно так не танцевала. Ой, не могу...

Он покивал головой, как бы давая понять, что разделяет ее восторг.

А ревущее чудовище уже изрыгало из себя новые ритмы. И Люська, будто боевой конь, услышавший звук трубы, устремилась снова в сражение с невидимым противником.

В половине одиннадцатого Сергей забеспокоился. Пора уходить. Ему нельзя опаздывать. Присутствующие отнеслись к этому совершенно равнодушно: вдвоем пришли — вдвоем и уходят. Никто не проявил ни малейшего интереса. За исключением разве седеющего мужчины, который стоял в прихожей и вздыхал:

— Как жаль, Люся! Ну с кем я теперь буду танцевать?

Люська прихоращивалась у зеркала. Стрельнула глазами в его сторону, бросив сухо:

— Привет!

— Привет!

Однако едва выйдя на улицу, она взяла Сергея под руку и залилась раскатистым смехом.

— Ты чего? — спросил Сергей.

— Этот Гоша, — седеющего мужчину, оказывается, звали Гошей, — что надумал... Ой, не могу!

Сергей задержал шаг.

— Да говори толком.

— Этот Гоша, — повторила Люська после небольшой паузы, — предлагал встретиться.

— Чего-чего?

— Встретиться, говорю, предлагал. Понял?

— С кем? С тобой?

— Нет, с тобой! — возмутилась Люська.

— Ну и ну! Силен мужик. Что же ты?

— Отшила. Больше не сунется.

Вспоминая Люську, Сергей всегда почему-то представлял выражение ее лица в тот вечер. Рыжие волосы, длинные, густые, — свет от фонаря делает их красноватыми. Подведенные ресницы оттеняют блеск глаз. Все загадочно, все невыразимо прекрасно на этом лице. Какой-то неподвластной стихией веет от нее, и нет сил противиться этой сладкой стихии.

— А почему у тебя руки горячие? — вдруг спросила Люська.

— Откуда я знаю, — смутился Сергей. — Да разве они горячие?

— Очень горячие.

— Смотри-ка, уже поздно.

— Неужели поздно? Как жалко...

И печаль на лице у Люськи была особенная, которую не передашь словами. Ее можно лишь чувствовать, как чувствовал в тот вечер Сергей, и сердце его бешено колотилось. Люське не хочется расставаться, но скоро, скоро...

Дневальный в казарме сидел около тумбочки и писал письма. Несколько листков уже было исписано и лежало рядом. Он отложил очередной листок и посмотрел внимательно на Сергея.

— Явился?

— Явился. Меня никто не спрашивал?

— Нет, никто.

— Спокойной ночи! Счастливого дежурства!

— Ладно. А как поспраждновал?

— Отлично!

— Ну, ложись скорей.

Конец этой истории наступил через несколько дней, когда Колотов среди недели получил приказание навеситить заболевшего майора Кривенко. Был вечер. На обратном пути в училище Сергей не утерпел — решил повидать Люську. Хотя бы пять минут...

Вот и знакомый двухэтажный дом. Куст бузины и полусгнившая лавочка под ним. С улицы вход во двор через покосившуюся калитку. Крылечко с навесом, деревянная лестница — знакомые шестьдесят ступенек. Прямо — обшарпанная дверь, белая пуговка звонка...

На этот раз Сергею даже не пришлось пересчитывать ступеньки. Дверь с крыльца открылась, и Сергей нос к носу столкнулся с Люской. Увидев его, она резко отпрянула назад, в глубь сеней, и он сразу понял причину: позади стоял Гоша, сидящий мужчина, с которым она четыре дня назад танцевала шейк.

— Понимаешь, Сережа, ему срочно потребовалось... У меня же проигрыватель...

Глупая ее усмешка чуть не вывела его из равновесия. Но он сдержался, не патворил глупостей.

Последнее, что уловило его ухо, — стук калитки, четкий, холодный, будто кто-то ударил молотком по шляпке гвоздя.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

«21 окт. 1970 г.

Дорогой Николай Иванович!

Шлю горячий привет из Лужан. Спасибо за письмо. Моя жизнь идет по-прежнему. Главное в ней — полковой распорядок. Все хорошо. Я даже как-то подумал, что внешне, наверно, производжу впечатление человека уверенного в себе, освоившегося совершенно с людьми и с делом. Но вам-то, Николай Иванович, могу признаться, что это далеко не так. Каждый день для меня пока еще бой, в психологическом смысле конечно. Раньше я этого не

понимал, теперь понимаю. Утром всегда волнуюсь. К занятиям готовлюсь, будто к экзаменам. Стараюсь ничего не пропустить, но все-таки пропускаю.

Вот такие, Николай Иванович, мои дела.

Все, конечно, выглядит несколько иначе, чем предполагалось, — живые люди, тут никогда не угадаешь; и мотострелковый взвод для меня теперь не отвлеченная единица, а конкретные люди со своими биографиями, судьбами, характерами. По мере сил постигаю эти характеры, учусь управлять, командовать. Я, Николай Иванович, теперь отчетливо понял, что умение командовать — сложная наука.

Мое непосредственное начальство — капитан Богачев — произвело на меня противоречивое впечатление. То я возмущался его манерой разговаривать (в душе, конечно, возмущался), то, наоборот, он мне начинал нравиться. Все это, видимо, издержки моей собственной неустоявшейся натуры. Командир роты такой человек: промашек прощать не любит, даже самых пустяковых. Иногда мне кажется, что он действует механически, заботясь лишь о том, чтобы подчиненный выполнял положенное. А на всякие такие штуки, как настроение, внутреннее состояние и прочее, не обращает внимания. Резкий человек, молчаливый. Причем, я заметил: досаду свою выражает бурно, а вот радость, удовлетворение старается скрыть, держит в себе. Возможно, делает это в педагогических целях, чтобы не захвалить, чтобы побудить к дальнейшей активности.

Зато полная противоположность ему — замполит Варганов. Приветливый, внимательный. Хорошо играет в шахматы, где любит всякие трудные и головоломные позиции. Во время игры острит и рассказывает забавные истории.

Вот я уже начинаю расписывать своих товарищей. А в голове у меня ваши слова по поводу того, что надо стремиться быть интересным человеком. Да, бывает, что иной специалист дело знает, а человек неинтересный, скучный. Да, немало таких! А у другого все сочетается: и знания, и характер, и отношение к людям. Притягательность особая в таком человеке. Я к чему это говорю — командир должен быть требовательным, справедливым, строгим, знающим свое дело. И чтобы обязательно была в нем притягательность.

Совсем заговорил вас, Николай Иванович. Извините. Привет вашим близким. Буду ждать весточки.

Сергей Колотов».

* * *

«Здравствуй, дорогая мама!

Какой мне сон чудной приснился прошлой ночью! Будто я сплю, а в полку объявили тревогу. Люди ходят, собираются, разносятся команды, а я сплю и никак не могу проснуться. А про себя думаю: влетит же мне от капитана Богачева. Пытаюсь открыть глаза и не могу. Не могу понять, что же это такое происходит. Уже рота ушла на построение. Наконец с большим трудом просыпаюсь. Солнце светит в окошко. Бабушка Настасья разговаривает с кем-то на кухне. Ну, я вздохнул с облегчением: все хорошо, все в порядке, никуда не надо спешить, сегодня — воскресенье...

Ты, наверно, подумаешь: ну, совсем закрутился, даже во сне служба. Может, это и так. Но не потому, что на другое времени нет. Время, возможно, нашлось бы, но куда его деть, я пока не знаю. Прихожу вечером домой, читаю книги, так как в поселке еще не завел знакомства. Здесь есть кинотеатр, а в нашем городке клуб — так что по линии кино и танцев обеспечение по первой категории. Но танцор я неважный. Есть еще в поселке кафе и чайная — злачные места, которые я успел посетить, — и сообщаю: поджарку и цыпленка табака готовят здесь хорошо. Что еще? Был в гостях у своего сослуживца, такого же, как я, лейтенанта. Правда, между нами разница: он женат, а я холост. Хорошая, в общем, пара, хотя мне показалось, что он под каблуком у нее.

Про командира нашего полка я тебе уже писал. Герой Советского Союза, полковник. На днях я дежурил. Утром в штабе он принял рапорт, потом поглядел на меня, спросил, как идет дежурство, как я устроился, как мои дела. Он знает, что я на частной квартире, сказал, что в ближайшее время будет возможность перевести меня в городок. Поинтересовался тобой. «Скучает, наверно, мама?..» Я понял, что он все знает, про всю нашу семью. «Передавайте, — говорит, — от меня привет и приглашайте в гости». Вот так. Может, в самом деле прикатишь

ко мне на каникулы? Лучше, конечно, летом, но до лета очень далеко. Это между прочим.

А теперь к тебе просьба, мама. Пришли мне куртку и тренировочный костюм. И еще конспекты, они лежат в моем шкафу — три толстые тетради. Если останется место в посылке, то вышли книги: «Войну и мир» Л. Толстого, однотомник Лермонтова и «Тактику» — там же в шкафу увидишь. Конечно, если уместятся в посылке, а если не уместятся, можно потом, никакой срочности нет.

Насчет белья не волнуйся: у меня все есть. В военторге купил шерстяной свитер, носки и разную мелочь. Молоко пью ежедневно, тут им хоть залейся.

А вчера хозяйка угощала меня грибами, и я вспоминал тебя: ты любишь грибы.

Мама, подумай, может, махнешь на зимние каникулы ко мне — подышать свежим воздухом.

До свидания, целую. Твой сын Сергей.

23 окт. 1970 г.».

* * *

В тетради с черным коленкорovým переплетом у Сергея появились записи: «Удивительно разносторонне проверяется в армии человек. Тут сразу видно, кто чего стоит.

Простой случай: взвод работает на разгрузке кирпича. Рядовой Гаврилов собрал вокруг себя небольшую группу солдат и стал просить, чтобы им дали персональное задание. Чтобы отдельно ото всех. Они, дескать, сами по себе, а остальные — тоже сами по себе. Я сказал: нет, будем вместе. Он согласился, но работал явно с прохладцей. Хотя напрямую уличить его было невозможно. Вот таков Гаврилов — футболист из Перми!»

«Илюшечкин — это фрукт!» — сказала бы бабушка Настасья, моя квартирная хозяйка. Передо мной тянется, а сержанта Аникеева внутренне игнорирует. И если вслух не рискует возражать ему, то всем видом подчеркивает свое неуважение. Неужели я дал промашку, когда не наказал Илюшечкина за плохо вычищенный автомат?! Не получилось ли тут противопоставления?.. Надо разобраться.

24 окт. Рядовой Скворцов в часы личного времени сидел в учебном классе, изучал гранатомет. Рядом нахо-

дился Лавриненко, помогал ему. Я увидел их и тут же вышел из класса, чтобы не смущать. Хорошие ребята.

Случайно подслушанный разговор:

«Кричать на человека — пережиток гнилого прошлого!» — сказал Илюшечкин.

«Боязнь дисциплины — это тоже пережиток прошлого», — сказал Саруханов.

26 окт. Вчера комроты опять хвалил лейтенанта Жернакова. Тот проводил ночные занятия. А перед этим его взвод занимался в поле. В общем, день в поле и ночь в поле. Говорят, Жернаков неугомоним, ни минуты не дает передышки ни себе ни людям. Штатное оружие знает до последнего винтика, бронетранспортер тоже. С людьми, я заметил, обращается резко, грубовато. И ничего. Никто не жалуется. Фанатично относится к каждому приказу ротного. И эта черта мне нравится. Мне вообще нравится в людях фанатизм в исполнении служебного долга. На мой взгляд, без этого не может быть успеха. Много раз убеждался в этом.

27 окт. Нынче в Лужанах был митинг. Провожали местных призывников. Из нашего полка попросили выступить меня. Не знаю почему. Может, потому, что недавно из училища и могу просветить ребят, желающих пойти по моим стопам, а может, потому, что я живу рядом? Лейтенант Жернаков так и сказал: «Ну правильно, пусть Колотов выступит, ему близко». Я не ответил. Митинг прошел хорошо. Выступали многие, но лучше всех сказала Сизова, председатель местного колхоза. Я и не знал, что у нее такая героическая биография. А говорила просто. Но получалось так, будто к сердцу прикладывала что-то горячее, дорогое. О фронтовиках говорила. Об армейской службе. Ни одного казенного слова.

28 окт. Сегодня весь день ходил под впечатлением вчерашнего выступления Сизовой на митинге. Вернее, не целый день, а только до шести часов вечера, когда капитан Богачев утверждает конспекты к завтрашним занятиям. В шесть часов Богачев положил меня на лопатки. Во-первых, мною не были учтены особенности местности, где предстояло вести занятия. А во-вторых (какой позор — так опростоволоситься!), запланированная материальная база не обеспечивала их качественного проведения. Было так обидно. Потом вместе пошли в столовую, и командир

роты разговаривал со мной о посторонних вещах. Это хорошо, что он со мной разговаривал. Потому что мне вдруг показалось, что я бездарен и рохля.

Сейчас мне захотелось сесть на велосипед и катить, катить без конца мимо лесов, полей, деревень... Ехать и ехать неизвестно куда. Или сидеть бы с друзьями (где-то они сейчас?) в уютной комнате, дремать и слушать музыку.

Никуда не уедешь, не улетишь — завтра занятия, борьба за нормативы, за секунды, повторы одних и тех же приемов... И жесткий взгляд капитана Богачева. А чтобы этот взгляд был другим, надо работать и работать».

Колотов перечитал написанное, подумал минуту, потом взял ручку и рядом с заголовком «Факты» печатными буквами вывел: «и размышления».

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Клюев сидел у себя в кабинете и разговаривал с заместителем по тылу майором Журиным. План мероприятий по подготовке полка к зимнему периоду выполнялся слабо. Журин слушал, качал головой, глядя куда-то в пол, в одну точку, его поза как бы подчеркивала удрученность обстоятельствами дела, и вместе с тем она так не вязалась с добродушным, почти веселым выражением его полного, чисто выбритого лица.

Иногда Журин исподлобья взглядывал на Клюева, и в глазах его мелькало острое внимание, удивление, вопрос и еще что-то. «Неужели ему известно, о чем беседовали со мной в округе? — подумал Клюев. — Неужели дошло?»

— Все будет выполнено, Павел Григорьевич, в самое ближайшее время. Материалы отгружены, и я прослежу лично, — заверил командира полка Журин, и опять в его глазах мелькнуло то же странное выражение удивления и вопроса.

«Наверняка Журин знает о разговоре, который вели со мной в округе, — подумал Клюев, оставшись в кабинете один. — Во всяком случае ему известно, зачем меня вызывали. А вот известно или нет, какой я ответ дал?..»

Несколько дней назад Клюев был вызван в округ к

заместителю командующего. Генерал предложил ему работу в округе, работу горячую, требующую большого опыта, широты, и даже польстил Ключеву, сказав, что новое перспективное дело необходимо передать в энергичные, знающие руки. Генерал говорил об этом в тех интонациях, которые указывали, что окончательное решение пока еще не принято, он как бы все время присматривался к собеседнику, как бы изучал Ключева и вместе с тем старался внушить, что новое дело ему придется возглавить.

Ключев чувствовал себя очень напряженно во время того разговора с генералом, потому что понимал: если решение состоится, то изменить его будет трудно и тогда прощай полк. Но ведь он не кокетничал, отказываясь от новой должности, он не боялся ответственности и тем более не страшился, что не справится. Он просто не представлял, как это так, он перестанет командовать полком, перестанет видеть марширующие роты солдат, перестанет выходить с ними на полигон, наблюдать за действиями молодого комбата или встречать очередное пополнение и беседовать с новобранцами об исконно древних и никогда не стареющих в своем существе вещах, таких, как долг, честь, приказ, ответственность. Пусть на новой работе у него будут прекрасные возможности бывать в частях, учить, помогать... Все это так. Но не для него. Он командир полка, он глава большой семьи, к которой сам привык и которая к нему привыкла. Ему без этого жизнь не в жизнь.

Так, откровенно, не таясь и ничего не придумывая, Ключев и сказал генералу. И был отпущен. Хотя кандидатура его еще не была снята с обсуждения, хотя все могло повернуться в другую сторону, однако Ключев чувствовал: генерал его понял. Понял и, кажется, проникся его ощущениями.

Замполит Зеленцов вошел в кабинет, посмотрел на часы.

— Времечко-то бежит.

Он присел на стул, держа в руках какую-то бумажку.

— Ну что, Николай Матвееч? Что нового?

— Вот на парткоме решили Костина послушать. О работе с молодыми офицерами. Ты не против?

— Обеими руками голосую, — сказал Ключев. — Очень вовремя. — И быстро посмотрел в глаза Зеленцову. — А может, у тебя сигнал есть?

— Сигнала нет, — ответил Зеленцов. — Только думаю, надо, пора. Тем более что поговорить есть о чем. Да и момент боязнь прозевать. Упустишь — что потом? Нам-то в текучке незаметно. Все вроде идет как полагается. Порядок, показатели и прочее... А у молодого офицера обостренное восприятие. Да если еще характер гордый или самолюбивый... Тут пока дров не наломает, ничего не узнаешь.

— Да, это верно, — сказал Ключев и нахмурился. — Молодость...

И этого вздоха, и ушедшего на мгновение в себя взгляда Зеленцову было достаточно, чтобы понять, о чем подумал сейчас командир полка. Замполит помолчал немного, потом спросил тихо:

— От сына ничего нет?

— Ничего, — покачал головой Ключев.

— Может, переехал куда, — сказал Зеленцов. — Ты же сам понимаешь, что вопросы передислокации...

— Да, я понимаю, — Ключев шумно встряхнулся. — Кроме того, Андрюха вообще не очень аккуратный. Я то что! Вот мать нервничает.

— Вот за это ему надо выговор сделать. Пропесочить как следует... А Марью Степановну успокой. Обстановка международная, мол, сейчас нормальная, то да се...

— Насчет международной обстановки ее просвещать не надо. Сама кого хочешь просветит! А как Андрей уехал туда, так прямо следит за газетами. Все просматривает, все подмечает. Тут позавчера мне говорит: опять войска НАТО проводят маневры. И со всеми подробностями, понимаешь, выкладывает: сколько танков участвует, сколько самолетов, какое вооружение у мотострелков и десантников... Что ты! Я уж молчу... Карту возьмет и по карте все пункты отметит, где вся эта натовская военная машина крутится. Так-то, брат. А ты говоришь: успокой...

— Да, действительно, — вздохнул Зеленцов. — Только волновать себя понапрасну ни к чему. Первый год, что ли, мы наблюдаем эту шумиху на Западе? Не первый. И хвалиться перед нами разными бронированными штучками глупо. Они у нас тоже есть. Еще почище есть. Уж кому-кому, а Марье Степановне это хорошо известно.

— Да ведь она мать, — сказал Ключев глухо и достал из ящика сигареты, закурил. — У матери сердце дейст-

вует больше, нежели ум. К тому же не забывай — собственный опыт. Сама войну пережила. Повидала...

Клюев встал и прошелся по комнате. Остановился у окна.

На плацу перед штабом строился караул. Солдаты стояли в две шеренги, две короткие линии, — не шелокнется ни один. Чернели в руках автоматы.

А вон и майор Костин — гибкий, прямой, строго подобранный. Он направлялся к выстроенному для инструктажа караулу. Отсюда, сверху, не видно лица Костина, только чувствуется по походке, по еле заметному движению плеч — торжественность момента охватила и его.

«Здравия желаем, товарищ майор!» — донеслось глухо через окно.

Клюев опять вздохнул, посмотрел, как идет вдоль строя Костин, и вернулся к столу.

— Да, им не терпится побряцать оружием, — сказал Зеленцов, продолжая разговор о маневрах натовских войск. — Никак не живется без этого.

Клюев откинулся на спинку стула, посмотрел с улыбкой в лицо Зеленцову.

— Ну вот, теперь ты будешь меня просвещать, — сказал он.

— Просвещать не буду, — вдруг разгорячился Зеленцов и встал, заходил туда-сюда по кабинету. — Только я отлично понимаю Марью Степановну. Пережила. На себе перенесла все, — прибавил он после мгновенной паузы. — Подумать только: двадцать миллионов жизней унесла война! Двадцать миллионов!

Было что-то трогательное в той настойчивости, с какой Зеленцов повторял это. Как будто перед ним сидел не полковник, хлебнувший войны по самую завязку, а безусый несознательный мальчишка. Конечно, Зеленцов и сам испытал немало, хотя войну встретил в десятилетнем возрасте. Из пионерского лагеря, расположенного в шестидесяти километрах от Минска, он вместе с другими ребятами был эвакуирован на восток. На трех разбитых, расхристанных полуторках они, мальчишки и девчонки, двигались в тыл. Они воочию видели на тех дорогах, что такое фашисты. Потом был детский дом на Волге, были бесконечные и не давшие результатов поиски родителей и родственников, оставшихся в Минске, когда началась война. После средней школы он пошел в военное учи-

лице, и с тех пор началась его служба в армии. Солдаты, считавшие замполита спокойным, уравновешенным человеком, никогда бы не подумали, что у него за плечами такой тяжкий опыт жизни. Ключев об этом знал и еще больше, еще сильнее уважал своего заместителя.

Зазвонил телефон. Ключев взял трубку. Звонил начальник штаба Костин, спрашивал, удалось ли командиру полка посмотреть план боевых стрельб и какие будут замечания. У Ключева были замечания, но ему не хотелось отвлекаться от беседы с Зеленцовым. Он питал слабость к этому человеку, завидуя его эрудиции, умению разговаривать с людьми, умению не бояться ответственности.

Окна заволакивали сумерки, будто серовато-сизая краска легла на стекло. Около железобетонных боксов с боевыми машинами и другой техникой зажглись первые фонари. Ключев шагнул к стене, повернул выключатель.

— Не знаю, Павел Григорьевич, как об этом будут писать будущие историки, военные стратеги и политики, — продолжал Зеленцов начатый разговор. — Маневры НАТО, бряцание новым оружием...

— Да и не только бряцание, — сказал Ключев, принимая в пепельнице сигарету. — А война во Вьетнаме? А блокада Кубы? Угроза прямого вмешательства на Средиземном море?

— Я все это имею в виду. Да, не только бряцание... Но что было бы с некоторыми странами, если бы они не были объединены? Если бы не было Варшавского Договора? Я просто не представляю, и мне кажется, что с годами значение этого союза будет осознаваться все более емко. Погоди, я знаю, об этом будут написаны капитальные труды, будет по звеньям исследован такой мощный и такой единый союз...

Ключев слушал и поражался тому радостному ощущению согласия, когда казалось, будто Зеленцов произносит его собственные слова, будто он высказывает его мысли.

Снова зазвонил телефон. Докладывал Журин, в трубке был слышен его бас.

— Направили на станцию? — переспросил Ключев. — Вот молодцы! Внимательнее только. Да-да!

Ключев положил трубку и посмотрел на Зеленцова.

— Извини, прервали...

Зеленцов стоял у окна, смотрел на улицу, хотя теперь, когда в кабинете был зажжен свет, там было трудно что-либо рассмотреть, кроме далеких фонарей.

— Павел Григорьевич, я хочу сообщить тебе насчет стрельб, — произнес Зеленцов задумчиво, видимо все еще занятый прежними мыслями о маневрах НАТО, о бряцании в разных частях земного шара оружием. — Мы собираемся провести в ротах открытые партсобрания. Как ты на это смотришь?

— Очень хорошо. Правильно, — сказал Ключев. — Надо мобилизовать людей.

— Ну вот и отлично! — Зеленцов улыбнулся. — Только я прошу тебя, Павел Григорьевич, выступить.

— Меня?

— Да, тебя, — Зеленцов опять улыбнулся. — В одной из рот.

Ключев вздохнул, склонив слегка голову.

— Ладно, можешь заносить меня в свой список. — Он тихонько хмыкнул. — Все равно ведь не отвяжешься.

Они заговорили о подготовке полка к зимнему периоду обучения, о надвигающихся в подразделениях зачетах по итогам года. И тут Ключев снова отметил про себя, что замполит в курсе всех дел, что умеет вникнуть в каждую мелочь, что всюду ощущается его интерес.

Зеленцов вдруг спросил о Богачеве, и Ключев, хмуро сопя и перекладывая с места на место какие-то папки, лежавшие на столе, сказал:

— Боюсь, возьмут его у нас. Расте человеку надо... Но мне жаль. На батальон бы поставил. Однако передерживать больше нельзя...

— Тем более что Богачев честолюбив, — заметил Зеленцов.

Ключев лукаво прищурился.

— А как же! Не без этого, конечно, — он хотел еще что-то сказать, но передумал, лицо его снова стало серьезным. — Видимо, после отпуска возьмут Богачева. Он еще в отпуске не был.

— Растут люди, Павел Григорьевич! — негромко воскликнул Зеленцов и стал рассказывать о своих сверстниках, с которыми заканчивал училище, о том, как это здорово, когда человек будто тот же и вместе с тем уже другой и ему уже тесно в старых рамках. Движение разу-

ма, закалка характера... Он вспомнил Варганова, который недавно вернулся из госпиталя.

— Варганова я тоже люблю, — проговорил задумчиво Ключев. — С фантазией человек, ничего запрограммированного.

— А помнишь, какой он пришел к нам?

— Да, да, — Ключев наклонил голову, как бы вспоминая. — Конечно, не сразу Москва строилась. Но я скажу, что уже тогда в Варганове было что-то. К нему тянулись люди. А это верный показатель, что за душой у человека есть нечто. Если большая любовь за душой и большая ответственность, люди всегда чувствуют. Это притягивает... Хотя человек и не кричит о своей любви. Люди, однако, чувствуют ее.

— Правда, — кивнул Зеленцов и, помолчав, добавил: — Вот уж что правда так правда.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Уже несколько раз выпадали дожди, потом снова подсыхало, снова твердели по утрам взгорки за поселком. Жизнь в военном городке шла своим чередом — день за днем, неделя за неделей.

С утра до вечера Колотов был занят. Возвращался в Лужаны поздно. Входя в комнату, подмечал машинально и чистую пепельницу на столе, и тщательно вымытый пол, по которому от двери к окну гостеприимно расстилалась домотканая дорожка.

В воскресенье утром Колотов долго стоял у окна и смотрел, как упругий осенний ветер клонит к земле оголенные вишни, ворошит в дальнем конце огорода сухую картофельную ботву, над которой то и дело взвивались стайки вездесущих воробьев.

Ничего особенного не случилось. Вчера на занятия по строевой подготовке пришел капитан Богачев. Отрабатывали строевой шаг, повороты на месте и в движении. На пятачке за казармой разноголосно резали воздух команды: «На-пра-во!», «На-ле-во!», «Пря-мо, шагом марш!». Кое-где слышались смешки. Смешил, как обычно, Илюшечкин, старшим к которому был поставлен рядовой Скворцов. «Отставить!» — доносился его крик.

Капитан Богачев выслушал рапорт Колотова, повертел головой вправо, влево и приказал сержанту Гусеву пройти вместе с отделением строевым шагом. Гусев дал команду, солдаты выстроились, пошли, широко размахивая руками. Богачев поморщился, выразительно посмотрел на Колотова и, не проронив ни слова, пошел прочь, не попрощавшись.

Колотов был удручен. Такого позора он не ожидал. Отделение, считавшееся во взводе лучшим, не умело ходить строевым шагом. Он приказал Гусеву построить людей. И вдруг слова, которые он собирался сказать, застряли у него в горле: откровенная скука и равнодушие обозначились на обветренных, с выгоревшими бровями, солдатских лицах.

— Значит, будем, товарищи, учиться ходить строем, — сказал Колотов тихо. И, чувствуя, что ничего более он пока не в силах сейчас предпринять, приказал сержантам разбить людей на пары и заниматься.

Почему, почему на их лицах была такая откровенная скука? Почему они не постарались, когда тут был командир роты? Кто виноват? Может, им надоело? Может, я не сумел вдохновить их?

Колотов прохаживался из конца в конец по пяточку, вглядывался в лица, следил за жестами, за интонацией голосов.

Много лиц — все разные.

Сержант Гусев по-медвежьи добродушен на вид. Но это внешнее впечатление. Стоит только чуть изменить интонацию, как в глазах Гусева зажгутся огоньки и лицо будто сразу обострится. Он старателен и обидчив, хотя может не показать виду. Его солдаты прошли плохо сейчас. А что творится в душе у самого Гусева? Как он относится к случившемуся?

— Сержант Гусев!

— Слушаю, товарищ лейтенант!

— Пройдемте немного со мной, Гусев. Вон туда, к скверу.

Они пошли. Колотов шагал, глядя себе под ноги. С чего начать разговор? Какой ход выбрать, чтобы было понятно?

— Слушайте, Гусев, я был готов сквозь землю провалиться.

Гусев улыбнулся.

— Да вы не переживайте, товарищ лейтенант. Не надо.

— Это как же так? — Колотов внимательно посмотрел в широкое лицо сержанта. — Как же не переживать, Гусев?!

— Не переживайте и все. Прошли плохо, пройдем и хорошо.

— Я не понимаю! — Колотов остановился. — Почему же сейчас перед командиром роты прошли плохо?

— Да вы не переживайте, товарищ лейтенант. Ну, в следующий раз пройдем хорошо. Честное слово!

— Прошли бы хорошо перед капитаном — и не переживал бы.

— Мы пройдем. Обязательно пройдем.

На том разговор и закончился. Колотов отпустил Гусева и снова вернулся на пяточок. Искоса поглядывал на занимающихся солдат, думал: что означало это повторяющееся «не переживайте»?

Лицо Саруханова — узкое, смуглое, суровое, преисполненное сдержанного достоинства. Но, кажется, и на этом лице сегодня следы скуки и равнодушия. Старший сержант привычно поглядывал на солдат, делая изредка замечания, и, казалось, ждал конца нудным разноголосым повторениям: «На-лево!», «На-право!».

С Илюшечкиным теперь занимался сержант Аникеев.

— Смирно! — выкрикивал он. — Голову как держишь? Подбородок повыше. Плечи, плечи развернуть!

У Илюшечкина на лице ухмылка.

— У меня конструкция такая, сержант, — объяснял он Аникееву. — Можешь наряд всыпать мне, а конструкцию не переделаешь. Я человек сугубо индивидуальный, не подготовленный для коллективной ходьбы.

— Болтай поменьше, а побольше тренируйся. В часы личного времени тренируйся. На физподготовке...

— Ну, товарищ сержант, до чего же вы скупной. Ходи, тренируйся, старайся... На-лево, на-право, пря-мо... На этом вся жизнь, что ли, кончается?

— При чем тут жизнь? Ты служишь в армии! — сказал сухо Аникеев.

— Прекратить разговоры! — крикнул издали Саруханов.

Колотов окинул глазами людей, посмотрел на часы и приказал Саруханову построить взвод.

Сухой голос команды, веселая суeta на пяточке. Запятия окопчены — эти мгновения радостны для солдат.

— Ряды сдвой! — скомандовал Колотов.

Четкое движение плеч и ног. Лишь Илюшечкин суетливо метнулся сначала вперед, потом назад. Колотов сердито поглядел на солдата. Короткое молчаливое единоборство. Ни тени растерянности на лице Илюшечкина. У Колотова вдруг мелькнула мысль: не испытывает ли тот его выдержку? Стараясь успокоить себя, скомандовал:

— Отставить!

После паузы снова: «Ряды сдвой!» — и опять спокойное: «Отставить». Кто-то рядом с Илюшечкиным бормочет ругательства.

«Выдержка, выдержка! Спокойствие и выдержка! Только тогда можно добиться успеха», — наставлял курсантов майор Кривенко.

«Выдержка и спокойствие», — думал Колотов, вглядываясь в лица солдат, стоявших перед ним, и приказал Саруханову провести взвод по дорожке, кольцом огибавшей корпуса.

— Взвод, слушай мою команду! Левое плечо вперед, ша-гом марш!

Резкий, рубленый удар ног по земле, широкий взмах рук — секундное движение на месте — и отрывистый голос Саруханова: «Прямо!» И взвод зашагал по дорожке.

День Победы...

Как ты был от нас далек...

День Победы...

Ломкий баритонистый голос разнесся под серым осенним небом. Это сержант Гусев — взводный запеваала, солист самодеятельного ротного ансамбля.

* * *

На другой день Колотов проснулся рано. Быстро надел тренировочный костюм и вышел на крыльцо.

На улице было холодно, пощипывал поздри легкий морозец. Колотов постоял немного на крыльце, потом спустился в огород, пробежался из конца в конец, отды-

шался и начал делать ставшую уже давно привычной физзарядку.

— Вдох-выдох, — подсчитывал он себе, поглядывая вокруг на старые корявые яблони, на пизкорослые колченогие вишенки.

— Доброе утро, Сережа!

— Доброе утро, бабушка Настасья!

— Чего так рано? — удивилась бабушка Настасья. — Чего не спишь?

— Выспался!

Взрыхленная на огороде земля глянцевито чернела. Сквозь обнаженные стволы деревец виднелись серые доски забора. На крыше сарая сидела ворона. Косматые клубы дыма проникали с соседнего участка.

Колотов глядел вокруг и уже ждал тех дней, когда в веселом хороводе упадут на землю белые пушинки, прикроют собой раскисшие дороги и черные грядки, застелют белой скатертью равнину за поселком, разукрасят деревья, окна в домах.

Возможно, сказывалась выработанная в училище привычка ожидать зиму. Осень всегда была трудной: грязь, слякоть, дожди, а занятий в поле много. Быть может, занятий оказывалось не меньше и зимой, но зима нравилась Колотову, к тому же он очень любил кататься на лыжах. И еще имелась одна причина, почему Колотов торопил зиму. В школьные каникулы собиралась приехать к нему в Лужаны мать. Он уже представлял, как будут сидеть вечерами и вести длинные разговоры о том о сем... Посмотрит мать на его житье-бытье в далеком гарнизоне.

Однако что же томило его сегодня с утра? Почему беспокойно на сердце? Откуда вдруг взялось это чувство?

Оттого ли, что увидел вдруг скуку и равнодушие в глазах солдат, когда занимался на пяточке позади казармы? Оттого, что принял эту скуку на свой счет? Потому, что почувствовал, как втягивается в обыденную, укатанную многими шаблонами жизнь? Можно ведь и так жить: делать то, что делал вчера, позавчера, третьего дня... Без поисков, без взлетов.

Колотов вошел в комнату и снова долго стоял у окна, раздумывая обо всем, что шевелилось внутри. Пять лет назад было проще: решил пойти в военное училище — и пошел. Его учили. От него требовали добросовестного отношения. Он старался, получал благодарности от на-

чальства. Его одарил своей дружбой майор Кривенко — замечательный человек. И вот училище окончено. Он назначен в боевую часть. И как будто все началось сначала.

Тогда он отвечал за себя — теперь у него взвод. И надо думать, как вести боевую учебу, чтобы она дала больше пользы. Значит, тот же древний вопрос: как жить дальше? Чтобы не было потерь. Чтобы были радость, удовлетворение, счастье...

* * *

С того осеннего утра Колотов стал особенно внимателен к офицерам роты. Старинное правило — учись опыту у соседа, перенимай лучшее — открылось ему вдруг по-новому.

В роте лучшим считался взвод лейтенанта Жернакова. Жернаков появлялся в казарме рано утром. Выглядел он так, как и должен выглядеть человек, призванный командовать людьми: суров, таинствен, сдержан. Внешне безукоризнен: щеки и подбородок тщательно выбриты, одежда выглажена, усы подровнены, волосы расчесаны на пробор.

Колотов почему-то всегда испытывал неловкость, когда разговаривал с Жернаковым. Он долго не мог понять причины, потом догадался: взгляд Жернакова. Разговаривая с Колотовым, Жернаков не смотрел прямо, а чуть мимо, куда-то на левое или на правое ухо. Ужасно неприятная манера.

С Колотовым Жернаков здоровался суховато: «Здравия желаю!»

А с Никоновым у него начинался маленький треп: «Как обстановка на сегодняшний день? Как прошел вчерашний бал у Газаева? Как чувствует себя distinguished Елизавета Никандровна?»

Никонов принимал игру, отвечал соответственно: «Обстановка лучше, чем год назад. Вчерашний вечер у прапорщика Газаева пили ваше здоровье. Елизавета Никандровна сожалела о вашем отсутствии и первый шейк танцевала с супругом».

«Вы танцевали шейк! А Газаев демонстрировал персональную лезгинку! И пили шампанское из лужанских погребов! Никогда не прощу себе такого промаха!»

Спустя несколько минут Жернаков менял тон:

— Мои занимаются в классе. А пульт управления не в порядке.

— Долго ли поправить!

— Я, конечно, поправил. Но это не моя обязанность.

— Скажи командиру роты.

— И скажу. Что думаешь — скажу.

Жернаков смотрел на Никонова, не возразит ли тот.

— Ох и смелый ты парень, Борис! — сказал Никонов.

— Ладно, ладно, без подковырок. Сегодня, между прочим, начштаба собирался к нам.

— Ну и что? Я сейчас на полигон.

— Как будто полигон за сто километров.

— Не за сто, но все же на расстоянии. А вот вы, голубчики, тут, рядышком.

Жернаков фыркал, однако доводы Никонова оказывали действие, он доставал из планшета конспект, листал, пробегал глазами страницы. Богачев считал, что у Жернакова лучшие конспекты в батальоне. Цветными карандашами тут все размечено по значимости. Красным — самое важное, синим — второстепенное, другие цвета — в зависимости от темы. Кроме того, Жернаков пользовался славой хорошего самбиста, говорили, что он неплохой пловец, ну и всей роте было известно, что во взводе у него высокий процент отличников.

По утрам Колотов и Никонов направлялись в казарменные комнаты, где размещались их люди, там выслушивали рапорты заместителей. Жернаков вызывал сержанта Гребенюка в канцелярию, и тот, иногда в присутствии командира роты, докладывал:

— За время вашего отсутствия никаких происшествий не случилось.

— Все здоровы?

— Все, товарищ лейтенант!

— Занятия в классе?

— В классе, товарищ лейтенант.

— Прицелами обеспечили?

— Обеспечил.

Богачев сидит рядом, спокойный, невозмутимый, склонился над столом и как будто не слышит разговора. Как будто занят своим делом. Но это лишь видимость: все видит, все слышит капитан Богачев. Еле заметная улыбка мелькнет иногда на сжатых губах: нравится ему Гребенюк, нравятся четкие ответы, по душе порядок в первом

взводе, который ощущается даже на утреннем докладе взводному командиру.

— Гребенюк, — тихо позвал Богачев.

Ладная, поджарая фигура сержанта Гребенюка делает энергичный поворот на сорок пять градусов, то есть ровно на столько, сколько нужно, чтобы стать лицом к командиру роты.

— Слушаю вас, товарищ капитан!

— Вы вчера ходили к танкистам в парк?

— Так точно, товарищ капитан.

— Зачем?

— Молодых водил, — объяснил Гребенюк. — Через два дня обкатка танками. Пускай посмотрят.

— Понятно, — кивнул Богачев.

Спустя некоторое время Гребенюк, а потом и Жернаков уходят из канцелярии. Богачев смотрит задумчиво в окно, будто вспоминая что-то.

— Молодцы! — говорит он. — Молодцы, черт возьми! Мыслят!

Богачев, наверно, специально для них выражал свои эмоции вслух.

— Молодцы, черт возьми! — повторял он более громко и вставал со стула. Потом опять садился, поворачиваясь лицом к Никонову: — А вы мудрите, лейтенант!

Колотов понимал: комроты обращается к Никонову, потому что щадит его, новенького, необкатанного. Замечаний по его третьему взводу наверняка больше, но Богачев умалчивает о них из педагогических соображений.

Однако с лейтенантом Никоновым не так-то просто разговаривать.

— Я — мудрю? Какие же у вас основания, разрешите узнать? — хмурился Никонов.

— Солдату поручили командовать отделением на тактических занятиях.

— Ну и что же? — продолжал довольно смело лейтенант Никонов. — Толковый солдат, интересуется военным делом... Пусть попробует, что тут такого плохого?

— А сержанты? Как вы относитесь к авторитету сержантов?

— Ничего с их авторитетом не случится! — дерзко парировал Никонов. — Умнее будут. Подумаешь!..

— Смотрите, тонкая штука — авторитет сержанта. Его укреплять надо.

— Я смотрю, товарищ капитан. Не беспокойтесь.

Спор затихает. К чести Богачева надо сказать, что он, признавая успехи Жернакова, говоря об этом часто вслух, не забывал и Никонова, с интересом присматривался к нему: что-то в мыслях и в работе Никонова, видимо, нравилось Богачеву.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Открытое партсоборание роты длилось часа три и закончилось к вечеру. В принятом решении отмечалось, что партийная организация своевременно провела работу по мобилизации людей на выполнение боевых нормативов и повышение классности специалистов. Приводились фамилии солдат, удостоенных знака «Отличник Советской Армии», большое внимание было уделено предстоящим стрельбам. Варганов выступал с докладом, и целый раздел в нем был посвящен стрельбам. «Стрельбы — это для каждого солдата, сержанта и офицера экзамен на воинскую зрелость».

Полковник Ключев присутствовал на собрании, записывал что-то в блокнот, а выступил, когда прения уже подходили к концу.

— Наша армейская жизнь, — сказал он, — имеет главное назначение — сделать из каждого солдата настоящего воина, готового в любую минуту стать в боевой ряд защитников Родины. Стрельбы — это проверка нашей боеготовности. Как вы овладели воинским мастерством? Вам государство доверило оружие. На стрельбах нужно доказать, что оружие находится в надежных руках. Вот перед вами, — полковник повернулся и показал на огромный стенд во всю стену ленинской комнаты, — боевой путь нашей части. Полк был сформирован в тяжелое время, когда фашистские войска заняли большую территорию нашей страны. Ваши отцы и старшие братья в трудных условиях быстро овладели вверенным им оружием и во многих боях завоевали себе неувядаемую славу, уничтожив тысячи гитлеровцев и множество вражеской техники. Так я говорю, товарищ Роговик?

Сидевший за столом президиума старшина Роговик встал.

— Так точно, товарищ полковник. Боевой счет наши однопольчане открыли еще под Москвой в сорок первом, — произнес он торжественным голосом.

— Видите, когда уже враг почувствовал удары нашего полка, — продолжал Ключев. — Бойцам приходилось овладевать воинским мастерством на ходу, вам не надо объяснять, каково было положение в стране. Но люди помнили о своем долге перед Родиной и не жалели сил. Нельзя забывать нам об этом. Знамя нашего полка украшено орденом Суворова. Оно теперь в наших с вами руках. Мы за него в ответе. Будем же достойны высокого доверия, товарищи...

В ленинскую комнату стремительно вошел, почти вбежал помощник начальника штаба, что-то шепнул Ключеву на ухо и положил перед ним на стол бумажку. Ключев прочитал, и лицо его побелело. Он тут же сделал знак рукой и, отставив стул, торопливо направился к выходу.

Тишина стояла в ленинской комнате минуту или две. Помощник начштаба разговаривал тихо с Варгановым. Потом Варганов встал и объяснил, что у полковника Ключева несчастье: погиб сын Андрей, летчик, служивший в Германии. Погиб в ситуации, когда мог катапультироваться, но, спасая других, отдал свою жизнь.

Голос у Варганова прерывался, будто каждое слово давалось ему с трудом. Никто не двинулся с места, все замерли от неожиданной вести, хотя мало кто знал сына полковника Ключева. Роговик, весь напрягившийся, сидел за столом, скрестив на груди руки, пальцами нервно барабанил по локтям и вытирал беспрерывно лоб. Рядом лейтенант Жернаков смотрел куда-то в пространство не шевелясь. На председательском месте находился Варганов — на его щеках вспухли бугристые желваки. Он уставился в бумаги, разложенные на столе.

— Вот, товарищи, такая горькая весть, — проговорил Варганов раздумчиво и умолк. — Предлагаю почтить память нашего брата по оружию, который погиб, оберегая другие жизни, почтить память лейтенанта Андрея Ключева...

Все встали. Напряженная минута молчания. Потом замполит Варганов сказал:

— Давайте, товарищи, на этом закончим собрание...

Колотов стоял, смотрел, как люди поднимались со своих мест, как они, понурив головы, выходили в коридор.

Весть о гибели неизвестного ему лейтенанта потрясла своей простотой. Андрей Ключев был примерно одних лет с ним, разве чуть постарше. И вот погиб, пошел на смерть, хотя можно было избежать ее. Но тогда бы погибли другие. Колотов думал: каков собой был этот парень, какой у него цвет глаз, волос, какая улыбка, как он радовался жизни, веселился?..

Люди выходили в коридор, растекались по комнатам, гул их голосов доносился издалека. А Колотову вдруг показалось, будто над его головой пропела труба и ее чистый звук пролетел сквозь стены. Чистый звук трубы как напоминание, как призыв — быть готовым к движению.

Колотов вышел в коридор и направился в глубину его. Вокруг слышались тихие голоса солдат, обсуждавших принесенную недавно горькую весть.

* * *

И опять знакомый полигон. Свежий, с изморосью, воздух щекотал горло. Зеленый макет бронетранспортера стоял перед холмом справа.

— К бою! — командовал Колотов, стискивая в ладонях секундомер.

Серое, свинцовое небо висело сверху. И странно в этом пустынном огромном небе звучали металлические щелчки затворов. Колотов слышал рядом тяжелое дыхание солдат, занявших позиции у бортов. Его взгляд встречался с глазами Илюшечкина, утиравшего рукавом шинели пот. Всякий раз при этом Колотову становилось не по себе, но привычный нарастающий ритм тренировки увлекал, захватывал своим азартом.

— К бою! — снова разносилась команда.

Плотный широкоплечий Блинов умел как-то особенно ловко занять свое место у борта БТР. У него вообще все получалось складно, основательно, и Колотов подумал, что в настоящем бою этот солдат будет вести себя так же надежно, без суеты, и не подведет. Блинов любил занятия, где много движений, где действовали руки и ноги. Картина менялась, когда приходилось заниматься теорией — в классе. Глаза у Блинова соловели, лицо принимало сонный вид.

Колотов поглядел на секундомер и объявил перерыв. Солдаты вылезли, зашли с подветренной стороны, закурили.

Молча курили, посматривая на раскинувшиеся впереди холмы, на буграми нависавшее сверху небо.

— Ну что ж, товарищи... — проговорил медленно Колотов и умолк. И вдруг усмехнулся: — Ведь неплохо действовали. Шероховатости кое-где есть. Но неплохо. Если бы всерьез взяться, можно бы к Новому году... А почему первый взвод может, а мы нет? Или у нас самолюбия не хватает? Давайте попробуем.

Сержант Гусев вскинул задумчивый взгляд, повел широким плечом.

— Я всерьез говорю. А если вам кажется, что не выйдет, тогда давайте обсудим, почему и как. Есть время на размышление. А пока — бросай курить!..

Колотов умолк. Он стоял и смотрел, как солдаты из отделения Гусева заняли места в макете БТР. По радио была передана команда: «Приготовиться!»

Имитируя движение, зеленая коробка начала покачиваться рывками, у бортовых бойниц справа и слева застыли солдаты. Впереди холмы, полоска кустарника, лес. Появились мишени. В тот же миг ударили автоматы с левого борта... Колотов скомандовал: «Вперед! В атаку!» Солдаты спешили и побежали к кустарнику. Колотов двинулся следом.

Суетливый нескладный Илюшечкин оглядывался на взводного, то отставал, то забежал вперед. Колотов хмуро глядел на него: «В настоящем бою тоже будешь оглядываться?! Тоже будешь петлять вперед-назад?!» Стук каблуков разносился вокруг.

— Пулемет слева!

Солдаты упали лицом вниз, вжались в землю. Колотов придиричиво оглядел каждого: в самом ли деле прилип к земле? Малейшая небрежность — и пулемет скосит. Но ведь солдаты знают: пулемета нет — вот откуда возникает небрежность. Как создать обстановку, приближенную к боевой? Как повлиять на солдат психологически? Только требовательностью? Делай, как приказывают, и не размышляй! Узко. Даже, пожалуй, примитивно.

— Илюшечкин! Поразить пулемет!

Спустя минуту Колотов подошел к лежавшему неподвижно Илюшечкину.

— Рядовой Илюшечкин, вы слышали приказ?

Тот покрутил головой, тяжело приподнялся на локтях. Узкое с чуть выпиравшими скулами лицо было в грязи.

— Устал, товарищ лейтенант, — тихо сказал он. — Не могу.

— Устал?

— Честное слово, товарищ лейтенант... — Мальчишеские ресницы Илюшечкина вздрагивали, капельки пота поблескивали на лбу. А в глазах было искреннее огорчение и просьба: «Не заставляйте меня, я устал...»

Колотов готов был вскипеть, но внезапно смутился: не солдат, не его подчиненный, а подросток, младший братишка, попавший в переплет, привиделся ему сейчас. Вдруг мелькнула перед глазами давняя картина: за школой на пустыре пятиклассники мерились силой. Белобрысый мальчуган лежал на земле, поверженный другим...

— Как же так, Илюшечкин! Ну представь, идет бой. Ну как же ты — подвел бы себя и товарищей? Давай вместе. Нам поставлена задача — и надо ее выполнить. Обязательно выполнить.

Где-то перед глазами Колотова еще маячил тот белобрысый мальчишка-пятиклассник, и он думал, как ему помочь.

— За мной, Илюшечкин! Делай, как я! — скомандовал он уже другим, суровым голосом и лег на сырую, тронутую холодами землю, пополз вперед. Метр за метром, извиваясь, прижимаясь щекой к земле.

Позади доносилось тяжелое дыхание Илюшечкина.

— Голову! Не поднимай голову! — крикнул Колотов.

Вот она, цель, совсем рядом, за взгорком. Колотов оглянулся, знак рукой: цель надо уничтожить. Илюшечкин лежал, поджав ноги. Потом его рука сделала медленное движение, он напряжился и кинул за взгорок гранату. И посмотрел на командира. Колотов удовлетворенно кивнул и встал; отряхнув колени, пошел назад, туда, где залег взвод. Следом шагал Илюшечкин, его узкое худощавое лицо светилось. Сумел подползти и бросить гранату точно по цели.

Маленький шаг вперед. Кому-нибудь он покажется пустяком. Однако не надо забывать: из малых шагов складывается большой путь.

— Сержант Аникеев, разверните отделение в цепь. Ориентир — холм справа, с кустиком. Короткими перебежками...

Колотов полузакрыв глаза и пошарил в кармане шинели. Вынул секундомер и, прицелившись на холм с кустиком, с удовлетворением отметив четкую распорядительность Аникеева, взмахнул рукой.

* * *

Вечером Колотов и Никонов вышли из казармы и направились по главной улице к контрольно-пропускному пункту — домой.

— Я тебя слушаю, Сергей! Слушаю.

— Да, в общем, вот так. Ничего особенного не случилось. Может, даже смешно, что я распалился. Подумаешь, Илюшечкин выполнил норматив!

— Ты зря, Сергей. Погоди, не перебивай... Плевать, если кому-то что-то покажется. Это же наше с тобой дело, наша жизнь. Мы должны дорожить каждым таким открытием. У тебя Илюшечкин, у меня Коростылев... В этом для нас цель.

— Это верно. Я просто неудачно выразился. Действительно, ничего смешного нет. Привычка такая — застегнуться на все пуговицы, чтобы ни одного просвета... Ну, накричи я на Илюшечкина сегодня. Или пройди мимо, не заметь его состояния. Продолжал бы строить из себя дурачка. Понимаешь?

Какой-то неудержимый порыв поделиться своим открытием с Никоновым овладел Колотовым. Он смотрел посветлевшими глазами на друга и говорил, говорил, перебирая в памяти эпизод на полигоне и вспоминая выражение лица Илюшечкина, когда тот выполнил задачу. И лица солдат, смотревших то на Илюшечкина, то на командира взвода. «Немного требуется иногда, чтобы помочь человеку победить себя», — подумал Колотов, чувствуя, что и с ним самим произошло что-то необыкновенное.

Они теперь шли по едва освещенной тихой улочке городка, остро кояла в лицо холодный ветер, темнота вокруг сгущалась, и прожектор у парка выпускал вокруг туманно-белое мерцание. В сплошной черноте покачивались фонари вдоль ограждения, за которым была стена леса. Колотов вдыхал грудью прохладный воздух, слушал

гудение моторов у танкистов, и кажется, в нем самом будто что-то звенело, будто пела какая-то струна. Ведь и вчера были занятия, и вчера он видел Илюшечкина, и были другие дни. А что же случилось сегодня?

— Мы приходим в казарму утром. Уходим вечером, — говорил задумчиво Колотов. — Я иногда оглядываюсь на прожитый день и подвожу итог. Что сделано? Ты понимаешь меня? Ну, столько-то человек выполнили нормативы по огневой. Или были близки к выполнению. Ну, овладели новой техникой. Одним словом, программа боевой подготовки. А еще? Об этом прямо не говорится в программе. Если человека узнал глубже? Если понял, на что этот человек способен? Каков он? Вчера Илюшечкин был для меня совсем другой, нежели сегодня. Да и сам Илюшечкин почувствовал себя другим. Ты понимаешь?

— Понимаю, — кивнул Никонов и вздохнул. — Это все область воспитания. Мы в институте специальные лекции слушали. Но там иначе преподносилось.

— Конечно иначе. Вас же готовили учить подростков.

— Не совсем подростков, но в общем да. А ты знаешь, мне, наверно, будет трудно без нормального училища.

— А как сейчас? Как ты сейчас себя чувствуешь?

— Сейчас пока ничего. Но в будущем... Боюсь, что мой багаж недостаточен.

— В будущем всем придется учиться.

— Я думаю, нельзя ли заочно?

— Почему же нельзя?

Они прошли еще немного, и Сергей стал рассказывать про военное училище, которое окончил, кое-что он уже рассказывал раньше, про учения вспомнил, про разные привычки преподавателей, о том, какой замечательный человек майор Кривенко, про город, где жил, о том, что мать собирается приехать к нему на зимние каникулы. Потом, сам того не желая, начал говорить про Люську, его тут будто понесло, какой-то прилив откровенности нашел на него, и он рассказывал, как ходил к Люське в ее маленькую комнату на втором этаже, строил разные планы, а Люська обманула его, и как было ему после этого плохо и стыдно.

За контрольно-пропускным пунктом они прохаживались взад-вперед. Сергей говорил, а Никонов слушал. Потом Никонов рассказывал про свою Лизу, про семейную

жизнь, про то, как важно военному человеку, чтобы рядом с ним был настоящий товарищ и друг.

Они расстались, когда поняли, что время позднее. Пожатие Никонова было твердым, резким. И это снова поразило Колотова, потому что Никонов производил впечатление человека физически не сильного, мягкого и чуточку рассеянного.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Обычно сдержанный и корректный, Саруханов даже поморщился, когда Колотов пригласил его на занятия к Жернакову.

— Может, без меня, товарищ лейтенант? — сказал он. — Я строевые собирался провести, потом инженерное дело... Да и не любит меня лейтенант Жернаков.

— При чем тут любит — не любит? — сказал Колотов. Однако настаивать не стал. — Сержант Гусев, собирайтесь, пойдете со мной!

Гусев расправил плечи, разгладив и без того плотно облегающую грудь гимнастерку, на которой поблескивал значок «Отличник», и тоже не проявил особого рвения, когда узнал, зачем они пойдут к Жернакову.

— Ну что такое? — резко проговорил Колотов. — Собирайтесь быстро!

Взвод лейтенанта Жернакова занимался в поле. Выйдя за территорию городка, Колотов остановился, достал пачку сигарет.

Затянувшись, Гусев поднял глаза на Колотова, выжидающе помолчал.

— Странное отношение, — сказал миролюбиво Колотов. — Я будто на веревке тащу. Один не может, другой не хочет. Ведь ради дела стараемся. Почему же не посмотреть, как занимаются наши товарищи? Тем более что у них такие успехи.

Гусев сконфузился.

— Это конечно. Посмотреть можно.

— Тогда в чем же дело?

— Да мы ходили раньше...

— Ну и что?

Колотов сбоку разглядывал Гусева (лицо — как яблоко налитое, розовощекое) — парень вообще старательный,

дисциплинированный, хотя под настроение может посадить в лужу. Колотов вспомнил занятия строевой подготовкой.

— В чем же тогда дело, товарищ Гусев?

— Дело в том, — рассмеялся Гусев, — что ничего мы там не увидим!

— С первого раза — конечно. Придется, наверно, не один раз прийти.

— Я не в том смысле, товарищ лейтенант.

— А в каком?

Гусев замялся, быстро взглянул на Колотова.

— Ну как вам объяснить. Вот работает механизм, машина какая-нибудь. Все четко, шестеренки крутятся. Но разве разберешься, если механизм кожухом прикрыт?

— Знаете что? — Колотов даже остановился. — Давайте без загадок, а откровенно.

В лице у Гусева что-то дрогнуло. Он отвернулся.

— Можно и откровенно, — сказал он, помолчав. — У меня тогда вопрос. Почему в первом взводе больше всех в отпуска ездят ребята?

— Я не слышал, что больше. Но предположим... Какая же тут связь?

— А связь простая. У лейтенанта Жернакова на этот счет имеется порядок. У него без трепотни: заработал — получай... Хочешь побывать дома — выкладывайся и других заставляй выкладываться. Ну а он обеспечит. Себя не поцадит, но добьется. Вы слышали, как он со своим отпуском поступил? Нет? Да про это весь полк знает!

Колотов пожал плечами, недоумевая, почему ему ничего не известно, и попросил Гусева рассказать.

— Такое дело, — начал тот с удовольствием. — Мне земляк говорил еще в прошлом году. Пообещал, значит, лейтенант Жернаков отделенному: «Выведешь солдат по показателям — поедешь домой на десять суток». Совершенно точно, без всяких формальностей. Ну, тот давай рыть землю: кому же домой не хочется? Ночей не спит, все думает, как да что. Солдат каждую минуту тренирует. И что? Добился. На проверке отделение признано лучшим. Командиры поздравляют Жернакова, Жернаков — отделенного и солдат. Всеобщий, как говорится, праздник. Ну а обещанное лейтенант Жернаков выполняет и бумаги с рапортом подготовил, все честь честью. Прошу, дескать, отпустить как отличника и так далее.

Гусев передохнул, откашлялся.

— Ладно. Подал лейтенант бумажки. Ждет, сколько положено, чтобы эту бумагу оформили. Тот сержант, можно сказать, на чемодане сидит. В дорогу собрался. Даже домой успел написать: ждите в ближайшее время. И вдруг вызывают лейтенанта в штаб и показывают отказ. Причины не знаю, то ли вообще было запрещение с отпусками, то ли посчитали, что маловато послужил сержант. Но лейтенант Жернаков горячится: «Я, дескать, обещал! Мне дальше веры не будет!» А ему в ответ: не обещай. Нет у тебя таких прав, чтобы обещать. Ходатайствовать можешь, а обещать не имеешь права. Вот так.

Гусев вздохнул тяжело, чмокнул губами, как бы демонстрируя, в какую неприглядную ситуацию попал командир взвода.

— И вот тогда, — продолжал он, понизив голос, — лейтенант Жернаков отказался от своего личного отпуска. Ему очередной отпуск полагался, путевка на юг была, а он отказался. Раз сержанту, говорит, нельзя, то и мне не надо. Во как! Так и не поехал. Вместе с тем сержантом оставался во взводе.

За поляной кустиками бежали по серому взгорку молодые березки — белые стволы их отсвечивали в тусклом осеннем свете. За березняком занимался взвод Жернакова, оттуда доносились протяжные команды.

— А может действительно были запрещены отпуска!

Гусев поглядел на Колотова, пожал плечами: ему, дескать, ничего не известно, никаких подробностей не знает.

Колотов больше не спрашивал. История явно смахивала на байку. Про некоторых солдат и командиров много всяких баек ходит. Однако надо признать, что такая байка — верное свидетельство популярности. Значит, Жернаков популярен.

* * *

В березняке сухо похрустывал под ногами смерзшийся лист. Колотов чуть замедлил шаг, любясь белизной стволов, и поинтересовался: посажена рощица или сама выросла?

— Сама, сама, — ответил Гусев. — У нас на севере таких много. Бывало, идешь по лесу, вдруг навстречу бе-

резы, целая стая... Или ель попадется компанией. Грибов, наверно, тут...

За рощицей, на пологом склоне, чернели справа и слева свежеврытые окопы. Кто-то из солдат, видно, сказал Жернакову о гостях, он повернулся и пошел Колотову навстречу.

О том, чтобы побывать на занятиях, Колотов договорился с Жернаковым еще вчера вечером. Они поздоровались.

— Ничего, ничего, какая помеха. Задание дал, людей распределил, пусть действуют. — При слове «действуют» Жернаков посмотрел на сержанта Гусева. Тот сразу вытянулся и спросил разрешения пройти во взвод.

— Чего ты на меня уставился? — сказал Жернаков. — Ты своего командира спрашивай.

— Идите, Гусев, — разрешил Колотов и вдруг подумал, что ничего, видимо, не даст ему это посещение.

Они постояли немного, потом пошли не спеша по обочине холма. Жернаков шагал рядом, но поглядывал все время по сторонам, словно там было что-то интересное. Колотов никак не мог рассмотреть выражение его лица, видел лишь крепкую шею, обтянутую отглаженным воротником гимнастерки, да чуть горбоносый усатый профиль. Колотов думал, с чего начать разговор, — уж больно был неприступен Жернаков. А потом решил: не будет начинать. Просто присутствует немного и уйдет.

Солдаты отрабатывали броски в окоп «противника». Колотов заметил в руках у сержантов секундомеры. Голоса их разносились гулко по взгорку. «Вперед!», «Быстреей!», «Еще быстреей!». Солдаты действовали ритмично, ловко, раз за разом повторяя один и тот же прием. Наше у Жернакова тоже висел секундомер, он иногда сжимал его в ладонях, пристально глядел в сторону атакующих солдат.

— Гребенюк! — крикнул он. — Подойдите сюда!

Сержант Гребенюк бегом спустился с горушки, не доходя пяти шагов, перешел на строевой — ладный, подтянутый, будто литой, — доложил командиру о прибытии. Колотов залюбовался сержантом: строевая подготовка во взводе на высоте — это ясно.

— Гребенюк, — сказал Жернаков, оглядывая его холодным взглядом, — пять минут покурить, потом броски из окопа. Идите.

Сержант повторил приказ комапдира, четкий поворот, взмах руки, размашистый шаг — и снова бегом па горушку. Колотов с улыбкой посмотрел ему вслед.

— Какой молодец этот Гребенюк!

— У меня все молодцы, — ответил с некоторой надменностью Жернаков. — Терпеть не могу рохлеватых.

— Да ведь не сразу они такими становятся!

— Конечно...

— Усилия нужны. Индивидуальный подход.

— Точно, — усмехнулся Жернаков.

— Вот пришел посмотреть, вижу, хорошо действуют ребята. А какая методика такой подготовки? Поделится бы опытом.

Жернаков помахал рукой Гребенюку и посмотрел на секундомер, висевший на шее, как медальон. Потом, видно вспомнив про слова Колотова, пожал плечами. На горушке разнеслась команда: «Становись!» Перекур у солдат закончился.

— Ведь это очень важно, — продолжал Колотов после минутной паузы. — Коллективный опыт.

— Требовать надо, — сказал Жернаков, продолжая глядеть в сторону выстроившихся на взгорке солдат. — Чтобы командирский характер ощущался. А то почувствуют слабинку и давай вола крутить.

— Это верно, — заметил Колотов, подлаживаясь под его тон. — На требовательности многое держится...

Мысль эта сразу увлекла Жернакова. Он рассказал, какую сам проходил школу. «Гоняли дай бог! — говорил Жернаков об училище, куда он поступил после действительной службы. — Сто потов, бывало, прольешь. Доставалось. Но зато понял, почему сотня гребешков. Сегодня не вышло — завтра с тебя спросят и послезавтра. Не помогает — есть и другие методы воздействия...»

— Не любитель я теоретизировать, — сказал он, поморщившись. — Преувеличений уж очень много. А я смотрю так: вот мой взвод сейчас занимается. Знаю, кто отстаёт, прикажу Гребенюку, чтобы потренировал отдельно. Все будут в шашки играть, а они тренироваться — сегодня, завтра, послезавтра...

— А вдруг не клеится что-то? — сказал Колотов, вспомнив неожиданно Илюшечкина. — Может, надо помочь?

— Все клеится. Не беспокойся. — Жернаков усмех-

нулся и опять посмотрел на секундомер. — Тренироваться надо, одним — больше, другим — меньше. А насчет помощи сержант Гребенюк сообразит. Он уже сделает как надо.

— Толковый сержант? — спросил Колотов, словно чувствуя, что нить разговора обрывается, уплывает.

— У меня все толковые, — уклончиво ответил Жернаков и посмотрел в глаза Колотову. — Ты извини, пойду. — И, видимо не желая, чтобы Колотов следовал за ним, добавил: — Если что — в казарме договорим.

Колотов знал, что в казарме никакого разговора у них не получится, но он не обиделся. Какое-то тягостное чувство томило его. И поэтому он быстро поднялся с плащ-накидки, на которой оба сидели, поблагодарил для вежливости за беседу, попросил направить к нему сержанта Гусева.

Жернаков кивнул и двинулся на взгорок. Колотов невольно отметил: шаг у него неторопливый, но твердый, даже тяжеловатый. Чем-то его походка напоминала походку капитана Богачева.

* * *

С чувством недовольства собой возвращался Колотов от Жернакова. Зачем ходил? Какого приема ждал? Напрасная трата времени.

Гусев чувствовал настроение командира, шагал рядом, рассеянно поглядывая по сторонам. Взгляд его как бы повторял прежние мысли: «Я же говорил, что ничего не увидите. Жернаков — он такой, свое дело делает, а до остальных ему — как до лампочки».

Со стороны дороги, из-за леса, донеслось тяжкое громыхание: танки возвращались с полигона. Колотов посмотрел в ту сторону, прислушался и, обернувшись к Гусеву, неожиданно спросил:

— А ну-ка, по звуку определи, сколько машин.

Гусев замер, сосредоточенно уставился в пространство. Нелегкая задача: в сплошном гудении выделить отдельный танк. Тут надо быть специалистом. Вот как будто один звук вырвался. Прошла минута или чуть меньше — и еще такой же звук взял верх над другими. На дороге, видимо, поворот, машина сбавляет газ, а потом снова прибавляет, беря прежнюю скорость. Можно, конечно, оши-

биться, но все же не намного: плюс-минус одна-две машины в ту или другую сторону.

— Ну, сколько? — торопил его Колотов, когда рокотание на дороге стало удаляться.

— Я насчитал восемь, товарищ лейтенант.

— И я восемь, — сказал Колотов, блестя глазами. — Не могли же мы оба ошибиться.

— Можно сбегать к танкистам, узнать.

— Не стоит... Мы же с тобой в порядке развлечения.

— А старший сержант Саруханов часто посылал. Он уважает такие задачки: узнай по звуку, какой марки машина. Да чтобы быстро, в течение двух минут. Кого-нибудь направит потом проверить, не ошиблись ли. Иногда уточнить не удастся, он даже расстроится — любит, чтобы все было точно.

— Что ж, это хорошо. А вот взвод наш все-таки отстают. Я сейчас смотрел: у Жернакова ребята действуют... Мне даже завидно стало.

— Конечно, у лейтенанта Жернакова взвод подобранный.

— Что значит — подобранный?

— Да так — один к одному. Он даже нашего старшего сержанта хотел забрать к себе.

— Саруханова?

— Ну да, — улыбнулся Гусев. — Да вы спросите его самого, он лучше расскажет. Мы промеж себя слышали, а в точности не знаем, как было дело.

— Да мне-то теперь все равно, — сказал, помолчав, Колотов. — Мало ли кто какие планы строил!

Однако сообщение Гусева о том, что Жернаков собирался заполучить к себе во взвод Саруханова, чем-то неприятно зацепило Колотова: «Ишь какой ловкий!» Одно дело, если бы Саруханова выдвинули на повышение, а то заместителем к Жернакову. Почему именно к Жернакову?

Вернувшись в казарму, Колотов застал взвод в классе. Саруханов проводил занятия по инженерной подготовке. На щитах висели рисунки и схемы, старший сержант стоял возле, держа в руке указку. После опроса солдат он делал заключение по проработанной теме. Он говорил и изредка поглядывал в сторону Колотова, как бы инте-

ресуясь впечатлением, какое производят его слова на командира.

— Никто так близко, как мотострелок, не соединен с землей, не связан с ней...

Колотов слушал. Пожалуй, сказано немного выпренок, но в основе верно. Мотострелковые войска раньше именовались пехотой, которую в торжественных случаях звали царицей полей. Повидал он эти поля за годы курсантской службы. Кожа на ладонях до сих пор не отошла: от саперной лопатки.

— Близость к земле, — продолжал Саруханов, — означает, что надо знать ее, уважать и умело пользоваться в бою.

Что ж, и эти слова старшего сержанта звучали для Колотова убедительно — необходимо знать землю, каждую ее складочку на местности, каждый горбик, потому что в любой момент и складочка и горбик могут стать огневым рубежом для стрелка.

— Именно на земле солдат больше чем где-либо защищен, надо только хорошо усвоить, когда и в каких случаях пользоваться этой защитой.

И этот довод, пожалуй, справедлив, подумал Колотов. Несколько категорично сказано, но в общем верно. Из истории известно, как сражались солдаты Суворова и Кутузова. Можно вспомнить тех, кто стоял на Бородинском поле под градом неприятельских ядер и кто сегодня, глядя на эти чертежи и схемы, низко поклонившись, сказал бы: «Нам бы знать, на что способна земля...»

— Но чтобы земля стала союзником, надежной защитой, нужен не только зоркий глаз и знание оружия, от которого защищаешься, но и крепкие руки, нужна физическая сила и сноровка.

Опять же сказано правильно, отметил Колотов. Самый обыкновенный окоп в полный профиль пока выроешь, в глазах потемнеет. А блиндажи! А пулеметные точки! А завалы от танков! К тому же в бою потребуются не только силы, но и смелость, но и мужество. Попробуй-ка вырыть окоп под обстрелом противника!

— Земля является первейшим нашим союзником, и мы должны знать ее и любить. К солдатской науке она имеет прямое отношение.

Все логично, все правильно. Колотов задумчиво смотрел в пространство: молодец Саруханов, знает дело. Надо

чаще поручать ему самостоятельно проводить занятия. И вдруг снова вспомнил Жернакова: интересно, кто же пресек его попытки заполучить во взвод Саруханова? Опять зазвучали в ушах слова Гусева — про краткосрочные отпуска, которыми якобы стимулирует повышенную активность своих ребят Жернаков. «Деловой человек, черт возьми!» Колотов поглядел искоса на Гусева: не напутал ли что сержант? Если так, надо положить конец дурацким разговорам...

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Капитан Богачев прохаживался у себя в канцелярии: три шага в одну сторону, три — в другую. Верная примета, что в плохом настроении. А причина? Сто разных причин может быть у командира роты. Чуть что не так на занятиях или какое нарушение дисциплины — кого привлекают к ответу? Командира роты. Ты как хочешь со своими подчиненными, но с тебя с первого спросят, если обнаружат непорядок. «Из какой роты?» — первый вопрос нарушителю. Про батальон или про взвод не спрашивают — про роту. Ах, из роты капитана Богачева! Ну и давай вправлять мозги: это не так, то не так...

Майор Костин сделал замечание рядовому Гаврилову за внешний вид, а командиру роты по телефону прочитал лекцию: хромает в подразделении дисциплина. Вот так! У капитана Богачева в роте хромает — можно ли спокойно такое слушать?!

Один человек, конечно, не вся рота. Но попробуй скажи об этом начальнику штаба, когда его уже понесло. После разговора о дисциплине майор Костин вдруг вспомнил: нет плана индивидуальных занятий офицеров роты. И опять в оправдание ничего не скажешь, хотя зачем план, если занятия самостоятельные, к чему такая опека? Но Богачев знает, чем заканчиваются подобные объяснения. Командир роты недооценивает индивидуальную работу с офицерами! Командир роты не следит за их ростом! Тут такое начнется, что запомнишь на всю жизнь. Богачев посчитал за лучшее промолчать, дал выговориться Костину до конца. И правильно сделал, хотя себе настроение испортил окончательно...

— Ну, что ловенького?

— Был у Жерпакова во взводе.

— Давно бы надо сходить. — Богачев метнул на Колотова быстрый взгляд. — Получил представление?

— Да, получил. Стараются у него ребята. Ничего не скажешь. Только вопрос: как он этого достигает?

— Вникай! — отрезал хмуро Богачев, что в переводе на обыкновенный язык означало: не думаешь ли, что будем разжевывать?

«Ладно, — вздохнул Колотов, — о чем говорить, когда у человека плохое настроение».

— Между прочим, твой футболист не впервые выкидывает номера, — обратился Богачев снова к разговору о проштрафившемся Гаврилове. — Почему?

— Разболтанный парень, конечно...

— А если разболтанный, надо учить. Не слушается — меры принуждения. Начальник штаба идет, а он в таком виде...

— Учим, товарищ капитан.

— Плохо учите! — рубанул командир роты и опять зашагал по канцелярии из конца в конец. — Кстати, как у тебя с индивидуальным планом занятий?

Колотов доложил, что план у него такой есть, — занимается вопросами методики. Он вдруг увлекся и начал рассказывать Богачеву, почему взял именно эти вопросы.

Ведь известно: в военном училище технику постигаешь назубок. Технику, и тактику, и огневую подготовку — тут сомнений никаких — на уровне времени. А когда приезжаешь в часть, чувствуешь нехватку в другом — нет опыта, как преподносить солдатам эти знания. Конечно, кое-какой опыт есть: курсантами командовал. Но разве сравнишь с регулярной боевой частью?

Он даже литературу по методике приобрел. Интересные есть вещи, офицеру очень необходимые. Методы педагогического воздействия — это ведь прямая дорожка к овладению вершинами воинского мастерства.

Богачев взял со стола листок, пробежал глазами.

— Педагогика ладно, — сказал он тем же резким тоном. — Рассуждений много, научных выкладок полно — а командиру роты замечание.

Колотов понял, что комроты снова возвращается к случаю с Гавриловым, которого начальник штаба отчитал за неопрятный вид.

Он пожал плечами и вздохнул:

— Один человек... Нельзя же из-за этого всю роту.

Вот тут-то Богачев и врывался, как говорится, на оперативный простор. Один человек! Почти то же самое он собирался сказать майору Костину, да вовремя одумался. А его взводный не изволил пораскинуть мозгами. Без одного человека нет укомплектованного мотострелкового отделения. Нет вообще такого понятия в армии — один человек, — есть боевая единица...

Высказавшись, Богачев полоснул свирепым взглядом примолкшего Колотова, потом прошелся к окну, твердо ставя мускулистую, в начищенном сапоге, ногу.

— Ужинал?

Колотов покачал головой: нет, не ужинал.

— Пойдем вместе.

Встретив удивленный взгляд Колотова, объяснил:

— В отпуск собираюсь. Жену и сына уже отправил, а сам по-холостяцки тут. — Он подошел к двери, крикнул дневальному, чтобы сообщил старшине: командир роты ушел в столовую.

* * *

Большой зал в столовой с бетонными потолочными балками, среди которых горели овальные плафоны, был заполнен. Слышался стук ложек. Солдаты подходили с бачками к раздатчикам, потом возвращались к столикам. Некоторые уже поужинали и ждали остальных. Богачев с Колотовым прошли в отделение для офицеров. Два прапорщика из штабных сидели в углу и болтали с официанткой.

— Опять гречка на гарнир, — проворчал Богачев, когда перед ним поставили тарелку.

— Да, гречка, — повторил Колотов, улыбнувшись. — Дома, конечно, лучше.

Богачев подвинул к себе тарелку с салатом. Смачно хрустя капустой, сказал:

— Дома всякое бывает. Только жаловаться некому.

Впрочем, несмотря на гречку, у ротного был превосходный аппетит. Он быстро покончил с салатом и, отодвинув тарелку, так же мгновенно расправился с отбивной котлетой. Он жевал с удовольствием, его кустистые мохнатые брови чуть подрагивали.

— Ты не очень обижен на условия?

— А что такое?

— Приходится жить на частной квартире...

— Да ну! — пожал плечами Колотов. — Я же понимаю: не вынешь комнату из кармана. Вам, наверно, тоже приходилось по-всякому.

Богачев откинулся на спинку стула, усмехнулся.

— По-всякому! — Он покрутил головой. — Ты прибыл в гарнизон, где уже все есть — казармы, классы, учебный полигон. Квартиры только нет. Ну, это временно. А я после училища приехал в часть, где все пришлось строить самим. Все буквально: казармы, классы, служебные помещения... Имей в виду, я туда приехал не один. Вера сказала: «Я тоже поеду». И поехала. И не пищала. — Богачев широко улыбнулся. — А через два года меня в другое место перевели. Снова поехала. Понял?

— Хорошо, когда рядом помощник.

— Еще бы! — подхватил Богачев. — Это у меня уже третий гарнизон. Всегда вместе ездили. Сейчас вот отправил ее с сыном и скучаю. Иной вечер даже очень скучно...

Богачев провел рукой по тяжелому, круто выступающему вперед подбородку, улыбнулся задумчиво. И эта улыбка на его обычно хмуром лице показалась Колотову удивительной. Как неожиданно раскрылся он сейчас! Вот поди ж ты узнай, что у человека на душе. Никогда не узнаешь. Разве мог он десять минут назад представить, что Богачев будет рассказывать ему про жену и про то, что скучает? Да ни в жизнь бы не представил. Даже если бы кто-то сообщил ему такое — не поверил бы. Вот оно как бывает! Колотов смотрел на Богачева, размышляя о том, как это здорово, что люди иногда откровенничают друг с другом.

Богачев заметил на себе взгляд Колотова, насупился.

— Ну а у тебя как насчет сердечных дел? — спросил он. — Когда будем свадьбу играть? Девушка есть?

— Нет. Никого нет, — ответил Колотов.

— Как нет? — удивился Богачев.

— Так. Нет, — повторил Колотов. — Нет, и все. Разве так не бывает?

— Очень странно. — Богачев просверлил Колотова глазами. — Парень ты интересный, а никого нет. Что же,

пять лет в училище... Не ухаживал ни за кем, что ли? Никто не правился?

Колотов пожал плечами.

— Ну ладно! Всякое бывает в жизни, — сказал Богачев. — Вообще женитьба дело серьезное, — прибавил он после паузы. — У военных такая закономерность: если человек женится, то очень быстро выясняется, кого он имеет рядом. И разводы, как правило, в первый год. Но уж если семья пожила в одном да в другом гарнизоне да испробовала походной жизни — тут можешь быть спокоен: накрепко такие люди спаяны. Тут семья — как боевая единица, — Богачев опять улыбнулся той же задумчивой улыбкой, осветившей так неожиданно его сосредоточенное лицо.

— Да, вы правы, — согласился Колотов. — У меня отец военный, мать рассказывала, как ездили по гарнизонам. Да и я поездил. Мне в детстве очень нравилось — разъезжать.

— Ну, в детстве было одно, а теперь другое, — сказал Богачев. — Служба требует нервов и нервов, чего там скрывать. Одному бывает и трудно. Вот лейтенант Жернаков женился, и будто подменили человека. Видел, какие у него хлопцы — один к одному. А ведь не всегда так было...

— Да, видел...

Колотов помолчал, на языке у него уже вертелся вопрос. В самый раз поделиться с командиром роты разговорами, которые идут про Жернакова. Может, ерунда все, выдумки?

— Мне сегодня про одну вещь сообщили, товарищ капитан, — проговорил Колотов, стараясь держаться спокойно. — У меня, правда, в голове не укладывается, но если разговоры идут, то надо разобраться... Будто бы Жернаков всю активность в своем взводе строит на краткосрочных отпусках.

Богачев в упор посмотрел на Колотова, его густые брови сошлись над переносьем.

— Не понимаю!

— Будто бы существует негласный договор у Жернакова с людьми: они ему высокие показатели обеспечивают — он краткосрочные отпуска для них выколачивает. Отпусками приманивает.

— Чепуха!

— Я тоже подумал, что чепуха. Но решил поговорить с вами.

— Болтунов развелось много! Болтают кому не лень!

Последние слова Богачева задели Колотова. Получалось, что и он вроде болтун. Возводит поклеп на Жернакова.

— Я говорю, что слышал, — начал он объяснять.

— Работать надо! — обрезал Богачев. — Служить как следует, а не разговорами заниматься. За кого мне сегодня начальник штаба шею мылил?

Колотов покраснел и, чтобы не наговорить дерзостей, склонился низко над столом. Ужасно глупо получилось. Богачев, чего доброго, подумает, что он из зависти. В полку без году неделя... Черт знает как некрасиво получилось!

Из столовой оба вышли хмурые и, сухо попрощавшись, разошлись в разные стороны.

* * *

В то время как Богачев и Колотов шагали каждый своей дорогой и каждый про себя сердился на другого за испорченный дружеский разговор, полковник Ключев просматривал у себя дома почту. Письма летчиков, служивших вместе с сыном. Письма совершенно незнакомых людей, узнавших о гибели Андрея через газету. Он разворачивал эти письма и читал сидевшей напротив Марье Степановне, стараясь произносить слова сдержанным, спокойным тоном, который он усвоил после случившегося несчастья. Однако этот тон еще больше подчеркивал тяжесть свалившегося на них горя.

Марья Степановна сидела напротив. Абажур лампы скрадывал ее лицо, но все равно было видно, как она осунулась и побледнела за последние дни.

— Это кто пишет?

— Студенты Московского авиационного института. Они прочитали в газете...

— Ладно. Читай дальше.

— А может, на сегодня хватит, Маша?

— Нет, нет. Читай.

Марья Степановна накинула на плечи платок. Потом опять вернулась к столу.

За эти дни она состарилась на десять лет. Седина, которая раньше была едва заметна, теперь выступала широкими прядями. Под глазами лежали темные круги, как у человека, перенесшего тяжкую болезнь.

Клюев, в клетчатой теплой рубашке, сидел, склонив голову. Его за эти дни тоже перевернуло.

— Паша, ты бы отдохнул.

— Ничего. Я чувствую себя ничего.

— Как же ничего! — махнула она рукой. — Посмотри на себя.

Часы в соседней комнате пробили восемь ударов. Клюев пошарил рукой по столу, перекладывая письма. Взял какой-то листок, потом положил обратно.

— Почитай мне еще раз Андрюшино письмо, — сказала она, машинально перебирая пальцами пуговицы на кофте.

— Маша!

— Я хочу. Почитай.

Письмо от Андрея пришло недавно, уже после его гибели. Как странно: человека уже нет, а в письме он еще живой.

Несколько минут Клюев сидел неподвижно, держа в руках листок. Потом подвинул лампу и стал читать.

«Дорогие мои предки, мама и папа!»

Строки вдруг поплыли у Клюева перед глазами, сместились, запрыгали в странном хороводе. Как трудно, как больно думать, что сын ушел из жизни. Что его больше нет. Дурашливое слово «предки» вдруг заставило увидеть его улыбку, в которой светилось всегда столько радости, и озорства, и любви. Тяжело сдавило грудь. Он положил листок на стол, но, увидев рядом бледное лицо жены, снова стал читать.

«Вы меня, конечно, кроете на все лады. Правильно делаете, дорогие мои. Только так и нужно со мной разговаривать. И я заранее принимаю все ваши упреки: шляпа я, пентюх. Не мог сообразить перед командировкой насчет письма. Посадить меня надо на гауптвахту суток на десять...

Не сердитесь — исправлюсь. Хотите, возьму торжественное обязательство: исправиться к Новому году?

Все это треп, конечно. Я ведь, папа, нахожусь в тех местах, где вы воевали. Недавно ходил с ребятами из эс-

кадрильи в город, где были и вы в своей молодости, а меня вообще тогда на свете не было. Тут теперь никакого намека на то, что происходило тридцать лет назад. Только памятник с братской могилой. Целое братское кладбище. А на берегу реки пенсионеры сидят с удочками. В саду на столиках кружки с пивом; музыка играет. Детишки бегают. Никакого намека, что было когда-то. Только братское кладбище. Сколько я повидал их тут!

У меня все отлично, я прошу тебя, мама, не волноваться, если письмо немного задерживается. Я совершенно здоров и очень доволен службой. Если бы ты знала, мама, как приходится иногда высоко летать. Я бы мог с такой высоты увидеть наш дом. Считайте, что я увидел вас обоих. У мамы, как всегда, озабоченное лицо. Она все думает, думает. Мама, очень прошу: перестань думать.

Письмо заканчиваю. Зовут играть в шахматы. Пойду. Очень серьезная партия предстоит, не смейтесь. Обоих крепко целую. Салют, предки!

Ваш Андрей».

Клюев закончил читать и долго молчал. Листы лежали на столе.

Внезапно он поднялся и подошел к жене.

— Маша! Не плачь. Нельзя так.

— Какое несчастье! Какое несчастье! — Она закрыла лицо руками. — Почему такое несчастье?!

— Наш сын иначе не мог. — Клюев посмотрел в угол комнаты, где на столике стоял портрет юноши. — Он не мог, чтобы пострадали люди... Не надо, Маша. Успокойся.

— Я сейчас. Ничего. Это пройдет. Ничего...

Она торопливо встала и пошла к окну и там, прислонившись к стеклу заплаканным лицом, долго смотрела в темноту наступающей ночи.

В соседней комнате зазвонил телефон.

— Слушаю, — сказал Клюев, откашлявшись. — Слушаю, Николай Матвеевич. Да нет, сидим с Машей, пьем чай. Спасибо, Николай. Нет, нет, спасибо, дорогой. В другой раз как-нибудь...

Он повесил трубку, затем прошел к столу, чтобы взять конверт с письмами.

— Зеленцов звонил. Приглашал к себе. Я отказался.

Она не обернулась. Только слегка качнула головой, давая понять, что согласна с мужем.

Вернувшись к себе домой, Колотов долго не спал в тот вечер. Он ходил по комнате, стоял и думал. Разговор с Богачевым разволновал его, и было почему-то обидно и тоскливо. Ему было обидно, что с ним так резко говорили. Как с мальчишкой.

«В другой раз я не удержусь и отвечу соответственно», — думал он. Его особенно поразило, что Богачев мог говорить с такой нежностью о жене, мог делиться воспоминаниями о далеком гарнизоне, где пришлось все начинать с нуля, и кричать грубо на него, Колотова. Как будто человек состоит из двух противоположных половинок, которые спокойно уживаются в нем.

Жаркая краска заливала лицо, когда он снова вспоминал о разговоре с Богачевым и такие его словечки, как «болтовня». Он начинал ходить из угла в угол по комнате и сочинял в уме то, что скажет Богачеву утром, когда придет в казарму.

«Я прошу разговаривать со мной вежливо!»

«Если вы еще раз позволите себе неподобающий тон...»

«Прошу вас не кричать на меня...»

Успокоившись немного, Колотов достал тетрадь в коленкоровом переплете и записал:

«У Николая Островского есть замечательное высказывание по поводу воспитания и самовоспитания. Он сказал, что не следует думать о том, что тебя размагничивает и расслабляет, а наоборот, надо почаще возвращаться мыслями к важным для тебя предметам».

Колотову казалось, что воспоминания о разговоре с Богачевым во время ужина расслабляют его. Он только и думает, как ответить ему, а будет более мудро, если он примет решение: еще лучше исполнять свои обязанности. Да, именно такое решение явится достойным ответом на слова о болтунах.

Вдруг пришла в голову мысль: командиры взводов даже из других рот относятся к Саруханову как к равному. Ни разу не приходилось Колотову слышать, чтобы кто-то кричал на него или разговаривал невежливо. Что тут: умение поставить себя среди товарищей? или уважение, которое испытывает к нему каждый?

«Учиться, учиться... Учиться у своего заместителя.

Получил наконец книги, которые просил. Сказал об этом Саруханову, предлагая воспользоваться.

«Спасибо, товарищ лейтенант. Читать некогда, — улыбнулся Саруханов. — Мне тоже прислали месяц назад пачку книг. Пока еще не притронулся. Лежат в тумбочке».

До сих пор не умею разумно распределять время. Целых полтора часа был в библиотеке, где перелистывал подшивку «Огонька» за минувший год. Час околачивался в спортзале. Простить не могу себе такое расточительство!»

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Саруханов был взволнован. Ну кто он такой? Какие у него заслуги? Несет наравне со всеми службу. Ничего выдающегося не совершил — просто выполняет добросовестно то, что записано в уставе. Не так уж это трудно — служить честно. Совсем не трудно...

А может, высокие слова, написанные Роговиком, — аванс на будущее? Свидетельство товарищеского доверия, не оправдать которое равносильно обману? Наверно, так оно и есть: на него возлагают надежды, в него верят...

За белыми стенами каптерки стояла тишина, будто в пустыне: рота ушла в кино.

Наконец Саруханов овладел собой, посмотрел в лицо Роговика и поблагодарил за рекомендацию.

— Отца своего с матерью благодари, — сказал Роговик и переменял тему: — Как дела во взводе? С новым командиром как ладишь?

— По-моему, хорошо.

— Вот и добре. Я рад за тебя. Мне Колотов с первого раза приглянулся. Открытый человек. — Роговик улыбнулся, мягко, одними губами. — Конечно, будут и огрехи. Теории много, практики мало. По теории все выглядит легче, нежели на практике. Ты уж помогай, не отходи в сторону. Конечно, по-умному, осторожно. Ну да не мне учить тебя. Как со стрельбами? Не подкачаете?

— Думаю, в целом взвод справится, — Саруханов наморщил лоб. — Вы же знаете наши слабые места. Илюшечкин — раз. Гаврилов тоже под настроение может выпалить в белый свет.

— Кстати напомнил мне о Гаврилове, — сказал Роговик. — Командир роты очень возмущен. Что происходит? Парень сильный, развитой, а служит неровно. На учениях показал себя неплохо и вообще может быть примерным солдатом. Но вдруг разные случаи, расхлябанность. Выпускаете его из-под контроля.

— Гаврилов, он всегда такой, с болтанкой. Вы же помните его. С первого дня. Глаз да глаз за ним... Иногда, конечно, не успеваем.

— Прыткий товарищ, чего говорить! — Роговик, ожившись, вспомнил, как Гаврилов в первые месяцы службы рвался в футбольную команду, сколько писем в разные места писал, к кому ни обращался. Но ничего из этого, однако, не вышло, пришлось Гаврилову служить в роте.

— В нем и сейчас сидит это, — вздохнул сокрушенно Саруханов, — желание сорвать, что полегче. На заводе до армии числился, а завода и в глаза по-настоящему не видел: играл в футбол. Как начнет рассказывать, сколько получал, какие были командировочные, какие премиальные, — диву даешься: такие деньги человеку платили! Да ведь не по закону, не за футбол, а за должность, которую он по бумажкам занимал. Иногда послушаешь, вспыхнешь: куда народный контроль смотрит?! Он и тут, в роте, хотел бы мяч гонять, а чтобы кто-то за него службу нес. Мы его держим в руках, но закваска-то прежняя не выветрилась.

— Штука въедливая, затяжная, — согласился Роговик, подвигая Саруханову сигареты. — Кури.

— Если что сделает, — продолжал Саруханов, — ну, посите его тогда на руках. — Саруханов усмехнулся. — В кочегарке два дня назад уголь из бункера кидал. Работал, говорят, на совесть, хвалили. А как вышел — напроочь забыл, что он солдат. Как после футбольного матча: банкеты ему, премии... Послушал бы ты его, старшина, насмеялся вдоволь.

— Ну а как наш художник? — спросил Роговик, помолчав.

— Наумов, что ли?

— Другого художника у нас нет, — сказал Роговик. — Вишь, сколько во взводе знаменитостей: футболист, художник...

— Наумова с Гавриловым не сравню. — Саруханов загасил сигарету. — Одаренный парень, чувствительный.

Пулеметом овладел за несколько дней. Хмурый только, но это уж от природы. Зато не любит выставляться. И Лавриненко такой же, хотя разыгрывает из себя разбитного. Лавриненко, Блинов — это моя опора. Думаю, ребята эти себя еще покажут — здесь ли, в армии, или на гражданскойке...

Роговик притих, откинулся на спинку стула, поднял глаза. О солдатах роты он мог слушать без конца. Саруханов рассказывал ему о занятиях по инженерному делу, как толково отвечали на вопросы Скворцов и Лавриненко, о том, что Лавриненко без всякой подсказки или какого-то толчка со стороны сам вызвался помочь Скворцову при изучении гранатомета. Роговик о многом из того, о чем рассказывал Саруханов, уже знал, но все равно слушал с большим вниманием, по-детски изумляясь и ахая, когда старший сержант приводил новые факты. Кажется, в голове Роговика сейчас проскальзывали какие-то свои, не относящиеся к разговору мысли, связанные с собственным прошлым, с прожитыми годами, с тем делом, которому он посвятил жизнь.

— Да-а, время летит, — неожиданно сказал он глухо, отвечая, видимо, на свои мысли. — Давно ли ты прибыл в часть? Еще, помню, на контрольно-пропускном пункте крышу красили. Теплынь стояла — ужас. Ребята на учениях от жары изнывали. Когда это было? А ведь скоро тебе сигнал подадут. До дому отправишься. В Москву свою любимую. Ох и большущий же город! Проездом пришлось побывать. Конца-краю не видно. А машин, машин... Ну, ладно. Это пока впереди. Не знаю, к чему я заговорил... Да, вот подумал про твой отъезд: жалко мне будет расставаться с тобой, Саруханов. Понимаешь? Очень жалко... Старею, видно.

Роговик торопливо встал, показывая тем самым, что разговор закончен, и протянул руку.

— Ну, желаю тебе еще раз...

— Спасибо, старшина.

* * *

Выйдя из казармы, Саруханов свернул в проулок. В холодном, осеннем воздухе гулко разносился стук солдатских каблуков: одна из рот возвращалась с ужина. Саруханов секунду размышлял, потом повернул в противо-

положную от столовой сторону. После разговора с Роговиком ему хотелось побыть одному.

И вот выбрал маршрут — мимо гаража, мимо спортгородка (тут если кого и встретишь, то не шибко знакомого). У спортгородка Саруханов задержался, встал около бревна, облокотился. Все же, несмотря на тусклый свет фонарей, его узнали. Прапорщик Жора Газаев, начальник мастерских, проходил со своими слесарями, окликнул:

— Кто это? Саруханов? Слушай, Саруханыч, никак и ночью по бревну ходишь?!

Саруханов весело отозвался, поддержав шутку.

— Тебя собираюсь тренировать, Жора!

Потом долго кружил вокруг спортивных снарядов — тут сейчас было пустынно. Думал, вспоминал. Перебирал в памяти слова, написанные Роговиком. Вспоминал вечер, когда его позвал к себе замполит Варганов. Впервые зашел тогда разговор о вступлении в партию. Об отце подумал. Отец вступал в партию молодым парнем. По словам матери, это был тихий, робкий парень, мать даже поражалась (они познакомились после войны), как он, имея такой характер, воевал в партизанском отряде.

До войны отец кочегарил на поезде. Ездил из Москвы в Ленинград и обратно. Работа пыльная, но зато молчаливая — бросай себе в топку уголь, посматривай, чтобы пар в котле держался на уровне.

В конце сорок первого, когда немец рвался к Ленинграду, отец с эшелоном боеприпасов попал под сильную бомбежку. Эшелон удалось спасти, но пути им ни вперед, ни назад не было — попали в окружение. И погибли бы, возможно, если бы не партизаны, которые разгрузили состав и увезли боеприпасы в лес.

Про этот случай с эшелоном отец рассказывал. У него от того времени осталась память: к ненастью голова начинает сильно кружиться — от контузии.

А вообще отец не любитель вспоминать про войну. Ордена есть и медали, а станешь спрашивать, как да что, клещами каждое слово приходится вытаскивать. Тут мать права, действительно тихий человек. Про других еще может рассказать, и то, пока добьешься сути, все нервы измотаешь. Одно лишь слово было у него, если требовалось кого-то похвалить или особо выделить. Отец в таких случаях говорил: «Он же коммунист». Отец считал, что это слово объясняет все.

По низким крышам машинного парка ходила осенняя изморось, фонарь, окутанный ею, светил в стороне, будто вглядывался в посерьезневшее лицо Саруханова.

Представлялось ему, когда пришел на службу: два года — вечность. А вот и нет их, к концу его служба подходит...

А что впереди?

И Саруханов ходил, думал. «Жалко мне будет, Саруханов, расставаться с тобой». А ему разве не жалко? Вложить столько труда, свыкнуться с людьми, полюбить их — и вдруг оставить! Нет, он не готов к этому.

Вдали, там, где был штаб, резко взревел мотор. А на главной улице кто-то лихо отсчитывал: «Раз-два, левой! раз-два, левой!»

Саруханов сделал еще круг, потом направился к столовой.

Темная глыба неба нависала сверху. Но вокруг — из окон казарменных зданий, из клуба, со стороны штаба — лился яркий электрический свет. И свет этот веселил Саруханова.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

— Давно собирался к тебе, — сказал Варганов, сняв шинель и вытирая ноги. — Да все некогда. Все разные дела. А тут, думаю, нет. Сегодня обязательно зайду. Не помешал?

Колотов с удовольствием оглядел посетителя.

— Да что ты! Очень хорошо, что зашел... Ты даже не представляешь...

Он пропустил гостя вперед. Освободил быстро стул, заваленный одеждой, сдвинул на столе книги, чтобы не мешали.

— У меня тут не прибрано. Извини.

— Вот еще телячьи нежности, — сказал Варганов, глядя Колотову прямо в глаза. — Что поделываешь? Скучаешь, наверно?

В ответ Колотов пожал плечами. Он действительно сегодня заскучал. Вспомнился вдруг дом, училище, где в воскресные дни было всегда весело. Люська припомнилась. Как ли странно, свидания с ней уже не представ-

лялись ему в столь мрачном свете, как несколько недель назад. Было только жалко чего-то — и все.

— Скучать не надо, — тоном учителя произнес Варганов и вздохнул. — А в общем, все понятно, все естественно.

Он прошелся по комнате вокруг стола, остановился перед стопкой книг, полистал в руках одну, другую. Колотов видел, как сдвинулись над переносом его брови, и сразу Варганов как бы постарел лет на пять.

— Неужели с собой привез? — спросил Варганов, показывая на книги.

— Часть с собой, часть почтой прислали.

Варганов снова заходил по комнате, заглянул в окно. Снова вернулся к столу, где лежали книги.

— Положим, Лермонтова ты мог бы и не везти. В библиотеке есть. И Толстой есть.

— Знаю, — сказал Колотов. — Но я люблю, чтобы они были рядом. В училище в тумбочке лежали. Привык.

— А из современных кого читаешь?

— Бондарева, Твардовского...

— Большой поэт — Твардовский. Кстати, насчет скуки у него есть строки:

Я в скуку дальних мест не верю,
И край, где нынче нет меня,
Я ощущаю, как потерю
Из жизни выбывшего дня.

— Это откуда? «За далью — даль»?

— Точно.

Как легко разговаривать с Варгановым. Будто давно знают друг друга. Бывают же такие люди, с которыми словно воздуха прибавляется в комнате.

— Уехал Богачев? — спросил Колотов.

— Уехал. Вчера вечером, — сказал Варганов, присаживаясь на стул. — Беспокойный человек: десяток всяких инструкций оставил.

— Не надеется, что ли?

— Почему не надеется? — рассмеялся Варганов. — По-твоему, если инструктирует, значит, не надеется?! Дело так требует. Как-никак я все-таки замполит, да к тому же был оторван три месяца от роты. Нет, он в порядке помощи... — Варганов еще раз посмотрел внимательно Колотову в лицо, как бы ожидая, что он скажет.

— Слушай, Женя, хочу спросить тебя напрямую, по-мужски. Трудно тебе с Богачевым?

— А ты что? Уже ощущаешь трудности? — вопросом на вопрос ответил Варганов.

— Как тебе сказать, — замялся Колотов. — Пожалуй, ощущаю. Я не люблю, когда вожжами дергают. Неприятно и делу не помогает.

— Пстой, пстой, — остановил его Варганов. — Ты расскажи толком. Что произошло?

— Да ничего особенного, — хмуро отозвался Колотов и стал смотреть в окно.

— Ну все-таки, если не секрет? — сказал Варганов.

— Какой же секрет! Богачева ты видишь каждый день, чаще даже, чем я. И манера его разговора с людьми тебе тоже известна. Или ты считаешь такую манеру самой подходящей, способной вызвать у подчиненных энтузиазм?

— Нет, я так не считаю, — не сразу отозвался Варганов. — Но многое, что есть в Богачеве, необходимо каждому настоящему командиру. Насчет вожжей — не знаю... Богачев бывает, конечно, резок, взрывается порой, все верно. И в том, что ты хочешь сказать мне, ты, конечно, прав. Я бы мог перечислить другие случаи, однако не буду, боюсь, что это уведет нас в сторону. Ты же понимаешь, что командир в армии созревает по-особому. Армия — не завод, не колхоз, не научное учреждение. Тут взаимосвязи строятся на правилах, имеющих силу закона. Тут дисциплина, приказ, а результат нашей работы — воинское мастерство, которое опять же включает в себя умение подчинять свою волю другому, самообладание в отношениях с подчиненными... То, что случается иногда с Богачевым, — Варганов усмехнулся и повел глазами по стенам, — на мой взгляд, издержки роста. Он самолюбив? Да! Немного тщеславен? Да. Резок порой излишне? Да. Надо его критиковать за это? Да... Но он, пойми, Сергей, командир. Не исполняющий обязанности командира, а командир в существе своем, в своем призвании. В этом я совершенно уверен. Учения в поле — он живет на них. Занятия в городке — он отлаживает свой ротный механизм, делая это порой грубовато...

— Отлаживает, говоришь! А мне иногда кажется, что он, кроме взвода Жернакова, никого не видит.

— Есть такой грех, имеется... Только, с другой стороны, не знаешь, как тут ругать его. Хотя ругать надо, не отрицаю, надо.

— Что же тебя останавливает?

— Многое. Выругать, раскритиковать — это проще всего. А вот в каких дозах? Лишняя доза может здорово испортить дело.

— Темнишь что-то, — усмехнулся Колотов. — Что-то очень мудро выражаешься.

— Может, и темню немного, чуть-чуть, — с обезоруживающим спокойствием отвечал Варганов. — Мы ведем дружеский разговор, и я скажу тебе свое мнение: на мой взгляд, Богачев уже вырос из своей должности. Понимаешь? Ему простор нужен. Ты сказал насчет Жернакова. А во время учений взвод Жернакова показал себя. И Богачев угадал с точностью, куда его необходимо было послать, как использовать... Понимаешь, он у себя в роте создает единицу, которой всегда может воспользоваться в сложных случаях. Ты, конечно, возразишь: надо, чтобы такими способностями и качествами обладали все единицы. Согласен. Но психологически командир всегда на кого-то опирается больше, чем на других. Такова психология. Тебя, положим, спроси, кого послать па то или иное задание, ведь подумаешь: Саруханова или Апикеева? Правда? Богачеву, как командиру, хочется маневрировать своими силами, он, пойми, уже как бы заряжен на завтрашний бой и четко знает, кому что в этом бою будет по силам.

— Выходит, что все надежды на взвод Жернакова! — вспыхнул Колотов.

— Почему на Жернакова? — пожал плечами Варганов. — Ты, пожалуйста, не преувеличивай. Я тебе объяснил, как создается такая ситуация психологически. Она мне понятна. Ведь умение взглянуть на подчиненное тебе подразделение как на живой организм, призванный в нужный момент выполнить сложнейшую боевую задачу, — это тоже признак роста. Другое дело, по силам ли, предположим, лейтенанту Жернакову такая нагрузка? — прибавил Варганов, как бы подумав вслух. — Я имею в виду чисто психологическую нагрузку.

Варганов произнес последнюю фразу мягко, но лицо его внезапно посерьезнело, и Колотов понял, что замполита что-то беспокоит в личности командира первого взво-

да. Колотов уже не раз имел повод убедиться в пронительности Варганова, и если полчаса назад он был настроен поделиться слухами об отпусках, которые шли среди солдат, и даже тем, как реагировал на эти слухи Богачев, то сейчас, после мягкой реплики замполита в адрес Жернакова, говорить об этом показалось Колотову неудобным, неэтичным.

Около крыльца за стеной слышался девичий возглас:

— Бабушка Настя! Выйди на минуту.

В кухне застучала сапогами хозяйка, хлопнула входная дверь. Варганов скосил глаза:

— Девушки вокруг ходят, а ты лежишь...

— Лежу, — сокрушенно вздохнул Колотов.

— А чего лежишь, когда девушки ходят? — покачал головой Варганов и снова стал рассматривать книги на столе. Его интересовали военные мемуары, он полистал одну книгу, другую, пробежал глазами несколько фраз.

— Вот генерал пишет, почему он стал военным. Время, говорит, подтолкнуло его к выбору профессии. Время было такое, что приходилось отбиваться от врагов с севера, с юга, с востока — со всех сторон. Правильно пишет генерал: время было горячее. А я, Варганов, родился на тридцать пять лет позже. И что же? Я могу полностью повторить слова генерала: и меня время заставило избрать именно эту дорогу в жизни. Хотя я не видел войны, не отбивался от интервентов, не испытывал ни бомбежек, ни голода, ни холода. Но вот для того, чтобы никто другой этого не испытывал, я и стал военным. Каждый человек, если он чувствует в себе ответственность перед обществом, откликается на запросы времени. Это элементарно.

Варганов прошелся по комнате и опять остановился у окна, долго смотрел на огород. Сильный порыв ветра ударил в раму, шевельнул повешенной на забор тряпкой, колыхнул прутиками вишен.

— Слушай, Сергей, пошли прогуляемся?

— Пошли...

* * *

Выйдя из дома, Колотов хотел повернуть направо к шоссе, ведущему в городок. Но Варганов остановил его:

— Пройдемся по поселку.

Час или полтора назад, когда они сидели дома и разговаривали, небо было затянуто грязно-серыми облаками. Поэтому Колотов и провалялся с утра на диване и не выходил на улицу — не манила серая пасмурная погода. А сейчас — Колотов даже глазам не верил — облака с одной стороны ушли за горизонт, и там теперь синело небо.

Они шагали по улице.

Варганов как старожил рассказывал, указывая на тот или другой дом:

— Знаешь, кто здесь живет?

Дом под двускатной, крытой железом крышей, палисадник, терраса с белым резным карнизом.

— Откуда же мне знать?

— Здесь живет бывший сержант нашей роты Пилипчук.

— Кто?

— Бывший сержант, а теперь бригадир колхоза Пилипчук Семен Иванович.

— Женился, что ли?

— Два года назад. У него уже сын растет.

Улица была безлюдна. Край неба синел, расползаясь все шире. Косой свет солнца освещал дальний лес.

— А в этом доме живет Сизова Зинаида Трофимовна, председатель колхоза.

— Это я знаю.

— Познакомился с Сизовой?

— Познакомился.

— Правда, замечательный человек!

— Правда... Слушай, Женя, а в шахматы-то мы не сыграли.

— В шахматы? — переспросил Варганов и покачал головой. — Забыли про шахматы.

Улица делала изгиб, полого спускаясь к речке. Возле моста толклись несколько парней и девчонок. Чернявый с длинными нависавшими на лоб волосами парень в потертых джинсах играл на гитаре и пел:

О, Зин, на грубость нарываешься,
Обидеть так и норовишь.

Компания, увидев шагавших по обочине дороги офицеров, повернулась к ним, стала подпевать громче.

— Идите к нам, товарищи офицеры! — крикнула какая-то девица. — Составьте компанию.

— Да она у вас составлена, — ответил Варганов.

— Военных не хватает, — продолжал тот же голос. — Парочка военных как раз бы подошла.

— В другой раз, девочки! — сказал Варганов.

— В клуб приходите! — крикнула другая девица.

За поселком Колотов и Варганов снова взяли вправо и, сделав небольшой круг, повернули обратно. От моста доносились треньканье гитары и ноющий голос парня, рассказывающего про злключения некоей Зины.

— Молоденькие девчонки. Ходят, поют...

— Да ты не думай плохо, — усмехнулся Варганов. — Здесь так принято.

— Что принято?

— Петь на улице, ходить. Давняя, видно, традиция, — добавил Варганов важно. — Раньше с гармошкой ходили, теперь с гитарами.

— Ну а разговоры заводить с посторонними?

— А мы для них не посторонние. Мы свои. Понял?

Небо опять заволочло облаками, и у леса стояла слабая пелена измороси, скрадывавшая зелень сосен и елей.

— Знаешь, Сергей, — заговорил Варганов, когда они достигли шоссе, — ты вчера провозился долго с прицелами. Проверял ночные прицелы. Почему получается у нас так? Не умеем планировать... Есть у меня наблюдения и кроме прицелов. Решили поговорить на комсомольском бюро. Придешь?

— Если надо — приду. Не о прицелах же только разговор?!

— Конечно не о прицелах. Стрельбы меня волнуют... Каждый раз волнуюсь, будто перед экзаменами.

* * *

Возвращался Сергей через поселок. В одном из переулков до ушей его снова донеслось однообразное бряканье гитары. И эти звуки, и серые нависшие над домом облака, черная, прихваченная морозцем колея дороги — от всего этого вдруг повеяло на Сергея скукой. Стало вдруг неуютно и холодно.

«Как ни странно, а воскресенье у меня самый нескладный день, — подумал Сергей. — Именно в этот день мне всегда чего-то недостает. Куда-то хочется пойти, встряхнуться... Варганов побыл и ушел, у него семья, заботы.

У Никопова есть Лизавета, мне хорошо с ними, но хочется совсем другого...» Колотов снова вспомнил Люську и хоть знал, что это уж самая настоящая чепуха, однако непостижимым образом увидел ее рядом, тут, в поселке, на этой узенькой, исхлестанной колесами автомашины улице.

Войдя в дом, Колотов снял шинель, и, пока бабушка Настасья собирала на стол, он, помыв руки, уселся у окна, глядел на улицу, где ему привиделась шагающая рядом Люська. «Чепуха какая!.. Отъявленная чепуха лезет в голову! — возмущался про себя Колотов, издеваясь над своей слабостью. — По старым кладбищам бродишь, старик!..»

— А куда же товарищ ушел? — спросила бабушка Настасья, ставя на стол борщ. — Я думала, вы в магазин зайдете, бутылочку купите. Посидите вдвоем.

— Его дома ждут, — объяснил Колотов. — У него дома жена и сын.

— Понятно, понятно, — закивала бабушка Настасья и вопросительно поглядела на Сергея. — Может, выпьешь рюмочку? У меня есть.

— Нет, нет, — отказался Сергей. — Один, ни к чему. Да у меня еще дела впереди.

— Ну, ладно, ладно. Как знаешь. Наши-то без рюмки в воскресенье не могут, а ты другое дело — военный. — Бабушка Настасья присела на краешек стула. — У меня сын тоже порядка держится. Строгий. А я и рада.

Повторив про сына и про внука все, что Колотов уже знал, бабушка Настасья начала разговор о молодежи, которую сначала бранила — в обтяжку платья и брюки носят; потом хвалила — все законы знают, все порядки и разговаривать с любым начальством могут. Затем перешла к более солидным размышлениям.

— Непоседливая теперича молодежь. — Она произносила слово «молодежь» с ударением на первом слоге. — Чего им хочется — никогда не пойму. Одни едут сюда, другие, наоборот, туда. Вон Галина с Еленой тоже толкуют: на стройку или еще куда бы поехать. Зачем? Мир посмотреть, говорят. Шутка ли, слово какое: мир. Да разве его весь увидишь! Да разве тут у нас не мир, что ли? Нет, говорят, это поселок Лужаны...

Бабушка Настасья, заметив, что ложка у Колотова гуляет по дну тарелки, встала, поспешила на кухню. От-

туда пришла, мелко топоча ногами по половикам, принесла гуляш и компот.

— Все хотят посмотреть чужие края, а кто же тут будет жить? Кто дела делать будет?

— Можно смотреть и дело делать одновременно, — сказал Колотов.

— На месте-то и камушек обрастает, — продолжала бабушка Настасья свою линию. — А перекажи-то поле... Ой, никакого толку. Видывала я и прежде таких. Мир посмотреть! А на самом деле самого себя потешить — побродяжничать.

Потом, когда Колотов съел второе и допил компот, она крикнула:

— Галина! Елена! Вы чего там стихли. А ну идите сюда, с лейтенантом вас познакомлю! Посмотрите, какой у меня лейтенант! Ишь примолкли. Сейчас пойду выволоку.

Бабушка Настасья собрала со стола посуду, засеменила в кухню, и немного погодя оттуда вышли две девушки. Галина, тоненькая, с веснушками на щеках, села на диван и взглянула в упор на Колотова. Что-то притягивало в ее лице, в угловатых движениях. Ее подружка, полненькая, круглолицая Елена, села рядом. Разговор пошел и о чем. Про погоду, про уроки в школе (девчата учились в десятом классе), про книги, про воскресники в колхозе, про поездку в город... Колотов старался поддерживать беседу, причем, как ни странно, он больше обращался к круглолицей Елене, но краем глаза все время посматривал на Галину, которая ему понравилась. И если видел ее взгляд, устремленный на него, то радовался.

Когда толстуха Елена вышла на кухню, чтобы помочь бабушке Насе, Колотов решил проверить свою смелость. Он спросил, глядя на Галину в упор, какое в клубе кино и не пойдет ли она с ним. Девушка ответила без выкрутасов, и это смутило Колотова.

— Сегодня не могу. Мы идем в кино с классом.

— А в другой раз? — спросил Колотов.

— В другой раз пойду, — ответила она.

Колотов замолк. Обычной болтовни не получалось, однако обещание девушки пойти с ним в кино сделало его веселым. Уже в сумерках он проводил их, и около дома, где жила Галина, вдруг вспомнил, что был здесь сегодня

с Варгановым. Дом принадлежал Сизовой, председателю местного колхоза. Значит, Галина — ее дочь.

Потом он слонялся по улицам поселка. Ходил, курил, смотрел на редкие фонари. Иногда вдруг взвивалась веселая песня, ее подхватывали два-три нетвердых голоса. Песня обрывалась, и Колотов останавливался, прислушиваясь, не зазвучит ли она снова. Он думал о бывшем сержанте Пилипчуке, поселившемся здесь, о Варганове, с которым можно говорить обо всем, о десятикласснице Галине Сизовой, с которой сегодня познакомился. Непостижимым образом все эти мысли приводили его снова к Люське, и была в голове путаница, однако Колотов, несмотря на это, чувствовал себя хорошо, и ему было весело бродить в одиночестве по поселку.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Летело время, отсчитывало распределенные по часам дни. Погода стала портиться, и вслед за дождями часто выпадал снег, прикрывая ненадолго грязные выбоины дорог, серые крыши домов и пашню за Лужанами. Во взводе солдаты уже привыкли к Колотову, и казалось, не было перед ним другого командира взвода, прапорщика Иванько, который изредка присылал письма Саруханову и интересовался делами. Сам Колотов тоже привык, многое для него прояснилось, и те солдаты, которые при Иванько ходили в передовых, и сейчас были примером, не роняли марку, а те, кто раньше тянул взвод назад, за ними и теперь приходилось смотреть в оба глаза; хотя случаи неожиданных взлетов, вроде Илюшечкина, горячо обсуждались солдатами, но к этим взлетам пока еще относились с недоверием: «Не факир ли на час?» Возможно, это недоверие и возмутило Илюшечкина до такой степени, что однажды во время перекура он объявил Блинову, имевшему славу первого снайпера во взводе, что на стрельбище он не уступит ему в меткости.

Солдатская жизнь хоть и выглядела внешне однообразной, однако проявлялась в своем внутреннем течении и некоторыми неожиданностями. Рядовой Беляков, которому весной предстояла демобилизация, ровный, на занятиях ничем особо не выделявшийся, если не считать уме-

ния быстро крикнуть «Смирно!» при появлении командира, вдруг начал активничать на собраниях, а на днях подошел к Колотову и стал говорить, что хотел бы после армии, на гражданке, работать в торговле, но чтобы не простым продавцом, а повыше, что для этого ему надо иметь характеристику или рекомендацию, потому что в торговле людей проверяют. Он спрашивал Колотова, куда обратиться ему, чтобы получить такую рекомендацию, но Колотов не знал, лишь смотрел удивленно в улыбочивое лицо Беякова, на его тугую шею и широкую грудь, на которой поблескивал начищенный значок ГТО. Было решено, что он поговорит по этому поводу с замполитом.

Следующий, кто также удивил Колотова, — это Гаврилов. Ну, футболист, болтун — про это давно знали. Находило, правда, иногда на Гаврилова: вырывался, показывал класс и даже не кланчил увольнительную за свершенное. Солдаты говорили: «Заводной мужик. Если захочет — черта сломает!» Действительно, если Гаврилов чувствовал, что весь взвод на него смотрит, — тут держись, тут такой темп взвинчивался, что куда там нормативы, и уж, конечно, не всякий мог поспеть за ним.

На перекурах Гаврилов разглагольствовал, что он, как только выйдет приказ наркома, ни часу не задержится — шапку в оханку и на поезд до дому, где его ждет не дождется тренер и футбольный мяч.

И вдруг Колотов получает письмо от матери Гаврилова, где она просит воздействовать на сына, так как он, «не знаю, от какой дурости или от большого очень ума, не хочет возвращаться в родной город, потому что здесь его заставят играть в футбол и наступит прежняя жисть, которой он не желает, и я тоже не желаю. Но как же это — не возвращаться домой, где его ждут родители? На завод можно устроиться на любой, а не туда, где его формально считали слесарем пятого разряда и где он только бегал по полю с мячом. Единственный сын — и теперь такая вещь получается, что мне с отцом надо думать о переезде. Пусть уж тогда мяч свой гоняет, может, само собой прекратится эта игра и попадет к настоящему делу...».

Это письмо Колотов перечитывал несколько раз, но не знал, как подступиться к Гаврилову. Наблюдал за ним, расспрашивал, надеясь, что тот сам раскроется, да нет. Гаврилов будто воды в рот набрал — про футбол, про

«ЦСКА», где не везет на тренеров, пел, точно соловей. Но про свои затаенные мысли — ни одного слова, никакого намека; Колотов решил, что тут нужна постепенность, и написал матери Гаврилова, что он постарается выведать у ее сына, какие у него планы и что он собирается делать после демобилизации. Что нужна осторожность, так как с маху можно лишь все испортить. В самом же конце приписал, сказав, что в принципе у ее сына правильные мысли насчет жизни и настоящей работы.

Письмо ушло неделю назад. Колотов уже не вспоминал о нем, потому что каждый день накатывали какие-нибудь срочные дела, время летело, то проверка, то занятия, то дежурство по полку, в кино с Галиной и то не мог вырваться. В общем, закрутился — не продохнуть, хотя пишут и спускают из штабов разные приказы о необходимости упорядочения рабочего времени у офицеров. Ну действительно, надо упорядочить, надо научиться планировать время! Много чего надо, да не всегда получается, и остаются зачастую такие приказы невыполненными.

* * *

Взвод Колотова ожидал своей очереди на стрельбу. Где-то впереди, в серой пелене сырости, летящей сверху, короткими очередями били автоматы. Солдаты, поеживаясь, щурили глаза, косо глядели то вверх, на низко стелющиеся тучи, то в сторону выстрелов. Чуть поодаль маячила в такой же сплошной измороси, как и все поле, наблюдательная вышка.

— Чертова погода! — выругался Блинов, оттирая щеку ладонью.

— Как в такую погоду стрелять? — поддержал его без обычных шуточек Лавриненко.

— Скажут — и будешь, — ответил Блинов хмуро.

Настроение явно было не из радужных. Особенно после того, как узнали, что во взводе Жернакова отделение, стрелявшее первым, едва вырвало троечку. Жернаков просил разрешения повторить стрельбы, но исполняющий обязанности ротного командира Варганов не согласился. Передавали, будто Варганов при этом сказал: «На фронте ваше отделение было бы уничтожено».

Далеко, за туманным горбиком горизонта, чернел лес. Временами, когда дождь усиливался, казалось, будто лес

уплывает вдаль, холмы на поле, с установленным проводочным заграждением, с комьями желтевшей глины около окопа, едва прорисовывались.

Колотов позвал Саруханова.

— Первым стреляю я, — буднично произнес он.

— Понятно, товарищ лейтенант, — ответил Саруханов.

— Потом вы.

— Есть.

— Потом сержант Гусев...

По настилу, отделяющему стрельбище, шагал Варганов. Подойдя к солдатам и щурясь, он сказал громко:

— Какова погода! Сыплет и сыплет...

— А что нам погода? — ответил важно Гаврилов. — Чем погода хуже, тем нам лучше, товарищ старший лейтенант.

— Правильно! — улыбнулся Варганов. — В самую точку ваши слова. Солдату во время войны в такую погоду только и решать сложные задачи...

Варганов посмотрел долгим взглядом на Гаврилова, на солдат: «Надо убедить людей, что задача, которая перед ними стоит, самая обыкновенная, что погода хоть и не сахар, но вполне терпима, поправку на ветер, конечно, придется сделать, внимания прибавить, вот и все».

Он еще раз поглядел вокруг и, увидев Илюшечкина, спросил:

— Автомат у вас в порядке?

— В порядке, товарищ старший лейтенант, — ответил Илюшечкин.

— Дайте-ка!

Вскоре разнеслось: замполит будет стрелять вместе с ними. И тут же со всех сторон слышались предложения:

— Товарищ старший лейтенант, возьмите мой! Бьет отлично.

— У меня тоже пристрелян!

— Мой никаких поправок не требует — подводи мушку!..

Варганов улыбался, но оставил у себя автомат Илюшечкина.

— Нет, нет, этот мне больше всех понравился!

Илюшечкин, стоявший рядом, даже покраснел: ну как же, замполит про его личное оружие так отзывался!

Неизвестно, сколько тогда прошло времени: пять минут, десять, стояли, курили, говорили о погоде, о приемах стрельбы из автомата, о разных досадных помехах... Ничего особенного не случилось, однако воодушевление охватило солдат. Воодушевление и азарт. Подумаешь, погода! В хорошую погоду отстреляться сумеет каждый! А ты попробуй в плохую! Докажи, что способен. Что не зря учили. Вот она, задачка-то!

Каждому хотелось выполнить стрельбы на «отлично». Каждый боялся ударить лицом в грязь. И самому Колотову тоже не хотелось ударить лицом в грязь перед Варгановым. Он внимательно осмотрел свой автомат, и тут же разнеслась команда руководителя стрельб. Варганов и Колотов вышли на огневой рубеж...

* * *

«Ну вот, — подумал Колотов. — Теперь не зевай».

Он еще раз посмотрел на ров, на поле, изрытое окопами, стиснул руку, ощущая в ней тяжесть оружия, и пошел быстро вперед.

«Спокойствие и внимание!» — скомандовал он себе и покосился направо, где был Варганов. Тут же за пригорком гулко разнесся выстрел пушки, Колотов вздрогнул от неожиданности и выругался. «Спокойствие и внимание!» — снова приказал он себе, переводя автомат в боевое положение.

Серая изморось висла над полем, но все же тут, на поле, было светлее. Маячил вдалеке макет танка, виднелись сбоку проволочные заграждения. Краем глаза Колотов видел, как упруго, чуть согнувшись, шагает Варганов.

«Есть... Справа!»

Тишину разорвала короткая очередь. Колотов сделал неуловимое в быстроте движение, нажал на спусковой крючок. Упала мишень слева. Теперь вперед. Не больше двадцати шагов отделяло его от следующего рубежа. Ноги скользили. «Броском надо, броском!» — учил себя Колотов, завидуя сноровистому бегу замполита. И тут же, держа автомат на весу, упал, приготовившись к поражению цели лежа. Замер на секунду, подводя прорезь и мушку под центр, выстрелил — мишень скрылась. Справа прозвучали выстрелы Варганова...

Снова вперед. Вот и траншея. Колотов прыгнул в нее и выставил автомат, облокотившись на холодную сырую землю бруствера. Прошла секунда-другая. Мгновенно возникла мишень, начала движение. «Поправку на ветер,—подумал машинально Колотов,—поправку на ветер...» Оглушенный собственным выстрелом, он поглядел вправо. Варганов уже закончил стрельбу, стоял около окопа и ждал.

Разрядили автоматы.

— У тебя порядок?

— Кажется, порядок.

Потом, когда Колотов останется один, он еще не раз вспомнит эти стрельбы. Вот чем берет Варганов! Вот за что его любят! Знает солдатскую науку. Все может. Все умеет: вырыть и замаскировать окоп, свернуть скатку, надеть в считанные секунды противогаз, стрелять из гранатомета, крутить на турнике «солнце»...

— Нормальная видимость, ребята, — крикнул Варганов. — Только суетиться не надо... И на ветерок небольшую прикидку. Поняли?

«Я все же волновался, — думал про себя Колотов. — Первые стрельбы. Ну, как бы промазал?! Глаз тогда не кажи».

— Лейтенант с первых выстрелов, — донесся чей-то голос.

— Эй, Илюшечкин! На автомат теперь не жалуйся!

— Давай меняться, Илюшечкин!

А на огневой рубеж выходила новая пара: Саруханов и Гусев. Вот они двинулись вперед, вот донеслись первые очереди, вот побежали. Отсюда, из-за рва, впечатление такое, будто Саруханов с Гусевым бегают друг с другом наперегонки. Колотов, замерев, следил пристально за ними: «Спокойней, ребята, спокойней!» Появилась поясная зеленая мишень — и тут же сухой треск очередей. Колотов поднял голову, посмотрел на иссиня-темные тучи, перекатывающиеся в небе. Как бы не повалил снег! Лица у солдат, стоявших рядом, были напряженно-серьезными. Всем очень хотелось выполнить задачу хорошо. Скворцов, возможно, уже слагал новые стихи. Лицо Беякова было насуплено, он беспокоился и надеялся на удачу; может, про себя уже репетировал, как по-молодецки доложит командиру о том, что рядовой Беяков все мишени поразил с первых выстрелов...

«Тра-та-та... — сухо простучало с одной стороны поля, и через долю секунды, уже в другом месте, такой же хищно-непреклонный стук: — Тра-та-та...»

* * *

Со стрельбища возвращались перед обедом.

В военном городке слезли с машин — до казармы оставалось метров триста; дали строевой шаг и песню — земля вокруг заходила. Вот тут и нахлынули на Колотова воспоминания.

Училище вспомнилось. Взвод учебный, в котором ребята были как на подбор. Николай Иванович Кривенко вспомнился. Вот где ходили, так ходили. Локоть к локтю, нога к ноге. Не ходили, а печатали. Плыли, будто по воздуху.

— Левое плечо вперед. Пря-а-мо!

Конечно, мотострелковому взводу пока далековато до курсантского. Ну да не в этом дело! Главное — воодушевление, радость, выплеснувшаяся даже в том, как солдаты идут, в песне, которая сама собой напросилась.

Забота у нас простая,
Забота наша такая...

Это ведет низким голосом Гусев. И взвод подхватывает, оглушая металлическим звоном:

Жила бы страна родная —
И нету других забот.

Пауза несколько мгновений — и отчетливая сухая чеканка каблуков.

А потом снова хор выводит:

И снег, и ветер,
И звезд ночной полет...
Меня мое сердце
В тревожную даль зовет...

Особое чувство испытывал всякий раз Колотов, когда шагал в строю и пел эту давнишнюю песню. Щиплющая изморось ударяла в лицо, холодный ветер покалывал щеки. А они пели, печатая шаг, шли через военный городок и пели:

Забота у нас простая,
Забота наша такая:
Жила бы страна родная —
И нету других забот...

Хорошо возвращаться в казарму с победой. Будто не идешь, а летишь. Колотов пел, шагая сбоку, и молодецки поглядывал на своих орлов, которые сегодня не оплошали.

Строй повернул влево, обходя сквер. И тут же Колотов крикнул, чтоб отставили песню, побежал вперед. Полковник Ключев шел навстречу.

Почему всякий раз, когда он видел Ключева, его охватывало какое-то волнение? Колотов не мог бы толком ответить, почему так происходит. Потому, может, что он видел перед собой человека, который командует огромной массой людей и техники, именуемой мотострелковым полком. Потому, что он — Герой Советского Союза. Потому, что такой спокойный внешне и умеет сдерживать в себе самые сокровенные чувства. Да мало ли почему испытываешь мальчишескую нежность к человеку, который является твоим командиром полка!

Колотов доложил полковнику, куда и откуда следует взвод.

— Отстрелялись хорошо? — спросил Ключев, выслушав Колотова, и пожал ему руку. — Молодцы! Благодарю, товарищи, за службу!

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

«Лужаны, 26 ноября

Добрый день, Николай Иванович!

Вот написал «Добрый день», а за окном ночь. Машинально рука вывела.

Я часто в последнее время вспоминаю тот вечер в училище, на котором шел разговор о призвании. Верно тогда говорили: отдашь какому-нибудь делу частицу себя — вот оно и близко тебе, ты уже с ним связан.

В моем взводе служит старший сержант — я писал вам. Почти два года учился в институте, ушел, призвали в армию. Сейчас у меня заместителем. Очень хороший парень. Его на днях принимали в партию, и я узнал многое. В общем, на мой взгляд, у него отчетливо выраженное призвание быть военным, быть командиром. Видели бы вы, Николай Иванович, как он проводит занятия, как разговаривает с людьми. Умница, как сказал бы наш ге-

нерал. Но со мной несколько замкнут, хотя не могу пожаловаться, ровен и вполне дружелюбен. Много читает, увлекается тактикой. Я уверен, что он должен пойти в военное училище, и считаю, что самое подходящее для него будет наше — общевойсковое. Собираюсь поговорить с ним по душам и не выберу момента. Гордый парень — изо всех сил старается делать так, чтобы все было без сучка без задоринки. А мне, наоборот, хочется, чтобы у него были маленькие сучки и задоринки, чтобы обратился ко мне за помощью. Вот ведь какая ситуация! Даже самому смешно. Завидно, Николай Иванович, когда люди к кому-то тянутся, с кем-то стремятся поделиться. Вон замполит Варганов — я уже рассказывал про него, — к нему солдаты запросто и обо всем. Извините, Николай Иванович, за бессистемное письмо. Спасибо за чертежи. Прицельный станок такой конструкции сделать, конечно, легче. Я говорил с нашими, решили испытать.

Привет всем в училище, а особенно нашему генералу. Благодарю за память.

Ваш Сергей Колотов.

Читать мне за последнее время удастся мало. Очень много приходится заниматься со взводом. Однако книжку, про которую вы писали, я прочту обязательно. Вот бы только разгрузиться с делами».

* * *

«Дорогой мой лейтенант! Здравствуй, сынок!

Спасибо тебе за письмо. Я рада, что у тебя все хорошо, а насчет моих зимних каникул — ты же знаешь, как проходят у педагога каникулы. Но я загорелась твоим предложением и, может, добьюсь отпуска, приеду.

Ты пишешь, что у вашего командира полка погиб сын, летчик. Какое горе! Читала и думала: а матери-то каково, каково матери пережить такое?! Вдруг представила: и ты мог оказаться в подобной ситуации! Мне стало страшно. Очень страшно! Береги себя, Сережа! Береги себя и помни, что ты у меня один.

Праздники прошли обыкновенно. Заходили мои приятельницы, наши учителя, ты их знаешь: Светлана Васильевна и Мария Николаевна. У обеих сыновья служат действительную. Интересовались: не очень ли суровая дис-

циплина в армии? Беспокоятся за сыновей. А я же знаю этих ребят и думаю, что дисциплина им пойдет только на пользу. Они считают, что быть офицером легко. Попробовали бы, какая это легкость — другими командовать! Вот только никак не могу представить, как ты командуешь.

Приходили ко мне папины однополчане, знакомые еще по фронту. Один из них уже генерал. Свалились как снег на голову. Я говорю: хоть бы предупредили. А они смеются: предупредишь — будете готовиться, а мы хотим за просто. О тебе много говорили. Хорошие люди, душевные. Ходили на могилу отца, постояли, всплакнули. Уходят ветераны, все меньше и меньше их остается. Очень мне недоставало в тот день тебя, Сережа. Так бы хотелось жить поближе. Ну да ладно об этом, знаю сама, что дело военное, куда пошлют, там и живи.

Твой Саруханов мне очень понравился. Я его так и представляю: смуглый, худощавый, умный и гордый. Вот бы приехали оба в гости! Илюшечкина тоже представляю. Маменькин сынок, таких в школе сейчас очень много, навалом, как ребята выражаются. Скворцов твой просто прелесть, стихи любит и пишет, может, станет поэтом. Видишь, как я твоих подчиненных знаю! Пиши мне и дальше про них и вообще про все, что тебя волнует. Бабушке Насте передавай от меня поклон.

Да, маленькая просьба к тебе, Сережа! Петр Никанорыч наш уходит на пенсию, пятьдесят лет в школе, здоровье стало сдавать, а какой добрый человек, сколько он хорошего отдал людям! Может, напишешь ему, ты у него учился. Старiku будет приятно.

Послала тебе посылкой теплые вещи, потому что у нас сейчас холода, каких уж давно не было. А у вас, наверно, еще холоднее. Смотри не застудись.

Любящая тебя мама. 24 ноября».

* * *

За успехи в боевой и политической подготовке объявить благодарность:

Старшему сержанту Саруханову М. Т.

Сержанту Гусеву К. И.

Сержанту Аникееву Ф. В.

Рядовому Блинову А. И.

Рядовому Лавриненко П. К.

Рядовому Скворцову И. В.

(Из приказа по мотострелковому батальону).

* * *

Развод на занятия — и длинный стол в классе. Схемы на стенах. Ряды узеньких столиков, черная доска — почти так же, как в студенческой аудитории. Колотов принимал у солдат зачеты по материальной части. Тускло поблескивала вороненая сталь ручного пулемета, лежавшего на столе.

— Расскажите о порядке смазки пулемета.

У стола Илюшечкин. Торопясь, начал говорить. Смущен, поправил ремень на гимнастерке.

— Не спешите, — остановил его Колотов. — Давайте по порядку. С чего начнете?

— Сначала нужно разобрать пулемет, — сказал Илюшечкин.

— Правильно. Начинайте.

Глухо позвякивала вороненая сталь. У Илюшечкина что-то не получается. Пот выступил у него на лбу. Безуспешно попытался отделить какую-то часть в казеннике. Ничего не выходит. В классе разносится шорох. Скворцов пригнулся над столом, приложил ладони к губам — шепчет, что и как надо сделать.

Колотов метнул строгий взгляд на Скворцова.

— Спокойнее, Илюшечкин! Попробуйте еще раз. Вспомните, как вас учили, — сказал командир взвода.

На лице у Саруханова откровенное раздражение. Ну чего он крутит его, ведь так просто все! Прекрасное, безотказно действующее оружие... Саруханову тошно глядеть на манипуляции Илюшечкина: разве можно так обращаться с пулеметом? Он в негодовании отвернулся, чтобы не видеть копающегося у стола Илюшечкина, поднял глаза на схемы, висевшие на стене...

И откуда, из какой глубины выплыл в памяти давний студенческий эпизод?.. Доцент читает лекцию по математическому анализу — узкогрудый, прихрамывающий, с перекошенными плечами. Говорили, что докторская диссертация у него — новое слово в науке.

В День Победы доцент явился в институт с наградами. Их у него было немного: орден Красного Знамени и ме-

даль «За взятие Берлина». Странно было видеть на хилом человеке в штатском эти награды, как-то не вязались они с представлениями, которые создал о себе всегда тихий, скромный и внешне тщедушный человек. За три минуты до окончания лекции кто-то из первокурсников спросил:

— Иван Игнатьевич, а кем вы воевали на фронте?

В серых, окруженных дряблыми морщинами глазах старого преподавателя что-то сверкнуло.

— Я был пулеметчиком, — ответил он.

Был пулеметчиком. Легендарное, овеянное славой оружие. Человек, сказавший новое слово в науке, был на фронте пулеметчиком. Саруханову показалось, что тут очень тесная связь: пулеметчик — первая ступень в восхождении Ивана Игнатьевича в науку. Пулеметчик не мог стать никем иным, как человеком, сказавшим новое слово...

— Еще разок повторите, Илюшечкин, — попросил Колотов.

Саруханов перевел взгляд от схем к столу, на котором лежал, мерцая холодной сталью, ручной пулемет. «Терпеливый, однако, у нас лейтенант», — подумал он.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Зима пришла, но не могла устояться: снег лежал на полях, и вдруг дули южные ветры и солнце светило, как в апреле. Слякоть днем, раскисшие дороги, а к вечеру и в ночь — серпастый месяц и мороз с порхающими в луче прожектора снежинками.

В холодном ночном воздухе гулко и настораживающе прозвучит команда. Звякнет оружие, разнесется размеренная поступь — на дальний объект прошла очередная караульная смена.

В эту ночь Илюшечкин долго не мог заснуть. Он ворочался на кровати с боку на бок, потом лег на спину и лежал, закинув руки за голову и уставившись глазами в чуть светящийся во мраке потолок. Вспоминались обрывки каких-то разговоров, возникало перед глазами холмистое поле стрельбища, бессвязные мысли уносили его то

в класс, то в далекий город, где он жил до армии, то в казарму, знакомую ему, кажется, каждым своим уголком. Не спалось. И вчера, и позавчера не спалось. С того самого дня, когда он вдруг почувствовал, что стал другим, когда понял, что прежнего Илюшечкина больше не существует. Это открытие, тревожное и счастливое само по себе, не давало ему заснуть и сейчас, потому что наполняло постоянным ожиданием, ему все казалось, что вот сейчас, сию минуту перед ним откроется нечто такое, что в корне изменит его жизнь, и ждал, прислушиваясь к шорохам и шагам в коридоре, и вглядывался напряженно в слабо проступающие, зашторенные окна.

Перед глазами его снова возникло холмистое поле стрельбища, которое сейчас как бы чуть светилось, и он вспоминал себя в тот момент, когда докладывал о выполнении задачи. С дрожью, с досадой он подумал, что все могло произойти гораздо раньше, с первых дней службы. Все его существо сейчас негодовало, протестовало против собственной инертности. Ему вспомнились радостные глаза Колотова, он видел улыбающееся лицо Блинова, которого конечно же не удалось обойти на стрельбах, но каким уважением засветились их глаза! И почему же раньше он был лишен этого света? Не понимал? Как можно было не понимать простой истины: они — твои товарищи, они рады твоему успеху больше, чем ты!

Давно-давно, в раннем детстве, он тяжело заболел и целый месяц пролежал в постели. Но однажды утром (он хорошо запомнил это утро) пришло выздоровление. Он тогда испытал огромное чувство радости, будто снова родился на свет. Она, эта радость, была теперь иной, чем тогда, но чем-то и напоминала прежнюю.

Уставив глаза в потолок, Илюшечкин стал думать о Колотове, Блинове, затем об отце с матерью. Он — единственный сын у родителей; он привык к всевозможным поблажкам, потачкам; его с детства избавляли от всего трудного, неприятного. В школе мать предупреждала учителей: «Петя перенес в детстве опасную болезнь!», «Пете нельзя то!», «Пете нельзя это!» Об армии не шло даже и речи, когда он провалил экзамены в институт. «Какая армия, Петя же так болел в детстве!» И вдруг его вызвали в военкомат, осмотрели и признали годным для строевой службы. Пришлось тогда матери побегать, она надеялась «вырвать» Петю, куда-то писала, к кому-то ходила, но

хлопоты ее окончились эшелонам, в который серым майским утром погрузился вместе с другими новобранцами Илюшечкин.

В полку ему, конечно, не понравилось, особенно в первые недели. Но деваться некуда. Мать забросала посылками — вот бы теперь ее сюда, посмотрела бы на него. И тут же Илюшечкин вспомнил занятие по огневой подготовке — повозился с ним лейтенант, даже стыдно делается, как подумаешь. А Саруханов на него смотрел так, будто он, Илюшечкин, лично обидел его... Лейтенант Колотов очень хороший человек. Гонял его по материальной части на уроке минут двадцать, но без крика, без ехидных словечек. К следующим занятиям он кровь из носу, а пулемет будет знать не хуже Саруханова. Это точно! Он сделает все, он добьется! Все увидят, что с Илюшечкиным можно идти в разведку. Правда, попотеть придется, потому что раньше ушами хлопал. И кому только в роте не известно, что он ушами хлопал? Всем известно. А вот лейтенант отпустил его в увольнение на завтра, хотя ему тоже все известно. Хороший человек командир взвода. Для такого человека все бы сделал... Матери надо написать. Вот ахнет. Ей все кажется, Петя слабенький, у Пети здоровье, а он на стрельбище вышел — и пожалуйста: четверка. Но если бы раньше начал кумекать, мог бы и пятерку. Илюшечкин представил, как бы тогда на него посмотрели ребята, что бы сказал замполит. Полетела бы из взвода «молния»: «Следуйте примеру рядового Илюшечкина!», «Учитесь стрелять так, как стреляет рядовой Илюшечкин!».

С этими мальчишескими мыслями Илюшечкин еще по-вздыхал, поворочался с боку на бок и заснул, накрепко уверенный, что вскорости произойдет все именно так, как он представил, и снились ему мать и отец, и родной дом, и все то, что снится молодому солдату в первые месяцы службы вдали от родимых стен.

* * *

Утром — так было заведено по воскресным дням — роты завтракали позже обычного. Сразу после завтрака Илюшечкин стал собираться. Собирался он не спеша: чистился, гладился, прихорашивался. Потом, когда привел себя в порядок, посидел немного в ленинской комнате, по-

смотрел, чем закончится партия в шахматы между Блиновым и Лавриненко, посмеялся вместе с товарищами над незадачливостью побежденного Лавриненко, затем пошел одеваться.

Одевался тоже тщательно. Ремень застегнул на предпоследнюю дырочку, оправил шинель, чтоб ни единой складочки, помял шапку, приладил на голову чуть боком, на левую бровь. И бодрой походкой, любуясь блеском собственных сапог, направился к контрольно-пропускному пункту. Теперь не боязно, если командир полка или замполит встретится на пути. Бывал в наряде Илюшечкин, видел: в воскресенье Ключев или Зеленцов прохаживаются возле шоссе, наблюдают за солдатами, отправившимися в увольнение.

Ни Ключева, ни Зеленцова около КПП не было, и Илюшечкин пошагал в сторону поселка спокойнее. Солнце на небе разгулялось, хотя ветер был холодный, резкий. Земля, припущенная снежком, гулко постукивала под каблуками.

Свое пребывание в Лужанах Илюшечкин распланировал еще в казарме. Прежде всего почта. А более конкретно — телефонный узел. Официальный повод для посещения (вдруг старшина спросит) — заказать телефонный разговор с Москвой. Пообщаться с дорогими родителями. А неофициальный (про это ни слова) — повидать Марину Светову, телефонистку.

Почта в поселке помещалась в бревенчатом здании с высоким крыльцом. Чувствуя будоражащий холодок в груди, Илюшечкин вбежал по ступенькам, открыл дверь. За дощатым барьером у коммутатора сидела незнакомая девица в белой, по-старушечьи повязанной косынке. Илюшечкин даже охнул от досады. Ну, беда! Ну, не повезет, так не повезет! Хотя с Мариной у него ничего такого не было. Приходил раза два, еще до учений, заказывал телефонный разговор. Несколько слов удалось сказать, что-то вроде: «Как работает линия? Долго ли придется ждать?» Вот и все.

Однако сегодня он собирался действовать иначе. Вначале заказывает телефонный разговор, ждет скромно очереди, потом беседа с родителями, слова благодарности Марине («Ах, прекрасная слышимость! Москва шлет привет!»), то да се, глядишь, рабочий день у Марины пойдет к концу, расскажет какую-нибудь байку, а там, может, в

поселковый клуб, в кино, пригласит, может, просто до дому проводит.

Пригласил! Проводил! Такая досада охватила Илюшечкина, что он готов был повернуться и уйти. Но пристальный и, как показалось Илюшечкину, несколько подозрительный взгляд телефонистки остановил его. Спросил насчет разговора с Москвой. Она скрипучим голосом (можно представить, как такой голос звучит по проводам) ответила, что придется ждать, и если до прихода сюда Илюшечкин всю свою тактику строил на долгих часах ожидания, то теперь ему было ни к чему это, теперь ему было впору отказаться от разговора.

Илюшечкин, конечно, не отказался. Разговор с родителями его тоже интересовал. Вздохнув, он присел на деревянный диван в углу, перед которым стоял заляпанный чернилами и клеем стол (во всех почтовых отделениях можно встретить такие столы), расстегнул крючок у шинели, стал слушать, как телефонистка просила у кого-то в областном городе, чтобы ей дали побыстрее линию на Москву.

Она повернулась в его сторону:

— Придется подождать!

— Хорошо, — сказал Илюшечкин.

Она показалась ему теперь не такой сердитой, как в первое мгновение. Старушечий платок, наверно, придавал ее лицу сердитое выражение.

— А где же Марина? — будничным голосом спросил Илюшечкин после небольшой паузы.

Телефонистка писала что-то у себя на столе.

— Марина уехала.

— Как уехала! Куда?

Она продолжала писать, не подняла головы. Потом усмехнулась.

— Всех Марина интересуется! Куда уехала? С кем уехала? Почему уехала?

Усмешка ее задела Илюшечкина.

— Я, между прочим, без всякого умысла, — сказал он, пахмурясь. — Не хотите говорить — не надо. Даже странно слышать, будто секрет какой...

— Никакого секрета нет, — прервала его телефонистка и насмешливо повела бровью. — Просто отвечать надоело. А Марина уехала. Насовсем уехала. Из вашего же городка сержант демобилизовался недавно. Увез с собой.

Илюшечкину показалось, что он краснеет. Но тут же он взял себя в руки. Чего ему Марина эта далась? Встречи какие были? Нет. Ухаживал? Нет. Ничего такого не было. Посидел раза два вот тут на диване в ожидании телефонного разговора — и все. А у нее, оказывается, парень был. Интересная могла быть ситуация, если бы Марина сегодня оказалась на месте.

Он сделал серьезное лицо и постарался перевести разговор на другую тему.

— Часа полтора придется ждать? Или побольше?

— Обещали дать линию побыстрее, а как там получится — не знаю, — сказала она задумчиво.

В голове у нее, видимо, бродили совсем другие мысли, потому что, помолчав с минуту и быстро взглянув на него исподлобья, она сказала:

— В нашем поселке много хороших девчат. Есть и кроме Марины. Очень хорошие девчата.

Илюшечкин покивал головой:

— Я не сомневаюсь. Конечно есть.

— Тут до вас тоже приходил один солдат. Спрашивал.

— Марину?!

— Ну.

Замигала зеленая лампочка на коммутаторе. Телефонистка подняла трубку, показала глазами Илюшечкину на кабину. В городе не обманули, дали линию быстро.

— Але,— кричал он в микрофон, слыша далекий, приглушенный голос матери. — Мама, это я. Я тебя хорошо слышу. У меня порядок. Нет, не мерзну. Да не беспокойся ты, в самом деле. Гуляю сейчас. Да, в увольнении. Куда? Да тут, в поселке. В клуб собираюсь, может, еще куда. Как отец? К тете Маше ушел? Ладно. Никаких мне гостинцев не надо. Носки пришлете? Ладно. Ладно, говорю... Привет передавай всем! Пока...

Щелкнуло. Илюшечкин подержал некоторое время трубку около уха, как бы ожидая, не возникнет ли в ней снова голос матери. В трубке попискивало, слышались какие-то шорохи, доносились обрывки чьих-то далеких разговоров. Потом снова щелкнуло — и наступила полная тишина.

Илюшечкин вышел из кабины, поблагодарил.

Когда он уже был в дверях, телефонистка сказала:

— В клубе сегодня кино. Итальянское...

— А как название?

— Не помню. Говорят, интересное. А после танцы.

До кино и до танцев у него была уйма времени. Он не знал, куда это время потратить. Посмотрел вправо-влево и двинулся без всякой цели по улице поселка. На углу остановился, прикинул кое-что в уме и рассеянной походкой побрел в чайную.

Он понимал, что в чайной знакомых не увидит. Так уж складывалось у него: служит здесь с весны, а знакомых не завел. С утра до вечера в городке. В первое время бывал в увольнении раза два-три, а дальше — зажали. Вишнить некого. Вместо увольнительных наряды посыпались...

В чайной народу было мало — человек шесть.

Но это как раз и понравилось Илюшечкину. Уютно, тепло. Играла «Ригонда». На столиках бумажные салфетки в стаканчиках, цветастая портьера над дверьми. За буфетом, уставленным бутылками и консервными банками, буфетчица в белом фартуке.

Илюшечкин, раздевшись, заказал яичницу, шпроты и две бутылки пива. Уселся за столиком около окна, чтобы хорошо видеть улицу, солнце как раз сюда светило, налил в стакан пива и, вооружившись вилкой, стал закусывать.

Хорошо, черт возьми, сидеть за столиком, потягивать пиво и глядеть в окно! Какой-то старый-престарый вальс крутит «Ригонда», под вальс этот не танцевать, а именно сидеть хочется. Илюшечкин усмехнулся: «С кем же это, интересно, Марина уехала?» Марина, телефонистка, ему нравилась. Он стал перебирать знакомых сержантов, но вдруг вспомнил, что демобилизованные уезжали в мае — июне, а он тогда только что прибыл в полк и никого не знал. Может, этот сержант с июня месяца жил тут, в поселке, а теперь уехал к себе домой и Марину увез. Разные варианты выстраивались в голове Илюшечкина в связи с женитьбой сержанта на Марине. Илюшечкин и сам не мог бы сказать, почему это занимало его сейчас. Увез — ну и что! Пусть будут счастливы! Видно, Марина ему здорово приглянулась тогда. Наверно, этим объясняются его мысли.

Вальс на «Ригонде» замедлил темп, трубы протяжно спели последние ноты. Но буфетчица была начеку, тотчас же подошла, перевернула пластинку. Сильный, с хрипотцой голос (может, пластинка старая) завел песню про

рушничок. Илюшечкин наполнил стакан и выпил залпом.

— И в дорогу меня... Ты в дорогу меня провожала... — пел баритон под аккомпанемент скрипок.

Илюшечкин уставился в окно. Подкатывала к сердцу какая-то волна, щемила, увлекающая в неизвестную, незнакомую даль. Однако без горечи, без раздражающего недовольства.

В сущности, в чем заключается радость жизни? Пришел в чайную, сидит за столиком, глядит в окно?.. Нет, нет. Радость не в этом. Это как следствие, как результат. Радость заключается в том, что все у него хорошо — и в службе, и в остальном. Лейтенант разрешил увольнение, даже не спросив, куда он собирается пойти и зачем. Надо — значит, надо! Мировой парень, не теребил... Уважение — отличная штука. Вон буфетчица посмотрела в его сторону, и во взгляде ее тоже уважение: зашел солдат в чайную закусить, музыку послушать.

Уж не для него ли она поставила эту пластинку: «Не плачь, девчонка, пройдут дожди...» Илюшечкину хотелось бы подтянуть, знакомая песня, хорошая, однако он не решился, понимал — не место. И продолжал с тем же добродушно-серьезным выражением на лице ковырять вилкой в тарелке и любоваться в окно улицей, наслаждаясь окружающим теплом и собственным спокойствием.

«Не плачь, девчонка...» Илюшечкин покрутил головой и рассмеялся. Вдруг вспомнилось, как его провожали весной в армию. Мать устроила проводы по первому разряду. Девчонок было навалом, девчонки к нему липли. Но ни одна из них не собиралась ждать его, Илюшечкина. Хорошие девчонки, вместе учились в школе. Целовали его без разбору все по очереди. Потом на сборном пункте толклись часа два — все чин-чинарем. Обещали писать, помнить. И тут же забыли про него. Ни одна не написала. Хорошие девчонки, чего им писать... Да он и не ждал...

— Не плачь, девчонка... — умоляли в «Ригонде» сразу несколько голосов. Илюшечкин допил бутылку, улыбнулся и встал.

Конечно, хорошо бы посидеть и дольше, он с удовольствием бы посидел тут, выпил бы еще пива, может, даже заговорил бы с кем-нибудь из парней, что сгрудились вокруг дальнего стола. Рассказал бы, как у них на учениях — под дождем, ночью... Они, наверно, еще не были, не знают. Или на стрельбище: мишень появится — будто

мигнет. Не успел — отваливай... Многого можно было бы рассказать.

Однако Илюшечкин не стал делать этого. Ни к чему нарушать правила игры. Пришел, посидел, отдохнул — и все. Он — военный человек. В этом, братцы, вся штука! Военный!

Вообще же, сущая нелепость, что у него не завелось здесь знакомства. Служить столько времени — и не познакомиться с девушкой! С красивой девушкой. Бывал тут в клубе. Участвовал в разных мероприятиях. Кидал глазами, да что толку.

Нет, не мастер он насчет девчонок.

Илюшечкин, не теряя того же добродушно-серьезного выражения на лице, расплатился и вышел из чайной.

На улице стало будто еще холодней, хотя светило солнце. Светло-оранжевые блики гуляли по окнам домов.

Он миновал дом с зеленой квадратной вывеской «Детский сад». За заборчиком было настроено много всяких развлечений для ребят. Красный крутящийся барабан, качели, причудливая лесенка, карусель и еще нечто такое, о принадлежности чего Илюшечкин не мог догадаться.

Разнесся стук шагов по утопанному, скованному морозцем тротуару. Илюшечкин обернулся. Ну, вот и компания. К нему приближался ефрейтор Саватеев из первого взвода. Знакомство у Илюшечкина было с ним слабое, но все же он был связан с ним, в одной роте служили.

— Здорово! — приветствовал его Саватеев, рослый, красивый парень с голубыми глазами.

— Здорово! — ответил Илюшечкин.

— Гуляем?

— Гуляем.

— Правильно, — сказал Саватеев, прикрыл ладонями спичку, закурил; глаза его из-под надвинутой до самых бровей шапки вдруг глянули бесшабашно-весело. — К чухихе ходил? С утра пораньше!

Илюшечкин покачал отрицательно головой, лишь сейчас сообразив, что Саватеев изрядно навеселе.

— Не боишься? — спросил тихо Илюшечкин.

Саватеев никого и ничего не боялся.

— Хочешь, пойдем со мной? — сказал он. — У меня тут есть один кадр. Познакомишься!

— Нет, не хочу, — сказал Илюшечкин.

— Может, тогда в чайную?

Илюшечкин сказал, что он только что из чайной. Часа полтора сидел. Похвалил в доказательство пиво.

— Теперь куда?

— Надо в одно место, — ответил Илюшечкин, неизвестно для чего понизив таинственно голос.

— Ну, давай! — Саватеев подмигнул. — Давай жми! — И, толкнув ладонью в плечо, пошагал дальше.

А Илюшечкин двинулся не спеша в противоположном направлении. И когда он достиг конца улочки, Саватеев уже издали крикнул вдогонку:

— Не говори, что меня видел. Понял?

— Ладно, — крикнул Илюшечкин и помахал рукой.

Ему вдруг сделалось скучно. До кино еще долго. Куда идти? Он знал за собой одну мальчишескую слабость: добиваться чего-нибудь, переживать, а потом вдруг отступить. Марина, которую он собирался увидеть, уехала. В самом деле, может, пойти опять в чайную? Там Саватеев треплется. Веселый парень. Только, наверно, неудобно. Да и ни к чему. Шут с ним, с итальянским кино и с танцами. Долго ждать. Илюшечкин повернулся и пошел в конец поселка, где проходила дорога в военный городок.

С морозного неба падал редкий снежок. Ветер переметал его по колеям дороги, завихрял в маленькие смерчи. Штриховал белыми пунктирами лес, крутился, извивался.

В поле ветру было раздолье. И он разворачивался здесь во всю силу.

Илюшечкин нахлобучил поглубже на голову шапку, поднял воротник шинели, шагал бойко по дороге, вдыхая полной грудью морозный воздух. И недавней скуки как не бывало.

Собственно говоря, кто сказал, что его выходной день оказался неудачным? Еще впереди столько времени, а во взводе у него теперь столько друзей!

* * *

Не думал Илюшечкин, что ровно через полчаса ему придется идти той же дорогой обратно в поселок.

Достиг контрольно-пропускного пункта — и обратно.

Да еще не простым шагом, а марафонским, с частыми рывками, как во время атаки. И в пути то и дело подгонял себя окриком: давай, давай, Илюшечкин, жми, торопись!

Еще бы не торопиться — такую штуку отмочил Саватеев. В самовольную отлучку ушел. На контрольно-пропускном пункте знакомый солдат сказал об этом. Илюшечкину тогда сразу стало понятно, почему Саватеев просил никому не говорить о себе. Вот ведь какая история.

В чайной, однако, Саватеева не оказалось. Илюшечкин расспросил буфетчицу, обрисовал ситуацию. Та не сразу откликнулась. «Какой солдат? Что? Почему?» Только когда Илюшечкин, придав лицу свирепое выражение, упомянул про трибунал, заохала: «У Соньки он гостит! Второй дом по соседней улице».

Илюшечкин пулей вылетел из чайной — и на соседнюю улицу.

Вот он, дом, — крыльцо с резным карнизом, окошки, затянутые белым тюлем. На крыльце Илюшечкин постукал ногами, пошаркал, обтирая налипший снег. Саватеев, наверно, в окно увидал его, вышел: в одной рубашке без галстука, по-домашнему, руки в брюки, лицо лоснится.

— Ты что! В самоволке?! Тебя же ищут! — сказал, едва отдышавшись, Илюшечкин.

— Кто ищет? — спокойно спросил Саватеев и сплюнул через перила в снег.

— В роте ищут. Понял? Давай собирайся быстрее.

— Ты погоди! — Саватеев поморщился. — Брось пороть панику. Подожди...

— Да некогда ждать.

Илюшечкин рассказал про то, что услышал на контрольно-пропускном пункте от знакомого солдата. Кажется, обстановка была не из веселых. Но для Саватеева все было трын-трава.

— Ладно, ладно. Не пугай. Ты лучше зайди в дом... Посмотри, какие девки!

— Да ты что?! Или спятил?

— Ничего не спятил, старик. Лучшему взводу — и нельзя, понимаешь, отдохнуть? Как вкалывать, так мы первые! А погулять! — Саватеев вдруг широко и спокойно улыбнулся. — Да не бойся ты, старик! Чего ты дрожишь! Ничего не будет. Давай зайди на минутку!

Он вел себя так, будто ничего страшного не произо-

шло. Подумаешь, самоволка! Илюшечкин даже глазам не верил: не спится ли ему все это? Ведь преступление совершил человек — и такое спокойствие. Уж не пьян ли Саватеев в дым, что не соображает!

И тогда Илюшечкин решился на крайнюю меру.

— Вот что, — лицо у него сделалось белое как мел, — одевайся — и пойдем! Через минуту чтобы был готов!

— Да брось ты!

— Я тебе говорю: собирайся, не теряй времени, иначе худо будет.

— Чего будет?

— Ничего. Иди и одевайся.

Саватеев все же, видимо, решил послушаться. Черт его знает, что выкинет этот малахольный. Можно и загреметь на втором году службы. Стиснув зубы, он двинулся к дверям. Минута, конечно, прошла не одна, а целых пять или даже больше. Наконец вышел из дверей. Не сказав ни слова, шагнул в проулок, злой, отчужденный. Потом вдруг остановился, хмуро поглядел на Илюшечкина, проговорил медленно:

— Ты шлепай. прямиком на КПП. Только запомни: меня ты не видел, а я тебя не видел. Я в обход подамся.

Не удалось Илюшечкину по-настоящему оценить маневр и сообразительность Саватеева: с тыла хотел пропикнуть Саватеев в военный городок. Мимо контрольно-пропускного пункта. Очень хороший был маршрут. Проторенный. Доберется до казармы, а там наврет что-нибудь. Кто видал, кто знал? Не пойманный...

Так могло быть, на это рассчитывал Саватеев. Но произошла осечка.

По проулку навстречу им шагал лейтенант Колотов. Он улыбался, у него было прекрасное, по всем статьям, настроение.

Капли пота выступили на лбу у Илюшечкина: он представил, как изменится лицо лейтенанта, когда тот узнает про самоволку.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Богачев ехал поездом. Можно бы и самолетом, но из-за жены: Вера не переносила высоту.

Поездом, однако, тоже было неплохо. Единственный спутник в купе, черный, как негр, верхолаз-монтажник, возвращавшийся с юга, пропадал часами в соседнем вагоне, где ему подвернулась веселая компания.

Глядя на этого верхолаза, Вера сетовала: едут из отпуска, а по виду не скажешь — не загорели. Муж, правда, не соглашался с ней, потому что не в одном загаре дело. Действительно, румяное лицо Веры было лучшим тому доказательством.

Они три года подряд проводили отпуск на юге: у Игоря врачи находили рыхлость гланд, требовались морские купания. На этот раз Богачев настоял на своем. Потянуло съездить на родину, повидать родителей, тем более что с гландами у Игоря было в порядке.

И что же — съездили. Старики — мать и отец — земли под ногами не чуяли от радости. Время, конечно, попало не из лучших — осень. Но Богачев с отцом на второй день, выпив с утра по стакану крепкого чая, сели в лодку. До обеда тюкали на живца в Пахне (приток Волги). И так потом почти каждый день: на реке. Погода, спасибо, стояла приличная. Игоря тоже приспособили к рыбацкому делу, хотя и без улова часто приходилось возвращаться. Но разве в улове дело? Родные места посмотрел, воздухом детства подышал! И ведь какая сила в родных местах — ни с одним курортом не сравнишь! Будто обновление в организме происходит. А всего и делов-то: речка да старая залатанная отцом лодка, еще плес да покосившийся дом на откосе с тропинкой к воде. Что бы он был без всего этого?!

Поезд мчал, оглушая тишину редким гудком. Мчал среди леса.

Пустынно, безлюдно было вокруг. Богачев смотрел неподвижно в окно. Рядом, прислонив голову к плечу отца, сидел Игорь. Напротив — Вера. Все молчали, сидели в тишине, как обычно сидят в молчании люди в конце большого путешествия.

А поезд набирал скорость, и лес вдоль железнодорожного полотна превращался в сплошную стену. А если тепловоз притормаживал, то стена леса раздвигалась, открывая холмистый луг, и змеилась черной лентой среди луга дорога, будя в душе Богачева смутные воспоминания. Сколько бы не было дорог у него в жизни, но он всегда будет помнить тропинку на косогоре, где стоит родитель-

ский дом! Его будет всегда манить туда, всегда будет стоять перед глазами золотящийся на солнце плес.

Богачев улыбнулся, вспомнив отца и мать. Хорошо, что навестили стариков! Очень хорошо! Он встал и, ухватившись пальцами за шпингалеты, открыл окно. Встречный ветер туго ударил ему в лицо, взъерошил волосы. С морозцем ветер. Богачев рассмеялся, опять что-то вспомнив, и притянул к себе сына.

* * *

По приезде в городок, едва открыв дверь в квартиру и даже не передохнув с дороги, Богачев приступил к разведке. Необходимо разведать обстановку.

Ты еще не командуешь — не доложил о прибытии. Ты еще дома и, так сказать, штатское лицо, но уже присматриваешься, прощупываешь: как тут было без тебя? Чтобы потом, на докладе, быть готовым ко всему — быть в курсе. А как же иначе, какой же ты командир-единоначальник, если не будешь в курсе! Богачев и сам как-то внезапно менялся в эти часы — делался строже, суше, к нему возвращались прежние привычки.

Было уже поздно, но Богачев, пока Вера готовила ужин, послал сына к Роговику, который жил в соседнем подъезде. Пусть старшина заглянет.

Роговик не заставил себя ждать.

— Здравия желаю, товарищ капитан! С приездом. Вас также, Вера Федоровна, поздравляю. С возвращением!

Сели за стол. Разговоры вначале крутились вокруг отпуска: как да что? Роговик особенно нажимал на вопросы. Не успеет Богачев ответить на один, а Роговик уже другой подбрасывает. Как поживают родители? Неужели удалось порыбачить? Что нового в тех краях? Погода как? А дорога как, не утомила? Одним словом, Богачеву пришлось допоздна рассказывать про свое пребывание на родине, со всеми подробностями описывать. Он рассказывал, не ленился, ему это было в удовольствие.

Однако наступил такой момент — обо всем, что касается отпуска, сказано, не упущено ничего, никакая мелочь, — и теперь уже Богачев смотрит вопросительно на Роговика.

— Как дела в роте?

— Все живы-здоровы, Иван Андреич. — Роговик откашлялся, достал платок, долго вытирал лицо. — Взвод Колотова на стрельбах вышел прилично.

— А остальные?

— Остальные? — Роговик пожал плечами. — Да по-разному...

Вера, собрав со стола посуду, ушла на кухню. Игорь смотрел телевизор. Роговик оглянулся на него и выпалил:

— ЧП у нас в роте, Иван Андреич.

— ЧП?! Да ты что?! — не понял Богачев.

— Да, самоволка... В первом взводе.

— Да вы что, товарищи?! Вы что?!

Будто сквозняк прошел по комнате. Богачев, напрягившийся, смотрел в упор на Роговика. Может, думал, ослышался. Или надеялся, что старшина пошутил. Но Роговик никогда не тяготел к розыгрышам. И потом — с командиром роты?.. Нет, нет, значит, верно...

Минуту оба молчали, уставившись глазами в стол.

— Рассказывай по порядку.

Роговик рассказал, как было. Как Саватеев ушел без увольнительной, как его задержали в нетрезвом виде. Богачев хрустнул пальцами, глянул исподлобья на старшину.

— Кто первый обнаружил, что Саватеева нет в расположении роты?

— Варганов.

— А Жернаков где был?

— К Жернакову посылали, но его дома не оказалось.

Богачев потер своей крупной, в рыжеватых волосках, рукой наморщенный лоб.

— В общем, не смогли без происшествий... — Он повернулся и опять посмотрел в упор на Роговика: — Может, еще что-нибудь есть? Говори прямо.

— Нет, Иван Андреич, больше ничего. Про Колотова я сказал, у Никонова тоже благополучно... Да, Саруханова приняли кандидатом в члены партии.

Он стал рассказывать, как прошло партсобрание. Богачев сидел, кивал головой, почти не слушал. Голова у него была занята только одним: ЧП в роте. Будут теперь склонять на всех перекрестках. И что самое обидное — не у кого-нибудь, а у Жернакова в первом взводе, в том самом взводе, которым Богачев гордился, который ставил в пример другим. Мерзавец Саватеев, шкуру с него со-

драть за такое!.. Бабник паршивый! И Жернаков тоже хорош — болтается где-то, а во взводе ЧП!

Они еще посидели с полчасика, поговорили о том о сем — что делается в других ротах, какие новости в штабе, про семейные общие заботы посудачили. Настроение у Богачева было уже не то, как в первые минуты встречи, хотя он всячески и скрывал это, старался держаться спокойно.

— Во взводе Жернакова обстановка, мне кажется...

— А! — махнул резко рукой Богачев, не дослушав. — Будем теперь гадать. Какая обстановка, что да как... Конечно, неладно, если самоволку допустили.

И встал, давая понять, что беседа закончена.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Было около шести часов утра, когда Богачев, одетый в полевую форму, строгий, подтянутый, появился в расположении роты. Дежурный по роте сержант Гусев доложил — Богачев выслушал доклад, его глаза быстро и требовательно окинули пол, стены, потолок и весь коридор.

Он вошел в канцелярию, разделся и через некоторое время вышел оттуда, держа в руках секундомер. Поджав губы, смотрел с минуту в сторону спального помещения первого взвода и, что-то решив про себя, направился в третий взвод. Вскоре прозвучала команда «Подъем!». При ярком электрическом свете солдаты третьего взвода вскакивали с постелей, одевались и были, конечно, удивлены, увидев стоящего в дверях с секундомером в руках командира роты. Времени для обсуждений этого факта не оставалось. Саруханов уже кричал: «Выходи строиться!»

Картина прежняя: Илюшечкин, Беляков опаздывали. Богачев скользнул прищуренным взглядом по их мешковатым фигурам, однако ничего не сказал. Сдержался, хотя все кипело у него внутри.

Он вернулся, шагая прямо и ни на кого не глядя, в канцелярию и там увидел Варганова.

Лицо у замполита было спокойно. Это спокойствие, видимо, и возмутило Богачева. «В роте ЧП, а ему хоть бы что!»

— С приездом, Иван Андреевич! — сказал Варганов. — А я ведь ждал тебя завтра.

У Богачева действительно был день в запасе, но разве усидишь дома, когда в роте такие происшествя?

— Здравия желаю! — Богачев протянул руку. — Говоришь, ждал завтра? — И вдруг скопившееся в нем раздражение прорвалось: — А я так полагаю, что мне не сегодня, а две недели назад требовалось быть здесь. А еще бы вернее, еще бы лучше вовсе никуда не уезжать.

— Это почему же? — улыбнулся Варганов.

— Ты еще спрашиваешь?

— Объясни, Иван Андреевич.

— Не догадываешься?

Улыбка сошла с губ Варганова.

— Догадываюсь, — сказал он. — Только не понимаю, почему такая реакция?

— Очень жаль! — отрезал Богачев. — Я думал, мы друг друга понимаем!

Варганов не ответил. Что говорить с человеком, когда он в запале.

— Неужели другого выхода не было, как только идти и докладывать про Саватеева? — продолжал Богачев. — Неужели нельзя было своими силами?!

— Нельзя, Иван Андреевич, — ответил Варганов спокойно. — Если, конечно, соблюдать устав.

— Про устав я не хуже тебя знаю. Не первый год в армии! — Богачев глянул поверх головы Варганова, сделал несколько шагов по комнате. — Все знаю. Не надо учить меня.

— Тогда в чем же дело? Объясни свою точку зрения.

— А дело в том, — сказал Богачев, повернувшись к Варганову и глядя на него в упор, — что недопустимо, когда один человек марает все подразделение.

— Один человек никогда не замарает, — заметил Варганов, усмехнувшись. — Это только говорят так: один положил пятно на всех. Как же он может положить пятно на тех, кто совершенно ни в чем не виноват? Вот если бы коллектив оставил его проступок без внимания или скрыл его — это было бы пятно...

— Ну, началась философия! — с досадой проговорил Богачев и принялся листать ротный журнал боевой подготовки. Он считал излишним продолжать дальнейший разговор. Не понимает его Варганов. Да еще как повернул —

про устав вспомнил. Будто без него некому об этом напомнить!

За окном брезжил серый день. Не спеша, вразвалку пробивался сквозь мглу рассвет.

Богачев полистал журнал боевой подготовки, ткнул пальцем в одну из граф, покачал задумчиво головой. Показатели за прошедший месяц неплохие. Другие взводы тоже выравниваются. Даже третий взвод. Это успокаивало. Надо лишь не терять темпа. Нажимать, добиваться еще более высоких показателей. Показатели — вот что может смягчить их вину.

— Что еще за рапорт? От кого? — Богачев развернул лист бумаги, лежащий в папке срочных дел.

— Ходатайство лейтенанта Жернакова о краткосрочном отпуске сержанту Гребенюку.

— Какой еще отпуск? Он что, с ума сошел?

— Жернаков говорит, что отпуск был согласован с тобой.

— Мало ли что было раньше. А теперь ЧП. — Богачев мельком пробежал глазами рапорт, свернул и отложил в сторону. — Теперь не до этого. Надо собрать командиров взводов. Дежурный! — крикнул он в дверь. — Позовите дежурного.

* * *

С Жернаковым разговор был один на один.

— Ну что, Жернаков? Рассказывайте.

— Да вы же все знаете.

— Это ответ не командира взвода. Вы обязаны проанализировать случившееся. Обстоятельно. Я читал вашу докладную. Этого недостаточно. Это отписка... У вас было достаточно времени подумать.

Жернаков не привык, чтобы с ним так разговаривали. Раньше все дифирамбы пели: лучший взвод, сплошные отличники!

А Богачев будто подслушал его мысли: стегал по самому больному. Хорошо, что хоть перешел на «ты».

— Ты думал, так просто держать первенство?! Думал, достиг и теперь тебе все нипочем?! Передовой взвод! Юньюкаться, считал, будем, в ладошки хлопать?.. — Раздражение запылало в Богачеве: — Зазнался! Вожжи отпустил. Самоволка в передовом взводе! Думаешь, слу-

чайно?.. А стрельбы? Да я бы на твоём месте со стыда сгорел: двое отличников едва-едва вытянули на тройку. Это как же все получается?! Молчишь! Как прикажешь понимать твоё молчание?

— А что сейчас может изменить разговор? ЧП в моём взводе. Я понимаю... Разговор сейчас ничего не изменит.

— Ну-ну, — поморщился Богачев. — Ты брось эти птучки! Ты детский сад мне не разводи. Командир взвода! У тебя боевая единица, помни. С тебя буду спрашивать... Чтобы с этого часа как по струнке... С сержантами говорил?

— Говорил.

— Ну?

— А что они?

— Что они? — вскипел Богачев. — Сегодня вечером собрать мне сержантов!..

И пошло, закрутилось. Как на инспекторской проверке. Богачев был неутомим. Его высокая плотная фигура была видна в одной стороне коридора и через несколько минут — уже в другой. То он был в классе, а спустя час его уже видели вышагивающим на плацу. Он проверял все: конспекты у офицеров и сержантов, содержание оружия, проверял порядок в солдатских тумбочках, в каптерке, где хранились комплекты защитной одежды... Проверял все, что следует проверять.

И хотя никаких особых упущений обнаружено не было, все же энергия Богачева заразила всех, оживила. Будто некий мотор дополнительно заработал.

Вечером замполит Варганов сказал Богачеву:

— Ну как, командир? Очень устал?

Они были ещё молодые люди (Богачев, правда, года на три постарше Варганова), они не привыкли долго сердиться друг на друга, и утренний неприятный разговор был забыт.

— Дал ты сегодня жару всем! — заговорил опять Варганов.

Богачев улыбнулся, посмотрел с довольным видом в лицо замполиту.

— А что, плохо?

— Нет, ничего...

Они сидели и курили у себя в ротной канцелярии. Незаметно отвлеклись от текущих дел и забот, и Богачев

рассказал Варганову, как рыбачил во время отпуска, как проездом два дня жил в Москве.

— Давай зайдем ко мне потом. Вера, кстати, материал на пальто купила для твоей Нади — возьмишь.

Варганов взглянул на Богачева и кивнул. Что ему нравилось в командире роты, так это открытость. Никогда не держит за пазухой зла. Отходчив. Может погорячиться, самолюбив, конечно. Но все открыто. Все на виду. И дело знает! Тут у него учиться да учиться надо.

— А мне без тебя тут досталось... Я бы тебя не отпустил, знаешь, только, думаю, пропадет у Ивана рыбалка, — сказал Варганов и усмехнулся. — Приехал, я очень рад. Ну, как вообще впечатление? Если, конечно, отвлечься от случая самоволки в первом взводе. Как тебе рота показалась?

— Толково, толково...

— Правда?

— Да если бы не это ЧП проклятое!

— Слушай, Иван, — Варганов потер рукой лоб, — как ты посмотришь на то, что мы решили заслушать Жернакова на партсобрании?

Богачев не сразу ответил, морщина легла через переносье. (Собрание — это дополнительные разговоры, это, как уж там не верти, событие.)

— Вопрос серьезный, — сдержанно отозвался он. — Лишнего бы шуму не наделать.

— Какой шум? Обсудим работу, поможем, если потребуется.

— Так-то оно так, — вздохнул Богачев.

— Тебя что-то смущает?

— Как тебе сказать, — Богачев откинулся на спинку стула, достал из ящика сигареты. — Жернаков у нас числится в передовых. Ну, произошел случай. Он написал докладную. Я разговаривал с ним. Как бы не переборщить с этим разбирательством! Не многовато ли сразу?

— Да никакого разбирательства не будет, — улыбнулся Варганов. — Обычная деловая атмосфера. Ты же не станешь утверждать, что во взводе у Жернакова благополучно! Выявим причины, разберемся по-партийному открыто, прямо. Да разве впервые мы проводим такие собрания?

Богачев слушал, кивал головой. Все правильно: коллектив выяснит, коллектив поможет. Хотя, конечно, исто-

рия с ЧП в первом взводе получит широкую огласку. На собрание явится представитель из партбюро батальона, а то еще и из парткома. Мороки, конечно, будет. А что сделаешь? Возражать? Будет похоже, что он боится. А чего бояться? Бояться нечего. Разговоры насчет привилегий для первого взвода? Болтовня.хлопотал за отпус-ка для ребят Жернакова, хотел поддержать их. Ну и что? Что тут плохого? Разве другой на его месте поступил бы иначе? Показатели во взводе были — кого хочешь спроси! — высокие... Ребята старались. Стрельбы — это случайно, погода там и прочее. Но Саватеев, черт бы его побрал, все испортил...

— Ладно! — сказал Богачев и тяжело вздохнул. — Собрание так собрание. Согласен.

* * *

Хотя Богачев и согласился на то, чтобы заслушать Жернакова на партсобрании, тем не менее разговор с Варгановым подействовал на него удручающе. Он не любил, когда офицеров его роты обсуждали. За всеми этими разговорами ему чудился подкоп под него лично: ты, дескать, виноват... Просмотрел, не указал, не пресек вовремя.

А почему действительно он не пресек? Ведь замечал иной раз — при всем благополучии показателей, — не так ведется работа в первом взводе. Вернее, не совсем так. Слишком много уделяет Жернаков внимания разным поощрениям...

Видел, понимал, а разобраться не хватало времени. Руки не доходили. Да и что греха таить, очень уж хотелось, чтобы в роте был отличный взвод. Сначала, думал, пусть один будет взвод, а потом другой, третий... Летом на совещании в дивизии выступил, опытом первого взвода поделился. Взвод в самом деле имел успехи. Его похвалили. Зато после совещания пришлось взять кое-что на себя, испугался прослыть хвастуном. Начал условия создавать, обстановку. А как же иначе? Как быстрее добиться результата — сделать образец, по которому будут равняться другие?

Все это в общем не так уж существенно. Самый главный вопрос: имеет ли это отношение к самоволке Саватеева? При трезвом размышлении получалось, что не

имеет. И однако Богачева точил внутри какой-то червячок, мелькала слабая мысль: имеет, имеет...

Он не заметил, как вышел из канцелярии Варганов. Прищурив глаза — яркий свет лампочки раздражал его, — зашагал взад-вперед, от окна к противоположной стене и обратно. Не слышал, как появился Колотов.

— Что у вас?

— Вы приказали принести конспекты...

— Какие конспекты?

— Утром сказали, товарищ капитан. Конспекты к занятиям...

— Ах, да! — Богачев в суете дня забыл, что решил проверить конспекты у лейтенанта Колотова. — Положите на стол.

Колотов положил и собрался уходить. Но Богачев остановил его:

— Как, привыкаете, лейтенант?

— Ничего, привыкаю, товарищ капитан.

— Сегодня у вас Илюшечкин и Беляков опоздали в строй.

— Да, я знаю.

— И какие меры приняли?

— Я с ними беседовал.

Богачев сумрачно вздохнул.

— Может, слишком много беседуете?

— Нет, не много, — ответил простодушно Колотов. — Просто еще подхода не могу найти к ребятам.

Раздражение снова накатило на Богачева. Жди от такого командира результатов! Подхода не нашел! Да пока он ищет подход, у солдата срок службы кончится. Илюшечкин — уж сколько с ним бьются! — весеннего призыва парень. А ниточка известная: сегодня опоздал в строй, завтра проспал подъем, а послезавтра самоволка...

— Вот что, Сергей Павлович! — Богачев четко выделил имя и отчество, как бы подчеркивая этим доверительность разговора. — Вы поменьше теоретизируйте. В боевой роте находитесь. Боевая готовность людей на вашей ответственности. Понимаете?..

Мигнула электрическая лампочка в матовом плафоне под потолком. Краска прилила к лицу Колотова, потом снова отхлынула. Богачев ничего не замечал, шагал взад-вперед по канцелярии и выговаривал, отчитывал...

Через несколько минут он наконец отпустил Колото-

ва и подошел, разгоряченный, к окну. Вечерняя густая синева заливала улицу, цепочка огней висела над ней. Кто-то неторопливо шел по другой стороне улицы, отдаляясь все дальше и дальше. Не Колотов ли?

Вдруг возникло давнее, забытое. Несколько лет назад, когда он, Богачев, командовал взводом, служил у него солдат. По возрасту они были ровесники, к тому же еще и земляки. Видимо, поэтому солдат рассчитывал на поблажку. А он, Богачев, молодой, неопытный, давал эти поблажки. Нарушений солдат не совершал, но и не выкладывался, служил ни шатко ни валко, а лишь бы время шло. Тогда Богачев тоже ломал себе голову, подходы искал. Хорошо, что парня вскоре демобилизовали, а то совершенно измучился бы...

Косой свет от фонарей освещал пустынную улочку. Богачев все стоял у окна, вспоминал, сравнивал и с каким-то непонятным интересом ждал, не появится ли еще кто-нибудь в узкой улочке.

А Колотов в тот вечер, поужинав, надел ватную куртку и вышел во двор. Зажег фонарь около сарая и долго курил, сидя на березовом чурбаке. В памяти возникали слова, сказанные Богачевым, закипала в груди обида, но он тушил ее, считая, что командир роты потерял равновесие. «Никогда не теряй равновесия,— учил Николай Иванович Кривенко,— ни в разговоре с подчиненными, ни с начальниками...»

Покурив, он тщательно затоптал окурок в землю, открыл сарай и выбросил оттуда несколько чурбаков. Полчаса махал колуном, не замечая выходявшую на крыльцо бабушку Настасью, которая уговаривала его идти отдыхать. Перекидал полешки в сарай, две охапки принес в дом. На этом «урок» не закончился. На террасе стоял цинковый бак. Открыл крышку, заглянул и, подхватив ведра, отправился на колонку. Такая зарядка была у него после разговора с Богачевым — помахал колуном, потаскал ведра с водой. Остудился...

В комнате у себя он зажег настольную лампу, машинально придвинул к себе несколько толстых книжек, в которых говорилось о том, как организовать занятие по огневому делу, чтобы оно одновременно было и физической тренировкой для солдат и развивало разные психо-

логические качества. Ветер шуршал по окнам. Было тихо. Он полистал книги и стал смотреть на матово отсвечивающую сквозь абажур лампу. Перечитывать труды, которые он штудировал еще в училище, не хотелось. Он встал, прошелся по комнате, достал сигарету и закурил.

Потом опять сел, продолжая глядеть на лампу в каком-то оцепенении. Повертел в руках тетрадь в коленкоровом переплете, долго всматривался в знакомые строки, затем перевернул несколько страниц и записал:

«Опять был разнос. Причина мелкая: опоздали при подъеме Илюшечкин и Беляков. Беляков — совершенно случайно, а Илюшечкин не справляется, не успевает. Я вначале обиделся за накачку... Но удивительное дело — Богачев умеет всколыхнуть всех немедленно, его слова и поступки действуют, будто пружина, он подчиняет своей воле людей. За сутки было сделано столько разных дел, столько открылось прорех! Здраво поразмыслив, приходишь к выводу, что сердиться, обижаться на него нельзя».

Стены комнаты тонули в полумраке. Он передвинул лампу на середину стола и вдруг вспомнил худенькую девушку с прямым, будто чего-то выжидающим взглядом. В поселковом клубе они смотрели старый, чуть ли не довоенный фильм про старика музыканта, про его дочь и талантливого молодого композитора. Уже по дороге домой заговорили о фильме, и Галина сказала: «Сейчас так не объясняются в любви». В ее голосе прозвучало сожаление.

— А как сейчас объясняются? — спросил Колотов. Ее слова задели в нем что-то старое, переболевшее.

— Только не так, — ответила Галина загадочно.

«Откуда ей известно, как объясняются в любви сейчас?» — думал Колотов.

Он снова передвинул с места на место книги, которые не хотелось читать. Попытался сосредоточиться на завтрашних занятиях. Сила каждого урока — в действительности. Не разбрасываться по мелочам. Сколько раз он напоминал себе об этом. Он должен составить модель урока, которая захватила бы всех. Легче отрабатывать детали, видя целое.

«Но солдаты такие разные, один не похож на другого. Как приспособить модель, чтобы она была интересна каждому?».

Колотов сидел за столом и думал. Ему надо пригото-

вить конспект и провести хорошо занятия, чтобы солдаты стали действительно солдатами, он должен научить их многому, а потом, через год-два, они уедут домой, где их ждут другие профессии и дела. Затем будет новый призыв, новые строевые, новые марш-броски и учения в поле, полковые и ротные, и так до тех пор, пока не придет старость.

Солдаты, как бы они ни относились хорошо к армейской службе, они здесь — временно. Они учатся стрелять из автомата, учатся пользоваться защитной одеждой, ходят в караул, отрабатывают строевой шаг, но они здесь временно. Они постоянно думают о своей довоенной жизни, размышляя о ее продолжении, о том деле, которое ждет их там или которое у них будет. Иным эти размышления не мешают, другие же считают дни, недели, месяцы... Командир обязан учитывать психологию каждого.

Бабушка Настасья давно спала, а Колотов все сидел за столом и думал.

«Я учу конкретных людей и должен считаться с характерами. Необходимо в каждом разбудить энергию поиска. Разбудить, если она спит».

Колотов подумал и записал в своей тетради следующее:

«Майор Кривенко говорил, что командир создается на первом этапе службы — на взводе. Взвод — вот где он получает опыт изучения и понимания людей. Это как бы фундамент, который учишься класть, строя большое здание».

Знать и понимать людей. Очевидно, блестящие успехи, которых достигали полководцы, были результатом их знания людей. Руководить, вести за собой — это значит знать тех, кого ведешь.

Колотов посмотрел на часы. Был второй час ночи. Он снял тапочки, сунул ноги в сапоги и, накинув на плечи все ту же ватную куртку, вышел на крыльцо. Вдохнул колючий воздух, постоял с минуту и закурил. В поселке было темно, только ближайшие дома маячили черными глыбами. Колотов стоял, курил и глядел в ту сторону, где жила Галина Сизова.

«Черт возьми, она, видите ли, знает, как теперь объясняются в любви!» — вспомнил неожиданно Колотов и тихо рассмеялся.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

По обыкновению, Беляков первым увидел Богачева и, подбежав, сообщил Колотову:

— Товарищ лейтенант, командир роты идет!

Богачев, возвратившись из отпуска, не бывал еще на занятиях у Колотова — все в других взводах. И вот наступила очередь третьего взвода.

— Смирно! Товарищ капитан, третий взвод занимается на полосе препятствий.

Богачев поздоровался, дал команду «Вольно», прошелся вдоль строя — свежий, прокаленный ветрами, щеголевато подтянутый.

— Пусть Саруханов продолжает занятия, а ты со мной побудь, — сказал он, искоса поглядывая на Колотова, сжимавшего в руке секундомер. — Чего они тут атаковали? — Он кивнул в сторону от окна.

Колотов объяснил: занятие комплексное — полоса препятствий увязывается с тактической задачей.

— Ну и как? — спросил Богачев, наблюдая за солдатами. — Как с нормативами?

— С нормативами похуже, — сказал Колотов.

— Что значит похуже? — Взгляд у Богачева вмиг стал колючим.

Однако Колотов выдержал его взгляд.

— Одно дело — преодолеть полосу препятствий из окопа, и другое — после атаки, после броска, — объяснил он. — В бою такая ситуация может сложиться. Поэтому нормативы на первых порах кое-кому не по силам.

Богачев сощурился, кашлянув, проговорил, как бы размышляя:

— Это хорошо. Только учитывай: времени у тебя на отработку приемов останется меньше. А это еще что за прыжки? — Он кивнул в сторону.

Неподалеку от рва стоял сержант Аникеев и командовал. Рядом — Илюшечкин. По команде сержанта Илюшечкин разбежался, потом у невидимой черты делал отчаянный прыжок. Аникеев подходил, измерял расстояние.

— Рядовой Илюшечкин боится рва, — объяснил Колотов. — Поэтому для него назначена дополнительная тренировка на местности, чтобы спокойнее брал ров.

Богачев хмыкнул:

— Каковы успехи?

— Иногда берет расстояние, иногда пугается, — ответил Колотов. — Неровно пока, физическое развитие слабовато.

— После подъема опаздывать в строй — это тоже физическое развитие?

— В какой-то степени тоже, — улыбнулся Колотов.

Богачев опять хмыкнул и направился к солдатам, которые стояли у окопа в ожидании команды Саруханова.

— Ну как, хлопцы? Прыгаем?

— Прыгаем, товарищ капитан.

— А мне можно с вами попробовать?

— Можно, можно! — слышались голоса.

В полку было известно: любил капитан Богачев участвовать вместе с солдатами в тренировках. Класс показывал, спортивную форму. Вот, дескать, смотрите, к тридцати годам дело движается — и не стареем. Молодым, двадцатилетним, очко вперед даем. Ну и, само собой разумеется, азарт в такие моменты появлялся: командир роты на равных с солдатами препятствия берет! Заражались этим азартом все. Каждому хотелось не уступить капитану Богачеву в сноровке, в скорости. Однако сделать это удавалось далеко не всем.

Богачев подошел к окопу, взглянул вперед, как бы прицеливаясь, потом повернулся, проговорил с усмешкой:

— Ну, кто со мной в паре? Одному скучновато..

Между солдатами секундная заминка, разговор вполголоса. Вперед вышел Лавриненко.

— Товарищ Лавриненко! — Ротный всех знал по фамилии. — Очень хорошо. Давай поборемся. Командуй, Колотов! — И, взяв у кого-то из солдат автомат в руки, Богачев прыгнул в окоп.

Командир роты стоял в окопе, слегка прикинув грудью к брустверу. Сигнал — и, блеснув автоматом, каким-то неуловимым движением выбросив свое тело из окопа, Богачев устремился вперед. Колотов слышал упругий стук его каблуков, потом скачок — Богачев бежал уже по другую сторону рва. Некоторое время Колотов еще следил за Богачевым, а потом, захваченный азартом соревнования, стал наблюдать за действиями Лавриненко. Тоже мастер, тоже ловок — не отстает от Богачева, а порой даже и обгоняет. Двухметровый забор, во всяком случае, Лавриненко одолел первым, однако на разрушенной лестнице задержался...

Бежала стрелка секундомера. Фасад здания. На высоте второго этажа мелькнули одна за другой фигуры Лавриненко и Богачева, бросок вниз... Все.

— Ловко капитан бегают, — проговорил задумчиво Беяков. — Хорошо бегают.

— Наш Лавриненко не хуже, — заметил Блинов, довольный успехами друга.

Спустя минуты три-четыре подошел Богачев, следом за ним — Лавриненко. Богачев дышал тяжело; поворачиваясь и счищая с себя грязь, он посматривал на Колотова и на Лавриненко, потом, блестя глазами и улыбаясь, спросил:

— Как результаты?

— Отличное время, — сказал Колотов. — У обоих.

— С ним, брат, не шути. Семь потов с меня согнал, — кивнул Богачев на Лавриненко.

— Скажете, товарищ капитан, — засмущался Лавриненко.

— Скажу, скажу! — подмигнул Богачев.

У командира роты было явно хорошее настроение. Он бросил какую-то шутку Саруханову, потом опять подошел к Колотову, поглядел на солдат, бежавших по бревну, — это были Гаврилов и Блинов — увидел, что действуют правильно, поводит широкими плечами, вдыхая глубоко воздух.

— Конспекты твои я посмотрел. Мне понравились.

— Я очень рад, — сказал Колотов.

— Насчет комплексного обучения ты правильно. Вводные интересно найдены, главное — они неожиданны. В общем, продолжай в том же духе, — заключил Богачев и переменял тему: — Саруханов твой молодец. — Колотов покраснел от удовольствия — раньше в разговоре Саруханова отделяли от него, а теперь: «твой»! — С таким помощником, между прочим, можно и повысить обязательства брать. Понял?

Несомненно, у Богачева было сегодня хорошее настроение. Колотов ответил в тон командиру роты:

— Мы уже пересмотрели некоторые пункты. Будем стараться!

— Хорошо, хорошо, — ответил Богачев и, козырнув, пошел к себе.

Солдаты и Колотов смотрели ему вслед. Капитан Богачев шагал свободно, с тем тяжеловатым изяществом,

которое присуще высоким, крупным мужчинам. Он будто догадывался, что за ним наблюдают. Ни одного лишнего движения, ни малейшего напряжения в осанке.

«И конспекты мои понравились, и на занятиях ни одного замечания,— думал Колотов.— Интересный мужик!»

Колотов не знал — да и откуда было ему знать (такие вещи держатся в секрете), — что не далее как сегодня утром Богачев был вызван в штаб и с ним разговаривал полковник Ключев. Беседа была сугубо деловой и касалась непосредственно Богачева: его повышали в должности, ему предстояло в скором времени командовать батальоном.

Приказа по полку еще не было. Ни одна душа не ведала о приближающихся переменах. Но Богачев уже мысленно примерялся к новой работе.

Вот откуда у командира роты было хорошее настроение.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Партгруппа собралась через два дня.

За минуту до того как Роговик открыл собрание, пришел подполковник Зеленцов.

Появление Зеленцова было неожиданностью для всех, однако на Жернакова оно подействовало удручающе.

«Ну вот, пришел замполит. Значит, обсуждению придается особое значение. Может, еще выставят в качестве примера... В качестве отрицательного примера», — Жернаков нервно перекладывал на столе заранее приготовленные листочки с отчетом.

Наверное, подполковник Зеленцов догадался о самочувствии Жернакова. Чтобы дать ему время прийти в себя, он стал рассказывать про отчеты в других батальонах. Какую пользу они принесли, как заинтересованно и доброжелательно велось там обсуждение.

Присутствующие оценили замечание Зеленцова: ничего чрезвычайного, никаких сенсаций — обычная партийная работа. Не вздумайте перегибать палку.

Наконец Роговик дал слово Жернакову. Тот откашлялся и, как всегда принято в отчетах, начал с общей характеристики взвода: сколько человек с полным средним об-

разованием, сколько с неполным, откуда эти люди, каков уровень военной подготовки, что представляет собой сержантский состав.

Докладывал он несколько торопливо, видимо волновался. После общей части, опять же следуя принятому шаблону, заговорил об успехах, скрупулезно перечисляя показатели в летний период и на контрольной проверке, когда взвод добился наивысших результатов.

— Солдаты с большой ответственностью подходили к каждому занятию, — вычитывал Жернаков по бумажке. — Сержанты проявляли требовательность и показывали пример. Все это позволило нам включиться в соревнование за лучший взвод полка. По летним показателям, — снова напомнил Жернаков, — взвод занял в батальоне первое место.

Он сделал паузу, чтобы присутствующие могли лучше прочувствовать: первое место в батальоне — не шутка. И, воспользовавшись этой паузой, Варганов подал реплику:

— Вот так бы и продолжали работать.

— Мы и продолжали, товарищ старший лейтенант, — ответил Жернаков.

— Тогда почему же вдруг срывы?

— Дело в том... — И Жернаков начал называть причины некоторых срывов: на стрельбище не учли погодных условий, сержанты ослабили контроль за дисциплиной — на последнее обстоятельство Жернаков особенно нажимал. — Большая доля вины лежит и на мне, — продолжал он, перебирая в руках листки. — Надо было принять меры, настроить людей...

Зеленцов, сидевший в стороне, вздохнул:

— Разумное решение. Почему же не приняли мер? Что мешало?

— Да вот, — Жернаков пожал плечами, на лбу его собрались складки, — я старался избежать взысканий... Люди взрослые, образованные; я думал, сумеем договориться, пойдем друг друга...

Жернаков вздохнул и, поглядев в листок, стал докладывать дальше. Столько-то выпущено боевых листков, такие-то беседы проведены с сержантами. Сообщил торжественным тоном о поощрениях: это ведь тоже характеризует взвод с положительной стороны. Он перечислил фамилии солдат и сержантов, которые за успехи в учебе

и за дисциплинированность получили краткосрочные отпуска и побывали дома.

Закончил Жернаков свой отчет критикой в собственный адрес («Многое зависело от меня... Я не сумел...»), зачитал план мероприятий на ближайший месяц, выразив надежду, что товарищи помогут усовершенствовать этот план и вообще укажут ему на недостатки с целью их полного искоренения.

Он поглядел вокруг и сел.

— Докладчик закончил, — сказал Роговик. — Будут вопросы?

Собрание молчало. Роговик посмотрел на Варганова, на Зеленцова и предложил перейти к прениям.

Первым взял слово Никонов.

— Прежде всего про сам отчет! — начал он резко. — Мне он не понравился.

Слова эти неожиданно вывели Жернакова из равновесия, и он, волнуясь, негромко крикнул с места:

— А я и не собирался тебе нравиться!

Никонов внимательно посмотрел на Жернакова. Потом отвел глаза.

— Тут говорили про срывы в первом взводе, — продолжал он спокойно. — Почему произошли срывы? Какие причины? На мой взгляд, Жернаков ушел от прямого ответа. Странно было слышать его рассуждения: понадеялся на сержантов, рассчитывал на сознательность... Нет, причина, по-моему, в другом. Жернаков видел недостатки, но боялся испортить общую картину благополучия. Меня, например, очень удивляет случай с Саватеевым. Ведь Саватеев был во взводе на хорошем счету. Недавно ему в качестве поощрения дали краткосрочный отпуск. Жернаков не упомянул про это в докладе. Вот я и думаю: как же так, почему получилось, что человек, которого считали хорошим, которому выдали такое большое поощрение, совершил тяжкий проступок?

В комнате тишина стала напряженной. Было слышно, как далеко в коридоре кто-то ходил.

Никонов обвел присутствующих взглядом и продолжал:

— Почему так получилось, что первому взводу создавались подчас условия для занятий лучшие, нежели второму или третьему? Примеры приводить не буду — вы хорошо знаете их. Но все же почему? Откуда такое раз-

личие? А какой взвод чаще всего посылается на хозяйственные работы? Третий взвод лейтенанта Колотова, мой взвод пореже. Но взвод Жернакова вообще освобожден от таких нагрузок. Не потому ли и начались там непорядки, что людям показалось, будто они на особом положении? И виноват здесь, давайте говорить открыто, не один Жернаков. Хотя я никак не могу понять его в чисто человеческом плане: как можно было мириться с тем, что его взводу создают наиболее выгодные условия? Какая же тут заслуга, если соревнование ведется не на равных? Другого бы это обидело. А Жернаков делает вид, что ему ничего не известно. Я однажды попытался поговорить с ним по душам, так он оскорбился и неделю со мной не разговаривал.

Никонов помолчал немного, как бы собираясь с мыслями.

— Жернаков наверняка и сейчас обижается на меня. Напрасно обижается — я отношусь к нему с уважением. Я считаю его способным офицером. Талантливым офицером. Потому и говорю. Он многого достиг. Только вот беда — не поделится своим достоянием, не подскажет, не посоветует в нужный момент. Его взвод должен быть первым, до остальных ему дела нет. Почему?

Тишина наступила в комнате. Такая тишина, что через стенку было слышно, как дежурный по роте командовал: «Выходи строиться!» Дежурный повторил эту команду сначала в глубине коридора, потом ближе и ближе... Сегодня суббота — в клубе кино. Рота направлялась в клуб.

* * *

Собрание продолжалось уже два часа. Один за другим вставали коммунисты, проходили к столу, говорили о воспитательной работе во взводе Жернакова, о стиле взаимоотношений между командиром и подчиненными.

Богачев сидел, слушал. Лицо его было спокойно. Только блеск глаз из-под мохнатых насупленных бровей выдавал: нелегко давалось ему это спокойствие. Отчет отчетом, но в словах некоторых выступавших, и особенно у Никонова, прозвучал явственный упрек ему, командиру роты. Богачев это почувствовал, хотя фамилия его не называлась. Он понимал, что другие тоже знают, в кого ме-

тил Никонов, рассуждая об особых условиях для взвода Жернакова, о непорядках с назначением на хозяйственные работы.

Ну что ж! Действительно, создавал, освобождал... Верно. Челюсти у Богачева закаменели, напряглись. Но ведь и требовал, черт возьми! На занятиях! На учениях... Если кто приезжал из начальства, кого он вытаскивал демонстрировать военную науку? Кого заставлял показывать классность? Да все тот же первый взвод. Отправлял других на хозяйственные работы? Но ведь неизвестно, где было лучше: на станции, при разгрузке вагонов с кирпичом, или на полигоне, где появился проверяющий из штаба дивизии? Может, спасибо надо было сказать ему, Богачеву, за то, что отправил. С глаз долой. Избавил от нервозности, от упреков и замечаний. Кому неизвестно, что быть на глазах у проверяющего — штука не из приятных. Хотя вслух про это не скажешь. Вслух нельзя.

Неожиданно острым оказалось выступление прапорщика Газаева. Тот без обиняков выложил все. Оказывается, ради краткосрочного отпуска Саватеев выкладывался как мог, а вернулся в часть — и его будто подменили. Чего теперь стараться? Теперь жди, когда домой насовсем отправят. Да что Саватеев — внутри взвода возникали споры: почему этому отпуск, а этому только увольнительная?..

Багровый сидел Богачев за столом, чувствуя, как в него летит каждое слово, бьет наповал.

Но на этом не остановился Газаев. Он, как и Никонов, заговорил о характере самого Жернакова. Кто ближе солдату, как не командир взвода! Жернаков держится с ребятами суховато. Общается больше с сержантами, через них руководит. Недавно взвод нес караульную службу. Солдаты обижались. Невесело, говорят, у нас. Лейтенант в караульном помещении взял книжку на английском языке (образованный Жернаков офицер, кто же об этом не знает!), уединился и все свободное время просидел за книгой. Бодрствующая смена, значит, сама по себе, лейтенант сам по себе. Сунулся кто-то из солдат к командиру с вопросом — тот ответил сухо, послал к Гребенюку. И все. Пустяковый случай, а характеризует.

Под конец своей речи Жора Газаев сделал вывод: любить надо солдата, быть ближе к нему, а разными конфетными сладостями вроде отпуска прельщать ни к че-

му — унижает это. А если действительно человек добился успеха, заслужил по-настоящему, а не факир на час — тогда ему и поощрение. Тогда это для всех будет радость.

И снова в комнате была тишина. Не только от того, что было сказано, но и от того — кем. Прапорщик Жора Газаев — начальник мастерских, улыбочивый парень, которого привыкли видеть в комбинезоне около машин, — не из разговорчивых. На собраниях и не помнят, чтобы он выступал. Да от него порой слова не добьешься. И вдруг такая речь. Вот тебе и Жора Газаев! А еще говорили, будто глаза у него, кроме болтиков да гаечек, ничего не видят. Все разглядел. Во всем разобрался.

Председательствующий Роговик спросил: «Кто еще желает выступить?» Капитан Богачев посмотрел вокруг: похоже, ему теперь надо брать слово. Без его выступления не обойдется собрание. Значит, надо будет отвечать на поставленные вопросы, хотя они и не были обращены непосредственно к нему. Отвечать надо — от этого не уйдешь. Богачев нахмурился, соображая, как лучше, как спокойнее начать такой разговор, и уже приподнялся, чтобы попросить у председательствующего слова. Но его опередил Варганов.

Его голос прозвучал в комнате молодо и как-то даже весело:

— Разрешите мне, товарищ Роговик!

Богачев взглянул исподлобья на Варганова и тут же отвел глаза в сторону.

Конечно, замполиту полагается выступить на таком собрании, нельзя не выступить, тем более что говорить ему будет сейчас легко: долгое время отсутствовал в роте из-за болезни, о многом не знал, не догадывался. Может вообще причесать командира роты, чтобы в будущем был покладистее.

— Обсуждение отчета лейтенанта Жернакова проходит у нас, на мой взгляд, по-деловому, — начал Варганов. — Заинтересованно. Откровенно. И товарищу Жернакову, и всем нам, коммунистам роты, есть над чем подумать. Срывы, о которых здесь говорилось, не случайны, они результат ослабления нашего влияния, ослабления воспитательной работы. Элементы деячества — это острый сигнал, мимо которого нельзя пройти, это чуждые нашей работе методы, по ним следует бить, их необходимо выжигать каленым железом. Что произошло с Жер-

наковым? Мне кажется, ответить на этот вопрос однозначно нельзя. Надо коллективно помочь Жернакову разобраться в том, чего он действительно не понимает, и строго спросить с него за явные нарушения. Надо отметить несущественное, наносное, что уводит в сторону, и обратить внимание на существенное.

Богачев поднял глаза. Откуда берется в человеке умение вносить спокойствие и ясность? Или это заложено природой в характере?

Четыре года назад он, Богачев, приехал сюда, в далекий военный городок, и принял роту. Четыре года — срок немалый. Весной и осенью приходили ежегодно новобранцы и уходили закончившие службу. Среди них встречались трудные парни, с которыми пришлось попортить много крови и нервов. Иные так и уходили, отслужив, трудными. Но чувства ошибки или промаха Богачев не испытывал. Он не успевал подумать об этом. Жизнь мчалась вперед, и перед ним вставала новая цель, приходили новые люди, которые требовали к себе внимания, а старое как-то само собой забывалось и не будоражило.

Варганов был не такой. Он всегда тяжело переживал, если события опережали его и что-то не удавалось, если не успевал довести до конца начатое. Он сокрушался в таких случаях, думая о будущем трудных парней. И была бы его воля, он, пожалуй, задерживал бы в роте тех, кто отстал или слишком медленно продвигался в своем человеческом, гражданственном становлении. Варганов был прирожденный воспитатель, любивший свое дело до самозабвения, он был одержим мечтой о человеке, гармонично сочетающем в себе мужество, нежность, силу, ответственность. И никакие ошибки, никакие промахи и горчайшие разочарования не могли поколебать его надежд. Он был до краев заполнен своей верой в человеческое добро.

Сейчас Варганов верил в Жернакова.

— Что характеризует каждого человека? Дело, дело...

И Варганов рассказывал о первом взводе. На минувших недавно учениях — а учения — это бой! — какие задачи выполнял первый взвод? Труднейшие. Кого не щадили, бросая с фланга на фланг, заставляя нести двойную нагрузку? Первый взвод. Справился он тогда со своей задачей? Справился. Благодарность от командования полу-

чена заслуженно? Да. Значит, боеспособная единица? Боеспособная.

Вот так, спокойно, вносил Варганов ясность в положение дел. Нарушения, ошибки — были. Да мы и собрались здесь, чтобы указать на просчеты, помочь изжить их. Человек — живой организм. Нельзя видеть только одну сторону и закрывать глаза на другую. И у Жернакова не одни только ошибки да недостатки. Есть кое-что и другое...

— По поводу разговора о поощрениях, — сказал Варганов. — Это острый сигнал. Тут налицо деляческий подход к решению важных вопросов нашей жизни. За это надо строго спросить с Жернакова. Однако намеки на то, что командир роты чуть ли не способствовал этому, я отмечаю...

Богачев прищурился, чувствуя, как жар заливает его щеки. Вот он, его черед. Варганов еще продолжал говорить, но Богачев уже не слушал. Ему вдруг вспомнился запах солнца на крутом волжском откосе. Узкая тропинка, бегущая с косогора. «Нет оснований для наказаний», — завертелась в голове глупая фраза. Если выступил Варганов, то не обязательно держать речь ему. Запах солнца и извилистая тропинка, терявшаяся в блеске воды. Хорошо, когда они светят... Можно, конечно, промолчать, хотя будут недоуменные, а то и насмешливые взгляды: струсил, подумают, командир роты... Но все постепенно забудется. Все в жизни, в конце концов, уходит из памяти, заслоняясь другими, более важными событиями. У него будет новая должность. Работа (а он умеет работать, умеет выложиться) обладает способностью сглаживать прошлые промахи. У кого их не было. Есть даже поговорка: «Кто старое вспомнит, тому глаз вон». Варганов сказал все, он даже похвалил Жернакова, заставив взглянуть на него иначе. Правильно сделал. Молодец Варганов! Командиру роты теперь добавить нечего, да и ни к чему, пожалуй. Он (Зеленцов, конечно, знает об этом) уже отрезанный ломоть. Его рота — уже как бы и не его. Его офицеры — также не его. Жернаков — способный человек, только очень торопится. И Никонов, и этот новенький тоже отличный парень, хотя и с заскоками, — Колотов. Его офицеры — уже как бы не его. Странно об этом думать, хотя это так. Жернаков все же беспокоит. Что будет с Жернаковым после собрания? О чем он сейчас думает? Опустил голову и думает... Может, ждет? Чего ждет? Ах, добрый неуго-

монный Варганов, спасибо за веру, за высоту взглядов! Нельзя, чтобы ты ошибся... Как хорошо бывало смотреть с высоты волжского откоса...

Богачев встал.

— Здесь говорили правильно. Не один Жернаков виноват в том, что во взводе сложилась такая обстановка... Ему создавались условия...

Поглядел сухо в широко раскрытые глаза Варганова и, отвернувшись, добавил безжалостно:

— Я в первую голову виноват во всем. Я создавал условия. Я обеспечивал отпуска...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

В ротах прозвучал отбой.

Колотов, надевая шинель, увидел рядом Саруханова.

— Я провожу вас, товарищ лейтенант?

— Хорошо, — ответил Колотов. Его, правда, смущало позднее время. Но он чувствовал, что Саруханову необходимо сейчас поговорить с ним.

«Впервые он так обращается ко мне. Значит, что-то произошло».

На улице пахло снегом, морозцем, слабым дымком от котельной. Настороженные стояли в темноте корпуса зданий с редкими освещенными окнами. Квадратная глыба — штаб; два светлых пятна внизу — пост номер один: Знамя полка.

Они шли, делясь впечатлениями о только что закончившемся собрании.

— Кто бы мог подумать, что Газаев такой оратор!

— А капитана Богачева мне жалко. Он же не для себя, он хотел как лучше.

— Богачев — правильный мужик. Не прячется за чужие спины. Вообще собрание прошло здорово.

— Я впервые присутствую на таком отчете. А вы бывали?

— Бывал, — ответил Колотов. — Еще в училище. Я же в училище вступил в партию.

«Может, ему хочется поделиться со мной впечатлениями? Отчет Жернакова, горячее выступление капитана Бо-

гачева — я и сам не могу успокоиться», — думал Колотов.

— В общем, я тоже виноват, — сказал Саруханов.

— В чем?

— О чем говорили на собрании.

— А конкретнее?

— До меня доходили слухи насчет этих отпусков, ребята говорили... Но я не решился поставить вопрос где следует.

— Я тоже... — Колотов вздохнул.

Они шли рядом по краю тротуара, мимо домов, погруженных в темноту. Ветер колко ударял в лицо.

— Дожидались, пока ЧП случится!

— Выходит, так.

У перекрестка, откуда были видны огни контрольно-пропускного пункта, остановились, Колотов достал сигареты. Закурили.

— Переночевали бы сегодня в казарме, — сказал Саруханов.

— Ничего, торопиться некуда, — ответил Колотов, наблюдая, как вдали за городком мигают частые зарницы. «Ночные занятия у танкистов», — подумал он.

Саруханов докурил сигарету, примял ее сапогом.

— А я, товарищ лейтенант, собираюсь в военное училище.

Колотов резко повернулся к нему:

— Вы? В военное училище?!

— Да.

— Я очень рад этому! Очень рад! — сказал Колотов.

— Все думал, думал, а теперь решил окончательно.

— Я рад, — продолжал Колотов. — Между прочим, давайте называть друг друга по имени. — Я очень рад, Миша. Еще в первые дни, как я сюда приехал, мне стало ясно, что ваше призвание — быть командиром, офицером.

— Верно?

— Честное слово!

— Спасибо.

— За что спасибо?

— Мне ваше слово очень важно.

— Хотите в наше училище? У меня там друг. Хотя это совсем не существенно, совершенно не существенно. Главное, что вы решили посвятить свою жизнь армии.

— Да, я решил...

— И это главное. Понимаете? Остальное не существенно.

— Да, я понимаю... Я сам рад.

Они стояли и не собирались расходиться. Оба вдруг почувствовали что-то родственное, близкое друг в друге. И так хотелось сказать друг другу многое, и не знали, что именно. Колотов предложил пройтись немного обратно, к казармам. Саруханов запротестовал, но Колотов взял его за локоть, и оба двинулись по узенькой дорожке, огибая замерзший голый сквер. Что-то необыкновенное было в прохладной ночной мгле, прорезаемой клубочками фонарей и дальними всполохами зарниц за лесом. Холодный неторопливый ветер передувал снег, сметая его с крыш, с заиндеветших электропроводов.

— Это прекрасно, Миша, что вы так решили, — продолжал Колотов. — Мне так радостно, я даже не могу объяснить почему. Может, потому, что мне дорого то, что вы избрали. Вам не надо объяснять — у нас нелегкая жизнь, вы же знаете. И однако я не променяю эту жизнь ни на какую другую. Да разве только я?! И капитан Богачев, и старший лейтенант Варганов, и Никонов, и Жернаков, который, конечно, торопится в своем желании выдвинуться и поэтому делает ошибки... Вот и вы теперь навсегда связали свою жизнь с армией. Думали, конечно, немало. А вот сегодня решили.

— Сегодня решил, — сказал Саруханов.

— Я от души поздравляю вас. Выбрать себе путь в жизни, определить свое назначение — это такое счастье, такое счастье! Угадать себя, свое призвание... Не каждый справляется с этим. Иной носится по земле, хвалится заработками, дорогими вещами, автомобилем... Думает, вот у него красивая жизнь. А я так никогда не поверю, что такой человек счастлив.

Они прошли несколько шагов молча. Обоим казалось, будто еще что-то очень важное они не сказали друг другу. И оба говорили, говорили, пока Колотов наконец не взглянул на часы. Оба сразу поняли, что поздно, что надо по домам...

Спустя несколько минут Колотов двигался по дорожке, ведущей в поселок. Он то убыстрял шаг, то шел медленно, поглядывая на серую, вытопанную каблуками землю, и говорил себе, думая про Саруханова, про то, что

он услышал от него сегодня: «Как здорово! Как здорово получилось! — И после небольшой паузы добавлял: — Это замечательно! Прекрасно! Это прекрасно!»

Самые хорошие слова были не в силах выразить переполнявшие его чувства.

* * *

Пошел снег. Пушистый, густой снег повалил из темноты сверху. Он падал на мерзлую землю, прикрывая ее, укутывая от прорвавшихся с севера холодов. И было в этом движении снега что-то спокойное, таинственное, как в хорошей музыке.

Колотов остановился, провел ладонью по лицу. Снегопад в ночи. Зима. Его первая зима в далеком гарнизоне.

Он стоял около калитки дома, широко расставив ноги, глядел в темную мглу ночи, не отворачиваясь, как полагается солдату, от слепящего снегопада и вдыхал глубоко, всей грудью, морозный воздух.

Снегопад усиливался. Все вокруг заметало, заштриховывало сплошной мутной пеленой — уже не видно соседних крыш, не видно заборов, деревьев и фонарей. Все ушло, отодвинулось, смятое буйной снежной стихией. Сергей один стоял в этом водовороте ветра и снега, испытывая странное чувство радости и волнения.



НЕДОЛГОЕ ЗАТИШЬЕ

ПОВЕСТЬ





*Памяти брата Николая,
погибшего в боях*

1

Они плыли, соблюдая тот же порядок, что и на берегу, когда пробирались к реке из немецкого тыла: Пинчук впереди, Осипов, чуть поотстав, следом за ним.

Когда сбоку, совсем рядом, возникли водяные фонтанчики, Пинчук сначала даже не понял, что это: стук крупнокалиберного пулемета дошел до него чуть позже. Кажется, он и обернулся на этот стук и, обернувшись, замер в растерянности. Осипова рядом не было.

— Пашка! Ты где? Пашка! — тихим шепотом восклицал Пинчук.

Поблескивала в черноте вода, вспыхивали далекие выстрелы, а Осипова, который только что плыл за ним следом, не было.

Пинчук задвигал резко руками и поплыл назад, задирая голову, снова повернул, кружась на одном месте. С немецкого берега опять простучал крупнокалиберный, но трассы его прошли где-то правее.

— Паша! — позвал Пинчук. — Пашка!

Словно услышав его тихий крик, замолк крупнокалиберный.

Течение понесло Пинчука влево. Он поправил узел на голове и заработал изо всех сил руками. «Па-а-а-ша-а... — тянул он сквозь зубы, отплевываясь и охая. — Па-а-а-ша-а...»

На немецком берегу взлетела и быстро погасла ракета, в ее короткой вспышке Пинчук увидел пустынную

рябь реки и низкую черную тучу сверху. Прерывисто дыша, чувствуя, что сердце бьется где-то у горла, он машинально двигал руками и все плыл и плыл вперед. «Паша убит, — стучало в мозгу. — Убит, убит... А-а-а!»

Снова взмывали вверх ракеты — на той и на другой стороне. Река лежала во тьме, Пинчук плыл в этой темноте, лязгая зубами и задыхаясь, но, когда возник берег, он еще раз оглянулся, он все еще надеялся — вдруг Паша Осипов окажется рядом.

По бровке берега росли низкорослые кустики ивняка. Пинчук ухватился за полузатопленные ветки и с трудом выкарабкался на землю. Тут же его начало тяжело тошнить, и, чтобы не было слышно, он зажимал рот рукой, корчась от повторяющихся приступов рвоты.

Потом он долго лежал, распластавшись, уткнув лицо в траву, от которой несло вонью. Отдышавшись, снял с головы узел, распутал бечевку и не спеша, с какой-то отрешенностью к окружающему оделся, натянув сапоги прямо на голые ноги.

Отблеск взвивающихся ракет позволил ему увидеть поросшую осокой лощину. Он подумал про мины, которые тут понатыканы всюду — опасность подстерегала его на каждом шагу: ведь его здесь не ждут, а подорваться можно и на собственном минном поле. Пинчук снова повернулся к реке. «Неужели смерть была мгновенной?! Паша даже не вскрикнул, не позвал на помощь. Они плыли рядом, и, если бы Паша крикнул, я бы услышал. — Пинчук до рези в глазах продолжал вглядываться в темноту. — А может, Паша не закричал, потому что боялся привлечь внимание немцев... Может, испугался за меня...» Пинчук остро почувствовал, как сразу стало сухо во рту, очень захотелось курить. Он подумал, что совершенно не представляет, на каком участке фронта он выплыл к своим. Он пополз вперед, с трудом двигая одеревеневшими ногами, при каждой вспышке ракет замирал и потом долго шарил перед собой руками, ощупывая землю.

Он полз медленно, часто останавливался, отдыхал и напряженно прислушивался к шорохам, доносившимся к нему из темноты. И все же металлический звучный щелчок заставил его вздрогнуть. Скорее выработанным инстинктом, нежели разумом, он понял, что означает этот щелчок, и сиплым от волнения голосом крикнул, чтобы не стреляли.

Примерно через час Пинчук шагал в траншею, сопровождаемый солдатом, который шел сзади и почти упирался ему в спину своим автоматом. Последнее обстоятельство несколько не обижало Пинчука: он знал и любил порядок. Главное заключалось в том, что все кончилось, теперь он снова у своих. Он уже несколько раз так и повторял про себя: «Ну вот и все. Вот я и у своих!» Сколько бы ни ходил на ту сторону, как бы ни сдерживал себя, возвращение к своим всякий раз расслабляло нервы. Хотя круг оказался незавершенным — нет рядом Попова, с которым пять дней назад он вышел на задание в тыл к немцу, и совсем близко отсюда, в какой-нибудь сотне-другой метров, погиб его лучший друг Паша Осипов. Нет, никогда не замкнется его тяжкий круг, потому что никогда не забыть ему этой гибели. Как же это произошло? Пинчук попытался восстановить картину в целом и не мог — все дробилось в голове, распадалось, мелькало как-то странно перед глазами и исчезало. Попов не сумел убрать немецкого часового, с этого, собственно, все началось. Ему было приказано это сделать, это выглядело так просто, а он не смог — то ли растерялся, то ли промедлил — и получил пулю в живот.

А может, тот немец был опытнее и сильнее и, внезапно повернувшись, сумел отвести удар. Все произошло так быстро и так неожиданно. Ведь никогда не знаешь, что может случиться, если идешь с человеком впервые. Пашу Осипова он знал, это был разведчик, за Пашу он ручался. Пинчук опять стал думать о своем погибшем друге и внезапно почувствовал в груди дикую тоску. Вспомнилось, как с год назад, зимой, когда Пинчука ранило и его несли на лыжах в медсанбат, Паша шагал рядом и был почему-то без шапки. Пинчук все хотел сказать ему, чтобы он надел шапку, но губы не повиновались, и еще запомнилось: лицо у Паши было белое как снег.

Пинчук шел, поворачивая в траншею то вправо, то влево, по каким-то ходам сообщения; фонарик солдата, шагавшего позади, изредка подсвечивал ему, но этого можно было и не делать: глаза у Пинчука уже привыкли к темноте и он различал бруствер с набросанными поверху ветками и в серой мгле, по другую сторону окопа, видел редкие черные силуэты солдат, сидевших наверху. Ему иногда хотелось крикнуть этим солдатам, выставленным, должно быть, на ночное дежурство, крикнуть что-то такое

исступленно-грозное, может, просто поздороваться с ними или сказать о том, что вот он несколько дней был там, в тылу у немца, а сейчас возвратился, но рядом с ним нет его лучшего друга Паши Осипова.

Почва под ногами стала тверже. Фонарик из-за спины скользнул влево. Пинчук увидел накат из бревен и нишу, завешенную плащ-палаткой. Здесь его дожидался лейтенант в фуражке и портупее. Солдат, сопровождавший Пинчука, собрался доложить, но лейтенант остановил его.

— Комбат приказал, чтобы вас провели к нему, — сказал он, обращаясь к Пинчуку. — Пойдемте, я провожу вас. А может, хотите немного передохнуть?

— Пойдемте, — хмуро ответил Пинчук, поняв по тону, что личность его установлена.

Шли молча. Осыпалась от неосторожного прикосновения со стенок окопа земля. Сухо чиркали подошвы сапог. Где-то вдали в каком-то плясовом ритме бил короткими очередями станковый пулемет.

— Ишь разыгрался, — сказал солдат, шагавший позади. — И всегда он в эту пору наигрывает. Я уже не раз замечал: как начнет выделывать — ну прямо что твой соловей!

Ему не ответили. Пинчук смотрел на смутно покачивающуюся впереди широкую спину лейтенанта, на тьму вокруг, невольно примечая, как постепенно и для глаза неуловимо дробится мрак и вот уже совершенно отчетливо проступают черные валы бруствера и за валами видится что-то еще — то ли кусты, то ли копны сена, понять пока было невозможно. Странно, но его вдруг стали занимать сейчас разные пустяки: фуражка у лейтенанта. Даже в темноте было видно, что фуражка новенькая, бока не обмялись и верх еще не потерял своей первоначальной формы. Аккуратный лейтенант, и портупея на нем лежит ловко, красиво подчеркивая размах плеч.

В стороне, справа, пронеслись трассирующие пули.

— Ступеньки, — предупредил лейтенант. — Не споткнитесь.

Они поднялись из окопа и пошли по еле угадываемой тропинке к чему-то черному, выступающему на мутном горизонте, как стена. Вблизи это оказалось кустарником, который вскоре сменился самым настоящим лесом. Едва войдя в него, они увидели, как по фронту — сначала в одном месте, потом рядом, потом чуть подальше и еще даль-

ше — взвились немецкие ракеты. Лейтенант приостановился и подождал, когда они погаснут.

— Иллюминация, -- процедил он и пошагал дальше.

Пинчук шел следом, молчаливый и угрюмый. Слово «иллюминация» ему не понравилось. Он подумал, что лейтенант, наверно, недавно на фронте, не обтерся. Что, наверно, еще не был в бою. И опять какие-то странные мелочи завладели им: он никак не мог решить, куда лейтенант денет свою новенькую фуражку, если придется надеть каску и сделать неожиданный бросок из траншеи, вырытой в полный профиль, на ту сторону...

В молчании они прошли несколько шагов, лейтенант тыкал фонариком в разные стороны, выхватывая деревья, кусты; тьма здесь снова сгустилась. Возникшему откуда-то часовому он тихо сказал что-то, тот также глухо ответил. Потом лейтенант позвал Пинчука:

— Идите сюда, сержант!

Пинчук шагнул вперед и увидел в жидком желтоватом свете, метнувшемся ему в ноги, спуск в землянку и провода над дверью.

Гильза из-под снаряда, приспособленная под светильник, стояла на дощатом столе. Черная струйка копти ползла от нее вверх, смешиваясь с табачным дымом. Желто-красные отсветы гуляли по земляным стенам, по лицу пожилого капитана, сидевшего за столом. У капитана было одутловатое от бессонницы лицо; он взметнул бровями, вглядываясь поверх клубка табачного дыма в переступившего порог Пинчука.

— Заходите, заходите, сержант.

Пинчук приблизился к столу, наклонил круто голову, как бы стараясь уйти от ошущивающего взгляда, которым его пронизывал капитан, и, выдержав небольшую паузу, сказал не по-уставному: «Здравствуйте!» Капитан встал и пожал Пинчуку руку.

— Далеконько занесло вас, сержант!

— Так пришлось, — ответил Пинчук и потрогал порванный рукав маскировочного халата. — Теперь бы к своим скорее добраться.

— Это мы поможем, — капитан продолжал вглядываться в заросшее щетиной лицо Пинчука. — Досталось?

— Ни к чему об этом вспоминать, товарищ капитан.

— Да, ты прав. — Капитан вдруг перешел на «ты». — Сейчас отдохнешь немного, тебя покормят, и сообразим, как лучше тебе к своим добратся... Ты присядь... Одна секунда. — Капитан ткнул карандашом в расстеленную на столе карту: — Вот посмотри сюда: в этом месте ты пересек реку?

— Я переплыл ее.

— Ну конечно, я имел это в виду. Меня интересует тот берег.

— Понимаю.

— Как ты сумел пробраться к реке? То есть, — капитан опустил глаза, — какие там у немца игрушки... И как вообще...

— У них тут, видно, стык, — выдохнул хмуро Пинчук и торопливо стал рассказывать, сколько времени пришлось лежать, пока удалось пересечь траншею, от которой проведен ход сообщения к берегу, к воде, про колючую проволоку, про двот на взгорке, про то, что он, Пинчук, сам не понимает сейчас, как удалось проползти мимо всего этого нагромождения разных препятствий.

Лейтенант в фуражке стоял рядом, посматривал через плечо капитана на карту и пускал вверх колечки папирозного дыма.

Пинчук посмотрел на лейтенанта в упор:

— Дайте закурить. — Потом, затянувшись, он выждал паузу и сощурил глаза: — Берег у них под наблюдением. Это ясно. Следят за берегом. Нам пришлось часа два пролежать, пока удалось проползти к воде.

— Ты был не один?

— Нас было двое.

— А второй?

— Погиб...

Пинчуку не хотелось рассказывать подробности, и капитан будто почувствовал это. Некоторое время он молча разглядывал карту. Потом спросил тихо:

— На том берегу погиб?

— Нет. — Пинчук опять выдержал паузу, лицо его застыло, стало будто каменным. — В реке погиб. — Он оглядел холодно офицеров и добавил отрывисто: — Крупнокалиберный пулемет поливает реку вдоль и поперек, разве не видите?!

Лейтенант в фуражке вытянул шею.

— Видим. А что? — спросил он.

— Можно бы давно накрыть этот пулемет, вот что, — сказал Пинчук и опустил голову.

Лейтенант поглядел на Пинчука сверху вниз — немного надменно, немного насмешливо. Две недели назад лейтенант получил неожиданное повышение по должности: его назначили адъютантом батальона. Он до сих пор еще не привык к новым своим обязанностям по службе и иногда слишком горячо реагировал на всякие замечания, касающиеся «его» батальона. «Мой батальон» — он теперь часто говорил так и любовался при этом звуками своего голоса: ведь не какой-то там взвод и даже не рота, а батальон... Он был очень молод, этот лейтенант, и по молодости и неопытности своей считал, что слова сержанта сказаны только для того, чтобы уязвить именно его, батальонного адъютанта, упрекнуть его в плохом несении службы, в неумении командовать. Такое впечатление у лейтенанта усугублялось еще тем обстоятельством, что командир батальона слушал Пинчука спокойно и молчал, ничем не выражая своего отношения, а может, в чем-то даже соглашаясь с критикой. Подхлестнутый внезапно наплывшей обидой, лейтенант даже вспотел.

— Разрешите заметить, — сказал он, особо подчеркивая свое обращение с сержантом на «вы», — если бы каждый выполнял свой долг...

Договорить до конца лейтенант не успел, потому что в этот напряженный момент из угла землянки донесся мягкий девичий голос, и все, в том числе и Пинчук, повернулись на этот голос.

— «Омега» слушает, — певуче говорила девушка, склонившись над телефонным аппаратом. — Да, да. «Омега» слушает. Рядовой Лескова... Ах, проверка...

Наверно, голос этой девушки, которую Пинчук сначала не заметил, остудил воинственный пыл лейтенанта, который посчитал неловким вести споры с младшим по званию, да еще в присутствии подчиненной.

Несколько секунд длилось молчание. Потом капитан поднялся из-за стола и сказал вполне дружелюбно, обращаясь как бы одновременно и к Пинчуку, и к лейтенанту:

— Ладно, друзья. — Он пожевал губами, собираясь, видимо, еще что-то добавить, но передумал, повернулся к девушке: — Сходи-ка, Варя, пожалуйста, покормить надо сержанта.

Девушка тотчас же встала и вышла из землянки, Пин-

чук даже не успел разглядеть ее лица, необычным показалось само обращение капитана к девушке — «Варя», будто это происходило не в землянке комбата неподалеку от передовой, а где-то дома, в семейном кругу за вечерним столом, под большим розовым абажуром. Пинчук поглядел на капитана, который в раздумье прохаживался из угла в угол. «Сивый, наверняка из приписников, возможно, у него есть взрослая дочь, которую он часто здесь вспоминает».

— Ну что же, — продолжал задумчиво капитан, — вас сейчас покормят и устроят отдохнуть. Самое трудное осталось позади. Я понимаю, вам нелегко... — Что-то, видно, сместилось в душе капитана, он опять перешел с Пинчуком на «вы», хотя произошло это без всякого нажима, без подчеркивания, без какой-либо официальности. — Все же вы вернулись оттуда, вернулись к своим, и я поздравляю вас...

Пинчук молча встал и ответил на рукопожатие, капитан приоткрыл дверь и сказал тихо лейтенанту что-то насчет того, куда лучше поместить сержанта. Тот в ответ закивал головой и, когда капитан ушел, присел на скамейку в углу около телефона, изредка бросая косые взгляды на Пинчука. Лейтенант уже оценил свою горячность, а порванный маскхалат Пинчука, его обросшее, с запавшими щеками лицо красноречивее всяких слов говорили о том, что пришлось действительно пережить сержанту, когда он блуждал по немецкому тылу, когда плыл в холодной реке. «Но у нас тоже несладкая жизнь, — думал про себя лейтенант. — Нам тоже достается, и напрасно он про этот пулемет...» Лейтенанту хотелось как-то сгладить неприятное впечатление, возникшее от его слов насчет долга и обязанностей, и он размышлял, как лучше, не теряя командирского достоинства (эти разведчики так задаются!), заговорить с сержантом.

Конечно, Пинчуку и в голову не приходило, что мысли у сидящего около дверей лейтенанта могли относиться к нему. А если бы он знал об этом, то был бы несколько удивлен. Когда он сказал про пулемет, разве в его словах было что-то обидное для батальона, который здесь окопался и держит оборону? Он сказал правду и совсем не хотел обидеть лейтенанта, наоборот, тот обиделся и чуть не наговорил ему резкостей. Возможно, он, Пинчук, сунулся не в свое дело, лейтенант оборвал его. Но если

бы у него погиб в реке друг, если бы он плыл рядом, разве бы он не подумал то же самое?

Пинчук сидел за столом, опустив голову, тепло землянки расслабило его, и даже голод, который он еще вчера так неистово ощущал, не мучил его сейчас. Все будто застыло в нем, и все мысли покинули его, и не хотелось ни о чем говорить, и он был благодарен лейтенанту, который возился в углу и не донимал его вопросами. Наверно, он даже задремал, сидя за столом, потому что вздрогнул, когда дверь открылась и вошла Варя с чайником, с банкой мясной тушенки и буханкой хлеба.

Он протянул руку к кружке и взглянул в лицо девушке.

Никогда раньше не думал Пинчук, что обыкновенный чай, огонек коптилки и лицо девушки, устремившей на него свой взгляд, могут его взволновать.

— Спасибо, — буркнул Пинчук, неожиданно смутившись, затем обхватил ладонями кружку и сделал первый глоток.

Слегка закружилась голова от мясного запаха, который исходил от тушенки. Это было как возвращение к давно забытому: ведь со вчерашнего утра в его желудке не было ни крошки, если не считать маленький кусочек сухаря и несколько брусничных ягод.

Лейтенант встал и, видимо, чтобы не смущать Пинчука, вышел из землянки. Варя снова села к телефону, начала крутить ручку, вызывая для проверки то одну станцию, то другую.

Стараясь не чавкать и не греметь ножом, Пинчук расправлялся с тушенкой, откусывая хлеб, обычный ржаной хлеб, такой же пахучий, как и мясо.

— Давайте налью еще.

Девушка снова стояла перед ним, и теперь он разглядывал ее в упор. Она была совсем молоденькая, лет восемнадцать, не больше. Свет от гильзы падал на ее круглое, немного курносое лицо, волосы, выбившиеся из-под черного жесткого берета, казались чуть рыжеватыми. Он подставил кружку и, пока она наливала из чайника кипяток, все смотрел на ее полуопущенные, немного припухшие веки и на пушистые каемки бровей.

С ним творилось что-то невероятное, что-то необычное поднималось в нем. Хорошо, что лейтенант ушел. Хотя

какие глупости — мог бы и остаться. Смешно даже подумать...

Варя поставила чайник на стол и снова отступила в свой угол к телефону. Пинчук принялся за тушенку, стараясь как можно тише орудовать ложкой. Изредка он поглядывал на Варю. Ему показалось, что он теперь знает, почему адъютант носит новую фуражку. Что ж, у лейтенанта губа не дура... Им вдруг овладело непонятное раздражение: «Чего это в голову лезет разная чепуха. Жив, вернулся, и на том спасибо». Словно в отместку кому-то Пинчук яростно загремел ложкой. «Посмотрел бы я на этого лейтенанта в горяченьком местечке, полюбовался бы на его фуражку... — Пинчук тут же спохватился: — Да какое мне дело до лейтенанта и до этой девчонки... Все же странно получается, — вдруг подумал он, — когда она глядит на тебя, то можно поверить чему угодно... В этом, наверно, и состоит секрет».

Варя сидела в своем углу и делала вид, что занята исключительно своим телефоном. Сержант вернулся оттуда, с той стороны, он голоден, он устал, она все понимала, и, однако, длительное молчание казалось ей ужасно неловким. Она задавала себе вопрос: кто из них должен заговорить первым? Она или он? Наверно, она, потому что он здесь вроде гостя. Утвердившись в таком мнении, Варя подождала еще немного и потом сказала как бы между прочим:

— Слышали, вчера наши взяли на юге еще два города.

— Откуда же я мог слышать, — буркнул Пинчук, большими глотками допивая кружку.

— Ой, правда! — спохватилась Варя. — Извините...

Он ничего не ответил, даже не посмотрел в ее сторону.

— Налить еще чаю? — спросила она после паузы.

— Чуть-чуть...

Варя снова подошла к столу. Но Пинчук уже не решился разглядывать ее в упор. Он смотрел теперь на ее руку, обхватившую дужку черного от копоти чайника. Узкая маленькая рука — что можно сделать такой рукой на войне?

Он взял наполненную чаем кружку и стал пить, с удовольствием ощущая, как проникает в него тепло. Он не притронулся к сахару, который она положила перед

ним в маленьком пакетике. «Девчонки все сластены, наверно, экономит каждый кусочек». Шальная мысль пришла ему в голову. Он протянул руку, взял из кулечка белый квадратик и сунул быстро к себе в карман. «Я возьму это с собой — на память...»

Несколько секунд длилось молчание. Тишина в землянке, тишина за дверью, блиндаж, телефон, забытый в углу... Никогда Пинчук не предполагал, что бывает такая тишина.

— Ах, когда же эта война закончится! — сказала Варя.

— Дойдем до Берлина, тогда и закончится, — ответил сухо Пинчук. И, помолчав, спросил уже другим тоном: — Домой захотелось?

— Да, домой, — ответила покорно Варя. — Все ведь хотят домой. Вы тоже хотите. Правда?

Пинчук пожал плечами и ничего не ответил.

— Вы давно тут стоите в обороне? — спросил он.

— Недели полторы, может, чуть меньше.

— А сами что, — Пинчук быстро взглянул на нее, — при батальонном командире находитесь?

— Нет, — покачала головой Варя. — Я в роте связи, наши землянки расположены подальше, за лесом. А здесь меня заставили дежурить.

— Понятно, — протянул Пинчук и, почему-то обрадовался. — Связь, значит?

— Да, связь, — улыбнулась Варя.

— Понятно, — снова повторил Пинчук и, подумав, добавил: — Ваш комбат мне понравился.

— Капитан — хороший человек. Его все любят.

— Хороший, это я сразу понял...

Пинчук тяжело нахмурился и уставился на коптящий факел гильзы — в колеблющемся язычке пламени вдруг мелькнуло перед ним лицо Паши Осипова. Пинчук вздохнул и положил руки на стол, но тут же снова убрал их, стыдясь ссадин и грязи под ногтями. Все вдруг взбунтовалось в нем. Он сидит в теплой землянке за кружкой чая — опорожненная банка консервов, чайник, девушка в гимнастерке, из рукавов которой выступают маленькие узкие ладошки. А его друг Паша Осипов, может быть, все еще плывет в черной бездне, поглотившей его, черные воды треплют его кудрявую голову, и холодные струи заливают веселые цыганские глаза.

Молодцеватый лейтенант в фуражке и портупее вернулся.

— Я провожу вас в землянку, где можно отлично поспать, — сказал он, обращаясь к Пинчуку.

Пинчук встал, прищурив глаза, будто яркий свет бил ему в лицо. Зрачки его остро поблескивали, как два уголька. «Отлично поспать...» Ему казалось, что более глупых слов он еще не слышал. Как будто можно в одну секунду забыть все, что произошло с ним два часа назад, завалиться на нары и захрапеть. Он продолжал щурить глаза, уставившись в угол землянки. Раздражение бушевало в нем. Но, словно вспомнив что-то, он оглянулся на Варю и, встретив ее прямой взгляд, не сказав ни слова, шагнул к двери.

2

Было около двенадцати, когда Пинчук прибыл к своим.

Солнце, выглянувшее из-за облаков, рассекало лучами лесок с побитыми макушками деревьев, и горбатая поляна с пожухлой травой легко просматривалась за ними.

Пинчук перепрыгнул через канаву и увидел в гуще леска бревенчатый сруб сарая. Рядом курился дымок от костра, гудел где-то в стороне мотор. Кругом разливался свет, прозрачный и холодный, каким он бывает обычно осенью.

Все повторялось уже много раз за три года войны: он уходил и возвращался — иногда ночью, иногда на рассвете, иногда поздно вечером, очень редко среди белого дня, как сегодня. Дважды его приносили на плащ-палатке, и несколько месяцев он валялся в госпитале, а потом снова возвращался к своим, в свой взвод, разыскивая его по всему огромному фронту. Он попытался припомнить места, куда ему приходилось возвращаться после многочисленных вылазок в тыл врага, однако названия этих мест путались, а перед глазами вставали то землянки, то полуразбитые избы, то какие-то подвалы, сараи, однажды взвод располагался даже в церкви. Да, он возвращался. Бессознательно Пинчука мучило сейчас отсутствие привычной для него картины: не было короткой цепочки следующих за ним разведчиков с немецкими автоматами за плечами, по выработанной привычке шагающих точно один за другим.

Совсем близко в кустах прокричала птица. Пинчуку захотелось посмотреть, что это за птица, какая она на вид, он даже склонился, высматривая ее в пожелтевшей листве, но нигде ничего не увидел. Раздался приглушенный гром, несколько раз повторяющееся громыханье то угасало, то вновь нарастало, будто из огромных мешков высыпали картошку и она гулко стучала по деревянному настилу.

Что-то острое, колющее коснулось Пинчука, когда он услышал это громыханье, эти отзвуки далеких обвалов огня, сотрясающих землю. Он прикинул, где бы это могло быть, на каком участке фронта немец обрушил свой бомбовый удар, но громыханье прекратилось, и опять из кустов прокричала незнакомая птица, только теперь ее крик доносился чуть левее. Птица продолжала свой нехитрый напев, однако Пинчуку уже было безразлично, как она выглядит. Он шагал, сосредоточенно уставившись вперед.

Он вдруг вспомнил далекий жаркий летний день и прорыв из кольца, в котором они оказались в сорок первом году под Смоленском. Их полк разделили тогда на маленькие группы, и они пробирались к своим, минуя вражеские заслоны, отлеживаясь в болотах, иногда завывая кровопролитные схватки с немецкими мотоциклистами, теряя товарищей, с которыми едва успели познакомиться.

После одной схватки Пинчука ранило в руку выше локтя, он оказался в лесу один и долго блуждал, истекая кровью, пока не встретил Пашу Осипова, черного, злого, в разбитых сапогах, с сумкой из-под противогаза, наполненной патронами.

Паша перевязал ему руку, и они пошли вместе на восток, обходя деревни и большие дороги; они лежали, притаившись, в зарослях, ожидая, когда пройдет колонна немецких солдат, слушали выкрики вражеских команд, слюнявые звуки губных гармошек — ветер бил им в лицо запахами сгоревшего бензина, запахами немецких танков, гарью, поднимаемой мотоциклами. Ночами они лежали, прижавшись друг к другу, и смотрели сквозь вершины деревьев на недосыгаемые звезды, и думали об одном и том же: как далеко зашел в нашу страну немец.

Однажды после короткого и тревожного сна Паша рассказал, что видел во сне жену, будто они купали вдвоем

дочку, дочь шалила, брызгалась и пускала ртом мыльные пузыри. Паша был весь во власти того, что происходило с ним во сне, и цыганские глаза его хмельно улыбались. А Пинчуку была далека и непонятна его радость, он с удивлением смотрел в лицо Паши и про себя думал, чего тут особенного, почему Паша с таким восторгом рассказывает ему про эти мыльные пузыри, которые пускала его маленькая дочурка, расшалившись, — все это казалось ему таким несущественным, такой ерундой по сравнению с тем, что творилось сейчас вокруг.

В то первое тяжелое военное лето после недельного блуждания они наконец вышли к своим, вернее, прорвались, и когда Паша увидел красноармейцев, то сразу как-то обмяк и не мог смотреть прямо, и рот у него, когда он начинал говорить, судорожно кривился.

Далеким видением мелькнула перед Пинчуком эта картина: он с перевязанной бинтами, ржавыми от крови, рукой и рядом Паша Осипов, с заросшим черной щетиной лицом, с подергивающимися нервно губами. Их было тогда двое, когда они вышли от немца, и с тех пор — сколько было дорог, огня, смертей — они с Пашей уже не разлучались.

А вот сейчас Пинчук возвращался один.

Один...

А Пинчука уже ждали. Сколько раз приходилось возвращаться, но сейчас — Пинчук сразу почувствовал — ребята ждали его с особым чувством.

У дверей сарая стоял незнакомый солдат из пополнения. Пинчук прошел мимо него медленным шагом, чувствуя, как все нервы его напряглись. И тут же откуда-то сбоку раздался крик: «Пинчук пришел!» Потом наступила тишина, он увидел лейтенанта Батурина, своего командира взвода.

— Товарищ лейтенант, сержант...

— Знаю, все знаю, — ответил Батурин и обнял Пинчука, потом тут же отстранил от себя.

— Ты в порядке?

— В порядке, — сказал Пинчук и оглянулся вокруг, ища знакомых. — Здорово, Миша! — Он пожал руку старшему сержанту Пелевину.

— Запропастился ты, чертяка!

— Привет, Костя! — Пинчук стиснул руку Болотова.

— С возвращением, Леха! — На своих плечах Пинчук почувствовал железные руки Давыдченкова.

— Как у вас? Живы?

— Живы...

Неслась под ногами земля — в облаках, как в дыму, в шелесте листвы, переметаемой ветром, — и рябило в глазах от ее быстрого бега.

Кто-то поставил на грубо сколоченный стол бутылку спирта, кто-то нарезал ломтиками розовое аппетитное сало, в котелке дымилась картошка, звенели кружки, лейтенант Батурич снисходительно поглядывал вокруг.

— Ну, давай присаживайся. С возвращением!

Пинчук сел и выпил, закусив бело-розовым салом. Разведчики сели кругом и тоже выпили, поглядывая на Пинчука, на его опавшее лицо, на порванный маскхалат.

«Ну вот, — подумал Пинчук и вздохнул. — Ну, вот и все».

Вокруг в сумеречном свете сарая виднелись нары с накинутыми поверх плащ-палатками, лежали мешки, висели автоматы, сквозь узкое окно, прорубленное под крышей, проступали деревья — вокруг все было по-старому, и многие лица разведчиков, с которыми давно сроднилась жизнь Пинчука, смотрели на него спокойно и уважительно.

— Попов погиб. — Пинчук допил из кружки и закашлялся.

Он не стал рассказывать о том, как погиб Попов, какую ошибку тот совершил, когда нужно было убрать немецкого часового. Про Осипова сказал только, что тот плыл позади, метрах в двух от него, не больше, все время был рядом, потом всплеснули водяные фонтанчики от крупнокалиберного пулемета, он оглянулся, но Паши уже не было.

— Не вскрикнул, ничего такого... Кругом было полно немцев, может... — Он замолк, и все поняли, что хотел сказать Пинчук.

— А река широкая?

— Не очень, — сказал Пинчук. — Но было темно и нельзя было определить. По времени, сколько мы плыли, мне кажется, не очень широкая.

— Ну, давайте, — сказал тихо Батурич и поднял кружку.

Пинчук снова выпил. Водка на этот раз пошла плохо, Пинчук сморщился.

— Как вы тут?

— Воюем, — пожал плечами Батурин. — Пополнение прислали.

Пинчук медленно оглядел несколько незнакомых лиц. Солдаты, набранные недавно из стрелковых рот, смущенно опускали или отводили глаза в сторону. Хотя многие из них были не первый день на войне и, чувствовалось, видали разные виды, но все же держались скованно — их состояние, конечно, можно было понять: разведка есть разведка.

— Это хорошо, — машинально сказал Пинчук и попросил чаю.

Кто-то из новеньких, громыхнув котелком, бросился к выходу, через минуту кружка перед Пинчуком была наполнена чаем, другая быстрая рука поставила на стол трофейную круглую коробку из пластмассы со сливочным маслом, кто-то развернул пакет, в котором оказалась раскрошенная плитка шоколада. Пинчук намазал кусок хлеба маслом, откусив, повертел в руках коричневую шоколадную дольку, хлебнул из кружки.

— А Волков где?

— На передовой, — сказал Батурин.

— Федченко тоже не вижу.

— Также с ним, — вставил Пелевин.

Пинчук допил кружку и похвалил шоколад:

— Из старых запасов?

— Нет, — усмехнулся Пелевин. — Болотов в госпитале выменял.

— Там молоденькие докторши хотят с трофейными пистолетиками ходить, — хмыкнул Болотов. — Вот и выменял у них...

— А больше они ни на что не хотят меняться? — спросил чей-то бас.

— На спирт еще.

— А окромя спирту?

Раздался общий смех. Пинчук тоже улыбнулся и посмотрел в дальнюю сторону сарая, туда, где было его и Паши Осипова место. Взгляд Пинчука лейтенант понял по-своему и сказал разведчикам, чтобы они шли на занятия.

— Тебе надо отдохнуть! — предложил лейтенант.

— Ничего... Я уже немного поспал.

— Давай, давай вздремни...

Лейтенант подтолкнул Пинчука, разведчики, прихватив автоматы, выходили из сарая. И вдруг в самом деле Пинчук почувствовал страшную усталость, он оглянулся на Батурина — тот разговаривал с Пелевиным, объясняя, чем необходимо заняться сегодня с молодыми разведчиками. Пинчук прошел вдоль нар, увидел свернутый баулом трофейный спальный мешок Паши Осипова — была у Паши странность: здоровый, сильный, если находится в поиске, то ни дождь, ни холод ему нипочем, а как попадет к себе в расположение, так всегда мерзнет, вот и таскал всюду за собой спальный мешок. Ребята даже удивлялись... Пинчук вздохнул: «Теперь куда девать этот мешок? Может, себе взять?..» Думать, однако, об этом не хотелось. Пинчук лег на нары и закрыл глаза...

Он проснулся, когда уже смеркалось. В сарае было пусто, сквозь полураскрытые двери и узкое оконце проникал серый предвечерний свет. Пинчук приподнялся и сел на постели, освобождая себя от байкового одеяла, которым кто-то старательно прикрыл его. В головах на плащ-накидке белел бумажный треугольник — письмо.

Пинчук подвигал ногами — ужасно ныли икры — и снова растянулся на постели, повернувшись лицом к окну.

«Здравствуй, дорогой сынок!

Посылаю тебе свой привет, а также всем твоим товарищам поклон, чтобы были в полном здравии и благополучии. Твое письмо, Леша, получила еще сегодня утром и за день перечитала его много раз...»

Неровный, угловатый почерк со старомодно выведенными заглавными буквами. Пинчук как поглядел, так и представил: вот их комната с сиреневыми обоями, с беленым чистым потолком в старом деревянном доме. Вот лампочка под зеленым металлическим абажуром. Свет падает на лицо матери, озабоченное, доброе. Мать сидит за столом, сочиняет письмо, напишет слово и макнет машинально ручкой в чернильницу один раз, потом другой, выведет заглавную букву, подумает и снова макнет.

«Все дни пролетают при работе, при делах, а вечерами теперь сижу одна, потому что Колю нашего тоже позвали на военную службу...»

Пинчук отложил письмо и задумался: вот оно что, вот какое дело получается: Коля, его младший брат, ушел в армию. Он попытался представить братишку в армейской гимнастерке, в ботинках с обмотками и с винтовкой в правой руке, но ничего у него не получилось. Он надевал на него шинель, каску, он давал ему в руки автомат, однако результат был тот же. Слишком много времени прошло с тех пор, как сам он ушел из дому. И в его памяти Коля остался застенчивым светловолосым мальчиком, сторонившимся шумных уличных ребят, азартных игр в расшибалку и в футбол и часами любившим сидеть на берегу реки и смотреть непонятно на что — то ли на воду, как она течет, то ли на тот берег, где, кроме зеленой картофельной ботвы, ничего нельзя было увидеть до самого горизонта.

Пинчук вздохнул, вспомнив детство, маленький дворик перед окнами, где зимой ребята лепили снежных баб, устраивали горку и каток и где слышался визг и крик до позднего вечера.

В какую-то зиму мать купила Коле коньки, новенькие блестящие «снегурочки». Вечером, ошалевший от радости, Коля приспособливал коньки к валенкам, и когда лег спать, то поставил их рядом со своей постелью. А утром, когда проснулся, не одеваясь, босиком бросился к окну и увидел — на дворе оттепель и, где была раскатанная ледяная площадка, где обычно крутились на коньках ребята, там теперь темнела земля с проступившими кое-где пятнами сизой прошлогодней травы. Оттепель растопила всех снежных баб в городе и все горки во дворе. Коля от обиды расплакался, и плакал так горько, что его едва успокоили.

А теперь, значит, Коля вырос и его призывали в армию. Как летит время! Может, еще и фронта прихватит. Пинчук попытался представить Колю в окопах на фронте, но из этого опять же ничего путного не получилось.

«Провожать он себя не разрешил. Дошли до кино, он сказал: «Ступай домой...» И как я ни упрашивала, ни уговаривала, все же настоял по-своему. А другие матери проводили как следует, и шли с ними потом до самого вокза-

ла, и даже видели, как их в поезд посадили. Теперь жалею, что его послушалась, и, как вспомню про тот день, так сердце заходится: почему до вокзала не пошла, как многие другие...»

Только сейчас Пинчук ощутил, как это было жестоко с его стороны: ведь он тоже не разрешил матери проводить себя, когда его мобилизовали на действительную службу. Долгие проводы — лишние слезы. Это было осенью сорокового года. Они вышли тогда вместе из дому, мать шагала за ним, охала и вздыхала, Алексей про себя заранее наметил, что у перекрестка попрощается и повернет мать обратно. Было сухо на тротуарах, серое небо начинало синеть где-то за трубой лакокрасочного завода, лениво, точно спросонья, тренькал трамвай на остановке. В воздухе пахло близкими заморозками и бензином от урчащих грузовиков. У перекрестка Алексей вздохнул глубоко и остановился. «Давай прощаемся, мама!» И быстро несколько раз поцеловал мать, стараясь не замечать ее дрожащих губ и стекающих по щекам слезинок, потом повернулся и зашагал по улице дальше, бодро помахивая обшарпанным чемоданчиком.

У водонапорной колонки он обернулся: мать стояла на прежнем месте и смотрела ему вслед. Он помахал ей рукой, и она ответила, тоже помахала. Он пошагал дальше, к школе, где ему надо было сворачивать в переулок, и больше уже не оглядывался, зная, что мать стоит все на том же месте словно вкопанная. Стоит и смотрит в ту сторону, куда ушел ее старший сын.

«Затемнение на улицах сняли. Теперь против нашего дома опять горит фонарь и во дворе не так страшно ходить...»

Маленькие события, маленькие новости. Знает он этот фонарь, раскачивающийся на проводах посредине улицы. Свет от него через забор падал им в окна, и ночью по занавескам блуждали, колыхались сиреневые тени, будто кто-то шарил руками по стене. Пинчук помассировал левую икру, снова возвращаясь мыслями к тому, что мать теперь одна. В сороковом году, когда он уходил в армию, с нею был Коля (отец у них умер очень рано), а вот теперь она осталась совсем одна.

«Кланяются тебе соседи...» — шло длинное перечисление имен и фамилий. Пинчук свернул не спеша листок в прежний треугольник и посмотрел на адрес, написанный для верности по-печатному.

«От Коли должно скоро быть известие», — подумал Пинчук, прикидывая, как может сложиться у младшего брата военная жизнь: поучат немного, а там на фронт. Хорошо бы оказаться рядом. И представил: вот он идет в окопах, а навстречу ему парень в каске, из-под которой светятся знакомые синие глаза.

«Прости, конечно, но случайно твоя фамилия не Пинчук?» — спрашивает он у парня.

«Лешка, братан!» — кричит парень, и они обнимаются.

Пинчук снова прилег на нары и закрыл глаза, пытаясь ярче представить такую встречу в воображении.

«Может, тебе к нам во взвод перейти, Коля?» — спросил брата Пинчук, и вдруг вихрастая светлая голова оказалась совсем рядом, брат пристроился у него в ногах и рассказывал, как они вечерами сидели за столом с матерью и скучали без фонаря, который тогда не горел на их улице, и Пинчук улыбнулся загадочно, зная, что теперь фонарь горит и матери не страшно ходить через двор после смены.

Он нашарил рукой одеяло и укрылся, чувствуя, что дрема сковывает его, хотя разговор с братом все еще продолжался.

«Подожди, Коля, не торопись», — сказал ему Пинчук по поводу своих же слов о взводе, а Коля вдруг засмеялся и покачал светлой головой, и Пинчук на это ничего не ответил, только почувствовал, как ему стало очень грустно.

Поздним вечером, когда редкие звезды холодно мигали сквозь пелену облаков, Пинчук вышел из сарая. Негромко окликнув часового, прошел по тропинке к поляне, такой же темной, как и все вокруг, нащупал рукой ближнее дерево, прислонился.

Свежий ветер пахнул ему в лицо. Пинчук, прищурясь, бесцельно смотрел в темноту, вдыхал смешанные запахи запревающей листвы, стынувшего после летних знойных дней дерева, уходящей на покой земли. Пинчук выпался, даже бока заболели от лежания на нарах: сколько часов пролежал, никто не беспокоил его, на ужин и то не реши-

лись разбудить. А теперь сон отлетел от него, и в голове копошилась какая-то смутная, неясная мысль.

Ночь стояла над землей, и где-то в этой ночи была его мать, и был меньшой брат Коля, и были тысячи других людей, причастных к жизни, к ее бедам и горестям, касавшимся их близко или отдаленно, к ее радостям, большим и маленьким, к ее надеждам и беспокойствам.

После того как Пинчук прочитал письмо из дому, он вскоре опять заснул, а потом просыпался, но лежал с закрытыми глазами, ни звуком, ни движением не выдавая, что не спит. Он вспоминал Пашу Осипова, с которым был рядом более двух лет, и думал о том, как сообщить о гибели его жене, а когда дрема вновь сковывала Пинчука, он вдруг снова обнаруживал, что перед ним сидит на нарах брат Коля и кивает своей светловолосой головой, говорит и говорит что-то, но слов его Пинчук не может разобрать.

Тихо шелестели вверху макушки деревьев, стукнул о землю сломавшийся под напором ветра сухой сучок. Пинчук пошарил рукой по нагрудному карману, ища мундштук, и ощутил что-то твердое. Он сразу вспомнил: кусочек сахару — маленькое сентиментальное воровство... Ему стало не по себе — собственный поступок показался сейчас ужасно глупым. Хорошо, что никто этого не видел, а то бы ребята житья не дали... Он подумал, что за свои двадцать два года, подчиняясь первым душевным порывам, он совершил немало разных глупостей. Его просто вело иногда на глупости. До сих пор краснеет, вспоминая прошлогодний госпиталь. Год назад он лежал в госпитале с осколком в бедре. Тяжелая операция, глубокий наркоз. Розовощекое лицо, будто распахнувшее темноту, которая повисла над ним. Конечно, это лицо показалось ему тогда самым прекрасным на свете. Он лежал в палате для выздоравливающих, он бродил на костылях по коридору, и чудилась ему всюду легкая походка медицинской сестрички и ее розовощекое лицо. Он страдал от невнимания, от чувств, которые переполняли его, а потом кто-то из госпитального персонала посвятил его во все тонкости ситуации, и он узнал, что с розовощекой медицинской сестрой живет как с женой пожилой толстый фельдшер, у которого в далеком тылу есть законная жена и дети.

Вообще, если говорить о любви, то ее у Пинчука не было. Были разные наваждения, что-то вроде красочных

снов, которые приходили и уходили по мере того, как он вырослел, и которыми бывает полна голова любого юноши.

Одно из таких наваждений — луна, которую он раньше не замечал, когда учился в девятом классе, и рыжую Лельку из параллельного десятого «Б» тоже не замечал, и вдруг последняя школьная весна открыла ему сразу все: и луну, и рыжую Лельку.

Они шли тогда по узенькой полутемной улочке. Было пусто кругом и тихо. Старые липы нависли над тротуаром, звенела по карнизу капель, они шли и говорили о каких-то пустяках, которые сейчас невозможно вспомнить.

Тихая безлюдная улочка; освещенные теплым светом дома и зеленые брызги искр вдалеке, где проходила трамвайная линия... В те дни Леша Пинчук часто вел с собой немой разговор о том, где он окажется на будущий год, когда вот так же будет звенеть капель и будут пробуждаться от зимнего сна вековые липы, где и что с ним случится спустя двенадцать месяцев, какие оглушающие, великие события поджидают его в жизни.

Он не знал тогда, в ту минуту, что оглушающее и прекрасное событие произойдет с ним в тот же самый вечер. Как-то неожиданно возник небольшой дом с палисадником, в котором пока лишь торчали голые колючие кусты и белел кое-где спекшийся в лед снег; он услышал голос Лели, которая сказала, что они пришли, что здесь находится ее дом. Голос этот прервал размышления Пинчука, он рассеянно взглянул на девушку и в ту минуту, пожалуй, был даже рад, что они пришли, что сейчас Лелька уйдет и он останется один: ему очень хотелось побыть одному, чтобы еще побродить по тихим улочкам и помечтать о неизвестных будущих днях.

— Вот я и дома, — повторила Лелька и прислонилась к легонькой калитке палисадника, сколоченной из неоструганных реек.

— Здесь твой дом, — сказал он как будто удивленно, а на самом деле лишь для того, чтобы что-то сказать, потому что чудо, о котором он за минуту до этого даже не помышлял, уже надвигалось на него.

Куда и в какое необъяснимое мгновение улетучилась та Лелька, которую он встречал ежедневно в школе? Сейчас ему в лицо светили широкие, таинственно преобразившиеся глаза незнакомки; брови, нос, губы, волосы — все изменилось до неузнаваемости. Леша смотрел на нее и не

мог отвести глаз, и робость овладела им: да неужели это он сейчас шагал с ней рядом и говорил разный вздор? Неужели это он мог так небрежно смотреть куда-то по сторонам, когда она была рядом, мог мечтать непонятно о чем?! Собственное поведение показалось ему теперь кощунственным, он подумал, он испугался, что будет жестоко наказан за свое легкомыслие, что Лелька сейчас уйдет и он останется на этой тихой улочке один.

— Ты здесь живешь? — опять переспросил он и оглянулся, чтобы запечатлеть все, что окружало ее дом.

Он поглядел на деревья по другую сторону улицы, на матово поблескивающие крыши двух больших домов, он увидел золотистый круг луны, которая, как ему показалось, улыбнулась ему очень ласково.

Они снова говорили о чем-то незначительном, но каждое ее слово звучало ему неизъяснимой мудростью, каждый ее жест поражал его своей красотой, и он опять подумал: «Да неужели это та Лелька, которую я вижу ежедневно в школе?» И в голове теперь стучала лишь единственная мысль: как ему набраться храбрости, какой повод найти, чтобы не обидеть ее, чтобы она позволила ему повидаться с ней завтра или послезавтра, чтобы можно было опять пройти этой тихой улочкой и стоять около ветхого палисадника, видя перед собой ее неузнаваемо изменившееся лицо.

Все в последующие дни стало для него другим. Учил ли он отрывок из Пушкина, готовясь к экзамену, решал ли сложную задачу по алгебре, испещряя листок формулами и цифрами — перед ним стояли ее глаза, ее лицо, освещенное луной. И было ему все равно, что скажет учитель, и не замечал он даже пристальных глаз матери, он ждал только одного — вечера, когда увидит ее. А когда видел ее, ни о чем не мог говорить, они бродили в молчании по узким улочкам, и, охваченный непонятным страхом, он вглядывался в ее лицо, ощущение счастья охватывало его, если она улыбалась ему или он прикасался к ее руке.

Странно, конечно: днем Лелька была другой, некрасивой — круглое лицо с конопушками, белобрысая, — он встречал ее в школе и диву давался, хотя ему уже было безразлично, какая она сейчас. Он знал: наступит вечер, и тогда, тогда он увидит ту Лельку, которую никто не знает. Совершенно неожиданные превращения творила с

нею луна. Под ее серебристым светом Лелька была похожа на прекрасную царевну из книжки, из далекого детства.

Однажды он не утерпел и сказал Мите Наумову, соседскому парню, старше его годами, поражавшему всех своей серьезностью: «Днем нет луны, и Лелька другая... Зато вечером...»

Митя подумал над проблемой, пожевал губами, соображая, и вполне серьезно сообщил, что погода бывает разная, что небо часто заволакивают тучи и что технически невозможно таскать всюду за Лелькой луну. А без луны...

В то лето семья Лели переехала в другой город, следы ее постепенно затерялись. Но он долго не мог забыть эту девушку, и в ушах его порой все звенела хрустящая весенняя капель. И возможно, именно образ этой девушки сдерживал его, мешая добиваться мимолетных утех, к которым прибегали иногда его приятели...

Заурчал в стороне самолет, все сильнее и сильнее, звук напрягся, словно вел с кем-то спор, потом стало ясно, что в воздухе плывет многочисленная стая боевых машин, отправившихся на бомбежку, по-видимому, дальних объектов врага.

Гул самолетов давно стих, а слева начался очередной артобстрел противника. Разрывы сыпались один за другим, но глухо: сказывалось расстояние. Обстрел продолжался минут десять и закончился так же внезапно, как и начался. Пинчук еще некоторое время прислушивался, стараясь угадать, далеко ли это происходит, и поймал себя на мысли, что думает о девушке, которую встретил прошлой ночью в блиндаже комбата. Он провел рукой по темному стволу дерева и улыбнулся. На миг померещился коптящий огонек над самодельным столом в землянке. Несколько раз Пинчук, усмехаясь, повторил про себя: «Варя, Варя...» Он запомнил ее имя. Ему хотелось произнести его вслух, послушать, как оно звучит, и было вместе с тем отчего-то стыдно и неловко, будто его (взрослого человека) застали за игрой в фантики.

Тьма, кажется, стала еще гуще, еще чернее, но глаза Пинчука уже привыкли, и он видел другие деревья рядом и даже пенек неподалеку. «Нет, это где-то близко», — подумал Пинчук про только что замолкнувшую канонаду и необыкновенно ясно представил себе, как Варя наливает из закопченного чайника чай, взгляд ее опущен, и что-то

в этой позе ее, в наклоне головы показалось ему таким трогательным, что сердце его гулко застучало. Неужели такое могло быть: он сидит в землянке, и девушка наливает ему чай, и они болтают о разных пустяках.

Несколько минометных разрывов возникло справа. На передовой взмыли ракеты, жестко застучали, словно разбуженные, станковые пулеметы. Пинчук направился к сараю.

Около ворот на поваленном чурбаке темнела фигура часового; скрытая в его ладонях сигарка желтовато вспыхивала.

— Чего не спишь? — спросил часовой мальчишески-грубоватым голосом. Это был один из новеньких, но он не хотел казаться таким и немного бравировал, чтобы выглядеть бывалым фронтовиком.

— Днем выспался, — ответил Пинчук. Старания мальчугана показались ему смешными, но он не подал виду. — Я же чуть ли не с самого утра спал.

— Солдат спит — служба идет, — хмыкнул парень, видимо довольный, что с ним разговаривают на равных.

— Это верно, — задумчиво протянул Пинчук, стараясь в темноте разглядеть выражение лица собеседника. — Сам-то откуда будешь?

— Дальний, — вздохнул часовой, голос его вазвучал глухо. — Из сибирского города Омска. Слышал?

— Как не слышать. Большой город.

— Только я в нем в самом малом детстве жил. До пятого класса.

— А потом?

— Потом мне в разных местах пришлось жить.

— В городах?

— И в городах, и в деревне, — сказал часовой и затоптал окурок. — Из Омска мы переехали в Кисловодск, из Кисловодска — в Астрахань, еще позже в Воронеж...

— Работа, что ли, у родителей такая? — спросил Пинчук. — Места-то почему приходилось менять?

— Нет, работа обычная. — Пинчуку показалось, будто голос у его собеседника дрогнул. — Мы вдвоем с матерью ездили. Она теплые места искала.

Справа неожиданно снова с металлическим хряканьем донеслись разрывы мин. Пинчук выругался вслух, размышляя над тем, куда палит немец, что там может находиться.

— Там хутор, — сказал часовой, словно подслушав его мысли, и тон его голоса стал снова залихватским. — Сплошные кирпичи, и ни одного человека. А он каждый вечер выпускает по полсотне мин.

Пинчук постоял еще немного, испытующе оглядывая в темноте щуплую фигуру часового.

— Как зовут тебя? Столько времени говорим, а незнакомы.

— Егоров Николай, — ответил тот полусшепотом.

— Давно на фронте?

— Два месяца.

Пинчук занес ногу за бревно, положенное по земле и заменяющее порог. Из сарая доносился переливистый, с тонким присвистом храп. Пинчук секунду прислушался, потом сказал:

— Спокойной ночи, Коля.

— И тебе тоже... — Егоров на секунду замялся: видимо, он соображал, как лучше назвать Пинчука. — До утра чтобы спать крепко, товарищ сержант, — сказал он уже вдогонку, когда Пинчук осторожно шагал среди нар, на которых спали разведчики.

3

Ночь лежала над лесочком, над сараем, где обосновались разведчики, над громоздкими блиндажами штаба дивизии с трехкратными перекрытиями, с множеством телефонных проводов, веером расползавшихся во все стороны, над полем, над извилистой цепью траншей, ячеек и огневых точек переднего края, прикрытого сейчас темнотой, как бы затушеванных ею со всеми своими рвами, рядами колючей проволоки, минными полями и другими секретами. Ночь сровняла холмы и низины, леса и болота, реки и балки, и сам передний край и так называемая ничейная земля были бы невидимы, если бы не постоянно взвивавшиеся ракеты по ту и другую сторону рубежа, если бы не стремительные трассы пуль, проносившихся на встречу друг другу и обозначавших ту полосу земли на небольшом участке фронта, у которой наши войска после длительного наступления вынуждены были остановиться и повести долговременную и планомерную осаду противника. В штабных сообщениях такая осада противника называлась боями местного значения, которые всегда сопро-

вождались (об этом тоже указывали сводки) поисками разведчиков. А на солдатском языке переход к обороне и подготовка к новому наступлению назывались до обыденности просто — затишьем.

Ну кто из бывалых фронтовиков не помнит эти короткие, как мгновение, и напряженные, как удары человеческого сердца после долгого бега, дни фронтового затишья. Обживались блиндажи и землянки, которым старались придать хотя бы видимость домашнего уюта. Снова возникали забытые в постоянных боях привычки, закреплялись знакомства, и из какой-то непонятной глубины вдруг веяло, растравляя душу, необыкновенным теплом далекой мирной жизни — домашним окошком, вечерней беседой за столом и другими маленькими радостями, которые раньше как будто и не замечал. И так хотелось жить, и столько разных надежд роилось в голове у каждого! А письма из дома! А вопросы, державшиеся до сих пор поодаль: как найти восьмилетнему сынишке обувь, как починить разбитую фашистами хату, как посеять в одичалом поле хлеб. И все хотелось решить, и всем хотелось помочь, и самое сознание преодолимости свалившихся на плечи трудностей давало новое и не менее прекрасное ощущение жизни, ее силы и крепости, ее великого назначения, хотя где-то подспудно и стучало в голове, и мелькала горестная правда о том, что война еще не окончена, что всего лишь, как некий праздничный подарок, упало неожиданно в окоп солдату фронтовое затишье.

На разведчиков хоть издалека, но тоже, как косой солнечный луч из-за горизонта, падало это затишье. Однако работа их, опасная и напряженная, продолжалась и продолжалась с удвоенной силой, потому что разгадывать замыслы врага в пору, когда войска держат глухую оборону, еще труднее. Начальник штаба дивизии полковник Зуев именно в такие тихие дни желтел лицом. Ему вдруг начинало казаться, что в штабе никто ничего не знает о противнике, что за линией фронта, возможно, идут какие-то хитрые перемещения, возникают новые опорные узлы, подходят вражеские подкрепления, меняются части, а он обо всем этом и понятия не имеет. Перехваченные шифровки, показания пленных, схема обороны противника, появление в эфире новых радиостанций — все это тщательно изучалось, и ко всему этому разведчики имели самое непосредственное отношение, однако полковник Зуев

был неумолим, и с каждым днем ему все сильнее и сильнее не доставало еще каких-то новых сведений о противнике, и голос его грозно рокотал по проводам, идущим в полки, и от разведчиков он безжалостно требовал ежедневных, ежечасных новостей.

Когда утром следующего дня начальник разведки капитан Рослов вызвал к себе Батурина, грузноватый крепыш Маланов, заканчивавший завтрак, чиркнул ложкой по дну котелка и, обведя глазами вокруг, сказал:

— Готовься, славяне, дело будет.

Ему никто не ответил. Минуту в сарае стояло молчание. Потом кто-то глухо проронил:

— Вчера в штаб полковник какой-то приезжал.

— Ну, это ничего не значит, — буркнул чей-то голос.

— На запасной НП провода тянули...

Старший сержант Пелевин, оставшийся за командира, сомкнул выжженные солнцем ресницы и резко повернулся в сторону ворот. На гимнастерке звякнули награды.

— Кончай завтрак, товарищи.

— А чего паниковать, старший сержант? Успеется, — отмахнулся кто-то из глубины.

— Никто не паникует. А время.

— Время так время, — вздохнул тот же голос.

Пинчук лежал на нарах, привалившись плечом к вещевому мешку, смотрел в одну точку, на щель в стене, сквозь которую тянулась серая полоска света. Какое задание и кто может пойти — он прикидывал, перечисляя в уме фамилии разведчиков. Ввод недавно пополнили, из «старичков» осталось человек восемь. «Наверно, пошлют Пелевина или Волкова, — подумал он. — Волков дежурит на передовой, может, его и пошлют, а может, Пелевина».

В тишине было отчетливо слышно, как кто-то скоблил по дну котелка ложкой. Этот звук, старательно повторяемый раз за разом, раздражал Пинчука, и он, приподнявшись, хотел уже крикнуть, но скоблить внезапно перестали. «Нервишки пошаливают, — сказал про себя Пинчук, — разгулялись нервишки...»

Недалеко от проема ворот сидело несколько разведчиков. Слышался голос Пелевина. Слов нельзя было разобрать, но по тону голоса можно было понять: Пелевин по обыкновению уговаривал кого-то. Добрый до наивности, Пелевин всегда уговаривал, когда бывал «дома», не при-

казывал, а именно уговаривал. Про него даже анекдот ходил, будто жулик на него еще на гражданке напал и снял новое демисезонное пальто. На другой день Пелевин шагает в драной фуфайке — и вдруг видит того самого жулика в своем демисезоне. Схватить бы мерзавца, призвать к ответу — всякий бы так и поступил. Однако Пелевин принялся уговаривать вернуть украденное... Манера его сбивала с толку новичков, выходивших с ним на передовую; некоторые новенькие считали, что со старшим сержантом можно не церемониться. Они, конечно, попадали впросак, они не знали, что Пелевин, получив боевое задание, резко менялся и от его обычного добродушия не оставалось и следа; в голосе возникали такие нотки, что разведчики повиновались старшему сержанту беспрекословно. Перед ними был просто совершенно другой человек. Но это там, в деле. Когда же задача выполнена, группа вернулась к себе в расположение, Пелевин снова становился тем же Пелевиным, с которым можно спорить, которому можно сколько угодно возражать без риска навлечь на себя наказание. Самое большее, на что отваживался Пелевин, когда его кто-то ослушивался, — это на пространную мораль об Уставе гарнизонной службы, о порядке и дисциплине в армии, иногда беседа с провинившимся настолько затягивалась, что отпадала даже необходимость того дела, которое приказывал выполнить Пелевин, или кто-нибудь другой, не выдержав, вставал и делал то, о чем просил старший сержант.

Сейчас Пинчук слышал, как Пелевин, стоя в проеме ворот, говорил кому-то:

— Нехорошо. Лейтенант придет, а ты копаешься...

«Наверно, пошлют Пелевина, а вот кто пойдет с ним?» — снова подумал Пинчук, прислушиваясь к голосам переговаривающихся между собой разведчиков.

— Тут у них местность странная. Камни. Откуда столько камней?

Ломкий голос говорившего показался Пинчуку знакомым. Он тут же вспомнил: часовой, с которым разговаривал ночью. Егоров, кажется, его фамилия. А зовут Николаем, как и его меньшого брата. Пинчук обернулся и посмотрел на солдата. Оранжевого цвета выгоревшая гимнастерка, мятая пилотка сдвинута на затылок, вихры русых волос торчат на висках. Тут же послышался голос Болотова:

— Камни, братец, чтобы лучше было прятаться. Природа, стало быть, позаботилась.

Болотов говорит спокойно. Давно в разведке.

А новички насторожены, хотя тщательно скрывают это.

— Письмо, что ли, написать? — вздохнул кто-то.

И опять голос Болотова:

— Привет от меня милахе.

— У меня не милаха, а жена.

— Все равно кланяйся, — гоготал Болотов.

Кто-то из новеньких спросил Пелевина, будут ли сегодня занятия. Пелевин, пришивавший к гимнастерке подворотничок, на секунду замер с иголкой в руках, потом снова занялся своей работой.

— Ты слышал: лейтенант пошел в штаб, — сказал он.

— Ну и что?

— Как «что»? — Пелевин взглянул быстро на говорившего. — Лейтенант придет, тогда и узнаем.

— А может, он совсем по другим делам пошел? — не унимался говоривший.

— Может, и по другим, — согласился Пелевин. — Все равно, когда придет, тогда и узнаем..

И снова голос Коли Егорова:

— Я тоже, пожалуй, черкну письмецо.

— Черкай хоть двадцать... Кто тебе не велит.

Таким желчным тоном может говорить только Маланов. Пинчук обернулся и посмотрел: да, это Маланов, вот он поднялся с нар и зашагал к выходу. Не может Маланов спокойно слушать про письма, это известно многим. Но не всем. Коля Егоров, конечно, ничего не знает и, возможно, обиделся на Маланова за его тон.

Вон Пелевин склонил лысеющую голову и объясняет Коле. Пинчук знает, о чем сейчас говорит Пелевин. О том, что для Маланова письма — больной вопрос, что, когда с Ленинграда сняли блокаду, он раз десять писал в разные места, но никакого ответа. А в Ленинграде у Маланова оставались отец, мать, сестра и, кажется, девушка.

Пинчук вдруг вспомнил, как два месяца назад Маланов получил наконец письмо. Развернул конверт, разволновался... А в письме: «Дорогой товарищ боец, я хочу с тобой переписываться...» Рассердился Маланов и разорвал письмо. Потом стало известно: кто-то в штабе придумал для него эту переписку, посчитал, видимо, что тем самым

сможет облегчить переживания Маланова. И девушку специально уговорили... Да ничего, видать, из этого не получилось.

— Братцы, — слышался задумчивый голос Пелевина, — а ведь не за горами Октябрьская...

— Может, к Октябрьской и до Германии дойдем, — сказал черноволосый солдат из новеньких.

— До Германии едва ли, — произнес Пелевин, — вон еще какая махина осталась: шагать да шагать. — Пелевин наморщил лоб, подсчитывая. — Месяц с какими-то днями до Октябрьской. Нет, не успеем. Может, немного попозже, а к Октябрьским никак не успеть.

— Старший сержант все разметил: когда какой город будем брать, когда форсировать Вислу, когда Одер, — вставил замечание Болотов. — Как в Генеральном штабе.

— Да нет, я ничего не размечал, не наговаривай лишнее, — сказал Пелевин. — Я просто праздник вспомнил. — Пелевин вдруг улыбнулся. — Хорошо у нас праздник встречали, весело. Музыка с утра, голоса кругом, ребята бегают. Наших энтээсовских в район на машине возили. На площади демонстрация, а наши — на трибуне.

— И ты — на трибуне? — спросил Болотов.

— И я, — кивнул головой Пелевин. Если хочешь знать, то с секретарем райкома мы стояли вот так, как с тобой. И с председателем райисполкома тоже.

— Ты смотри, какой у нас старший сержант! — повел бровями Болотов. — С начальством запросто.

— Вот такой, — ответил спокойно Пелевин. — Наша МТС в области была первой. Трактористы, механики — как на подбор. Секретарь райкома так и говорил: «Ну, в даниловских я верю (Данилово — наш поселок). Даниловские не подведут...»

— Это где же Данилово, товарищ старший сержант? Случаем, ты не с Севера? — спросил опять тот же черноволосый разведчик.

— Нет, — покачал головой Пелевин. — Данилово от Сталинграда ровно на двухсотом километре, если по Волге идти. Немец к нам добирался, да не добрался. Поселок, почитай, перед войной отстроили. Все было: магазин, клуб, кино каждое воскресенье и школа... А река — ну Волга, само собой, а приток ее у нас течет — Пахна. Вот это речка! — Пелевин опять улыбнулся, блеснув удовлетворенно глазами. — Быстрая да чистая. И рыбы сколько

хочешь. А лес рядом! Тут я сколько за войну прошел, но такого леса, как у нас, не видел. Сосны — до облаков...

Пинчук, лежа на нарах, улыбался. Загнул Пелевин: сосен до облаков не бывает. Переборщил малость с размерами старший сержант... Хотя что из того, продолжал свои размышления Пинчук, пусть и переборщил, не без этого... Видно, очень любит свои родные места. Вон как рассказывает: так и хочется взглянуть на быструю речку Пахну, которая ни на одной карте не обозначена.

Между тем справа от Пинчука решалась весьма серьезная проблема. Веснушчатый, со шрамом на щеке, разведчик (тоже из пополнения) рассказывал сидевшему перед ним солдату про какого-то своего дружка, который знал всю его переписку со «стервой Маруськой», и когда оказался в госпитале, то каким-то образом вызвал Маруську к себе и женился на ней. Веснушчатый показывал фотографию Маруськи и спрашивал совета: стоит ли поднимать из-за такой ситуации шум? Кажется, приятель его, поглядев на фотографию, советовал не поднимать шуму, предлагая написать бывшему дружку письмо, обложив его по всем правилам. И тут же начал вслух прикидывать, как лучше всего написать.

Разговор двух приятелей Пинчуку не удалось дослушать, потому что в сарай вошел Давыдченков и, размахивая газетой, как флагом, возбужденно блестя глазами, сообщил, что Финляндия запросила у нас мира.

В сарае стало тихо, головы всех повернулись в сторону Давыдченкова.

— Вот тут написано, — продолжал Давыдченков и начал читать: — «Правительство Финляндии обратилось к СССР с просьбой...»

— До чего ушлые! — сказал ядовито Маланов, который тоже вошел следом за Давыдченковым в сарай. — Запросили мира? Ну, а наши что?

— Что наши? — не понял Давыдченков.

— Принимают?

— А чего не принимать, — рассудил деловито Давыдченков. — Одним фронтом будет меньше.

— Вишь как у тебя просто, — сказал Маланов насупившись. — Когда германцы напали на нас в сорок первом, эта Финляндия что сделала? Из-за угла. На нас из-за угла. У меня, между прочим, брат на финской границе служил... Понятно?

Все согласились с Малановым: действительно, напала Финляндия на нас, не посчиталась, хотя имелся с ней мирный договор.

— Я бы их научил, как писать черным по белому! — погрозил пальцем куда-то в пространство Маланов. — Раз и навсегда научил...

— Не принимать — и точка, — отрубил кто-то из разведчиков.

— Во дают — дипломаты! — усмехнулся Давыдченков. — А скажите, при чем тут финны? Скажите, пожалуйста?

Разведчики замолчали.

— Правительство финское пошло против нас, — сказал Давыдченков, польщенный общим вниманием. — А финны тут ни при чем. Финны, ну там рабочие или крестьяне, они же совершенно ни при чем. Уразумели?

Маланов ничего не сказал, махнул обиженно рукой и отвернулся.

— Я вам сейчас одно место прочту, — сказал Давыдченков, шурша газетой.

Однако прочитать Давыдченков не успел, потому что в сарай, стуча по настилу сапогами, вбежал дневальный и крикнул так, будто за ним гнались:

— Старший сержант! Крошка с передовой шагает!

— Ну и что! — неожиданно строго произнес Пелевин. — Чего орешь? Или устава не знаешь?

Действительно, через некоторое время в сарае появился сержант Волков, прозванный за богатырский рост, за длинные, как оглобли, руки Крошкой. Глядя на него, было довольно-таки трудно представить, как такой верзила ползает по передовой, где каждый бугорок пристрелян. Демаскировка полнейшая. Тем не менее Волков воевал, ходил на передовую, брал «языка», и товарищи, бывавшие с ним вместе, не обижались на него, хотя ради истины следует все же сказать, что в случаях, когда требовалась особая сноровка и осторожность, Волкова старались не посылать. Волков, конечно, ничего об этом не знал, а считать себя обделенным боевой работой не приходилось: война ежедневно подкидывала на долю Крошки немало разных дел.

Внешне он с первого взгляда казался очень суровым,

и улыбка, которая почти не сходила с его лица, не только не скрашивала этого впечатления, а, наоборот, даже усугубляла.

Происходило это потому, что улыбался у Крошки только рот, открывавший при этом его желтые, вкривь и вкось поставленные широкие зубы. Эти зубы придавали его лицу какое-то злое и тяжелое выражение.

Крошка крикнул: «Здорово, братва», повесил свой автомат на первый попавшийся гвоздь в стене сарая и скользнул глазами по нарам.

— Пришел, стервец! — пробурчал он, подойдя к Пинчуку, и тут же его огромная лапа начала сжимать Пинчуку руку.

К приемам Крошки уже давно все привыкли. Если он возвратился благополучно из немецкого тыла или с передовой или кто-то другой вернулся невредимым из поиска, то повторялось одно и то же: Крошка предлагал всем свои могучие рукопожатия — только таким образом он выражал свой восторг.

— Ну тебя к черту, слушай! Хватит! — сказал Пинчук, освобождаясь.

— Хватит, говоришь, — ворчал Крошка, скаля в улыбке свои лошадиные зубы. — Говоришь, хватит. А ты погромче скажи. Я хочу, чтобы ты сказал об этом погромче... Мы хоть послушаем, какой у тебя голос. Ну-ка, мы хотим послушать...

Наконец он отпустил Пинчука, но продолжал с удовольствием оглядывать его, тыча руками то в бок, то в плечо, потом схватил со стола чайник и, запрокинув голову, начал шумно и долго пить. Капли стекали с его подбородка на гимнастерку, кадык на жилистой шее мощно ходил вверх-вниз. Напившись, он гулко вздохнул и улыбнулся.

— Завтракать будешь? — спросил Пелевин.

— Я сыт! — Крошка провел пальцем по горлу, обозначая этим, что заправился отлично.

— Где же тебя накормили?

— Смотри, ребята, у Крошки блат завелся!

— Приласкала какая-нибудь!

— Да нет, хлопцы, — добродушно отмахнулся Крошка. — В пехоте поел. Там ребята кабанчика пудика на три запалили, вот и меня пригласили попробовать.

— Рассказывай сказки!

— Да честное слово, — смущенно бормотал Крошка, внутренне очень польщенный намеками разведчиков. — Вы же знаете. Да ну вас к лешему! А лейтенант где?

— Лейтенанта Рослов вызвал.

— Понятно. — Крошка сделал бровями мгновенное движение снизу вверх. — Понятно, — повторил он и, ослабив поясной ремень, растянулся рядом с Пинчуком на нарах. — Как ты выбрался, Леха?

— Паша Осипов погиб, и Попов погиб, — сказал Пинчук.

Крошка крикнул и помолчал, желваки на его скулах напряглись.

— А вчера капитана Хватова убили.

— Хватова? — Пинчук поморщился. Он давно знал пожилого, с изрядной сединой в волосах командира первой роты. — Как же получилось?

— Снайпер, — сказал Крошка, устраиваясь поудобнее на нарах. — Так вроде тихо, но гляди да гляди. Чуть что — сыпанет, головы не поднимешь.

— Следит?

— Еще как! — Крошка витиевато выругался.

Оба с минуту помолчали.

— Просись, Леха, в отпуск.

— В какой еще отпуск?!

— В самый обыкновенный. Тебе отдых положен. А у нас, — он повел глазами в сторону, — глухая оборона.

— Для нас что оборона, что наступление — все едино.

— Ну не скажи. В пехоте говорят...

О чем говорят в пехоте, Пинчуку услышать не довелось. Крошка вдруг мощно всхрапнул и повернулся на бок, и было совершенно очевидно, что он заснул, и Пинчук по давнему опыту знал, что никакие силы теперь не способны вернуть Крошку к разговору.

Отпуск! Слово это отчетливо зазвучало в нем, приобретая с каждой секундой заманчивую и вполне конкретную реальность. Ему дали отпуск. Он прищурил глаза, как бы соображая и рассматривая, что там маячит перед ним впереди, и увидел ночной вокзал (почему-то Пинчуку казалось, что все поезда в его город приходят ночью). Он увидел прохладную, окутанную тьмой улицу и горящий вдалеке фонарь. Он представил, как бредет по этой улице, где знал каждый дом, каждую царапину на заборе, каждую выбоину на земляном тротуаре. Сердце его

тревожно забилося, будто он и в самом деле шагал в колеблющихся отблесках фонаря, направляясь через двор к окошку, за которым его ждала мать. Сейчас он постучит, глухо и осторожно, как когда-то, давно-давно, когда он запаздывал, провожая после танцев в городском саду девушку. В ушах его почти физически четко отдавался этот стук, и он увидел, как спустя мгновение колыхнулась занавеска и за стеклом выступило родное лицо матери, и он протянул к ней руки, точно хотел немедленно обнять ее, и потом бросился к крыльцу, ожидая ее торопливых и таких знакомых шагов. «Мама, мама, теперь ты одна, и какое было бы действительно счастье, если бы я мог хоть на час, хоть на несколько минут повидать тебя». Пинчук потер ладонью лоб, как бы стараясь сбросить, отогнать мираж, неожиданно и неведомо с каких облаков спустившийся к нему в этот сарай. Он посмотрел в дальний угол, где разведчики вели еще свой неторопливый разговор; струи табачного дыма поднимались и ползли вверх под стропила. Однако Пинчуку все еще чудилось, что в лицо ему веет воздух родного города, хрусткий и пахучий в осеннюю пору то ли от близости реки, то ли оттого, что это был воздух родного города. И он жадно вдохнул его в себя, остро чувствуя, что дом далеко, что кругом война, которая делает свое дело привычно и нерушимо.

Вернулся лейтенант Батурич. В серых, чуть прищуренных глазах — непроницаемость. Ни слова о том, зачем вызывал начальник разведки. Достал новенькую пачку «Беломора», сам закурил, угостил ребят.

— Волков пришел?

— Отсыпается, — сказал Пелевин, пытливо всматриваясь в лицо командира.

— Очень хорошо, — протянул лейтенант, снимая с гвоздика бинокль.

Пелевин сделал глубокий вдох.

— Нам что? На занятия?

— Давно бы надо, — сказал Батурич. — Не пойму, чего вы прохлаждаетесь.

— Вас ждали, — объяснил Пелевин. — Может, думали, указания какие поступят.

— Все по-прежнему, — ответил Батурич и посмотрел

на часы. — Занятия по расписанию. Варзин, собирайтесь: пойдете со мной на передовую.

И, перекинув планшетку через плечо, Батурий вышел из сарая. Следом за ним, прихватив автомат, выскочил крепыш Варзин, на ходу закидывая в карман сухари. Неторопливо пошагали они натопанной тропинкой через лесок. Пинчук, Пелевин и другие разведчики стояли в воротах и смотрели им вслед. Всем было понятно: есть задание, и лейтенант пошел соображать как и что.

Над передним краем появились два «мессера». Они пролетели в наш тыл, захлопали зенитки, и самолеты сделали разворот, прошли вдоль фронта, повторили разворот и через минуту повернули к себе. Потом на фоне синего неба выплыла «рама» — немецкий корректировщик.

— Второй день крутится, — сказал Пелевин, ни к кому не обращаясь.

Пелевин некоторое время прислушивался к нудному стрекоту фашистского самолета, потом скомандовал:

— А ну, выходи на занятия!

Разведчики нехотя разобрали автоматы, потянулись цепочкой из сарая.

— Опять ползаты!.. Сколько можно!..

Старший сержант делал вид, будто не слышит этих разговоров. Стоял в воротах, поглядывая по сторонам. Глаза у Пелевина маленькие, с короткими и редкими ресницами.

Иногда он останавливал кого-нибудь и просил:

— Прихвати, пожалуйста, парочку лопат.

— Гранаты там, в ящике. Захвати, друже, штук пять.

— Давыдченков! Может, останешься, подневалишь?!

Сухощавый, носатый Давыдченков повеселел. Занятия ему всегда поперек горла: в разведке около года, а за войну побывал в разных переделках, обучен — лучше быть не может. Новички — те другое дело, им надо познавать науку.

— А ты куда? — Пелевин мягко схватил за руку Пинчука. — Управляюсь один. Отдыхай.

Коротко взглянув на него, Пинчук кивнул головой.

Затихли шаги разведчиков, взвод ушел. Пинчук стоял у ворот, посмотрел на небо, запеленатое редкими облаками. После всего, что недавно произошло с ним,

после напряженной, полной опасности недели он еще не может прийти в себя, что-то тревожно бьется внутри. Может, надо было пойти с хлопцами, развеяться, но какая-то лень сковала его. Он присел на бревно, прислонившись спиной к стене сарая, достал из нагрудного кармана папиросу, которой его угостил лейтенант, закурил. В сарае энергично звякал котелками Давыдченков. Время от времени слышались его шаги: Давыдченков появлялся в проеме ворот, делал широкий взмах рукой и выплескивал воду из котелка, норовя при этом обязательно попасть струей в толстую, с поздреватой почерневшей корой березу. Было такое впечатление, что Давыдченков не столько моет котелки, сколько поливает березу.

— Дышишь, сержант! — кричал Давыдченков и, не дождавшись ответа, уходил снова в сарай.

Пинчук курил, уставившись бездумно в прорезь между деревьями, где плыли клочковатые облака. Иногда в прорези показывалось голубое небо, и Пинчук неожиданно затеял странную игру — он начинал считать: один, два, три, четыре, пять... Плыли над головой облака, и вдруг прорезывалась голубизна — счет начинался снова. Так он пытался решить, чего больше — облаков или чистого неба. Иногда счет доходил до пятидесяти, иногда обрывался сразу. Подвести же итог никак не удавалось.

Из сарая вышел Давыдченков, без гимнастерки, в нижней, кремового цвета, рубашке с тесемками на вороте вместо пуговиц. Поглядев вокруг, он направился к сучковатой, с отбитой макушкой сосне и начал пристраивать зеркало.

— Побреемся, сержант! — крикнул он.

Давыдченков был родом из Челябинска. До войны работал электриком при домоуправлении — кому утюг починить, у кого пробки неисправные заменить, абажур новый повесить. С разными людьми приходилось иметь дело Давыдченкову, но, по его собственному выражению, он всегда держался на высоте.

— Фасон наводишь? — сказал Пинчук. — Ну правильно. Мне тоже надо.

— Хочешь, я тебе другую бритву достану?

— Да зачем. Ты брейся, а потом я. Не спеши.

Давыдченков, пристроив на сосне зеркало, покрутил в каком-то черепке помазком, намылил подбородок, шею.

— Видел вчера в штабе одну. С покрашенными губами, между прочим...

— Все понятно, — усмехнулся Пинчук.

— Да нет, ты напрасно, сержант, — сказал Давыдченков, оттягивая пальцами кожу на щеке. — Думаешь, я что-нибудь такое? Нет! — Он окунул в чашечку бритву и провел ею по щеке, смахнул пену, потом еще раз провел. — Просто я привык, чтобы все, значит, на высоте.

У Давыдченкова были любимые слова — «на высоте».

— А чего тут удивительного? — сказал Пинчук. — Если бы и познакомился.

— Конечно, ничего удивительного, — согласился Давыдченков. — Губы у нее покрашены. А так — на высоте. Ты сколько раз бреешься?

— Смотря когда, — ответил рассеянно Пинчук. — Если зарастешь крепко, так раза три бороздить надо. Ну, а обычно одного раза хватает.

— Ты счастливее, — сказал Давыдченков, снова вертя помазком в черепке. — А у меня такой волос, что беда: на другой день бреешь, все равно два раза требует.

Вдруг Давыдченков перестал крутить помазком и сделал серьезное лицо.

— Я вчера одного парня встретил. Из роты связи. Он говорит, что наш фронт может простоять здесь долго.

— Откуда он знает, сколько мы будем стоять? — сказал Пинчук.

— Ну как же, связисты — разговоры там разные... Он говорит, что пока немца к Берлину не прижмут, до тех пор мы будем тут топтаться.

— Так и сказал: топтаться?

— Так и сказал.

— Ишь какой орел выискался, — покачал головой Пинчук.

— А может, верно говорит?

— Не знаю. По-моему, никто не знает. Мне кажется, что в самом Генеральном штабе и то не скажут тебе.

— Почему?

— Потому что еще неизвестно, что и как. Еще до Германии надо топать да топать...

Последний довод показался Давыдченкову убедительным. Но все же какие-то соображения продолжали бродить в его голове.

— Очень меня интересует, как мы будем дальше наступать, — сказал он.

— Да зачем тебе? — удивился Пинчук. — Стратегию, что ли, изучаешь?

— Нет, не стратегию, — серьезным тоном произнес Давыдченков. — Мне просто обидно, если мы войну закончим на этих хуторах.

— Обидно?!

— Конечно обидно. — Давыдченков сбросил с бритвы клок пены и посмотрел на Пинчука. — Столько пройти — и в Германии не побывать!

— Вот тебе раз! — Пинчук даже передернул плечами. — Говоришь так, будто ты на ярмарку приехал и выбираешь... Фронт-то вон какой: кто-то здесь, а кто-то с другого края...

— Кто-то — это меня не интересует, — прервал Пинчука Давыдченков. — Мне лично желается быть на германском направлении.

— Да мы все на германском.

— Ты словами не прижимай меня. Знаю, что все. Я тебе сказал: хочу лично войти в ихнюю страну.

— Немцев, что ли, не видал?

— Видал, сам знаешь.

— Тогда чего же?

Давыдченков переступил с ноги на ногу, вытер бритву и посмотрел на Пинчука в упор.

— На ихнюю жизнь хочу взглянуть. На ихних стариков, на баб... Чтобы и они, конечно, увидели меня. Вот, дескать, тот человек, которого мы хотели уничтожить, а он теперь шагает по нашей земле... Чтобы поняли, что они наделали, когда посылали к нам грабить да убивать.

— Постращать, что ли, хочешь?

— Зачем? — Давыдченков снова помолчал, соображая. — Не пострадавший, а предупредить. По-серьезному и в последний раз предупредить.

Пинчук внимательно поглядел на Давыдченкова: сколько времени воюют рядом, а ведь он, оказывается, совсем мало знал этого парня.

— Не беспокойся, Вася, предупредят, где надо. Там предупредят! — Пинчук ткнул пальцем куда-то вверх. — Там это виднее и покрепче можно сделать.

— Там само собой, — упрямо настаивал на своем Давыдченков. — А я со своей стороны то же хочу сделать.

— Может, тебе рапорт командующему фронтом подать? Так, мол, и так, я, Василий Давыдченков...

— Вот возьму да и сочиню.

— Вот переполох будет в штабах.

— А что? — хитро прищурился Давыдченков. — Кое-где будет.

— В медсанбате, что ли?

— Ну, чертушка! — рассмеялся Давыдченков. — Соображаешь... Брейся, слушай, я уже закончил.

Давыдченков снова начал балагурить, рассказал, какие тут, в медсанбате, паршивые порядки: девчонкам шагу из палаток не дают ступить, и что старшина в роте стал ужас какой прижимистый...

Пинчук встал, подошел к сосне, на которой было пристроено зеркало. Быстро сбросил с себя гимнастерку, взялся за помазок. Давыдченков поливал себе из котелка, умывался, шумно фыркая и отплевываясь. Минутой позже он, уже одетый, расчесывал свой каштановый чуб, косил глазами на Пинчука и говорил:

— Люблю, чтобы все было на высоте. Чтобы по первому классу. Мне поэтому в разведке очень нравится. Ребята тут фартовые... Молодцы ребята. В пехоте все же не то.

— В пехоте есть тоже хорошие ребята.

— Да не о том я! — горячился Давыдченков. — Вот сейчас, ты знаешь, я не понимаю людей, которые... Ну посмотри на другого — черт его знает на кого похож, вылезет из землянки — и родная мама не угадает. Все, все знаю, что ты скажешь. Условия, бои и разные другие штуки. А у нас что, сплошные именины, что ли? Не тебе об этом рассказывать. А посмотри на ребят. Вон Болотов.

Пинчук согласно кивнул головой, представив себе Болотова. Умеет одеться картинно. Пилотка — набочок, с особым шиком. Гимнастерка чуть укорочена, галифе в порме, а у другого посмотришь — будто два огромных лопуха по бокам.

— Возьми Маланова, — продолжал свои размышления Давыдченков. — Да хоть кого угодно. Разведчика сразу определишь. Я еще моряков люблю — у них тоже есть свой шик. Поэтому, брат, и девочки бегают за ними... Что ты! Еще как бегают! До войны я только и мечтал про флот. Война началась — попал в разведку, тоже, считая, неплохо... Тут, в санбате, одна фигурка появилась,

не махнуть ли нам, сержант, а? Вроде как для налаживания контактов...

— Насчет внешности ты не совсем прав, — сказал Пинчук, чтобы уклониться от предложения Давыдченкова. — Разные есть ребята. Про Пелевина, к примеру, никогда не скажешь, что он разведчик, то есть в том смысле, что внешность у него самая обычная.

— Ну, — улыбнулся Давыдченков, и нос его, кажется, стал еще длиннее, — такой Пелевин, по-моему, единственный на весь фронт. Тут ты прав целиком. Иногда глазам просто не веришь, что вот именно он два часа назад был вместе с тобой на той стороне... Может, потому что он постарше нас. Хотя Паша Осипов покойный, кажется, ровесник был Пелевину, и тоже женатый... Но шик любил. Помнишь, как однажды Паша явился в кожаной куртке, маузер на боку. Забыл, где он раздобыл все это. А фуражка летная — с золотым «крабом».

— Да, было! — Пинчук вздохнул. — Где мы тогда стояли? Кажется, это было после Днепра?

— Это было, по-моему, вскоре как пришел Батурин.

— Да нет же. Батурина еще у нас не было.

— В штабе Пашу, помнишь, заставили снять летнюю фуражку и отдать маузер. А в кожаной тужурке он еще долго форсил.

— Какой был парень! — сказал Пинчук и замолк.

Помолчал и Давыдченков. Оба сидели на бревне у сарая. Тихо поскрипывал в листве надломленный сук под порывами ветерка. По стволам деревьев ползали солнечные лучи. День окончательно разгулялся, глухо слышалась вдалеке стрельба; на большаке, проходившем в тылу, что-то гудело: то ли танк, то ли тягач.

— Слушай, значит, он даже и крикнуть не успел?

— Нет, — покачал головой Пинчук.

Снова замолкли. Отчетливо донесся скрип дерева — теперь с другой стороны сарая.

— Тут кругом все деревья побиты осколками да пулями. Наддай посильней — и повалятся, — сказал Давыдченков, задирая голову и оглядываясь.

— Не повалятся, — сказал Пинчук хмуро.

Давыдченков быстро поглядел на товарища и ничего не ответил. И стало вдруг как-то неестественно тихо вокруг, даже ветер прекратил свои порывы. Оба молчали и смотрели куда-то в гущу опадавшего леса, в мелькавшую

сквозь макушки деревьев голубизну неба, и перед обоими кружилась желтеющая листва и колыхался, плыл в тумане знакомый голос, вставало в расплывавшемся высоком облаке смуглое, с горячими цыганскими глазами лицо Паши.

Давыдченков ко всем во взводе относился ровно, он каждого жалел, но если погибал к тому же настоящий разведчик, то Давыдченков прежде всего задумывался о том, с кем ему идти в очередной поиск. Паши Осипова нет, вычеркнут его штабные писаря из списков взвода, ребята еще некоторое время будут помнить, какой был Паша, как говорил, как ходил, а потом время сотрет и эту память — возникнут другие дела, другие парни появятся, некоторые и совсем ничего не успеют по себе оставить. Тот же, к примеру, Попов — первый его поиск оказался и последним. Война есть война. У Паши Осипова в далеком тылу есть жена, есть маленькая дочка. Но по молодости своей Давыдченков считал достойной только мужскую память, в которую только и верил, хотя еще и не испытал ее в своей короткой жизни.

— Какую штуку выкидывает война, — задумчиво произнес он, чиркая спичкой. — Ты помнишь Пашин разговор? Он вроде шутил, а ведь получилось всерьез.

— Ты о чем?

— Помнишь, он как-то просил, что если случится с ним беда, так чтоб не оставили его в поле, похоронили. Место просил приметить. Мы еще тогда смеялись: «Чудишь, Пашка!» Все боялся вроде, как бы ему без могилы не остаться. А ведь смотри — так и получилось.

— Да, действительно, — протянул задумчиво Пинчук. — Была у него эта блажь.

— Почему блажь? — спросил настороженно Давыдченков. — По-моему, нормальное желание.

— Смотри-ка, — Пинчук немного отстранился и с улыбкой оглядел Давыдченкова, — черные мыслишки бегают в голове?

— Черные не черные, — вздохнул Давыдченков, — только, как говорят, все под верховным ходим. Уж если тебя не стало, так хоть пусть курганчик о тебе напоминает: жил такой-то, воевал, погиб тогда-то... Человек, глядишь, остановится...

— Слезу прольет, — вставил быстро Пинчук.

Давыдченков махнул рукой.

— Да ну тебя! Ты или не хочешь разговаривать, или притворяешься, будто не понимаешь. Про слезу, учти, это ты сказал, а не я.

— Ладно, извини, — кивнул Пинчук. — Мне просто захотелось поскорее узнать твое конечное желание. Итак, человек остановится...

Давыдченков помолчал.

— Я сам не знаю толком, чего хочу, — сказал он нерешительно. — Я понимаю: память в мировом масштабе потомков там и прочее, я понимаю, что это распрекрасно и необходимо. Но знаешь, Леха, я хотел бы, чтобы вот прошел человек мимо курганчика и задумался: вот, мол, я живу, а этот парень погиб, а мог бы тоже жить. Чтобы ему хоть чуточку грустно стало. И совсем не обязательно, чтобы он произносил какие-то громкие слова, сделав при этом постную рожу, но чтобы настроение у него, пусть хоть не намного, испортилось.

Пинчук пожал плечами и отвернулся. Ему казалось странным разговаривать здесь, на фронте, о разных курганчиках — вообще всякие словеса насчет того, как придет кто-то да прочтет такую-то надпись, Пинчуку казались фальшивыми. По той же самой причине он совершенно не терпел разглагольствований о храбрости, мужестве, подвиге — ребята в разведке всему этому находили какие-то другие слова, все тут было понятно, а вот когда начнет кто-то со стороны поливать, как водой из пожарной трубы, такой медовый раствор получается...

— Тебе что, легче будет, — сказал он, продолжая разговор, — если кто-то поводит глазами по вывеске, а потом забудет через минуту?

— Почему же через минуту? Может, подольше.

— Если ты кому-то дорог, тот запомнит. Хоть сто лет промелькни, а он будет помнить. Скажешь, не так?

— Так конечно. Только все же...

— Ну что — все же? — Пинчук прищурил глаза и покачал головой. — Все это блажь, Вася. И Пашка блажил. Уж кто-кто, а он-то прекрасно знал, на что мы идем, отправляясь каждый раз в тыл к немцу. Знал и никогда ничего не боялся. А поговорить любил тут, в тылу, вроде как вот мы с тобой — расселись и балакаем. Нервы-то послабнут, поглядишь вокруг, ну и полезут в голову разные мысли: один раз, дескать, проскочил, другой, в третий, глядишь, отметили, но отлежался, подлатали, пошел

в четвертый, а там ведь пятый... Ведь сам знаешь, что часто напролом, на бога идешь...

Пинчук поднял голову и глубоко вздохнул.

— Ну а ты?

— Что я?

— Ты думаешь иногда про это?

— Нет, почти никогда. — И, помолчав, добавил: — Времени нет, Вася. Честное слово.

Давыдченков внимательно поглядел на Пинчука.

— Ладно, замнем насчет времени. А вообще ты прав. Разговорчик мы с тобой затеяли — Пашка бы послушал, обложил бы на всех европейских языках. Все-таки веселый был царень, наш Папша, память ему вечная.

Пинчук грустно улыбнулся. Уж кто-кто, а он-то знал своего друга. Находило на Пашу иногда, это верно. Так ведь это только в книгах пишут про нестигаемое железо, будто человек может привыкнуть и к стрельбе, и к смерти, к стонам раненых. Чушь сплошная. Война — дело жестокое, приходится стрелять, душить, колоть, но привыкнуть к этому невозможно.

— Я хочу тебя спросить, — сказал Пинчук, неожиданно взволнованный тем чувством доверия и открытости, которое вдруг связало его сейчас с Давыдченковым. — Наверно, надо письмо его жене написать. Папша говорил, что он обо мне рассказывал ей, так что мы вроде как заочно знакомы. Я только подумал: может, лейтенант напишет, а то каждый будет беречь ее. Как по-твоему?

— Я считаю, что тебе надо написать обязательно, — сказал тихо Давыдченков. — Как решит лейтенант — это его дело. Но тебе надо обязательно написать.

— Я, в общем, собирался... Но хотелось посоветоваться. Вдруг кто-нибудь скажет: почему, мол, вылез, ото всего взвода надо.

— Никто не скажет, — успокоил его Давыдченков. — Твоя сторона особая.

Они переглянулись и замолкли. Снова за сараем резко скрипнуло раненое дерево.

4

В лесу, в узкой ложине, поросшей редкими кустиками, уже два часа тренировались разведчики.

В центре ложины стояли козлы, опутанные колючей

проволокой, за ними, шагах в десяти, находился окоп с порыжевшими ветками орешника на бруствере. Старший сержант Пелевин стоял в окопе и наблюдал за действиями разведчиков. Требовалось подползти незаметно к проволочному заграждению, преодолеть его, затем сделать быстрый рывок и ворваться в окоп.

— Болотов! — командовал Пелевин. — Покажи ты им, прошу тебя, как «колючку» резать. Чего они трясут ее, как грушу?!

Болотов, в маскхалате, прищурившись, шел на середину лощины, к козлам. Некоторое время стоял, словно прицеливаясь, и вдруг мягким неуловимым движением падал вперед и, как-то по-особому слаженно работая руками и ногами, двигался по-пластунски к «колючке». С профессиональной точностью разрезал кусачками в трех-четырех местах проволоку, змеей проползал под козлами, почти не коснувшись колючек.

— Вот как надо! — восклицал восхищенный Пелевин. — Вот как надо делать!

Болотов, улыбаясь, стряхивал с колен прилипшую землю, расстегивал ворот. На его смуглом лице поблескивали капельки пота, и весь он в этот момент, по-юношески легкий и щеголеватый, напоминал спортсмена, выполнившего сложную гимнастическую фигуру.

— Подумаешь, дело. Скажет тоже старший сержант... — говорил он небрежно и шел на опушку леса к поваленному взрывом дубку. Все, кому удалось выполнить упражнение, сидели около этого дубка и грелись на солнышке.

Коля Егоров тоже ползал через лощину и «брал колючку». С ходу взять ее не удалось. Только третья попытка оказалась удачной, но Пелевин все же похвалил Колю, и от этой похвалы Коля ужасно смутился, точно школьник, получивший пятерку от любимого учителя. Сейчас Коля сидел вместе с другими бойцами на теплом стволе дерева, отдыхал; руки и ноги у него ныли от напряжения, локти саднило, будто с них содрали кожу, но Коля старался не обращать на эти пустяки внимания. Он поглядывал искоса на Болотова, который расположился рядом, и поджидал случая завести с ним беседу. Раз или два большие темные глаза Болотова скользнули по лицу Коли, но эти мимолетные взгляды окончательно смутили Егорова, потому что было совершенно ясно: ря-

дом сидел бывалый разведчик, который даже здесь, на учении в лощине, показал высокий класс своей работы, а кто есть он, Николай Егоров, — да пока еще никто.

Разговор среди новичков шел общий — о том, что за шоссейной дорогой в лесу «катюш» видимо-невидимо, что на юге дела у наших идут отлично, что после Румынии и Финляндии, которые откололись от Гитлера, очередь теперь за Венгрией и Болгарией и что старшина в последний раз выдал очень певажнецкий табак. Коля слушал разговоры, глядел на солдат, и ему казалось невероятным, что их мысли так свободно переходят с одного предмета на другой. Сам Коля мог сейчас думать только о разведке и разведчиках, и каждый день, проведенный им во взводе, каждое занятие и тренировка в лощине или в поле рассматривались им как еще шаг на пути к цели.

Дело в том, что Коля Егоров давно мечтал стать разведчиком. Еще до того как его призвали в армию, он утвердился в мысли, что более важного, более высокого дела на войне нет. Он уважал пехотинцев, восхищался смелостью и мастерством летчиков, танкистов; артиллерия ему тоже нравилась. Но сердце свое он отдал разведчикам. Он даже не помнит, когда началась эта любовь. Может, еще в школе, когда читал книги про гражданскую войну, про смелых подпольщиков-комсомольцев. Может, в ребячьих играх — ребята любили играть в войну с «белыми», и Коля при всеобщем одобрении всегда был «красным разведчиком».

В его мальчишеском воображении сложился свой, особенный, облик разведчика. Отвага, смелость, ловкость... Разведчик берет «языка», достает важные документы и карты. Голод, холод, разные другие невзгоды разведчику нипочем — он в тылу врага, он лежит, притаившись, у штабных блиндажей, подвергаясь ежеминутной опасности быть схваченным и брошенным в застенок. Может, при этом придется погибнуть. Что ж, разведчик встретит смерть в лицо, как подобает солдату.

В этих фантазиях Коли, конечно, было немало от книг. Но важно и другое: сердце юного бойца жаждало подвига. В борьбу с фашистами, которую вел наш народ, Коля Егоров хотел внести свою чистую лепту.

Две недели назад с командой, сформированной в запасном учебном полку, Коля прибыл на фронт. Утром, едва успели позавтракать сухим пайком, выданным при

отправке, разнеслась команда старшего лейтенанта Клименко: «Строиться!» И когда встали в две шеренги на утоптанной полянке позади единственного уцелевшего на хуторе дома, перед строем появился кряжистый, круглолицый майор в солдатской пилотке на бритой голове.

Строй, протрубив «Здравия желаем...», стоял, разглядывая майора. Большинство прибывших были люди обстрелянные, повидавшие всяких начальников. Но Коля, кроме учебного полка, нигде еще не был, и ротный командир старший лейтенант Клименко казался ему самым высоким начальником. Поэтому на майора он смотрел с особым интересом, тем более что на кителе у майора густо пестрели ряды орденских планок.

Мешковато горбясь, майор прошел вдоль строя, пристально вглядываясь в лица солдат. Потом остановился посередине, повертел бритой головой вправо и влево и глухим простуженным голосом объявил:

— Есть желающие воевать в разведке? Шаг вперед.

Коля услышал голос майора и сделал шаг вперед. Оглянулся по сторонам: рядом, справа и слева, стояли солдаты, изъявившие, подобно ему, желание быть в разведке. Майор обходил каждого, задавал вопросы. Коля немигающими глазами смотрел на приближающегося майора.

— Фамилия?

— Рядовой Егоров. — Коля вытянулся и затаил дыхание.

— Рядовой Егоров... — Майор грубовато оглядел Колю с головы до ног. — Сколько тебе лет, Егоров?

— Девятнадцать, — сказал Коля, прибавив на всякий случай один год. И, подумав секунду, еще добавил: — Девятнадцать и восемь месяцев, товарищ майор!

— Так... Где воевал?

— Я недавно призван, товарищ майор.

— Так, — снова протянул майор, его круглое курносое лицо выражало любопытство. — Значит, хочешь в разведку?

— Да, товарищ майор.

— А ты знаешь, что это такое?

— Неважно.

— То есть как это неважно?

— Я выполню все. Не беспокойтесь.

На одутловатом, чисто выбритом лице майора что-то дрогнуло, что-то мелькнуло в его бледно-серых глазах.

— Комсомолец? — спросил майор.

— Комсомолец, — ответил Коля.

— Ну ладно. Ступай в строй...

Так осуществилась мечта Коли Егорова, так он попал во взвод Батурина и познакомился с Пелевиным, с Болотовым, с Волковым... Наконец-то он увидал настоящих разведчиков...

С утра они уходили обычно либо в лес, либо в лошину, и там новичков обучали разным военным премудростям. Коля очень уставал на занятиях, потому что физически был несилен, и ужасно переживал свое состояние. Он боялся, что недостаток сил будет здорово мешать ему, и до сих пор помнил слова, услышанные от повара на формировке, который сказал, будто из Коли не получится разведчика, так как он слишком тонок и может переломиться. Конечно, насчет «переломиться» повар преувеличил, но Коля был действительно тонок — на поясном ремне ему даже пришлось протыкать лишние дырочки.

Однако только теперь Коля по-настоящему понял, как необходима разведчику физическая сила, и втайне от других бойцов дополнительно тренировался, подтягиваясь руками на балке сарая, в которую бывшим хозяином были забиты два железных костыля неизвестного назначения.

После ползания по-пластунски и бросков в «окопы противника» старший сержант Пелевин предложил «поразмяться с РГД». На краю лощины, почти у самого леса, находился окоп с двойным накатом из сосновых бревен, узкая щель изображала амбразуру. Требовалось подползти шагов на двадцать и поразить гранатой амбразуру.

— Это мы запросто, — сказал Коля, вспомнив занятия в запасном полку.

Однако пыл его поостыл после первых же бросков: одна граната, стукнувшись в торец наката, отскочила метра на полтора вправо, другая упала, не долетев, третья опять ударилась о бревно и, будто внутри у нее была спрятана пружина, сделала несуразный прыжок в сторону.

Коля совершил пять заходов, три гранаты в каждый заход, и только две из них угодили в цель. Коля старался не смотреть ребятам в глаза. И когда старший сержант Пелевин присел вместе со всеми на поваленный

дубок и, свернув огромного размера козью ножку, начал дымить, то Коле все время казалось, будто Пелевин специально отворачивается от него, чтобы не встречаться глазами. Коля ужасно страдал, но в душе считал, что старший сержант поступает правильно. «Ведь он только что похвалил меня. А я безобразно подвел его...» Он сидел грустный, хотя никому из разведчиков и тем более Пелевину не приходило даже в голову обижаться на Колю. Никто даже не догадывался о причинах его грусти.

Коля сидел, прислушивался к разговорам солдат и понимал, что вокруг него много храбрых ребят. И среди тех, кто прибыл с ним вместе, из пополнения, тоже есть такие. Многие уже побывали в бою, награды имеют... Ах, чего там рассуждать! Гранату не смог бросить.

В запасном полку он, кажется, прилично бросал гранату. Только там кидали ее по-другому: разбежишься на поляне и кинешь, а колышком отметят, какое получилось расстояние.

Вот тебе и расстояние.

Коля Егоров сидел и ждал, когда старший сержант Пелевин закончит курение и примется подводить итоги — у кого какие получились успехи. Но Пелевин не спешил с итогами, молчал. И когда козья ножка истлела почти до конца, он затоптал ее каблуком, поглядел вокруг и вдруг сказал, обращаясь к Коле:

— Что, Егоров! Не пора ли нам пообедать?

Старший сержант посмотрел на него сощурясь. А Коля неожиданно покраснел.

— Сейчас пойдем, — сказал Пелевин и, выставив левую руку, поглядел на часы. Потом долго изучал глазами что-то в лощине, где они брали препятствия. Разведчики тоже молчали. Устали.

— Попрошу командира, попробуем завтра боевыми кинуть, — сказал после паузы Пелевин, как бы размышляя сам с собой. — Ладно, поднимайся, ребята. Болотов, давай вперед.

Они встали, собрали оружие, лопаты и, не дожидаясь дополнительной команды, двинулись через лес. Позади всех шагал, чуть сутулясь, старший сержант Пелевин.

5

Пинчук достал бумагу и карандаш. Первый раз за всю войну ему надо было написать женщине о том, что погиб

ее муж. Он не знал, с чего начать. Он щурил глаза и курил папиросу за папиросой. Он пытался представить ее — жену Паши Осипова, он думал: «Если бы я увидел ее, какая она собой, мне было бы легче вести с ней разговор».

Вот она идет, жена Паши Осипова, идет узенькой улочкой поздно вечером после работы к себе домой, а в почтовом ящике ее ждет письмо. Она увидит незнакомый почерк, раскроет письмо и прочтет. Начнутся слезы, будет много слез, потому что она сразу поймет: муж ее погиб. А все слова, которые он потом и вокруг этого сообщения нагородит, она пропустит мимо себя. Пинчук понял это, хотя сейчас он как раз и бился над этими словами, думая, что они попрутут горечь сообщения о смерти Паши. Он выводил эти слова, рассказывая, какой Паша был друг и как они здорово ладили, как любили его ребята во взводе, и Пинчуку все время казалось, будто он взламывает гвоздем старый, большой замок. Было очень странное состояние, потому что он чувствовал, что без этих слов обойтись нельзя.

Существовала еще одна причина, мучившая Пинчука: он не мог рассказать, как погиб Паша. Слишком все выходило обыденно и просто. До обидного просто. Паша участвовал во многих операциях, а вражеские окопы всегда полны неожиданностями, но у Паши была верная рука и точный расчет. Если бы Паша погиб в схватке, он расписал бы это. Но Паша погиб нелепо: в темной реке от случайной пулеметной очереди. Он погиб, не сказав ни слова, без борьбы, вот что главное. Как случайная цель, неподвижная и беззащитная. Как об этом расскажешь?

Они плыли вдвоем. Один погиб, другой остался цел. Вот почему ему трудно рассказывать об этом. Он оказался счастливчиком, он уцелел, а Паша погиб. «Почему пуля попала в него, когда их было двое?» Гибель мужа ей покажется нелепой и горькой случайностью. А он ничего не сможет ответить на ее «почему?» — кроме глупого: «Так вышло...» У него в голове нет ни единого слова, ни единой мысли, которая бы все расставила по местам, убрав с дороги разные «почему?».

«Я напишу, что Паша погиб как герой, — подумал Пинчук. — Разве так уж важны подробности?»

Однако спустя час, когда письмо было написано,

вспомнить о подробностях Пинчуку все же пришлось. В сарае появился капитан Рослов. Коренастый и медлительный, в длинной шерстяной гимнастерке и меховом жилете, перепоясанный ремнями, он прошелся вдоль нар, махнув рукой Давыдченкову, который неуклюже поспешил навстречу с рапортом, огляделся и, увидев Пинчука, присел на нары.

— Ну как? Отдыхаешь?

— Отдыхаю.

— Это кому письмо, домой?

— Нет, не домой. Жене Паши Осипова.

— Правильно. Кстати, я хотел бы узнать, как это вышло?

— Что?

— Как погиб Осипов?

— Я уже рассказывал, — ответил Пинчук, понижая голос. — Мы плыли через реку, было темно. Вдруг от немецкого берега ударил пулемет, и все. Я крутился, искал, а его не было.

— На каком расстоянии вы плыли друг от друга?

— Метра полтора-два.

— Ты уверен, что это случилось после того, как простучал пулемет?

— Конечно уверен.

— Почему?

— Когда мы плыли, я часто оглядывался. Буквально за минуту перед тем я видел, что Паша плывет. И вдруг крупнокалиберный пулемет...

— А от берега это было далеко?

— От какого? От нашего?

— Я не знаю, какой берег был ближе, когда это случилось.

— Наш конечно. Мне трудно сказать, потому что я крутился и звал Пашу, а было темно. Может, метров пятьдесят.

— А на берегу ты долго находился?

— Минут двадцать... Оделся, потом пополз.

— Ничего не заметил?

— Тихо было. Вот только пулемет постукивал, который угробил Пашу. Я даже сказал там — утихомирили бы его. Ну, ракеты еще были. Как обычно.

— Понятно, — Рослов скосил глаза на треугольник письма. — Вот получит...

Пинчук опустил голову.

— Двое погибли, — продолжал Рослов и шумно вздохнул. — А задача не выполнена....

Вот оно что! Как он раньше не подумал об этом? Хотя нечто подобное и приходило ему в голову. Пинчук почувствовал, как застучало в груди сердце. Но он снова опустил глаза.

— Я в этом не виноват.

— А я не обвиняю, — сказал Рослов, не глядя на Пинчука. — Я только констатирую.

Рослов встал и пошел из сарая. Наткнувшись в проходе на какой-то ящик, позвал Давыдченкова и отчитал за беспорядок.

Пинчук сидел на нарах и смотрел перед собой в одну точку. Давыдченков, ругаясь, убирал ящик. Его ругань будто разбудила Пинчука. Он взял письмо, прошел на свое место и растянулся на нарах. Какая-то жилка билась на виске. Он сам не поймет, почему так подействовал на него разговор с Рословым. Он попытался снова все вспомнить, он думал о Паше Осипове, о Тоне, его жене, о самом себе и о Попове, с которого все началось, — в голове все как-то перемешалось: кто что сказал, кто как действовал. Одно было ясно: Паши нет и Попова нет, а сам он будто виноват в чем-то.

К вечеру небо заволокло тучами. После ужина некоторые разведчики выходили из сарая и, запрокинув голову, смотрели вверх: не брызжет ли? Возвратившись, разочарованно разводили руками.

— Когда не надо, так он поливает, — сказал Крошка, выслушав очередное сообщение насчет дождя.

В ночь Волков вместе с группой отправлялся на передовую за пленным, которого надо добыть во что бы то ни стало. Приходил еще раз капитан Рослов и грозился всячески, если вернутся с пустыми руками.

Разведчики чистили автоматы, тихонько переговаривались между собой. В группе у Волкова было двое новичков; Болотов, который тоже шел с ними, давал наставления:

— Главное, без нервов. Главное, чтоб без шуму.

Потом они выстроились в сарае, где горел принесенный кем-то фонарь «летучая мышь». Крошка, выглядев-

ший очень живописно в своем маскхалате, обошел строй, всматриваясь в лицо каждого, посмотрел на часы и сказал, что пора идти, лейтенант уже, поди, нервничает.

И они вышли из сарая, не сказав ни слова остающимся. И вслед им тоже никто не проронил ни слова.

Осенняя тьма сгущалась и скоро поглотила сарай и цепочку людей, двигавшихся через небольшую ложбину к переднему краю, где сейчас было тихо, даже слишком тихо, будто кто-то, поджидая их, специально приглушил вокруг все звуки.

6

На другой день той же тропинкой, по которой накануне отправились на передовую разведчики во главе с Волковым, возвращался к себе во взвод лейтенант Батурин.

Он миновал лес и вышел на поляну, глубоко вздохнул и улыбнулся, поглядев на небо, где, как и вчера, плавали легкие, причудливо раскиданные до самого горизонта облака.

Впереди, на взгорке, виднелось несколько хуторов, над их трубами не курилось ни одного дымка. Батурин знал, что хутора разбиты и только издали производят впечатление человеческого жилья, на самом же деле, кроме изрешеченных стен, там ничего не осталось. Батурин был в хорошем расположении духа и размышлял сейчас о самых разных материях. Например, о том, что вся эта хуторная система — ужасные остатки индивидуального капиталистического хозяйства, которое сломать нелегко, потому что надо немало средств и сил, чтобы построить новые деревни. Почему-то Батурин никак не мог представить будущие колхозы без деревень и соображал, как и когда это может произойти.

«Можно, в конце концов, разобрать уцелевшие дома, найти подходящее место и там их снова установить», — подумал Батурин, и эта мысль ему показалась разумной, и на какое-то мгновение он увидел белые дома, рассыпанные по косогору, точь-в-точь как в селе, где жила его тетка и где он часто гостил в школьные каникулы. Было это, правда, давно, но хорошо остались в памяти и деревня, и речка, и лес, и, самое главное, кони, на кото-

рых мальчишки научили его кататься без седла и даже без уздечки.

Батурин был городской житель, и жизнь его сложилась просто: учился в школе, читал книжки, ходил в кино, любил смотреть фильмы про гражданскую войну, про борьбу с белобандитами, гонял мяч на пустыре за домами, прыгал с трамплина на лыжах, разбивая при этом неоднократно нос и царапая отчаянно щеки о снег.

За год до войны с фашистами к соседям приехал отслуживший на границе и повоевавший на Халхин-Голе парень. Главный предмет мальчишеской зависти — серебряная медаль на красной ленточке, где красными буквами четко сказано, за что выдана награда: «За отвагу». Парень рассказывал о погонях за нарушителями границы, о томительных часах пребывания в дозоре и, наконец, о самых настоящих боях с врагом, где все было: танки и самолеты, артиллерийские залпы, атаки и схватки врукопашную.

Может, именно тогда он и решил, что будет командиром-пограничником. Но для этого требовалось еще немало сделать всякой всячины, и прежде всего окончить школу. Он окончил ее за неделю до начала войны. И тогда он оставался еще мальчишкой, и нападение вооруженного до зубов врага его нисколько не испугало. Он решил, что теперь-то наступило, его время, и пошел в военкомат. В течение трех месяцев рыл противотанковые рвы, ставил надолбы и другие полезные, на его взгляд, вещи, однако считал себя кровно обиженным, потому что готовился к большему.

Было тяжелое время, когда враг рушил наши города и села и дороги на восток были заполнены беженцами. И даже в то время что-то торжественное и сильное продолжало петь в груди у Батурина. Возможно, это была дань молодости, воспринимавшей действительность без излишней трагичности. Но всего скорее это было подспудное накапливание ярости, с которой он потом, после окончания военного училища, командовал стрелковым взводом и ходил в атаку с бойцами. Да, его заставили окончить военное училище: на войне требовались командиры.

В стрелковом полку он был ранен, но после госпиталя вернулся в тот же полк, застав еще немало тех, кого когда-то знал. Потом снова был ранен и вернулся опять

в тот же полк, хотя товарищество его в этой воинской части оказалось уже символичным: в полку едва набралось бы с десяток тех людей, с которыми он воевал до последнего ранения. В этом полку он получил первую награду — так обожаемую им медаль «За отвагу». А потом его назначили в разведку.

Командовать взводом мужественных, подвергавшихся постоянной опасности людей — это было необычно, и тогда, единственны́й, правда, раз, ему вспомнились старые кинофильмы, где бойцы действовали в тылу врага, разгадывая самые хитроумные его замыслы.

Восторги его поулеглись, когда он вплотную столкнулся с новой работой, когда узнал, что ответственность, взваленная на его плечи, огромна, что каждая потеря ложится на сердце несмываемой горечью, а радостей бывает не так уж много. Батурин по своему складу был чуткий человек, и иногда это мешало ему, он даже завидовал тем командирам, которые умели отдавать приказы особым металлическим голосом, которые для всяких неудач находили какие-то умиротворяющие и веские причины. Командир-времень — это было его мечтой. Со стороны никто бы не подумал так про Батурина, но на самом деле он был очень мягким и глубоко все переживающим человеком.

Сейчас Батурин испытывал радость. Крошка со своей группой захватил пленного, которого уже допрашивают в штабе. Батурин шел, в лицо ему дул ветерок, где-то на вершинах деревьев шарахались птицы — в этом не было ничего необычного, но чувство, которое испытывал Батурин, было необыкновенно. Пленного допрашивают, и, возможно, он сообщит те важные сведения, которые так ждет штаб во главе с полковником Зуевым. Фронт стоит на месте, но разведка действует неустанно. В мыслях Батурина звучала гордость за ребят, которые готовы на все, которым никто не знает цены. Лейтенант Батурин жалел, что у него нет больших прав и особых средств, чтобы достойно отблагодарить разведчиков. «Нет, я и сам еще недостаточно забочусь о них, не успеваю, не умею отдавать всего себя им. А надо, надо...» Батурин склонился, сорвал ветку бледного, выгоревшего колокольчика, улыбнулся чему-то и зашагал дальше, поглядывая изредка на макушки покачивающихся деревьев, рядом с которыми чисто светило утреннее небо.

Он вышел на узкую просеку и направился в сторону сарая к разведчикам. Он все думал о своих ребятах и, когда увидел Пинчука, поджидавшего его за кустарником, понял, что сержант беспокоится.

— Хорошее утро, сержант. Правда? — сказал Батурин.

— Отличное утро, — ответил Пинчук, поняв по голосу лейтенанта, что поиск Волкова оказался удачным. — Как там ребята, никого не задело?

— Ни одной царапины, — сказал радостно Батурин. — Операцию провернули на высшем уровне. И замечать — сразу убили двух зайцев.

— Двух?

— Вот именно, — продолжал Батурин. — Немцы около выемки, за минным полем, решили оборудовать сторожевой пост. Мы их сдавали, они даже пикнуть не успели...

— Значит, сторожевой пост...

— Сторожевой пост уничтожили, и «язык» в наших руках подходящий.

Еще несколько минут Батурин рассказывал о подробностях, как ловко получилось со сторожевым постом и какие молодцы ребята — подползли бесшумно до самого ихнего окопа. Потом, как-то сразу оборвав рассказ, посмотрел на Пинчука:

— Ну, а ты чего?

— Да так, — пожал плечами Пинчук.

Они переглянулись. Пинчук был в новой гимнастерке и в начищенных до блеска хромовых сапогах. На груди сияли ордена.

— Давай, давай, — подмигнул лейтенант. — Ты сейчас вроде как на отдыхе, на санаторном режиме. Пользуйся, пока есть время.

Пинчук усмехнулся и посмотрел куда-то в сторону.

— Что-нибудь не клеится? — спросил лейтенант.

— Да нет, все нормально.

— Пасмурный вроде?

— Да нет, нет.

Они прошли еще несколько шагов.

— Вчера письмо написал жене Паши Осипова.

— Это ты хорошо сделал. Я об этом думал и тоже обязательно напишу, — сказал лейтенант. — Сейчас мне надо в штаб, а как вернусь, так и напишу.

— Какие приказания будут мне?

— Никаких. Я же сказал: отдыхай. Пока отдыхай.— Батурин огляделся, словно подыскивая наиболее удобное место, где можно было бы отдохнуть Пинчуку.

Кругом в желтоватой листве дымился лес. Батурин еще раз поглядел в глаза Пинчуку, и что-то затаенное в их глубине смутило его.

— Тебе, знаешь, надо отойти от этого! — Лейтенант не сказал, от чего отойти, но Пинчуку было понятно. — У всех у нас нервы.

— Мне надо увидеть одного человека, — сказал вдруг Пинчук и улыбнулся.

— Какого человека?

— Вы его не знаете, — проговорил тихо Пинчук. — Но мне обязательно надо...

Батурин пристально посмотрел на Пинчука.

— Ты что-то скрываешь?

— Немного скрываю, — согласился Пинчук.

Они помолчали. А потом Пинчук рассказал о встрече с девушкой в ту самую ночь, когда погиб Паша Осипов. Пинчук боялся, что лейтенант неправильно поймет его, подумает что-нибудь такое насчет девушки и его самого — он мучительно подбирал слова, объясняя, что ничего такого у него там не было.

— Ладно, — сказал Батурин, глядя Пинчуку прямо в глаза. — Ты встретил девушку — ладно. А ты уверен, что она тоже хочет видеть тебя?

Пинчук вздохнул. Нет, никакой уверенности у него вообще не было.

— Веселенькая история, — хмыкнул Батурин и покачал головой. — Прямо как в кино.

— Но я должен ее видеть, — повторил Пинчук.

— Влюбился, что ли?

— Даже сам не знаю, — пожал плечами Пинчук.

— Как не знаешь?

— Так не знаю...

— А хочешь ехать?

— Да...

Батурин принялся тихонько насвистывать: таких олухов ему еще не приходилось встречать. Потом быстро взглянул на Пинчука, как будто хотел сказать, что он не верит ни одному его слову.

— Дымовую завесу пустил, — усмехнулся командир взвода. — Ну да ладно, считай, что номер удался и вопрос решен в твою пользу. Только вот задача: как ты доберешься? Ведь не ближний свет...

— Доберусь, — сказал Пинчук после паузы, стараясь не встречаться глазами с испытующим взглядом Батурина.

— Одна проблема — добраться, — продолжал лейтенант. — Другая — чтобы не возникло неприятностей.

— Вечером я буду на месте, — сказал Пинчук. — Даю слово. И никто меня не задержит.

— Почему ты так уверен?

— Да очень просто. — Пинчук развернул плечи, и в глаза Батурина сверкнули его ордена.

Лейтенант улыбнулся, сразу все сообразив, и кивнул головой.

Позже, примерно через полчаса, когда Пинчук шагал по разъезженной лесной дороге, проложенной саперами вдоль фронта, он сам пытался понять, как это у него все вышло. Сейчас, когда разговор с лейтенантом состоялся, когда даже маршрут был изучен по карте («До чего же мировой парень этот Батурин!»), отступать было поздно и неловко. Но именно сейчас ватея с поездкой показалась Пинчуку сплошной нелепостью, и, чтобы как-то оправдать себя, он снова и снова объяснял самому себе, как это произошло. Еще утром все было решено, хотя сам Пинчук и уговаривал себя: «Брось дурака валять, ты же на войне!» Когда Пинчук решал какой-нибудь вопрос, он часто рассуждал с собой подобным образом. Сейчас Пинчуку даже казалось, что сам он вообще ни при чем, что во всем виновата улыбка лейтенанта, которая подтолкнула его к откровенности. Хотя тот же лейтенант безусловно прав: как он будет выглядеть, когда появится там? Что скажет? «Ах, я прискакал! Ах, мне так захотелось увидеть вас!» А она возьмет да и скажет: «А мне совершенно ни к чему эти свидания... Привет боевым друзьям!» Перед глазами неожиданно выплыла широкая спина адъютанта батальона в новенькой портупее, ловко подчеркивающей его крутые плечи. «Какой все-таки бес толкнул меня на эту поездку? Как пришло мне это в голову?.. Хотя встречу можно объяснить про-

стой случайностью. Только случайностью — и ни одного слова про разные переживания».

Позади слышался шум мотора. Пинчук поднял руку. Расхлябанная, выдавшая виды полуторка затормозила, и шофер дружелюбно выглянул из приоткрытой дверки. Судьба Пинчука была решена в эти секунды окончательно: полуторка шла в нужном ему направлении. Но Пинчук отказался сесть в кабину и ловко вскарабкался в кузов: ему хотелось поразмышлять наедине с собой о будущем свидании с Варей. Шофер дал газ, и полуторка понеслась по дороге — мимо близко подступавших деревьев, мимо полянок с зиявшими чернотой воронками от бомб, мимо покосившихся, с оборванной проволокой, телеграфных столбов, — все дальше и дальше мчался грузовик, и все тревожнее становилось на душе у Пинчука.

Приближаясь к землянкам, где располагались связистки, Пинчук ступал по земле, словно по минному полю.

Он шагнул по опушке леса и остановился перед костром, на котором в черном котле что-то кипятилось. Девушка в длинном ватнике мешала в котле палкой и едва взглянула на Пинчука. Он потоптался около нее, рассчитывая, что она первая спросит, что ему надо. Но девушка занималась своим делом сосредоточенно и важно и не обращала на него ни малейшего внимания.

— Мне бы надо увидеть Варю, — сказал он и неожиданно закашлялся от хлынувшего на него дыма.

— Варю? — переспросила она, продолжая колдовать палкой.

— Да, — подтвердил Пинчук, стараясь показать невозмутимость и спокойствие.

Но невозмутимость и спокойствие больше чувствовались в поведении девушки, кружившей вокруг черного котла со своей палкой.

— Может, вы еще кого-нибудь хотели бы видеть? — спросила она.

— Нет, — ответил он. — Мне нужно видеть только Варю.

Тогда девушка удостоила его долгим пытливым взглядом.

— Простите, как у этой Вари фамилия?

Пинчук растерялся. Этого вопроса следовало ожи-

дать, и как он раньше не сообразил придумать что-нибудь!

— Я не знаю фамилии! — проговорил он отрывисто. — Позавчера ночью она дежурила у комбата. Вон там! — Он показал рукой на лесок.

Девушка посмотрела на него внимательно, улыбнулась и пошла к одной из землянок.

На полпути она вдруг остановилась.

— А что передать? Кто спрашивает?

— Передайте: спрашивает Пинчук! — ответил он.

Последние слова Пинчук произнес резко. И тотчас же отвернулся, показывая, что не настроен больше отвечать на вопросы. Он принялся изучать местность.

В ложбине виднелись макушки кустарника. За лесом, который был иссечен снарядами, проходил передний край, и где-то по ту сторону находилась землянка комбата. У Пинчука была хорошая память — все было верно, он ничего не перепутал, хотя в эту минуту ему очень хотелось ошибиться, и в надежде на собственный промах он еще и еще раз посмотрел на дорожку, ведущую в ложину, и на трубу какого-то заводика, маячившую вдалеке. В то утро именно эту трубу он постарался запомнить как главный ориентир. Может, Варя сейчас дежурит, и это было бы лучшим завершением его путешествия. Нет, в землянку к комбату он бы не пошел, он вернулся бы на дорогу и поймал попутную, чтобы поскорее добраться до своего сарая, сразу завалиться на нары и лежать до самого вечера, слушая разные байки разведчиков.

Скрипнула ветка, Пинчук повернулся и увидел Варю.

Он еще дорогой думал о том, как это произойдет. Тогда, в землянке комбата, Варя показалась ему необыкновенно красивой. Сейчас перед ним стояла другая девушка. Нет, это была Варя — тот же вопрошающий взгляд, та же небрежная прядка волос, выбившаяся из-под берета, — но было в облике девушки что-то такое, что делало ее другой.

— Вы здесь, — сказала она тихо. — Здравствуйте!

— Здравствуйте! — ответил Пинчук.

Он начал молоть разную чепуху про какую-то случайность, занесшую его в эти края. Он краснел, чувствуя, что она не верит ни одному его слову, хотя и кивает согласно головой, и поддакивает, и удивляется.

Когда он наконец выговорился, Варя сказала:

— Пойдемте к нам. Только сначала я предупрежу девочек.

Пинчук пробормотал что-то невразумительное. Ну конечно, находиться под обстрелом пяти-шести востроглазых насмешниц — нет, такая перспектива ему не улыбалась. Но сказать об этом прямо он не решился и чувствовал себя ужасно глупо.

— А хотите, здесь погуляем? — сказала она.

Он торопливо закивал головой и покраснел, будто его уличили в чем-то нехорошем.

— Только мне надо все равно предупредить девочек.

Она повернулась и пошла к одной из землянок. Пинчук мельком поглядел ей вслед. Сейчас Варя показалась ему гораздо меньше ростом и тоньше, чем тогда, ночью, у комбата в землянке. Вся она выглядела сейчас как-то проще — в своей коротенькой гимнастерке, подпоясанной солдатским ремнем, в синей юбке и сапогах, кирзовых сапогах; голенища которых были ей широковаты.

Сердце Пинчука начало стучать ровнее: самое главное позади — он нашел ее, и она не выразила неудовольствия по поводу его приезда. Впереди — он сам не мог точно представить, что у него впереди. Выйдет Варя, и они пойдут куда-нибудь, побродят где-нибудь здесь, в окрестностях, уйма неведомого у него впереди.

Пинчук поглядел направо, налево, выбрал из тлеющего костра головешку и прикурил. Из землянок, которые были расположены полукругом, выходили девушки, громко переговаривались, смеялись. Пинчуку казалось, что они специально выходят, чтобы поглазеть на него. Ему так и мерещились их ехидные улыбочки: «А, это тот, что два дня назад реку здесь переплывал. Смотри какой бойкий...» Совершенно дурацкое положение — стоять столбом и ждать. Пинчук свирепо затягивался папирсой и пускал дым во все стороны. На веревке, протянутой между березами, трепыхалось белье — разные женские принадлежности, — смотреть туда Пинчуку показалось неудобным, он потушил папирсу о каблук, бросил в костер и достал другую.

— Вот и я, — услышал он позади.

Варя стояла рядом, он и не заметил, как она подошла. Поверх гимнастерки на ней теперь был коротень-

кий ватник, пуговицы она не застегнула, и в ватнике параспашку показалась ему какой-то домашней.

— Куда же мы пойдём? — спросила она озабоченно.

— Пойдемте куда-нибудь, — сказал он.

Несколько минут они шли молча: она чуть впереди, он за нею. Тропинка уползала в чащу орешника, иногда Варя чуть наклонялась, придерживая рукой сучок, возникший на пути, и ждала, чтобы Пинчук перехватил этот сучок. Это, в сущности, пустяковое движение ее руки представлялось Пинчуку чем-то очень значительным, и, если бы только это было возможно, он хотел, чтобы их путешествие через чащу продолжалось бесконечно. Он и сам потом не мог понять, что происходило с ним. Почему было так светло на душе, почему все вокруг казалось таким красивым, необыкновенным — осенняя листва под ногами и эти сучки, преграждавшие им дорогу? Ему хотелось, чтобы таких сучков было как можно больше, чтобы чаще Варя отводила их в сторону, а он перехватывал и при этом мимолетно касался ее руки.

Однажды после удачного поиска, когда он возвращался с немецкой стороны, было удивительное состояние, была радость после того, как его вызвали в штаб и генерал прикрепил к его гимнастерке орден Красного Знамени; это было год назад, и Пинчук еще не забыл того ощущения радости, переполнявшей его в те дни. Но сейчас — сейчас было все по-другому.

— Я боялся: вдруг не застаю вас, — сказал он, когда они из лесочка спустились в лощину и пошли по направлению хутора, видневшегося вдалеке. — Я думал, вдруг вы на дежурстве.

Он уже не пытался изображать случайную встречу и говорил то, что было на самом деле.

— А меня бы девочки позвали, — ответила Варя.

— Ну, это не ближний свет. Кроме того, комбат мог бы и не позволить.

— У комбата я дежурила в ту ночь случайно. А вообще, — она таинственно примолкла, — тут у нас узел связи. Понятно?

— Мне, значит, повезло.

Она быстро поглядела на него.

— У нас в отделении хорошие девчата. Если что — всегда выручат. Правда, Кукушкин вредничает, все хочет показать свою власть.

— Кто такой Кукушкин?

Она слегка поморщилась.

— Наш начальник.

— Какое у него звание?

— Старшина. А что?

— Я думал, генерал.

Она засмеялась.

— Наш Кукушкин важнее любого генерала. Ты просто не представляешь, что это за человек.

Пинчук не хотел представлять никакого Кукушкина: ведь она сказала ему «ты».

— В наш бы его взвод на недельку! — проговорил он угрожающе.

Она опять поглядела на него.

— Многие так считают. А Кукушкин уже побывал всюду, до нас он был на семьдесят пятой, и там от него ревели, потом еще в одном месте, — она опять притупила голос, — в штабе полка был, там его, говорят, до сих пор не могут забыть.

Что означает «семьдесят пятая», Пинчук не стал спрашивать.

— Ну и Кукушкин, — сказал он, что-то обдумывая. — К тебе он тоже придирается?

— Так, по пустякам.

— А если конкретно?

— Да ерунда всякая.

— Ну скажи.

— Не хочу и говорить.

Она отломила несколько веток, на которых держались янтарно-красные листья, полюбовалась на них и вышла на опушку. Тускло отсвечивала впереди белая стена хутора, спрятавшегося в темных стволах деревьев. Они спустились в неглубокий овраг. Пинчук теперь шагал рядом.

— Ты сегодня лучше выглядишь, — сказала она.

— Еще бы! — воскликнул он и переменял разговор. — Как поживает лейтенант?

Он скосил глаза на облако, выплывающее из-за далекого горизонта, будто увидел там нечто весьма интересное.

— Какой лейтенант? — переспросила она.

— Ну тот. — Пинчуку показалось, что она прекрас-

но знает, о ком идет речь, но притворяется. — Адъютант батальона.

Она рассмеялась.

— Ты, наверное, считаешь, что он мне докладывает. Нет, ты ошибаешься. А вообще Гена Зернов — очень хороший парень и очень порядочный.

Пинчук замедлил шаг и погрузился.

— Я смотрю, у вас тут какой-то склад порядочных людей. Комбат — порядочный, адъютант — порядочный. Вот только старшина, видно, подкачал.

— Старшина — тоже порядочный. Он только ужасный службист.

— Вон видишь, кругом сплошные ангелы. Как в музее. — Пинчук вдруг подумал, что она слишком доверчива к людям, плохо разбирается в них. — Меня прямо завидки берут.

— Ну и пусть берут, — рассмеялась Варя и поглядела ему в глаза.

Некоторое время оба шли молча.

Дорожка, проторенная в овраге, привела их к кустарнику, за которым совершенно неожиданно открылся небольшой пруд. Синее небо и клочки облаков плавали в нем. Чернела сбоку наполовину снесенная труба, возвышавшаяся над полуразрушенной стеной, тут же, уткнувшись в дерево, застыл искореженный «опель». Они остановились у пруда и поглядели на воду. Пинчук хотел о чем-то спросить, но в это время справа, за рощицей, надрывно тьякнуло. Он поглядел в ту сторону.

— Шрапнелью кроет! — Он показал на белое облачко.

Тут же тьякнуло еще раз, и новое облачко возникло рядом.

— Обстреливает лес, — сказала Варя. — В лесу наши, вот он и обстреливает.

— Вам тоже достается? — спросил он.

— Иногда, — ответила она рассеянно. — Но не очень. Он все правее бьет, а что там, я не знаю. Туда больше стреляет! — Показала Варя рукой и прислушалась. Но выстрелов больше не было.

— Тут у вас война, — сказал он. — А у нас тихо. Ты давно на фронте?

— Нет, всего пять месяцев. А ты?

— Меня еще до войны взяли в армию.

Пинчук объяснил: он окончил школу и в том же году осенью ему исполнилось восемнадцать, его сразу призывали в армию. Он рассказал про историю с шинелью: ему попала короткая шинель — не доставала даже колен, а ботинки оказались на одну ногу, но зато огромного размера. Ничего себе одежка. Когда он пожаловался, старшина и ухом не повел: «Шагай, шагай. Потом разберемся».

Затем Пинчук начал какой-то длинный рассказ о том, как у него не ладилось с обмотками. «Подъем!» — кричал дневальный, все вскакивали и одевались, а он постоянно запаздывал из-за проклятых обмоток и получал замечания.

— Замечания еще ничего: ну, постоишь перед строем, выслушаешь мораль — и опять в свою шеренгу. Но однажды старшина дал мне наряд вне очереди — это была работенка. Мне снились потом эти обмотки.

Варя взмахивала ресницами, и ее глаза изучающе глядели на Пинчука.

— А то ребята начинали мудровать. В роте всегда найдется шутник, которого хлебом не корми, а дай сделать что-нибудь почуднее. Возьмут с вечера и намотают обмотки с обратной стороны. Там завязка должна быть в середине клубка, а они сделают наоборот...

Пинчук внезапно умолк. «Какую чушь я несу... Ты еще расскажи, как тебя учили наворачивать портянки. Или как натер четыре года назад пятку и хромал целую неделю. Давай уж дуй, раз такое дело, может, получится оригинально. Наверняка об этих штуках никто не откровенничал с девушками. Представляю, что она думает. «Вот, — скажет, — еще один кретин встретился. Ну откуда, — подумает, — их столько на моем пути?»

Несколько минут они шагали молча. Ее молчание окончательно убило Пинчука. «А о чем ей говорить, — размышлял он сам с собой, — если ты завалил ее своими обширными познаниями об обмотках, ботинках, шинелях. Девчата любят веселый разговор, что-нибудь такое...» Пинчук даже посмотрел вокруг, не натолкнет ли его окружающее на какую умную мысль, увидел окоп на берегу и, уцепившись за него, сообщил, что, по всей вероятности, тут стояла сорокапятка. А дальше его опять попесло. Он начал в подробностях объяснять, какой тут выгодный сектор обстрела, какова позиция, — он разма-

хивал руками, чувствуя очень отчетливо, что внутри него какой-то голос изо всех сил кричит, называя его старым школьным прозвищем: «Остановись, Пинча!» Но остановиться он уже не мог, его несло, будто на санях по ледяной горе. После рассказа о боевых свойствах сорокантик совершенно непостижимая волна занесла его в родной город, он рассказал про реку, которая там текла и течет до сих пор, про липы на берегу, которые, естественно, летом цветут, про мать, которая осталась одна. «Пинча, остановись!» — кричал внутри все тот же голос, а ему было плевать. Он еще никогда так много не говорил, рассказал про меньшого брата, которого взяли в армию, потом по непонятной совершенно логике сообщил про слонов, которых показывали у них в городе, когда сам он еще не был призван в армию. У одного слона веко на глазу не поднималось, он начал было припоминать, какой это был глаз — правый или левый, — вспомнить не смог, сорвал ивовый прут и что было сил хлестнул себя по голенищу — один раз и другой.

Варя молчала, возможно, ждала продолжения рассказа, но он уже успел дать себе зарок, что больше из него и клещами не вытянешь ни слова.

Они прошли вдоль пруда. От разрушенного дома пахло гарью, какие-то птицы поднялись с разбитых стен, спугнутые их приближением. Пинчук упорно молчал, изредка и украдкой поглядывая на Варю и беспокоясь: не произведет ли на нее плохое впечатление, что он молчит? Пошел гулять с девушкой и молчит, будто воды в рот набрал. Вдруг она рассердится, повернется и уйдет. И тут ему в голову пришла спасительная мысль. Если он не умеет рассказывать интересных историй, наверно, он их просто не знает или не способен придумывать, как другие, то ведь есть выход — он может спросить о чем-то, и вот, пожалуйста, разве не может все происходить так: он задает вопрос, она отвечает.

Для начала он задал сразу два вопроса:

— Варя, а где ты жила до войны? Где твой дом?

— До войны? — Варя, видно, думала о чем-то далеком, потому что не сразу ответила: — В Москве.

— В самой Москве?

— Конечно, — кивнула она. — Как же можно говорить, что живешь в Москве, а жить в другом месте?

— Это верно, — согласился Пинчук. — Я сам не знаю,

чего спрашиваю. Я никогда не бывал в Москве. У тебя там родители?

— Сейчас там никого нет. Родители уехали с заводом в Сибирь, их туда эвакуировали.

— В нашем городе тоже много эвакуированных, — сказал Пинчук. — Из Ленинграда. Мне брат писал: их разместили по квартирам, у кого посвободнее... Ты бывала в Ленинграде?

— Нет, не была.

— Я тоже не был.

— Я, кроме Москвы, нигде не была, — сказала Варя. — А летом меня отсылали к бабушке в деревню.

— А что пишут родители?

— Пишут, что все нормально.

— Скучаешь небось.

— Иногда скучаю.

— Мать тоже работает на заводе?

— На заводе.

Она посмотрела на Пинчука, ожидая, что он еще спросит. Но Пинчук выдохся: вопросы иссякли. «Ты дурак, ты олух, Пинча! — Он вдруг подумал, что для Вари абсолютно ясны все его заходы, все его вопросы. — Ты олух, Пинча, и совсем не умеешь ухаживать за девушками».

Они прошли еще несколько шагов. Светило солнце, стелился вдалеке по взгорку дымок. Всюду вокруг виднелись следы войны: воронки от снарядов и бомб, побитые осколками деревья, затопленные наполовину водой окопы, ржавый остов машины и запахи гари, дыма и пороха, которые странно сочетались с тем, что происходило в груди Пинчука, остро давая почувствовать ему, как все же хороша жизнь, и даже упоминание о гибели Паши Осипова не убавило этого радостного ощущения. Как хорошо, что он, Пинчук, шагает сейчас рядом с Варей! Как хорошо любоваться ее лицом, которое сейчас полно серьезной задумчивости!

— Фашисты! — сказала Варя после долгой паузы. — Проклятые фашисты!

Пинчук не ответил. Он не понял, в связи с чем Варя произнесла эти слова. В связи с тем, что кругом все разбито, опустошено и люди, когда-то жившие здесь, бедствуют. Или в связи с тем, что война свела их так неожиданно и война же делает их встречу такой неопре-

деленной, зыбкой. Может быть, Варя подумала обо всем этом вместе, подумала и назвала тех, кто виноват во всех их бедах.

— Ничего, — вздохнул Пинчук, как бы продолжая свои размышления. — Они ответят за все. Теперь уж, думаю, скоро. Скоро наступит им конец.

Пинчук посмотрел на Варю. Варя тоже посмотрела на него — быстро — и тут же опустила глаза.

— Как называется твой город?

Он назвал и отчего-то погрузился.

И Варя вдруг тоже задумалась. Отвернувшись и стала смотреть на лужайку, исполосованную танковыми гусеницами. Казалось, она потеряла охоту продолжать разговор.

Они снова вошли в лес. Деревья и кусты стояли здесь густо, тесня узенькую тропинку. Иногда Варя даже касалась плечом его плеча. И каждый раз у Пинчука возникало искушение обнять девушку. Но пока он раздумывал, тропинка выбегала на полянку, и Пинчук ругал себя за проклятую робость. Все, на что он решился, — это взять ее за руку. Не поворачиваясь, она торопливо и каким-то чужим голосом тихо сказала, что ей пора, что если старшина Кукушкин спохватится, то могут возникнуть неприятности, а ей на фронте обидно получать замечания.

На небе плыли редкие облака. Пинчуку показалось, что из груди у него тоже что-то уплывает вместе с облаками. Он опустил Варину руку. «Вот так, она старается избавиться от меня... Ей не понравилось, и она решила поскорее уйти от меня. Ну что же...»

Глядя куда-то в сторону, он сказал, что ему тоже пора, что времени уже много. Он старался говорить спокойно, но скованность чувствовалась в его голосе.

— Сколько сейчас времени? — спросила она.

— Уже четыре часа... Шестнадцать часов двадцать две минуты, — сказал он, уточняя.

Все разговоры, все слова будто заволокло туманом. «Поменьше лирики, Пинча. Теперь твоя задача — найти попутную. Ты обещал лейтенанту вернуться вовремя».

— Как ты доберешься? — спросила она.

— Через час буду у себя, — небрежно сказал он, продолжая глядеть в сторону.

— Неужели через час?

— Самое большое через полтора, — ответил он тем же тоном.

Где-то за лесом шла редкая перестрелка. А еще дальше, над горизонтом, висело большое фиолетовое облако. В лесу стоял полусумрак и было почему-то неуютно и пусто, громко шелестела листва под ногами.

Варя неожиданно сказала:

— Дальше я пойду одна. А ты этой дорожкой выйдешь к шоссе. Ты не забудешь нашу полевую почту?

Они помолчали мгновение.

И вдруг Пинчук понял, что у него сейчас остался один-единственный шанс. Он робко взял ее за руку. И внезапно близко увидел ее глаза.

— Ты — сумасшедший, — сказала она, отстраняясь, но глаза ее говорили о другом. — Ты — сумасшедший...

После, когда Пинчук останется один, он будет часто вспоминать ее слова, сказанные в тот день, и этот ее взгляд. Он всегда считал, что девушкам проще и легче: они командуют. Они знают все наперед и командуют. А парни постоянно пребывают в неуверенности и в боязни совершить непоправимую ошибку. И как им порой недостает одного слова, одного взгляда, чтобы обрести уверенность.

Этот день оказался для Пинчука удивительно счастливым. Буквально все сопутствовало его счастью: не успел он выйти на шоссе, как из леса прямо перед ним вырुлил, неуклюже переваливаясь по ухабам, старый ЗИС, груженный ящиками. Пинчук проголосовал, и шофер, смуглый, чубатый украинец, открыл дверцу кабины.

Когда Пинчук уселся, шофер попросил закурить и, увидев в руках сержанта «Беломор», сразу взял штук пять, объяснив простодушно, что делает это из боязни не встретить его вскорости, а курить, безусловно, ему скоро опять захочется.

Шофер спешил, свирепо крутил баранку, ругал своего помкомвзвода, который не даст человеку вздохнуть ни днем ни ночью. ЗИС подбрасывало на выбоинах, ящики громыхали в кузове, а мотор начинал кашлять, чихать, пока с помощью каких-то манипуляций с рычагами шофер не утихомиривал его.

Когда дорога пошла ровнее, шофер поинтересовался,

куда едет сержант, и Пинчук соврал, сославшись на неотложные служебные дела, которые якобы ему поручены. Шофер начал материться, теперь уже переживая за Пинчука, которого посылают в такую даль на своих двоих. Пинчуку было неловко его слушать, и он довольно горячо защищал свое начальство, которое, дескать, правильно рассчитывает на попутный транспорт.

— Попутный! — рубил шофер. — То он есть, а то и нет его. Кукуй тогда в поле. — Он скосил глаза на ордена, внушительно поблескивавшие на груди Пинчука, и рванул ручку с черным набалдашником, пытаюсь переключить скорость. — Я сначала подумал — в отпуск сержант шагает, а тут, оказывается, по служебному делу. Ну, умниками стали все, подсчитывают, значит... Валяйте, валяйте... А у нас в автобате в писарях чернявая такая сидит и, промежду прочим, родинку на щеке у себя устроила. Так она по каждому своему шагу «виллис» гоняет, сядет на первое сиденье и гонит, куда ей захочется. А попробуй скажи! Понял?

Пинчуку было очень неловко за свое вранье, он уже собирался признаться во всем, но, к счастью, шофер перевел разговор на другую тему. Оказывается, сводку передавали: наши в Таллин вошли, и шофер, видимо, достаточно наслушавшийся в своих поездках разных прогнозов насчет войны, высказывал свои соображения:

— К Новому-то году — бац бы да в Берлин. Гитлера да всю его бражку — на телеграфные столбы. Чтобы знали наперед, как чужую жизнь топтать. Моя бы воля, я бы всю их землю в прах раскидал. Сам прикинь: гоняю на этой трехтонке, пригоню до Берлина, как полагается. А потом куда мне? Домой? А дома-то у меня и нет. Понял? Нет дома, и никого в живых не осталось. Ни жены, ни ребятишек.

Ревел грузовик, летела под колеса дорога, громыхали в кузове пустые ящики; жадно затягивался папирсой шофер, уставившись зорко вперед. Молчал Пинчук. Недавнее радостное ощущение счастья потускнело, и он тоже хмуро глядел, и образ Вари, минуту назад такой отчетливый и ясный, внезапно подернулся туманом, и Пинчук с особой остротой почувствовал, что война продолжается, что врага надо бить и бить.

Не доезжая километров двух, шофер должен был свернуть в сторону, но он пренебрег временем и возражения-

ми Пинчука — доставил его почти к самому «дому». Пинчук сунул ему оставшуюся пачку «Беломора», шофёр запротестовал, но Пинчук так посмотрел на него, что он взял, и они расстались, пожелав друг другу дойти до Берлина и расквитаться там с фашистами за все.

7

Было еще светло, когда Пинчук вошел в сарай. Никто не спросил его о том, где он пропадал. Пелевин молча показал на стол, где стояли два котелка: обед и ужин.

Пинчук взял котелок и начал есть. Из угла доносились знакомые голоса, среди которых выделялся басок Крошки.

— Где лейтенант? — спросил тихо Пинчук.

— Пошел в штаб, — ответил Пелевин.

— Вызывали?

— Да нет. Сам пошел.

— А сюда кто-нибудь приходил?

— Никого не было.

— Знаешь, я порядком проголодался, — сказал Пинчук.

Пелевин ничего не ответил. Покивал головой, давая понять, что хорошо представляет, как Пинчук проголодался. Но никаких вопросов не задавал, будто ему было давно все известно. Такой вот был старший сержант Пелевин.

Зато именно с ним Пинчуку хотелось бы поделиться. Но он молчал, скованный непонятым стеснением. Оба сидели и говорили о разных пустяках.

— Каша — ничего.

— Ребята хвалили, — сказал Пелевин.

Позади послышались шаги, подошел Крошка и по привычке облапил Пинчука.

— А, это ты! — сказал Пинчук. — Досталось?

— Пустяки, — ответил возбужденно Крошка. — Одно-го чуток задело. Но так, царапина. Зато важный ффриц попался. С крестом. Толстый, как боров, и вонючий. Полдня мутило. Если бы не спиртишко, неделю в рот ничего не смог бы взять. Во какой зараза!

— Новички — ничего?

— Ничего, ничего, — Крошка хихикнул. Пинчук понял, что спиртишка было принято внутрь достаточно. —

Мы час с лишним лежали — ни туда ни обратно. Я думал, пропало дело: заметили. Оказалось, немец в белый свет палил. С перепугу, что ли?

Крошка пошевелил плечами и смачно сплюнул.

— А знаешь, что я сделал, когда мы сцапали этого фрица? Они там подняли стрельбу, да еще свечек повешали. — Крошка снова беззвучно хмыкнул. — Мы подались тогда влево и спрятались в их же траншее. Понял мою тактику?

— Ты молодец, — сказал Пинчук, — с тобой не пропадешь...

— Ладно, не заговаривай зубы. — Крошка снова облапил Пинчука и вдруг повлек его в дальний угол. — Ты скажи, стервец, где пропадал?

— Ну и медведь. И грабли же у тебя. С чего ты взял, что я пропадаю? Я был тут! — Пинчук неопределенно повел вокруг рукой.

— Ах, тут! — зарычал, задыхаясь от смеха, Крошка. — Ты считаешь, что это тут? В двенадцать часов я обыскал все закоулки. Я был у саперов, я заходил к связистам — ты, стервец, как в воду канул.

— А тебе зачем я понадобился? Спал бы лучше.

— Нет, погоди. Насчет спанья само собой — я уже к тому времени выспался. Но мне было интересно. Вчера у тебя была такая постная рожа, что хоть панихиду пой. И вдруг на тебе: исчез. Да ты погляди на себя, стервец. Нет, нет, не отворачивайся, не крути. К девчонкам шатался?

— Тебе только и мерещится...

Пинчук произнес это машинально, потому что его укололи слова Крошки насчет постной рожи. Но ведь действительно — так оно и было: вчера он думал о гибели Паши Осипова, писал письмо его жене, а сегодня крутил любовь с Варей. Как назвать все это? Не слишком ли резок переход? Ведь Паша Осипов был ему самый близкий друг.

— Чего, чего мне мерещится? — нажимал Крошка. — Ну-ка, ну-ка... Чего мерещится?

Пинчук посмотрел на Крошку внимательно, как бы взвешивая, стоит ли идти на полную откровенность.

— Знаешь что...

Он решил, что надо рассказать Крошке — хороший парень, пусть узнает о той ночи, когда его привели в зем-

лянку комбата. Надо объяснить, что Варя — это Варя, а Паша совсем другое, с Пашей он ходил в разведку.

— Что ты хотел сказать? — спросил Крошка.

Но Пинчук уже переменял решение.

— Я был в санбате, — сказал он и отвернулся.

— Ну и правильно. Ты думаешь, я не сообразил! — Крошка прищурил левый глаз. — Меня не проведешь. Я сразу догадался, только помалкивал. И учти: стоял на стреме. Если, думаю, потребуют Леху — я мигом: одна пога здесь, другая — в санбате. Понял?

— Спасибо, — ответил тихо Пинчук. — Я этого не забуду.

— Да брось ты. Главное, у тебя сегодня на вывеске — сплошное северное сияние. Видно, хороша... Да ладно, ладно, не буду, катись ты...

Они поговорили еще о разных разностях, Крошка снова рассказал, как брали пленного, как начальник штаба благодарил их: видно, фриц оказался подходящим, самого Крошку полковник Зуев якобы расцеловал. Пинчук знал слабость Крошки в отношении начальников и сделал вид, будто поверил в поцелуй, которыми награждали Крошку полковники. Они поговорили и разошлись по своим местам.

Позднее, когда Пинчук улегся на нары, он стал думать о Варе, вспомнил лес и овраг, перед глазами его опять рябил покачивающейся листвой пруд у сожженного хутора, он припоминал слова, которые ему сказала Варя, когда они стояли в лесу, снова видел ее глаза и, умиротворенный от всего пережитого, вдруг представил себе: нет войны. Ушла война. Кончилась... Победа пришла...

Нечто похожее однажды уже происходило с Пинчуком.

Они стояли тогда в болоте под старым городком со старинным названием Опочка. Ночью Пинчук выбрался из блиндажа, затопленного на четверть болотной водой, прополз к взгорку и прилег у кустов. Небо было закрыто тучами, ветерок гулял через взгорок, Пинчук лежал тогда на плащ-палатке и смотрел вперед, в тьму, которую прорезали в разных местах пулеметные трассы.

Хотя вокруг было болото, но время тогда началось веселое: наступали. Позади был Сталинград, Курск — били немца вовсю, гнали с родной земли все дальше и дальше. Маячила каждому в глаза, пусть еще и смутно, нелегкая

впереди победа. И лежал Пинчук на взгорке под ветерком и думал, какая она будет, эта победа, как все произойдет, и казалось ему, что после того дня, когда сломят фашистов, даже небо, даже облака и вся природа вокруг станет другой. А какой — он не мог угадать и про себя улыбался, что не знает, но с уверенностью необыкновенной считал: другой будет.

И вот неожиданно в этих мыслях о будущей победе, которую он тогда пытался конкретно представить, вдруг встала перед ним одна ночь в начале войны, когда немец под Оршей высадил десант и их роту бросили на уничтожение этого десанта. Не подробности разные привиделись из той кошмарной ночи, а увидел он вдруг снова в просвете между деревьями сизоватый, словно облако, купол парашюта и покачивающуюся под ним фигурку.

Он стрелял, и другие стреляли, за кустарником гремели уже разрывы гранат, и вот будто чиркнула черная стрела в глазах: камнем полетела вниз фигурка немецкого парашютиста. Десант был уничтожен, а утром на поляне Пинчук увидел немецкого офицера: руки втиснуты в брючные карманы, ворот мундира расстегнут, он стоял, расставив широко длинные тонкие ноги, и водил нагловатыми глазами по окружающим. Это был первый немец, которого Пинчук видел близко. Может, поэтому он и запомнился ему надолго, и, когда они мокли в болотах под Опочкой и Пинчук выполз на сухое местечко, чтобы немного вздохнуть, вдруг встал перед ним этот нагловатый фриц и долго не отпускал его от себя, уже и Опочку освободили, уже взяли еще несколько сел и городов и сотнями гнали на восток грязных, оборванных немецких солдат, и лежали фашисты на огромном пространстве, прибитые пулей или прикладом к земле, возвращалась понемногу свобода родным краям, но фриц, тот, первый, стоял перед ним, все стоял, слегка покачиваясь на своих тонких ногах, и наглую ухмылку его Пинчук никак не мог забыть.

Может, потому это происходило, что после схватки с десантом, когда их полк срочно перебрасывали на другой фланг, они, шагая по проселку, неожиданно повстречали малышей, гуськом бредущих по сухой кочковатой тропинке вдоль дороги. Вела малышей старая костлявая женщина в гимнастерке без петлиц, с сумкой из-под противогаза через плечо.

Красноармейцы не выдержали, остановились. Пожилой боец, склонившись, допытывался у белобрысого обросшего малыша:

— Папка-то где твой?

— У меня нет папки, — отвечал малыш.

— А мамка?

— И мамки нет, — отвечал мальчик, протягивая руку и робко глядя грязной ладошкой холодную сталь винтовки.

— Поиграй, поиграй, не бойся, — говорил боец, подвигая винтовку, и, немного подождав, спросил: — А где же у тебя папка с мамкой?

— Померли, — сказал малыш тоном, каким он, по-видимому, уже привык отвечать.

Боец крикнул и стал смотреть в сторону. Потом, когда разнеслась команда, он, спохватившись, долго копался у себя в мешке, перебирая там разный солдатский скарб и все приговаривая: «Погоди-кось, погоди-кось... Чичас, вот оказия...» Наконец он извлек из мешка крохотный кулечек сахару, сунул малышу в руки и побежал в свою колонну, которая уже набирала шаг...

А фашист все стоял и покачивался, наглый, самоуверенный, смотрел своими белесыми глазами сквозь комья артиллерийских разрывов, сквозь дымы бесконечных пожарищ...

Может, это хорошо, когда прошлое возникает и дает возможность взглянуть на то, что ты делаешь сейчас, глазами пережитого, того, что было твоей болью или радостью, надеждой или горькой потерей.

Сейчас Пинчук думал о том часе, когда будет сказано: «Конец войне. Победа...» Кто-то скажет эти слова, кто-то взглянет ласково на них, вздохнет, как человек, опускающий с плеч тяжелую ношу. И чудилась Пинчуку новая жизнь, которая наступит после тех слов. И улыбалась ему Варя, и сам Пинчук улыбался, представляя себе счастье, которое тогда придет к нему.

В сарае совсем потемнело. На тропинке слышались шаги часового. Где-то около шоссе урчали машины то глухо, то резко, с надрывной дрожью. Прислушиваясь к этому гудению, привыкая к нему, Пинчук будто ехал куда-то, и в душе у него рождались новые воспоминания и было сожаление, что встреча с Варей позади, что он не успел сказать ей всего самого главного. «Ничего, на днях можно

снова отпроситься, — шептал сержант про себя. — Крошку на всякий случай надо предупредить. Крошка, если что, выручит... Если бы Варя видела Крошку...»

Кто-то в дальнем углу закричал:

— Стреляй, тебе говорят...

И замолк.

«Кто бы это мог? — подумал Пинчук. — Кто-то новенький... Разговаривает во сне».

Синие круги поплыли перед глазами Пинчука. Снова возникло лицо Вари, но уже не ясно, а в каком-то тумане, среди мельчайших колыхающихся искорок. И тут же Пинчук крепко заснул.

А во сне ему явился Юрка Хлыстов — старинный друг его школьной юности. Выглядело это так: будто они с Юркой шагают рядом по городской площади, кругом флаги, как на демонстрации, и солнце. Они шагают и поют свою любимую песню:

Заводы, вставайте,
Шеренги смыкайте...

Может, это хорошо, когда пережитое вдруг вспыхнет ярким пламенем, обожжет, застучит в груди, понесет по дорогам, далеким и близким...

Проверьте прицел,
Заряжайте ружье...

Юрка Хлыстов был на два года старше Пинчука и учился в восьмом классе — черноволосый, круглолицый, с не улыбчивыми глазами паренек, — однако на праздничных демонстрациях они всегда шагали рядом. Дружба их началась необычно, в школе они знали друг друга только в лицо, только издалека, но была в городе публичная библиотека, был читальный зал, помещавшийся в старинном каменном здании бывшего монастыря. Этот читальный зал, где в строгой тишине, склонившись над столиками с множеством книг, сидели люди, был тайным тщеславием юного Леши Пинчука. Он приходил сюда, считая, что приобщается к великому и загадочному миру открытий.

Он любил журналы с картинками и подолгу рассматривал фотографии известных путешественников, летчиков, моряков — недавно все газеты пестрели снимками мужест-

венных челюскинцев, среди которых выделялось бородатое лицо главного челюскинца Отто Юльевича Шмидта. Газеты сообщали о полетах Валерия Чкалова, страна гудела событиями, и Пинчук шагал по улицам города, широко выбрасывая ноги, хмурый и сосредоточенный. Летели дни, он был еще мальчик, но с непостижимой уверенностью ждал: какой подвиг поднесет ему судьба?

Гудели на вокзалах эшелоны, отправлявшиеся на Дальний Восток, на Урал, в Сибирь, но Пинчука это не так трогало, стройка связывалась в его уме с кирпичной стеной, с бревнами, стеклами окон, с печными трубами, с замазкой и жидкой глиной. Нет, этого ему было мало, его сушило желание отдать себя настоящему мужскому делу, а в школе требовали, чтобы он писал мягкий знак в конце слова «ночь», и уверяли, что вода, если превращается в пар, то все равно никуда не исчезает.

Листая красочные журналы с портретами героев, юный Леша Пинчук будто хмелел — непостижимое множество пристрастий было у него в то время: он хотел быть летчиком, он хотел быть полярником, он видел себя бредущим сквозь злую пургу, он мечтал о подводных глубинах и о необыкновенном воздушном шаре, на котором можно долететь до Луны. С праздничной торжественностью он ждал мгновения, когда все это произойдет. Мгновение пока не приходило, а в школьном дневнике пестрели замечания вроде: «Не слушал урок», «Глядел в окно»; а преподаватель по химии, едкий старичок в старомодной жилетке, однажды написал: «Ловил на уроке мух». Никаких мух в классе, конечно, не было, просто Леша смотрел тогда в потолок — в этом и заключался весь его проступок, но учитель по химии знал немало обидных слов и иные из них записывал в дневники ребятам. «Ковырял весь урок в посу». Это уж была такая неправда, что Леша сразу же после урока зачеркнул несуразную запись, хотя руководила им отнюдь не боязнь получить нахлобучку от матери — мать вообще не читала его дневника, ей было не до того, — он не мог смириться с несправедливостью.

И вдруг в читальном зале Леша встретил Юрку Хлыстова, нет, они не столкнулись лицом к лицу. Леша только что вошел и увидел: Юрка стоит у столика, на который библиотекарьша навалила уйму каких-то книг, целая стопка, а библиотекарьша спрашивает Юрку о чем-то и к стопке добавляет новые книги. «Вот так сюрприз, — подумал Ле-

ша, — Юрка здесь, и что это за книги ему так щедро выложили?» Леша сначала притворился, будто не заметил Юрку, но искоса стал наблюдать за ним. В гимнастерке, как у настоящего красноармейца (только без петлиц), в синих галифе, широкий командирский ремень на поясе, Юрка выглядел необычно, хотя в том же самом костюме он ходил и в школу. Ребята знали, что у Юрки отец — майор, с одеждой в те годы было неважно, штаны, рубашки — все переходило от старших, переделывалось домашним способом, поэтому Юркин костюм вызывал не удивление, а скорее зависть.

Но сейчас Лешу интересовал не Юркин костюм, а книги, которые тот листал, нахмурив свои черные брови. Подойти и узнать? Но может, Юрка сам заметит его присутствие и позовет. Однако Юрка стоял опустив голову и листал, выискивая для себя что-то особо нужное.

Тогда Леша подошел и спросил:

— Что за книги? Про путешествия?

Леша считал, что самые интересные книги про войну и про путешествия.

— Да нет! — ответил Юрка, сверкнув белками глаз. — Про Испанию.

— Про Испанию?

И тогда Юрка посмотрел Леше прямо в лицо, и Леша понял, что совсем не знал своего товарища по школе.

В тот вечер они вышли из старинного монастырского здания вместе и долго бродили по городу. Юрка рассказывал про Испанию, про горы, про города со звучными названиями, про людей, которые хотели сделать революцию и уничтожить капитал, но им не дают это сделать фашисты. Глаза у Юрки блестели.

— Ты понимаешь, — сказал он, расправляя привычным жестом складки под ремнем, — вот мы с тобой ходим, читаем книжки, учимся. Революция у нас, гражданская война — все было. А там... Я все время думаю, как там. Понимаешь, они тоже хотели, чтобы как у нас, а их за глотку — и давай со всех сторон душить. Почему?

— У нас при царизме... — начал было Леша.

— Нет, ты скажи почему? — продолжал Юрка, пропустив Лешино замечание насчет царизма. — Почему?

— Ну, капиталисты, конечно, — сказал рассудительно Леша.

— Капиталисты?!

— Да.

— Так надо бороться. Не сидеть сложа руки, пока фашисты всех не перестреляют.

Они долго молчали. Звякал на соседней улице трамвай, в скверике слышался визг и девчоночий смех, а еще дальше, в саду лакокрасочного завода, духовой оркестр выводил фокстрот на мотив известной песенки «Катя, Катюша, купеческая дочь...». Юрка вздохнул, поглощенный своими мыслями о далекой Испании, он, казалось, ничего не слышал, а духовой оркестр презирал за мещанство...

— Наши добровольцы высадились в Барселоне.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю.

Юрка поглядел по сторонам и тихонько засвистал.

Они еще постояли под деревьями на углу сквера — обоим почему-то не хотелось расходиться. При чем у Юрки было такое выражение лица, будто он знает какую-то очень важную тайну и раздумывает, решая, говорить про нее Лешке или не говорить. В тот вечер он так ничего и не сказал.

Сейчас Юрка шагал по городской площади. Юрка был в гимнастерке, в которой Пинчук видел его в читальном зале, правда, на гимнастерке алели петлицы и рубиново поблескивали кубики, по два на каждой петлице. Пинчук подумал о погонах и никак не мог сообразить, когда это происходит: то ли они еще учатся в школе, тогда почему у Юрки командирские кубари, то ли все это происходит позже, когда Юрка после неудачного побега в Испанию вскоре уехал в военное училище, — все как-то перемешалось. Пинчук тоже шагал и шел, и хотя знал, что все это вроде происходит во сне, но был несказанно рад и всякие вопросы Юрке отодвигал на потом, главное — они рядом, и Юрка, его школьный дружок, шагает по булыжной площади, и светит им в лицо солнце, и несется над головой боевая песня:

Проверьте прицел,

Заряжайте ружье...

В это время Варя Лескова дежурила на коммутаторе. Она сидела в землянке перед дощатым самодельным столиком, на котором был установлен аппарат; телефонная

трубка с помощью обыкновенного бинта была ловко укреплена на голове, над левым ухом. Если клапан на коммутаторе открывался, Варя тотчас нажимала рукой на ключ, подвигала удобнее трубку и говорила, в микрофон официальным голосом: «Семнадцатая». Семнадцатая — это был позывной телефонной станции на текущие сутки.

Варя дежурила уже два часа, но не чувствовала себя усталой, хотя после свидания с Пинчуком старшина Кукушкин гонял ее по разным поручениям, а вечером, перед самым дежурством, послал ее и еще двух девушек на вещевой склад за теплым бельем. На складе им пришлось неожиданно задержаться, вернулась поздно, она успела лишь поужинать, а после ужина девчата принесли ей письмо от матери.

Мать писала, что все у них хорошо. Отец много работает, хотя теперь гораздо реже ночует в цехе. Завод вошел в ритм. Она намекала на особую продукцию, которую завод якобы выпускает для фронта, но по ее таинственным намекам было весьма трудно уразуметь, какую же продукцию имеет в виду мать. В конце письма, как обычно, перечислялись просьбы: беречь себя, не соваться куда не следует, думать побольше о них, стариках, для которых она, Варя, — единственный свет в окошке.

Письма родителей всегда будоражили Варю воспоминаниями. Она вспоминала Москву, дом, поездки с отцом по каналу, гуляния на Тушинском аэродроме, куда ежегодно в День авиации отец брал ее с собой. Родители жили между собой дружно, в их семье царила атмосфера благожелательности и согласия. Когда Варя вскоре после начала войны отнесла заявление в райвоенкомат с просьбой направить ее на фронт, мать, узнав об этом, расплакалась и накричала на нее: «Девчонка! Что ты выдумала!» Это была, пожалуй, единственная размолвка у Вари с матерью. Вечером пришел отец и сказал: «Если она считает, что так нужно, значит, пусть будет так».

Сначала Варю отправили в учебный полк, а потом родители уехали с заводом в Сибирь. В каждом письме мать сообщала: «Устроились вполне прилично». По краткости и односложности этих сообщений Варя поняла, что мать не хочет говорить о трудностях. Далекая Сибирь у Вари сочеталась с сильными морозами, сугробами и выюгами. И, пытаясь представить себе родителей в тех краях, она

видела отца в меховой шапке-ушанке, а мать в платке, повязанном крест-накрест поверх пальто, — точно так родители были одеты, когда приезжали последний раз к бабушке во время зимних Вариных каникул. В голове у Вари так крепко запечатлелся этот их последний приезд, она порой даже забывала, что на дворе осень и что в Сибири бывает так же тепло, как и в Москве.

Прошел еще час Вариного дежурства. Разговоры через коммутатор проходило мало, и Варя имела возможность немножко подремать. Огонек стеариновой свечи, поставленной в консервную банку, горел ровно, почти не колеблясь, и так было хорошо на него смотреть и думать при этом о чем угодно.

Когда Варя была на вещевом складе, то по радио передавали приказ Верховного Главнокомандующего. На юге наши войска овладели новыми важными городами и взяли в плен тысячи фашистских солдат и много военной техники. После того как Левитан прочитал приказ, был произведен салют из артиллерийских орудий, их грохочущие залпы отчетливо доносило радио, потом прозвучал гимн. Варя впервые слышала салют, и этот салют, и торжественный голос Левитана, читавшего приказ, и звуки гимна, и залпы — все это произвело на нее сильное впечатление. Дела на фронте шли хорошо, присутствовавшие на складе солдаты начали вслух подсчитывать, сколько километров осталось до Берлина. Кто-то выразил мысль, что к Новому году дойдем и до Берлина, а если не к Новому, то к весне обязательно. Его тут же высмеяли за неопределенность: то к Новому, а то к весне — большая все-таки разница. Было решено, что ко Дню Красной Армии обязательно дойдем. Предположения следовали одно радостнее другого, говорили о возвращении домой, о встречах. Варя тоже думала о доме и пыталась представить себе, как она встретится с родителями, когда наступит конец войне. Будут ли родители к тому времени жить в Москве или задержатся в Сибири и ей придется ехать в незнакомый город Бийск? Варе очень хотелось, чтобы родители были в Москве. Тогда бы она с вокзала проехала на метро в центр, а оттуда пешком по улице Горького до бульвара и мимо памятника Пушкину к Никитским воротам. Здесь до переулочка, где стоит их дом, два шага. Она приедет, никого заранее не предупреждая. Поднимется на третий этаж и позвонит в квартиру. Мать откроет ей дверь, отступит немного в сто-

рону и покачает укоризненно головой, как бывало, когда дочь запаздывала, возвращаясь из кино или из театра.

Варя улыбнулась, настолько живо представила она эту сцену. И вдруг увидела рядом с матерью Пинчука. Этот поворот в мыслях произошел так неожиданно, что Варя даже смутилась, как бы удивляясь самой себе. Она решила, что надо написать матери, с каким человеком она познакомилась. У нее никогда не было от матери тайн. Но, поразмыслив секунду, пришла к выводу, что лучше будет, если она промолчит — ну хоть три-четыре дня.

«Как он доехал? — подумала Варя. — Нашел ли попутную машину? И не возникло ли каких неприятностей?..»

Варя привстала с чурбака, заменявшего ей стул, и снова села, зябко поежившись.

Щелкнул клапан на коммутаторе.

— Семнадцатая, — сказала сухо Варя.

— Семнадцатая, соедините со Вторым.

— Соединяю.

Быстрая манипуляция шнурами, и, убедившись, что разговор состоялся, Варя поставила ключ в нейтральное положение.

И снова стала думать о Пинчуке.

И опять щелчок клапана.

— Семнадцатая, дайте «Весну».

— Соединяю.

— Срочно вызовите Первого.

— Соединяю.

Коммутатор заработал на полную мощность. Позывные — за каждым из них стояло войсковое подразделение, или штаб, или командир; Варя понимала, как важно, чтобы связь действовала бесперебойно, и испытывала торжественную приподнятость, соединяя людей, которые откликались ей далекими голосами, которые говорили на непонятном для нее засекреченном языке, отдавая распоряжения, приказы, сообщая разные сведения о противнике и о себе, — Варя чувствовала личную причастность к этой большой и важной работе.

9

Проверьте прицел,

Заряжайте ружье...

Нестерпимо ярко светило в глаза солнце. Пинчук проснулся и увидел: с противоположной стороны через узкое

оконце сарая на него действительно целится солпечный луч.

В сарае шла утренняя суета; времени уже было немало — ожидали завтрак. Старший сержант Пелевин сидел у входа и читал вслух газету, рядом, устроившись на бревне, — небольшая группа разведчиков. Доносился сипловатый, монотонный голос:

«Во время атаки оборонительного рубежа противника боец Чумаков ворвался во вражеский дзот. Действуя штыком и гранатой, смелый солдат уничтожил шесть гитлеровцев...»

В другом углу неутомимый Крошка, громадный и красный, рассказывал молодым разведчикам, как скрутили немецкого фельдфебеля, который кусался и вертелся, словно пойманный в сетку волк, но его все же утащили. Потом у Крошки шли подробности о том, как разговаривали с ним разные полковники в штабе, как благодарили его за «языка».

Пинчук сонно улыбнулся. Пора вставать. Но он снова сомкнул веки, не желая расставаться с дружкой своей школьной юности — Юркой Хлыстовым. Некоторое время он размышлял о том, где теперь его далекий дружок и что с ним. Последнее письмо от Юрки было из Ленинграда еще до блокады. Потом — никаких известий: ни от Юрки, ни от его родителей, которые незадолго перед войной уехали на Украину, куда был переведен в один из пограничных гарнизонов Юркин отец.

Захваченный группой Волкова немецкий фельдфебель не открыл особых новостей: немцы по всему участку фронта держат плотную оборону. Сообщения о режиме переднего края, о настрoении солдат имели, конечно, значение, но все же это были мелочи. Заслуживающим внимания казался лишь один факт: несколько дней назад передний край посетила группа каких-то важных генералов и старших немецких офицеров. Они прибыли ночью и скрытно прошли на командный пункт полка и в другие места — подробностей фельдфебель не знал, он случайно в ту ночь оказался свидетелем, как из окопов, где проходили генералы, удаляли солдат. Посещение их было обставлено особой таинственностью.

Настораживало также еще одно обстоятельство, которое можно было поставить в связь с посещением генералами переднего края, это — появление за последние два-три дня авиации. Немецкие истребители кружились вблизи передовой, иногда пересекая ее, а когда уходили, то оставляли после себя «раму». Казалось, будто немецкие самолеты кого-то патрулируют — фельдфебель по этому поводу не смог дать никаких объяснений, а всякие предположения на этот счет, даже самые разумные, требовали конкретных подтверждений.

10

Высоко над лесом плывут облака. Лес шумит, пронизываемый свежим ветром. Ветер спешит вперед — сквозь листву, сквозь заросли сучьев. Впередойки с ним носятся птицы.

Стена леса — будто некий заслон; в просветах между деревьями виднеется поле, изрытое ямами воронок, зигзагами окопов, бугорками блиндажей, — передовая. Болотистая выемка упирается в круто возвышающийся холм. «Тра-та-та» — с одной стороны простучит и через пять минут: «тра-та-та» — с другой. Жутковато от пулеметного стука. «Дзиу-дзиу» — провоет по-щенячьи над головой мина. Взрывы следуют один за другим, и тут же с шорохом прокатится фугасный: наши орудия отвечают немецким минометчикам. На тысячи ладов ведет между собой разговор артиллерия.

Пинчук стоял в окопе и, пригнувшись, глядел из-за бруствера в бинокль на немецкий передний край. В лабиринте траншей, опоясывающих холм, уходящих то вглубь, то в сторону, казалось, никого не было. Только внезапный стук пулемета обозначал, что пологий спуск к болоту и ложбина в середине его насыщены огнем, что все здесь кусает, жалит, убивает; Пинчук, надвинув каску, смотрел в бинокль, ползая окулярами по зигзагам траншей, прикрытых спереди зеленой хвоей. Что скрывается за траншеями, где, в каких ячейках сидят наблюдатели, какие секреты таит холм и узкая ложбина посреди болотины, втягивающаяся в лес?

Рядом с Пинчуком в окопе стоял Коля Егоров.

— Видишь, справа бугорок, — сказал Пинчук, не отрываясь от бинокля. — Бугорок свежий, понял. Да они,

похоже, еще траншею вырыли. А дзот в центре артиллеристы накрыли. Хорошо...

Коля не видел ни бугорка, ни дзота, который накрыли артиллеристы. «У меня все сливается», — подумал он про себя.

Помолчав, Коля сказал:

— Слева вон тоже бугорок.

— Слева, где?

— Да вон чуть повыше лощины.

— Ах, это, — Пинчук тотчас отвел бинокль. — Это правдашней бугорок. А там, где я показывал, — дзот.

Коля молча стал всматриваться в бугорок-дзот и в другой, что повыше лощины, который сама природа тут устроила. Какая между ними разница? Сержант взглянул и сразу определил. Очень Коле хотелось хоть немного походить на сержанта: все знает, все сразу может разгадать и не боится, когда стреляют кругом.

Минут через десять Пинчук объявил перекур, чтобы глаза отдохнули, опустился на дно окопа, ловко присев на корточки. Рядом сел Коля.

— Зарылись, паразиты, — сказал Пинчук, кивнув в сторону немецкой передовой, достал из кармана картонку и стал на ней что-то вычерчивать.

Где-то совсем рядом строчил пулемет и рвались мины.

— По ночам действует, паразит! — выругался Пинчук, спрятал картонку в карман и поглядел на часы. — Два часа уже. Вот летит время.

Пинчук зевнул, поднял с земли гильзу от патрона, долго оттирал ее пальцами, внимательно разглядывал, потом сказал, как бы размышляя сам с собой:

— А зрение у тебя, кажется, ничего. Хорошо видишь...

— Мне на комиссии сказали: отличное зрение! — объявил, зардевшись, Коля.

— И ночью хорошо видишь?

— Вижу и ночью, — ответил Коля, хотя голос его прозвучал уже не так твердо.

— Это хорошо, — повторил Пинчук. — Зрение для нас — как для охотника. А слух как у тебя?

— Слышу тоже неплохо. Врачи определили: очень хороший слух.

— Что-то смотрю — медицина все отличные отметки отдала тебе.

— Правда, сержант, — засмутился Коля. — Я не вру.

Честное слово. Я вот насчет того, какие там на местности бугорки, где что, — насчет этого слабовато разбираюсь. Но ведь научусь.

— Конечно научишься. — Пинчук, помолчав, вздохнул. — Всему научишься, придет время.

Они посидели еще немного, потом по ходам сообщения прошли влево — сменили позицию. Приникнув к брустверу окопа, снова замерли.

— Ты смотри лучше.

— Я смотрю, сержант.

— Осторожно только. Не высовывайся.

— Я осторожно.

Плыли облака над лесом, над опутанным проволокой холмом — лилово-сиреневые валы катились медленно справа налево, их ход казался бесконечным, а в прорехи между облаками косо падали седые солнечные лучи, которые медленно разворачивались, вспыхивали и гасли, и казалось, будто там, высоко в небе, установлен огромный вертящийся прожектор.

Тупо прозвучал орудийный выстрел, потом еще и еще. Пинчук, приникший к брустверу, оживился. На гребне холма вздыбилась земля, разрывы следовали по передней траншее, опоясывая ее.

— Ну-ка, ну-ка! Что вы на это скажете? — говорил Пинчук, обращаясь к кому-то, кто находился в немецких траншеях.

Тут же град мин обрушился с немецкой стороны. Пинчук выругался и присел на корточки на дно окопа. На небольшой высоте с громовым урчанием пролетела тройка штурмовиков, пздали слышалась бешеная пулеметная дробь и стукотня автоматических пушек.

— Сейчас они дадут им прикурить, — сказал Пинчук, показывая вверх.

— Хорошо бы, — ответил Коля, снял сапог и вытряхнул из него песок, потом снова обулся. Лицо у него было белое как мел, и Пинчук подумал, что где-то теперь и его братишка, быть может, вот так же привыкает к фронту.

— Ну как? — спросил он. — Не страшно?

— Немного, — ответил Коля.

— Меня тоже пронимает, — сказал Пинчук.

Через несколько минут артналет прекратился. Слева из окопа звали сапитара: кого-то, видно, задело.

Пинчук снова приник к брустверу. У немцев на холме

было все по-прежнему: пусто на склонах, изъеденных воронками, пусто в ложине, кусты и болотина — все казалось однообразным, серым, мрачным.

По ходу сообщения они прошли в блиндаж, где размещался артиллерийский наблюдательный пункт. Солдаты попросили у Коли Егорова закурить, и он тут же раздал весь табак. Старшина, высокий, с толстыми икрами, обтянутыми хромовыми голенищами, напоминал своим обликом футболиста.

— Чего-то вы зачастили? — грубовато спросил он.

— Да вот пришли на вас посмотреть, — отшутился Пинчук. — Парни уж больно хорошие. Вот мы и решили...

— Ладно, ладно! — усмехнулся старшина. — Не заливай...

Из блиндажа через узкую бойницу был виден склон на той стороне и лес; ветер, налетая порывами, бросался пылью в лицо. Над лесом кружились галки. Артиллеристы разливали в кружки густой черный чай. Достали кружку для Коли, кто-то сунул в руки ему сухарь, он поблагодарил и спустя минуту неожиданно для себя сообщил, что очень любил по утрам поливать цветы.

— У нас дома герань на окне стояла и еще елочка какая-то. Возьмешь кружку и польешь. Пьют цветочки...

Все поглядели на Колю как-то слишком внимательно.

— А я очень любил на ночь парное молочко пить, — сказал старшина с толстыми икрами футболиста.

Артиллеристы рассмеялись, Коля вспыхнул и стал смотреть в сторону. Но все, кажется, тут же и забыли о нем. Пинчук продолжал наблюдать в стереотрубу, изредка он спрашивал о чем-то тихо старшину, тот так же тихо отвечал. Рядом с Колей пил чай, держа кружку на коленях, пожилой артиллерист, он деловито говорил соседу про какую-то траншею, которую надо углубить, а тот возражал, предлагая вырыть новую щель. Слова пролетали мимо сознания Коли, он был расстроен, потому что хотел выглядеть бывалым разведчиком, а не получалось.

Зазуммерил телефон. Старшина, небрежно раскинувшись своим сильным ловким телом, начал докладывать своему начальству, дымя цигаркой прямо в микрофон. Пожилой артиллерист, дуя в кружку, спросил:

— А я тебя ни разу не встречал тут. Ты давно с ними? — Он кивнул в сторону Пинчука.

— Недавно, — ответил Коля несколько застенчиво.

— То-то я гляжу, лицо будто незнакомое.
— Недавно,— повторил Коля.
— Из каких мест будешь?
— Город Омск. Из Сибири.
— Не земляки, значит,— вздохнул сожалеюще артиллерист. — Я с севера. Сыктывкарский район. Город Сыктывкар.

— Не слышал.

— Дальний город...

Они помолчали.

— Вы тут осторожнее ходите,— сказал артиллерист, обсасывая сухарь. — У нас на прошлой неделе лейтенанта убило. Снайпер. И не заметили даже.

Коля покачал головой и спросил совершенно некстати:

— Как же так?

— Да я же говорю: снайпер.

Пинчук, прильнувший к окулярам стереотрубы, вдруг откинулся и, обернувшись, потрогал старшину за руку:

— Ну-ка, взгляни.

Старшина налег широкой грудью на выступ блиндажа. Разговоры тотчас смолкли. Слышалось сопение пожилого артиллериста, который никак еще не мог расправиться со своим чаем и обсасывал мокрый сухарь.

— Вот сволочи! — сказал старшина оглянувшись. — Петренко, вызывай Двадцатого.

Петренко был пожилой артиллерист, который сидел рядом с Колей. Он встал и подошел к телефону, начались выкрики позывных, потом трубку взял старшина и быстро, не отводя глаз от окуляров, стал сообщать координаты, упоминая при этом о «колесах» и «сигарах». Сейчас его голос чуточку сипел, будто горло внезапно перехватило морозом.

Пинчук занял освободившееся место старшины, откинулся на соломе, постеленной на земляных нарах, и, посмотрев на Колю, по-свойски подмигнул ему. Зеленый мальчишка, а хороший. Поливал, видишь, по утрам цветы. Надо же придумать такое. Стреляют кругом, а он о цветах вспомнил. Ну и чудо-юдо.

И вдруг Пинчук начал тоже вспоминать: были у них в доме цветы или нет? Он пытался представить обстановку в комнате — шкаф, комод, кровать, стол,— а вот стояло что-нибудь на подоконниках, какая-нибудь там герань или еще что, никак не мог вспомнить. Вопрос прямо зудел

в нем — и то ему казалось, что были цветы, то казалось, что их не было. Матери, что ли, написать, спросить для верности? Но он тут же отказался от этой мысли, посчитав, что глупее вопроса нельзя придумать. И потом, какая разница, были цветы в их доме или нет, ведь он все равно их не замечал тогда. Вот у Коли Егорова — это уж точно: были цветы, и он любил поливать их по утрам. И у Вари были цветы, почему-то вдруг решил Пинчук. «Уйма разных елочек и гераней на всех окнах...»

Неизвестно, сколько бы времени продолжались эти размышления Пинчука, если бы за блиндажом неожиданно не загрохотали взрывы. И герани и елочки на окнах вмиг исчезли. Серьезно и напряженно смотрел в стереотрубу старшина, и сам блиндаж, кажется, начал напряженно звенеть.

11

Батуриц, шагая через ступеньку, спустился в землянку. Рослов разговаривал по телефону. Прижав плечом трубку к уху, он отвечал «да», «нет», щека его при этом подергивалась, будто кто-то прикасался к ней иголкой. На столе перед Рословым лежали карты и схемы, и он ставил то в одном месте, то в другом разные условные значки.

Наконец он положил трубку, поставил на карте красным карандашом стрелки в двух местах и лишь после этого посмотрел на Батурина.

— Пришел.

— Так точно.

— Ну, присаживайся.

Наедине они обходились без формальностей. В свое время оба закончили одно и то же военное училище, хотя, в сущности, были знакомы мало, а потом и вовсе расстались и воевали в разных местах. И вдруг судьба свела их вместе: Рослова назначили в дивизию начальником разведки. Трудно сказать, какими соображениями руководствовались военные кадровики, соединяя двух однокашников. Всего скорее, что произошло это случайно: один получил повышение, а другой продолжал свою прежнюю службу. Знаток утверждали, что хорошего командира взвода в разведку труднее найти, нежели начальника. Батурина, правда, все это не беспокоило — он был не тще-

славен, хотя на правах товарища по училищу держался с Рословым свободно, не уступал, спорил, если видел промахи.

— Ну, рассказывай, какие новости?

Батурин уже знал привычку Рослова начинать изда-лека. Он пожал плечами:

— Чего рассказывать? Ты все знаешь.

— Конечно знаю и газеты читаю. А все же хочу тебя послушать. Как на передке?

— Наблюдаем, — ответил Батурин, улыбнувшись излюбленному рословскому «на передке». — Все новости я доложил. Других пока нет.

— И не будет! — оборвал Рослов. Голос у него вдруг стал резким и хриплым.

— Почему же?

— Потому что плохо наблюдаем! В третьем батальоне твои ребята ползают? Каждому шальному снаряду, каждой пуле кланяются. Где тут что-нибудь увидеть!

— А ты что? — усмехнулся Батурин. — Грудь вперед... Ухарство твое известно, только говорю тебе как друг: не доведет оно до добра. Попомни мое слово...

— Ну вот и загораем в окопах. И данных поэтому мало. А командир взвода потворствует.

— Не перегибай палку...

Батурин вдруг разозлился, но так же внезапно и успокоился: как он раньше не сообразил — головомойка была Рослову в штабе, вот он и не знает, на ком сорвать злость.

Батурин встал и прошелся по блиндажу.

— Говори, зачем вызывал?

Рослов, красный и возбужденный, хмурил брови и щурился.

— Вот и вызвал, чтобы обо всем этом сообщить тебе. Разве мало?

— О том, что ребята плохо наблюдают? Брось, не крути. У Деда, что ли, был?

Дед в обиходе разведчиков — полковник Зуев.

— Был, конечно.

— Я уж догадался.

— Если бы всегда так догадывался...

— Ладно, ладно, — перебил его Батурин. — Ну что там?

— Надо посылать группу в тыл.

Батурин, подняв голову, внимательно, не мигая, посмотрел на Рослова, но ничего не сказал.

— Вот здесь, — Рослов обвел кружочек на карте, — здесь они явно что-то замышляют.

— Пощупали бы авиацией.

— Авиацией! — Широкие скулы Рослова снова заходили, словно жернова. — Посоветовал бы ты Зуеву насчет авиации, он бы тебе показал где раки зимуют. Ишь стратег... Может, Генеральный штаб привлечь для выяснения замыслов противника?

— Брось шутить! — вспыхнул Батурин. — Не передергивай. Я спросил потому, что мне бывает жалко ребят. Я каждый раз думаю: а нельзя ли обойтись без них, и ничего тут смешного нет.

— Тебе жалко, смотрите-ка, а другим — нет?! Ты переживаешь, а другие — нет?! У тебя взвод, а у командира полка, у командира дивизии... Думаешь, им легко?

— Я не говорил, что им легко, — тихо сказал Батурин и посмотрел в сторону. — Я говорил совсем о другом. Не знаю, почему тебе непонятно.

— Понятно, все понятно. У тебя свой круг, у других — свой, и каждый из нас отвечает за свое. Пора бы это засечь раз и навсегда.

— Ну, разошелся...

— С тобой пока не поговоришь о том о сем — не перейдешь к делу.

— Вот сейчас как раз время перейти.

Рослов закурил, потом передвинул карту, взял один карандаш, швырнул в сторону, взял другой.

— Значит, группу в тыл, — сказал он, помолчав, подвигая к себе карту.

Батурин склонился над столом.

— Глубинная разведка получается — так, что ли? — спросил он.

— Это будет зависеть от данных. Если квадрат прояснится...

— Понятно.

— Вообще, расстояние немаленькое. Тут надо ребят сообразительных. Вопрос — кто поведет группу?

— Надо подумать.

— Вот думай. — Рослов пустил в потолок клубок дыма. — Волков у тебя только что пришел.

— Да Волкова и посылать на такие штуки опасно: быстро ввяжется в историю и все провалит.

— Хороший разведчик, чего ты темнишь.

Рослов был равнодушен к Крошке, у него вообще была слабость к разбитным, лихим бойцам, и Волкова он считал образцом настоящего разведчика.

— Я не темню, а говорю то, что есть, — сказал Батурин.

— А Пелевин?

— Пелевин медлителен и с картой не в ладах. Запутается.

— Кто же еще? Пинчук?

— Подождать бы с Пинчуком, — задумчиво произнес Батурин. — Я даже об отпуске хотел просить для него.

— Нашел время. Ты прямо как добренький дядя. — Рослов выругался. — Кстати, мне очень не нравится вся эта история: ушли втроем, а вернулся один...

— Ерунду говоришь! — сверкнул глазами Батурин. — Ерунду. Скоро сам поймешь, какую ерунду сейчас сказал. Пинчук — опытный, смелый разведчик. Ему просто не повезло. И уверяю: переживает он смерть товарищей больше, чем ты...

— Ну-ну, — пробормотал Рослов.

— Больше, чем ты, чем я, чем кто-либо другой.

— Ладно. Возражать не буду. Я сказал, что думал. Может, и ошибся. Я просто мало знаю его.

— Вот именно.

Рослов посмотрел на край стола, где стояла консервная банка с окурками.

— Ты командир взвода — решай, кто поведет группу. Батурин наклонился к нему.

— Есть одна кандидатура, — проговорил он тихо.

— Кто?

— Я.

— Ты?

— Да.

Рослов исподлобья посмотрел на Батурина и покачал головой.

— Отпадает без всяких обсуждений. И чтобы ты не заводился, скажу по секрету: насчет тебя был разговор с Прохоровым из штаба. Тебя не велено трогать, и никаких подробностей больше я не знаю. Можешь пойти к самому Зуеву.

Батурин нахмурился и ничего не сказал.

— Поведет группу Пинчук, — сказал, помолчав, Рослов и подвигал карту рукой. — Готовь ребят. А пока посмотрим, что тут надо сделать.

— Ладно, — вздохнул Батурин, подсаживаясь поближе.

В тот холодноватый сентябрьский день Пинчук и Коля Егоров до позднего вечера наблюдали за передним красн немцев — побывали у артиллеристов, изучая секторы обстрела, лазали в окопах у стрелков, высматривали и исследовали каждый бугорок на противоположной стороне, откуда еле слышно доносились редкие тупые удары орудий, а затем глухо где-то позади раздавались разрывы пущенных немцем снарядов.

На переднем крае все это считалось обороной, затишьем, но это была тягостная тишина. Настороженно следили наблюдатели как с той, так и с другой стороны. Достаточно было приподнять над окопом каску или лопату, как тут же раздавался пулеметный стук и над головой свистели пули. Пинчук ругался: «Глаз, сволочи, не спускают с нас!» Он снова с разных точек изучал уже ставшие знакомыми минные поля и землю напротив, изрытую окопами, ряды колючей проволоки, поляну справа и лес в глубине, в котором наверняка были немцы. А что происходило за лесом? Иногда стая «мессершмиттов», кружась, проносилась над передним краем, делая короткие виражи в нашу сторону, и снова возвращалась к себе в тыл. Все как будто было обычным: противник держал плотную оборону и был озабочен, кажется, только одной обороной.

12

— Запомни, Пинчук, — сказал Батурин. — Сначала дадут два залпа «катюши», и вы пойдете. В случае чего — красная ракета...

Разведчики, которым в ночь предстояло отправиться на ту сторону, сидели на нарах. Коля Егоров и кряжистый, медлительный, с темными кругами под глазами Маланов.

Вася Давыдченков нетерпеливо поддакивал лейтенанту:

— Понятно, все как по нотам, товарищ лейтенант...

— Друг за другом смотрите, — продолжал Батурин, поочередно вглядываясь в лица сидевших перед ним разведчиков.

— А как же без этого! Да без этого просто невозможно, товарищ лейтенант! — сказал Давыдчепков.

Батурин пристально поглядел на Давыдченкова, покивал головой, потом сделал еще несколько предостережений и отправился на передовую, а разведчики стали не спеша собираться.

В сарае после ухода командира наступила тишина, слышался шелест маскхалатов, звяканье оружия да раздавались редкие приглушенные голоса:

— Леха, возьми мой нож.

— Эх, собака! Тесемки оборваны.

— Митя, ты на узле связи был?

Давыдчепков, долго и молча копошившийся в своем углу, вернулся, стуча коваными немецкими сапогами, облаченный в пестрый маскхалат, который напоминал шкуру какого-то неведомого зверя. В руках его была коробочка с орденами и медалями; зычный голос Давыдченкова вскоре зарокотал в сарае:

— Смотри, товарищ старшина, не потеряй. А то со мной не расквитаешься за всю жизнь.

— Помалкивай, — буркнул в ответ старшина. — Городишь, что в башку взбредет.

— Мало ли какой случай, и вообще, — не унимался Давыдчепков. — Хотя я, конечно, не волнуюсь, я знаю, что в ваших руках, товарищ старшина, это все равно как в сберкассе. «Держите ваши деньги в сберкассе!» — это будто про вас сказано, товарищ старшина. А как насчет шнапсика? — повернул неожиданно Давыдчепков разговор.

— Что положено, все получите, — ответил хмуро старшина.

— Вдруг дожди пойдут, то да се. Как тогда? А ревматизмом нам болеть некогда.

— Ну, болтун.

— Нет, в самом деле, товарищ старшина. Надо учесть погодные неприятности. А если будет жара и прочее, то мы обратно принесем. Принесем, товарищи? — обратился Давыдчепков к Коле Егорову и, не дожидаясь ответа, добавил: — Вот, товарищи обещают... принесем...

Пипчук слушал болтовню Давыдченкова, наблюдая за

тем, как собираются разведчики. «У каждого по-разному, — подумал он. — На Давыдченкова именно сейчас, пока они еще здесь, нападает болтливость. Уж он не успокоится, пока не выболтается как следует. Маланов молчит — конечно что-то свершается и в нем, он, как и все, не каменный, но внутреннее напряжение в нем глубоко запрято и, наверно, не скоро еще уляжется. Вот Коля Егоров — этот сейчас находится в особом состоянии. Первый выход — он ведь даже близко не видел немца, он только слышал рассказы других и завидовал удачам. А теперь вот наступил его час. Он сейчас, по крайней мере в эти первые мгновения, точно во сне: никого не слышит и не видит — он весь в себе, весь в ожидании».

Давыдченков встал и направился за старшиной к выходу, где лежали ящики с гранатами.

— Товарищ старшина! — начал он снова, делая при этом красноречивые знаки. — Так как же, товарищ старшина, насчет шнапсу? — Он обернулся и озорно подмигнул окружающим.

Старшина, склонившись, сопел над ящиком, стараясь не замечать манипуляций Давыдченкова. Выгоревшие рыжие брови его сходятся и расходятся над переносьем, изображая строгость, но каждому ясно: старшина не сердится, а даже, наоборот, любит лихостью Давыдченкова, его молодецким видом, отсутствием какого бы то ни было страха.

— Ну, товарищ старшина, вам бы в аптеке работать, — продолжал Давыдченков обиженно. — Или кладовщиком в нашем домоуправлении. Во был в нашем домоуправлении человек: куса глины без накладной не выпросишь.

Старшина покрутил головой. Попробуй отвяжись от Давыдченкова. Кто-то из ребят засмеялся, с интересом наблюдая, чем закончится этот «поединок». Старшина направился в дальний угол, где у него были продукты, оттуда вскоре донеслось его бурчание, перемежаемое сдержанным рокотанием Давыдченкова, а минуты через две оба вернулись, и по глазам обоих можно было понять, что «сделка» состоялась и тот и другой остались очень довольны своими переговорами.

Пришли саперы: старый, с густой сединой на висках, и молодой, в куртке защитного цвета, которая была ему ниже колен.

— Явились, — встретил их Давыдченков и строго посмотрел на молодого: — А это кто?

— Это у нас новенький, — ответил сапер постарше.

— Так-так, — начальственно фыркнул Давыдченков. — Ну, смотрите, чтобы работать хорошо, а если ненароком сплешаете, под трибунал загребите.

Молодой поглядел на Давыдченкова с опаской и на всякий случай отвернулся: кто знает, в каком звании этот разведчик в живописном костюме, — еще нарвешься на неприятность. Но его товарищ, что постарше, даже и ухом не повел на грозные слова: разные штучки и закидоны Давыдченкова ему были давно известны и он не обращал на них никакого внимания.

— Идете, значит, — сказал он, снимая с плеча автомат и присаживаясь на нары.

— Идем, — ответил Давыдченков, щеголяя перед саперами новенькой пачкой «Казбека». — Курите.

Пожилой взял две папиросы — одну в рот, другую спрятал в пилотку. Молодой оказался некурящим.

Пинчук посмотрел на часы: минут двадцать — тридцать осталось до отправления. Сумерки сгущались, кто-то повесил на балку фонарь «летучая мышь», оранжевые блики поплыли по стенам. Пинчук поправил одеяло и перевернул вещевой мешок в головах, чтобы никому не мешал. Он скоро уйдет, а вещевой мешок останется здесь вроде залога, вроде некоей части его и будет дожидаться возвращения хозяина. Он вспомнил Осипова: наверно, его жена еще не получила письма. Жена Осипова еще не получила письма и думает, что ее муж жив, а на самом деле вот уже пять дней, как Паши нет. Человек живет, если о нем думают как о живом, и сколько людей там, в тылу, помнят своих близких такими, какими они видели их в последний раз: улыбающимися, грустными, молодыми, ловкими, они даже не представляют, что происходит здесь, а видят то, что было когда-то, их ужалит слово «погиб», но ведь они не видели, как близкий человек умирал, он ушел на фронт, и, пока не пришло письмо, человека будут считать живым, хотя его уже нет. Здесь его уже нет, а там он еще жив. Осипов еще живет для жены, для близких, а когда она получит письмо, то поймет, что Паша больше не вернется, и это похоже на то, будто человек отправился в далекое путешествие и там затерялся.

Пинчук привстал на нарах, собираясь идти к ребятам, и снова сел, ощутив в груди какое-то странное чувство чего-то несделанного или забытого. Он даже поглядел вокруг и нахмурил лоб, соображая и стараясь вспомнить, что же такое могло быть. Тихо переговаривались у входа разведчики, и даже Давыдченков примолк. Оранжевые пятна от фонаря стали ярче. «Что я мог забыть?» — молча спросил себя Пинчук. И тут же понял, что его беспокоило: Варя.

Пинчук полез к мешку и достал бумагу и конверт, припрятанный им очень давно на всякий случай. Вот он и пришел, этот случай. Всякие треугольнички хороши, когда пишешь в двадцатый раз. В данном случае — только конверт. Туда он сунет свое письмо, где скажет обо всем, что чувствует.

Однако все оказалось непросто. Именно сказать о своих чувствах ему никак не удавалось. Ему хотелось написать, что он ужасно скучает, что ему хотелось бы снова увидеть и обнять ее, что у него сердце болит от тоски. Но когда он стал об этом писать, слова возникали грубые, пеловкие, словно в докладной записке старшины командиру роты.

Он уже испортил лист, и после долгих стараний наконец у него получилось следующее:

«Дорогая Варя!

У меня ничего не вышло, чтобы еще раз съездить к тебе, хоть и очень хотелось. А теперь я даже не могу сказать, когда мы повстречаемся, так как намечена небольшая командировка. Дня на два, на три, не больше. Я сообщая об этом, чтобы ты знала. В остальном все по-прежнему, также и мои чувства к тебе, о которых хотелось сказать много. Конечно, если бы было можно, то я снова бы приехал. Теперь я узнал дорожку и, как только вернусь, обязательно прикачу. А пока вот пишу письмо и от тебя хочу получить известие.

Я, знаешь, готов бы опять повстречать тебя, как в ту ночь, когда меня привели в землянку к вашему комбату. Это, конечно, пустые слова, не сердись, что болтаю...»

Он перечитал написанное, и ему показалось, будто рот его набит овсяной кашей, которую он не мог терпеть с детства. «Пинча, ну и чушь же ты начал пести!» Он разорвал письмо на мелкие клочки и, воровато оглянувшись, бросил под нары. Несколько минут он сидел, уставившись глаза-

ми на язычок пламени в фонаре, а потом встал и кинул мешок на место. Разве так уж обязательно это письмо. Вернется и тогда все объяснит, уж тогда его никто не удержит — в первый же день поедет к ней, хоть будь там что угодно.

«Варя поймет, она догадается, что и как. Чего зря разжевывать», — сказал он про себя и встал.

Спустя десять минут они вышли из сарая и пошагали размашисто в сторону передовой. Вечерний поздний сумрак укрывал их, и это было привычно и успокаивало. Это был обычный вечер, и фронт вокруг продолжал свою работу, на которую вышла и группа разведчиков во главе с Пинчуком.

13

Едва они пробрались по ходу сообщения к сторожевому посту, как немцы повесили над передним краем гирлянду ракет. Ракеты, пулеметная стрельба повторялись в разных концах: немцы бодрствовали. Но Пинчука с Батуриным это не смущало: ведь так было вчера, и позавчера, и в другие ночи. Самое главное сейчас — не обнаружить себя.

В узеньком окопчике сторожевого охранения Давыдченков присел на корточки, Пинчук стоял у бруствера и вглядывался пристально в темноту.

Взметнулись одна за другой три ракеты на нашей стороне, правда гораздо правее, так что их сахарный свет не достигал разведчиков. Пинчук нащупал за поясом лимонку, передвинул поудобнее ремень автомата на плече. До выхода на исходные оставалось минут пять, лейтенант Батурин стоял рядом, и выбор момента, когда нужно приступить к выполнению задачи, был его делом. Давыдченков, сидя по-прежнему на корточках, шептался о чем-то с солдатами из сторожевого охранения. Егоров и Маланов стояли поодаль, в узкой щели, замаскированной сверху сухим валежником, там же приткнулись и саперы.

Справа гулко, длинными очередями, застучал «максим», и одновременно Пинчук почувствовал на своем плече руку Батурина: пора. Машинально ответив на рукопожатие лейтенанта, он выбрался из окопа и быстро пошагал вниз к ложнице, за ним почти вплотную шли Коля

Егоров и Маланов, затем саперы, замыкая группу Давыдченков.

Подойдя к лощине, они были вынуждены мгновенно распластаться — снова к небу всплыли дуги ракет. Когда ракеты погасли, саперы поползли вперед, за ними следом двинулись и разведчики. Шорох, внезапное позвякивание проволоки — в темноте нельзя было видеть, как наливались бешенством глаза Пинчука: каждой клеточкой своего тела он ощущал любое неловкое движение товарищей. Он торопил саперов, зная, что надо как можно скорее пересечь лощину.

И вот справа, в полукилометре от них, проиграли «катыши», сначала один раз, потом второй. Это сигнал. На немецкой стороне, перебивая друг друга, затарахтели пулеметы, захаркали мины. Тут же взвились снова ракеты, но разведчики уже пересекли лощину и лежали теперь, тесно прижимаясь к отвесному склону холма. Когда наступила темнота, они поползли влево, в небольшой болотистый овражек, и втянулись в этот овражек, точно в какой-то рукав, беспокоясь лишь об одном: как бы не напороться на мину.

По краям овражка, в глубину, были вырыты окопы, немцы, видимо, считали это место неприступным, что, в общем, соответствовало истине: ведь если разведчиков обнаружат, им отсюда не уйти.

Снова в той же стороне сыграли «катыши», снова бешеная пулеметная перестрелка. Пинчук понимал: надо спешить. Овраг упирается в балку, надо пересечь линию траншей и обогнуть дзот, надо сделать это как можно скорее, пока немцы не сообразили, что залпы «катыш» всего лишь отвлекающий маневр.

Еще немного, совсем немного осталось. Пинчук слышит позади дыхание Коли Егорова: все нормально, все получается. И вдруг все замерли: слева от бровки оврага донеслись шаги.

Немцы шли медленно, неторопливо, как на прогулке, — тропинка, видно, была давняя, проторенная. Изредка в зарослях мелькал луч карманного фонаря.

Разведчики, распластавшись, лежали в топком овражке. Шаги немцев уже совсем близко, даже слышен шорох задеваемых ветвей, быстро мелькает у бровки узенький световой луч, если он скользнет на середину — разведчики как на ладони. Пинчук нащупал гранату, луч фонаря

скользнул через овражек на противоположную сторону, затерялся в кустарнике, и тут же шаги стали удаляться.

Через полчаса, миновав беспрепятственно траншею, они оказались в лесу. Темнота кругом казалась сплошной, только очень напрягая зрение можно было различить друг друга. Они поправили маскхалаты, проверили оружие и пошли плотно, почти рядом. Только Пинчук шагал чуть впереди, и Коле Егорову, следовавшему за ним, было странно и удивительно, каким образом сержант успевает увидеть претраждающий им путь сучок или дерево и вовремя рукой предупредить об этом остальных.

Стрельба позади, кажется, разгорелась не на шутку: слышались минометные разрывы, стучали пулеметы и небо в той стороне освещалось вспышками. Пинчук хорошо знал, что все это значит, и желал, чтобы стрельба продолжалась дольше, чтобы рассвет не застал их в этом лесу.

Тут же ветерок нанес на них запахи дыма. Пинчук замедлил шаг и вскоре увидел метрах в пятидесяти несколько искр, взметнувшихся из-под куста. Этого было достаточно, чтобы осветить двух немцев, сидевших на корточках. Пинчук приказал залечь. Они поползли влево и скоро среди деревьев различили черные очертания грузовиков. Взяли еще левее, грузовики, казалось, остались далеко позади, разведчики встали и чуть не наскочили на другого часового. Немец стоял у дерева и мурлыкал себе под нос. Они отошли назад, взяли еще левее и скоро вышли на небольшую поляну. Обойдя ее опушкой, очутились в другом лесу, и, углубившись в чащу, Пинчук приказал накрыть его плащ-палаткой, достал карту и компас, чтобы сориентироваться и наметить курс.

— В порядке, сержант? — спросил Давыдченков.

— В порядке, — ответил тихо Пинчук.

Они пошли через лес, соблюдая все ту же последовательность: впереди Пинчук, за ним Егоров с Малановым, замыкал группу Давыдченков.

Свет серыми пятнами стал пробиваться между макушками деревьев, а они все шли и шли.

На рассвете деревья впереди стали редеть, они увидели шоссе. Неподалеку лежала перевернутая телега, нутужно гудел где-то мотор автомобиля — лес здесь кончался и шоссе выплывало на пологое поле. Брезжило утро, Пинчук снова взглянул на карту и повел разведчиков по

опушке. Вдали виднелся шпиль костела, и окружающая местность хорошо просматривалась. От костела тянулись низкие здания, правда, без крыш, и дорога, обрамленная кудрявыми ветлами, как на картинке, поворачивала вправо.

14

Насколько густо было нарыто и натыкано всякой всячины в полосе, прилегающей к передовой, настолько пусто и тихо было здесь, в тылу. Никаких намеков, что противник что-то замышляет. Более того, Пинчуку показалось, что часть немецких войск, которая здесь дислоцировалась, куда-то отведена. В лесу они наткнулись на обширный лагерь — десятка три землянок, оборудованных с немецкой тщательностью, были совершенно пусты. Судя по укатанным дорогам, искусно замаскированным с воздуха, по многочисленным земляным укрытиям для автомашин и бронетранспортеров, часть, располагавшаяся здесь, имела солидную технику. Беглый осмотр позволил понять, что лагерь покинут недавно: срезы на ветвях, сломанных бортами автомашин, еще хранили белизну, обрывки бумаги в землянках не успели пожелтеть.

— Улетели птички, — сказал Давыдченков, продолжая заглядывать поочередно в каждую из землянок. — И адресочка не оставили.

Пинчук снова развернул карту и, прикинув что-то в уме, решил обследовать край леса и поляну. Километра два они прошли, не увидев ничего примечательного. Вышли на опушку. На поле желтела нескошенная трава. На взгорке открылся привычный для этих мест пейзаж: остатки сожженного хутора с черной трубой. Немного левее, за деревьями, торчала зенитная пушка. Пустой лес, и в двух километрах зенитка, может, она прикрывала лагерь, который они только что обследовали, может, пока еще не успела сняться. Пинчук еще раз оглядел невысокие холмы с березовыми рощами и повернул в сторону лесной дороги, проложенной немцами.

Дорога вывела на проселок. Направо путь вел к фронту, налево — в тыл. Разведчики пошли в тыл. Двигались с величайшей предосторожностью, попадая то в мокрые мхи, то в чащи осин. С рассветом дорога все более оживлялась: прошла колонна грузовиков, зачехленных серым

брезентом. Замыкали колонну черная легковая машина и два броневика. Пролязгали, нещадно чадя соляркой, три тягача: каждый на прицепе тащил по пушке. Артиллерийская прислуга сидела на лафетах, солдаты сонно щурились по сторонам, курили, зевали.

За поворотом разведчики вдруг увидели строй фашистских солдат с двумя офицерами впереди. Пинчук притаился за кустами. Рядом, похолодев от напряжения, лежал Коля Егоров. Кусты с редкими пожелтевшими листьями казались ему плохой маскировкой, а стук солдатских каблуков по наезженной дороге отдавался в голове. Ни разу еще Коля не видел немцев так близко. Даже ночью на передовой было не так страшно, может, потому что было темно, а тут кругом свет и каждая травинка просматривалась. Почему сержант не приказывает открыть огонь, забросать немцев гранатами и отойти в лес — самый лучший выход. Стучали солдатские каблуки, звякала амуниция — строй проходил мимо, пронеслось еще несколько мгновений, пока Коля Егоров понял, что немцы удаляются. Пинчук приподнял голову, смотрел им вслед.

Никто не вымолвил ни слова.

Вскоре послышалось тарахтенье обоза, двигавшегося с противоположной стороны, куда только что прошагал строй солдат. Огромные сизые и рыжие битюги везли в повозках раненых. Повозочные, закинув за спину свои короткие карабины, шли рядом, понутив головы. После них, опять в сторону передовой, прокатила еще колонна грузовиков — Пинчук насчитал двадцать четыре машины, — потом дорога затихла.

Серое, в тучах, небо начало хмуриться, лес редел. Для осторожности разведчики разделились: Пинчук с Егоровым пошли вперед на некотором расстоянии друг от друга, позади, метрах в пятнадцати — двадцати, шагали Давыдченков и Маланов.

Как-то внезапно из-за поворота выкатил мотоцикл. Все рухнули на землю почти одновременно.

Это был обычный БМВ темно-зеленого цвета с коляской. Мотор работал четко, без перебоев, словно хвалился своей отрегулированностью. Три фигуры в черных накидках, три фуражки с лакированными козырьками покачивались в такт виражам — то вправо, то влево, — немец, сидевший за рулем, выбирал дорогу поровней, мотоцикл катил быстро, и было полной неожиданностью,

когда он круто затормозил и остановился прямо напротив кустов, за которыми лежали Давыдченков и Маланов.

Именно кусты и понадобились немцу, который сидел за рулем. Он что-то сказал своим спутникам, те дружно расхохотались и замахали руками. Все остальное произошло мгновенно. Давыдченков бросился на немца, Пинчук тут же прошел короткой очередью тех, что оставались на мотоцикле. Коля тоже успел выстрелить, но с некоторым опозданием, что тотчас же про себя отметил и огорчился своей нерасторопности.

Понимая, какая сложилась ситуация — на дороге каждую минуту мог появиться еще кто-нибудь, — Пинчук приказал мотоцикл с убитыми втащить в придорожные кусты. Оглушенному немцу сунули в рот кляп и заставили пробежать в глубь леса. Видимо, Ганс Фибих, рядовой 84-го артиллерийского полка, все понял. Едва они присели в кустах, как он сунул руку за пазуху, долго и суетливо копался там, умоляя глазами не беспокоиться, и наконец извлек бумажку, которую поспешно передал Пинчуку.

Бумажка оказалась советской листовкой. Пинчук быстро взглянул в лицо немцу и усмехнулся. Давыдченков тоже посмотрел в листовку, потом на немца:

— Воюет, сволочь, а на всякий случай носит в кармане...

Немцу вынули изо рта кляп, и он тут же быстро заговорил, к удивлению разведчиков, на ломаном русском языке:

— Я не воюй... Нихт война... Я есть майстер... Я — ремонтер... Гитлер капут...

Пинчук в упор глядел на немца, потом свернул листовку и положил в карман. Это становилось скучным и не вызывало ни жалости, ни интереса: как только возьмешь за горло, сразу кричат: «Гитлер капут!» — это даже, наоборот, вызывало раздражение: когда этот Ганс — Пинчука особенно раздражали пухлые, чисто выбритые щеки Фибиха, — когда этот «майстер» шагал или ехал в сорок первом году через наши села, грабил и ел наше сало, ему и в голову не приходили эти слова, он тогда не думал, чем все может кончиться. Он пагуливал свои щеки, любовался пожарищами русских деревень, взирал презрительно на колонны оборванных и голодных пленных красноармейцев, он — тыловой мастер-пушкарь — ощупывал глазами скудные пожитки беженцев, вспоминая свою бело-

курую ффрау, которая ждет «русиш сувенир». Он не ходил в атаку и не убивал, и сейчас ему, оглушенному железным ударом Давыдченкова, кажется, что за ним вообще нет никаких грехов — кто-то другой виноват, кто-то другой разбойничал, а он — нет, он даже хранил в кармане советскую листовку и сказал «Гитлер капут!». Он готов сдаться в плен этим кмурым парням в пестрых костюмах, в немецких кованых сапогах и с немецкими шмайссерами в руках.

— Все понятно, — прервал Пинчук изливания Фибиха, подумав при этом, что случай для «майстера» подвернулся совсем неподходящий. — Куда сейчас направлялись?

— Унтер-офицер Шредер, рядовой Закс и я имели маршрут на вторую батарею... Там есть маленькая проверка. — Ганс Фибих старался изо всех сил.

— Где находится батарея? — Пинчук развернул карту. — Где расположены другие батареи? Сколько орудий? Калибр? Где штаб полка? Склад с боеприпасами? С горючим? Кто командир полка?

Ганс Фибих обливался потом, он отвечал медленно, стараясь ничего не пропустить и как можно полнее удовлетворить интерес разведчиков.

— Где научились говорить по-русски?

— Город Луга, — ответил быстро Фибих. — Два года есть квартира город Луга. Много орудий война ломал... Большой ремонт был...

Пинчук ничего не знал про город Лугу. Он смотрел в гущу кустов, будто ждал чего-то. «Пора кончать ремонт», — думал он, и на лице его не выражалось ничего, кроме досады: сколько пройдет времени, пока в полку обнаружат отсутствие ремонтеров и разыщут их здесь. За это время надо уйти отсюда как можно дальше.

— Где находится город Луга? — спросил он.

Немец обрадовался: если разговор припимает оборот отвлеченной беседы, это хорошо.

— Город Луга есть уезд...

— Город Луга под Ленинградом, сержант, — хрипло выдохнул, заикаясь, Маланов. — Эти орудия стреляли по Ленинграду.

Несколько минут Пинчук продолжал разглядывать ветку у своих ног, по которой полз маленький коричневый жучок. Тот расправил крылья и упал на землю. Пинчук перевел взгляд на Фибиха. Знобкая волна прошла по телу.

— Вы ремонтировали артиллерийские орудия? — спросил он, и глаза его сузились.

— Я есть... Я есть малепький человек, — сказал Фибих, и большая розовая рука его и массивные плечи начали дрожать. — Я выполняйт приказ. Офицер давай приказ — я выполняйт... Гитлер капут...

Пинчук медленно поднялся и повернулся к разведчикам.

— Пошли.

Двое — Егоров и Маланов — встали и быстро пошагали вслед за Пинчуком, продираясь сквозь кусты. Они молчали, зорко поглядывая в ту сторону, где была дорога. Скоро кустарник кончился и начался реденький лес. Пинчук велел подождать. Они прислонились к деревьям. Коля зябко поежился, отчетливо вспомнив сгорбленную фигуру немца, сидевшего на земле, его серые щеки и глаза, наполненные животным страхом.

Подожел Давыдченков. Пинчук молча, пристально поглядел ему в лицо и тут же зашагал вперед. За ним двинулись и остальные. По-прежнему Давыдченков замыкал шествие.

Было около десяти часов, когда разведчики, измученные длинным переходом, пересекли дорогу и вступили в другой лес. Это были громадные бурые сосны, широко распустившие над землей свои лапы. Пинчук оглянулся, сбросил мешок и приказал Маланову приготовить рацию. Эфир кишел звуками: рыдало мапдолиновым тремоло знойное танго, молодой голос шел на незнакомом языке веселую песенку, слышались выкрики немецких радистов.

«Рубин», «Рубин», я — «Волна», я — «Волна»...

Дальше понеслись в эфир странные слова. Огневые точки, дороги, склады, штабы — все было зашифровано, все имело условное обозначение.

Пока Пинчук разговаривал, Давыдченков достал из мешка тушенку, нарезал хлеб, палил в кружку водки — движения его были медленны и рассеяны. Несколько секунд он сосредоточенно глядел себе под ноги, потом залпом выпил из кружки и стал ждать, когда Пинчук закончит разговор.

Подожли и сели остальные. От еды, от лесного сумрака сразу пошло разноживающее тепло. Давыдченков тут

же растянулся на земле, привалившись плечом к дереву, в его глазах появилось оловянное свирепое выражение. Он угрюмо молчал и смотрел широко раскрытыми глазами куда-то в глубь леса. Кругом было тихо — чуть-чуть только шумели сосны над головой. Раз-другой Давыдченков заметил на себе быстрые взгляды Коли, и это разозлило его, он пробурчал ругательство и повернулся на бок.

— Егоров, укладывай вещи! — приказал Пинчук, глядя в карту. — Мы и так потеряли много времени.

Давыдченков продолжал лежать и, отвернувшись, все смотрел куда-то в пространство.

— Вставай, Василий, — сказал тихо Пинчук. — Пора.

— Встаю, сержант.

Они встали, тщательно осмотрелись кругом, чтобы на земле не осталось никаких следов, и пошли. Ни шума моторов, ни выстрелов не было слышно вокруг. Пинчук хотел было приказать, чтобы разведчики снова разделились, но передумал — слишком густой оказался лес. Шагали гуськом. Он по-прежнему впереди, стараясь уклониться от многочисленных колючих веток, которые иногда все же ухитрялись больно хлестнуть по лицу. Какое-то время Пинчук думал о немцах с мотоциклом, отсутствие которых вскоре обнаружат, и снова прикидывал: сколько приблизительно пройдет времени, пока их найдут? Надо воспользоваться этим временем, уйти как можно дальше. А потом в голову полезла разная чепуха вроде школьного вечера, на котором он впервые читал стихи. До сих пор щеки заливают жар, когда он вспоминает эти стихи:

Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной...

Он не против стихов, но он никогда не читал их вслух, не говоря уже о том, что для этого пришлось выходить на сцену. Все подстроила старая училка по литературе, которой взбрела в голову мысль вовлечь его в культурную деятельность. Они разучивали Пушкина, и она постоянно просила, тараща на Пинчука свои круглые, будто с детской картинки, глаза, просила давать как можно больше лирики. Что значит больше — он плохо соображал, но по некоторым словечкам учительницы понял, что надо нажимать на голосовые связки. И старался как мог: вытягивая губы, произносил слова то нараспев, то почти

шенотом — в общем, на все лады умолял неведомую красавицу не петь про Грузию. Училке было за шестьдесят, и она была, по-видимому, ужасно чувствительная, чтение пушкинских стихов приводило ее в такое возбуждение, что Пинчук не раз опасался, как бы ее птичьи глазки не выпрыгнули из глазниц от восторга. Именно этот восторг и подвел его. На вечере, когда он вышел на сцену, он старался вовсю. И когда закончил читать, то поначалу ничего не понял: ребята ржали и колотили ладонями так, что окна звенели, все требовали, чтобы Пинчук повторил стихотворение, и никого не пускали на сцену в течение десяти минут. В полном замешательстве Пинчук вышел в коридор, сообразив, что произошло что-то не так. Он оделся и, ни словом ни с кем не обмолвившись, ушел домой, не дождавшись окончания вечера.

На другой день, когда он появился в школе, во всех коридорах только и слышалось: «Не пой, красавица, при мне...» Какой-то шутник изобразил на классной доске долговязую фигуру с вытянутыми на полметра губами — о том, что под фигурой подразумевался Леша Пинчук, можно было очень легко догадаться: изо рта долговязой фигуры выплывало облако, на котором печатными буквами было выведено: «Не пой, красавица, при мне...» На физкультуре один парень, поднимая руки вверх, в стороны, приседая и выбрасывая ноги, вместо отсчета шепотом произносил по складам, но так, что большинству ребят было хорошо слышно: «Не пой, не пой, кра-са, кра-са-ви-ца, не пой, не пой при мне, кра-са-ви-ца...» В перемену Леша Пинчук ударил парня по лицу, получил замечание в дневнике, декламация прекратилась, но улыбки, надписи на доске продолжались с неделю. У себя на парте Леша трижды находил тоненькие сборники стихов Пушкина, которые продавались в книжном магазине в те месяцы. В книжечках обычно лежала закладка из цветной бумаги, и Пинчук знал, что если он раскроет в том месте, то увидит справа на странице вверху знаменитое стихотворение Александра Пушкина, принесшее ему, Леше Пинчуку, неожиданную известность.

Сейчас, шагая по лесу, Пинчук улыбнулся неяссякаемой ребячьей способности к шуткам, а собственное негодование по поводу неудачно прочитанного стихотворения показалось такой ерундой, что он даже удивился, неужели и вправду он мог рассердиться на все это. А ведь

некоторое время он даже в школу не хотел ходить, и уж во всяком случае куриные глазки училки по литературе, их слезливый блеск вызывали у него дикую ярость. К счастью, она, видимо, поняла, что переживает ее ученик, и даже в классе никогда не заставляла его читать наизусть стихи...

Они прошли лесом километров семь-восемь. Пинчук облюбовал густой кустарник и стал продираться сквозь него в самую середину. Когда подошли остальные, он сбросил мешок и приказал сделать привал. Прямая сучья и натащив сухих веток хвои, они дружно растянулись, только Коля Егоров остался стоять. Он сам вызвался дежурить первым, когда об этом возник вопрос. Пинчук не возражал, потому что считал это справедливым.

— Через два часа разбудишь Маланова, — сказал он, приминая под собой топорщившиеся ветки.

— Ладно, — ответил Коля вполголоса и, прижав к груди автомат, стал выбираться из зарослей.

Коля все еще переживал свою нерасторопность, когда брали мотоциклистов, и теперь решил восполнить промах и вызвался стоять на посту, пока товарищи отдыхают. Он вдруг понял, что такое настоящий разведчик, его глубоко трогало, что никто из ребят, ходивших не в первый раз по немецким тылам, никто из них не бравировал и не хвастал своим хладнокровием. Все, что происходило с ними, они считали в порядке вещей и свой кратковременный отдых в зарослях рассматривали просто как отдых без всяких примесей романтики, как люди, которые по минутам все рассчитали и которым нет дела, как это выглядит со стороны.

Коля Егоров бродил вокруг кустарника, иногда осторожно приближался к спящим, долго смотрел на их лица, на оттопыренные смешные уши у Маланова и на сильную спину с выпирающими лопатками у Давыдченкова. Что-то необыкновенное открывалось ему в сегодняшнем сером утре, которое он встретил на опоганенной немцем земле, в лицах товарищей, обметанных легкой щетиной, в суровости их сомкнутых глаз, будто и во сне они продолжали отслеживать врага.

Коле было жалко будить Маланова, и он продежурил три часа вместо двух. Когда же Маланов встал, Коля лег на его место и мгновенно крепко заснул.

В необъятном количестве войск, сражавшихся с фашистами, группа разведчиков, действовавшая в немецком тылу, была лишь небольшой составной частью. Разведчики, наблюдая из лесов, из топких лощин, из придорожных кустов за противником, по незначительным, казалось бы, признакам обнаруживали вдруг важное и значительное. Зепитная батарея на пригорке навела на склад с боеприпасами, тщательно замаскированный и охраняемый. Три черных легковых автомобиля, промчавшихся по проселку, привели к штабу немецкой саперной части. Толстый жгут проводов указал расположение пеленгаторной станции. Все фиксировалось, все учитывалось — однако все эти сведения, хотя и были полезны, все же имели частный, обычный характер, а Пинчук искал необычное, что в какой-то мере помогло бы приоткрыть замыслы противника.

Перед сумерками разведчики вышли на огромное пологое поле. Пинчук, присев на корточки, вглядывался из-за кустов в пространство, соображая, как пересечь это поле.

— Кончен бал, гасите свечи, — сказал Давыдченков, окидывая глазами равнину, на противоположной стороне которой двигалась вереница машин.

Пинчук почесал ладонью лоб, развернул карту.

— Откуда взялось это поле?

— По-моему, оно было тут при царе Горохе.

— Я не уверен, — ответил хмуро Пинчук. — На карте его нет.

— А что есть на карте?

— Лес.

Давыдченков сморщился и плюнул через кусты.

— Набить бы морду кое-кому...

Пинчук молча свернул карту.

— Придется обходить поле, — сказал он, глядя на мелькавшие вдали автомобили.

— Отправились в кругосветное путешествие, — хмыкнул Давыдченков.

Пинчук не ответил.

Опушкой леса они пошагали вправо, тщательно всматриваясь вперед. Казалось, конца не будет этому полю. Километра через два на взгорке неожиданно показались

крыши домов, а чуть ближе обозначились серые контуры березовой рощицы. Им удалось проникнуть в рощу, но дальше путь был закрыт. В домах и на улице было полно немецких солдат. Стояли мотоциклы, автомашины, стучал движок, слышались голоса, гнусавила где-то поблизости губная гармошка.

— Сержант! — сказал Маланов глухим от долгого молчания голосом. — Слушай, сержант...

Даже Давыдченков склонился вперед, чтобы лучше слышать Маланова.

— Что ты хочешь?

— Что, если...

— Не тяни, — оборвал Давыдченков.

— Они же здесь как на курорте. Даже часовых не видно. Ты с Егоровым с этой стороны, а мы с Васькой отсюда. Полчаса делов-то...

Пинчук посмотрел назад, оценивая позицию, и глубоко вздохнул. Действительно, можно обтяпать все за полчаса. Несколько гранат по машинам с обеих сторон.

— У них наверняка карты и документы есть, — продолжал полусшепотом Маланов, расстегивая маскхалат.

Пинчук покачал головой.

— Нет, — сказал он и повернул к лесу, черневшему в надвигавшихся сумерках. Он шагал быстро, чтобы не давать объяснений, боясь, что может соблазниться исходом легкого боя и тем самым нарушить приказ лейтенанта Батурина.

Они прошли опушкой еще с километр-полтора. «Кругосветное путешествие», — буркнул Давыдченков и вместе с Пинчуком стал разглядывать широкую выемку, заросшую редкими ивовыми кустами и болотной травой. Выемка перерезала поле, на противоположной стороне его слышалось гудение машин. Пинчук отступил назад, в лес, и разрешил покурить. Каждый раз, когда ему приходилось выбирать маршрут, он начинал думать, а не совершил ли какой-нибудь ошибки — почему пошел направо или налево. Он знал, что может наступить момент, когда исправить маршрут будет трудно, даже невозможно, и — самое главное — даст ли это тот результат, которого от него ждут в дивизии? Он иногда обсуждал с разведчиками ситуацию, но принимать решение было его обязанностью.

Он выступил вперед и пошел, пригибаясь и утопая

сапогами в болотном мху, вдоль выемки, приказав остальным растянуться цепочкой.

— И давайте уговоримся, — сказал он сухо. — Смотреть во все глаза. Главное, чтобы близко никого не было, а издали нас могут принять за своих.

Из лесу, который они только что покинули, дул ветер. Стая воробьев поднялась с кустов при их приближении, и Пинчук чертыхнулся, оглянувшись на всякий случай.

Двигались с величайшими предосторожностями, но все равно это произошло так неожиданно, что все мгновенно замерли: впереди, из-за кустов, донеслась немецкая речь. Минут пять разведчики лежали не шелохнувшись, потом Пинчук жестом позвал Давыдченкова и показал рукой вперед. Тот кивнул головой и, сбросив мешок, уполз.

Прошло минут двадцать — тридцать. Бледные сумерки стали густеть, сизая муть сочилась во впадинах. По-прежнему с натугой урчали грузовики по другую сторону поля.

Вернулся Давыдченков.

— Справа и слева пулеметные точки, — сказал он.

— Здесь, в поле? — прошептал Пинчук.

— Да, здесь, — ответил Давыдченков и показал рукой направление. — Тут стоят, на пригорке, и тут... Здесь поближе будет.

— Вот зараза, — сказал Пинчук, прищурившись.

— Но проползти можно, — добавил, помолчав, Давыдченков.

Снова надо было решать: дожидаться темноты, — кажется, это выглядело самым разумным. Проползти в темноте легче. Но Пинчук не первый день на фронте, он знал, что фрицы по ночам особенно бдительны. Кто знает, что у них тут, да, судя по тому, о чем рассказал Давыдченков, тут и карманный фонарь опасен. Нет, если ползти, то сейчас, пока немцы чувствуют себя спокойно и в голове не держат, что кто-то рискнет — пусть и на исходе дня — пробраться у них под носом.

— Надо, сейчас, — прошептал Пинчук. — И как можно быстрее.

Первым пополз снова Давыдченков. Пинчук замыкал цепочку. Метр за метром, прижимаясь к земле, от которой несло болотной прелью. Отдыхали, прислушивались и снова ползли. Вот показалась темная фигура на взгор-

ке — часовой. Немец постоял немного, потом прошелся к выемке и через пять шагов повернул обратно, и снова поворот — и снова пять шагов. Внезапно у блиндажа он кого-то окликнул, ему ответили, потом снова заговорил часовой. Давыдченков изо всех сил заработал руками. Послышался смех, немец, видно, услышал от собеседника что-то веселое. Еще рывок — к их счастью, выемка становилась глубже, снова появились кусты ивняка, голос часового зазвучал глуше и совсем замолк. Тогда разведчики остановились и поглядели назад: ни часового, ни блиндажа — кустарник скрывал их. Они лежали немного, перевели дыхание и опять поползли вперед и вскоре оказались у взгорка, густо поросшего опавшим орешником.

— Проскочили, — прошептал Давыдченков и нервно улыбнулся.

За взгорком начинался лес. Они посмотрели во все стороны и, с беспокойством озираясь, направились в сторону, откуда доносилось гудение машин. Почва выровнялась, лес становился гуще. Коля по-прежнему шагал рядом с Пинчуком, напряженно оглядывался, стараясь как можно мягче ступать по земле. Иногда Пинчук показывал рукой, и Коля забирал вправо или влево.

В какое-то мгновение гудение моторов оглушило их, они пошли еще медленнее, чувствуя, что взгорок полого опускается в заросший овраг. Гудение, внезапно оглушившее их, смолкло, но за оврагом взревел снова мотор, за деревьями мелькнули красноватые отблески. Пинчук подождал Давыдченкова с Малановым, и все вместе они стали выбираться на противоположный берег оврага. Широкая балка разрезала лес, Пинчук ткнулся в кусты, продираясь осторожно сквозь них, чтобы лучше рассмотреть, что там происходит, и быстро вернулся назад, потрясенный увиденным: в ложбине, разделяющей лес, стояли танки, стволы их пушек зловеще смотрели в разные стороны. Вся балка и прилегающий лес были забиты танками.

Коля Егоров тоже посмотрел сквозь кусты. Такого количества бронированных чудовищ он еще не видел. Затаившаяся, шевелящаяся темно-зеленая масса с паучьими крестами на боках пряталась под деревьями, готовая каждую минуту с ревом вынестись из-под прикрывавшего ее зеленого полога и ужалить. В сумерках их очерта-

ния расплывались, но по взрывающему лесную тишину звериному рыку — то справа, то слева, то где-то в глубине — можно было догадываться о сконцентрированной здесь силе. Вот почему такая охрана вокруг.

16

Сообщение Пинчука о танках в глухой лесной балке оказалось настолько серьезным, что ему было приказано выйти снова в эфир через четверть часа.

Когда Маланов через четверть часа вызвал «Рубин», глухой далекий бас закодированным текстом отдал приказ: «В два часа сорок пять минут над квадратом появятся самолеты. Навести на цель трассирующими пулями... В два часа сорок пять минут... Проверьте время... Перехожу на прием...»

Пинчук посмотрел на часы, повторил приказ, еще раз взглянул на карту и, погасив фонарик, сбросил плащ-накидку, которой его и Маланова накрыли для осторожности. Сплошная тьма стояла кругом. Даже ближайшие деревья едва просматривались. Пинчук, запрокинув голову, поглядел вверх. «В два часа сорок пять минут» — предельно ясно.

Странное чувство шевельнулось в его груди. Это не было напряжением нервов, ни неким сигналом близкой тревоги. Совсем наоборот: какое-то облегчение, покой, граничивший с равнодушием, ощутил он в себе. Все было предельно ясно, и он размышлял, как лучше выполнить приказ. Как и откуда вернее показать на цель, ведь их трассы будут единственным ориентиром в ночной темноте.

Три его товарища стояли поодаль и ждали. И Пинчуку показалось, что прошла целая вечность, пока он сообразил и представил операцию в уме, шаг за шагом проследив все, что они должны сделать.

Они говорили полупшепотом:

— Надо встать полукругом...

— Разбери в такой тьме, где полукруг.

— По ту сторону двое и тут двое.

— Самое главное — не напороться раньше времени.

— Ты знаешь, чем это пахнет?

Они замолкли, напряженно прислушиваясь. По дороге, опоясывавшей лес, тарахтели глухо на малых оборотах моторы.

— Мотоциклисты, — сказал Маланов.

— Они тут вокруг патрулируют, — добавил Давыдченков.

— Место сбора здесь, — сказал Пинчук и, помолчав, добавил: — Егоров, доставай из мешка. Я голоден как волк.

— Я тоже, — вздохнул Давыдченков.

Они глотнули из фляги и поели тушенки в полном молчании. Потом Пинчук повел Маланова и Егорова на другую сторону оврага. Он сначала хотел Егорова поставить рядом с собой, но раздумал: «На другой стороне безопаснее». Он каждому выбрал поудобнее место и показал, куда тот должен стрелять.

Через полчаса Пинчук вернулся, и Давыдченков, удивленный его ориентировкой в темноте, сказал:

— Ты, Леха, будто кошка.

Пинчук не ответил. С большими предосторожностями они прошли по краю балки, и за кустами Пинчук положил руку на плечо Давыдченкова.

— Ну вот, Вася, твоя позиция, — шепнул он. — Целься туда, вон в направлении этой макушки. Смотри не перепутай.

— А ты?

— Я пройду вперед метров триста.

— Зачем так далеко?

— Это недалеко, Вася. Если бы не фашисты, мы с тобой могли аукаться.

— А может, мне туда встать, а тебе тут?

— Это почему?

— Ты командир...

— Нет, я должен быть там, — шепнул Пинчук и сжал руку Давыдченкова. — Стрелять по сигналу ракеты. Понял?

— Понял.

— В крайнем случае...

— Что?

— Ты остаешься за меня.

— Ерунду говоришь.

— Конечно ерунду. Это я так, для порядка.

Пинчук повернулся и скрылся в темноте. Прощелестела близко ветка, будто птица вспорхнула, затем снова стало тихо.

Выставив вперед руки, Пинчук минут двадцать пот-

лял среди кустов и деревьев, выбирая себе место, раза два сучок больно царапнул его по щеке, он тер ее ладонью и проклинал темноту.

Перед большим деревом с раскидистой кроной (хотя Пинчук и не видел ее, но догадывался: у такой толстой сосны должна быть широкая крона) он остановился и вздохнул. Теперь он тоже на месте.

Отсветы каких-то огней слабо возникали иногда в балке, постукивал ритмично движок. Но в ту сторону Пинчук почти не смотрел, он поглядывал на часы и ждал самолетов. Скоро они должны прилететь, и тогда начнется самое главное. Может, самолеты уже поднялись с далекого аэродрома. Он неожиданно вспомнил Варю: над ее землянкой, где она спит или дежурит, конечно, часто летают самолеты — к этому все привыкли, и, если самолеты и в этот раз пролетят над ней, наверняка ей и в голову не придет, что они летят к нему, что они будут кружить над ним.

Нет, когда бываешь там, у себя, и смотришь, как в небе летит стая мощных птиц, направляясь на бомбежку врага, то прежде всего думаешь о летчиках. Так уж повелось: летчик и цель, а кто наводит на эту цель — это лишь звено в большой цепи, по крайней мере для летчиков, которые сейчас летят к ним. Они будут смотреть из своих кабин, они увидят взлет его ракеты и трассы пуль трех его товарищей, но кто эти люди, стоящие на земле, для них это не так важно, главное — чтобы точно была показана цель.

Пинчук вздохнул и снова посмотрел вверх: кажется, макушки деревьев чуть обозначились; он взглянул на часы и опять вверх, на небо, — сомнений не было, небо посветлело.

И вдруг он услышал далекий протяжный звук. Он сразу узнал его, отличив от натужного воя автомобилей на дороге, от ленивого постукивания движка в лесу. Он вдыхал этот звук, как вдыхают воздух, и чувствовал, что его грудь тоже наполняется гудением. Все ближе, ближе — все небо вокруг уже гудело, и макушки деревьев, казалось, покачивались, придавленные мощным ревом моторов, Пинчук еще раз посмотрел на часы и, сдерживая дыхание, вынул из-за пояса ракетницу, медленно поднял ее, целясь в промежуток между макушками.

Он почувствовал толчок в руке, быстро перезарядил

ракетницу и сделал еще два выстрела. Три красные ракеты пробуравили ночную мглу. Тут же по другую сторону балки небо дугообразно прочертили разноцветные трассы — это Маланов и Егоров. Пинчук отбежал в сторону и хотел дать очередь из автомата, но, когда он прицелился, вдруг стало очень светло. Прямо над головой закачались осветительные «фонари», в балке поднялась суматошная стрельба, затараторила, захлебываясь, автоматическая пушка, хлесткая очередь ударила по веткам дерева, около которого стоял Пинчук. Он лег и в тот же миг услышал нарастающий вой бомб.

Взрывы в балке слились в один протяжный гул. Повсюду над лесом висели осветительные ракеты, даже при были видны отчетливо. Пинчук вскочил и бросился через кустарник и неожиданно увидел себя вот так же бегущим в сорок первом году на Старосмоленском шоссе, тогда так же фосфоресцировали в темном небе нарядные белые звезды, потому что немцы свои налеты всегда начинали с праздничного фейерверка. Давнее видение, словно короткая вспышка, мелькнуло в глазах. Пинчук бежал сейчас и думал об одном, чтобы белых «фонарей» в небе было как можно больше, чтобы было как можно светлее.

Лес вокруг содрогался от взрывов, Пинчук тяжело дышал и, подбежав к Давыдченкову, махнул рукой, и оба, не сказав друг другу ни слова, побежали к условленному месту. На краю оврага они остановились, Давыдченков несколько минут возился с мешком, прислушиваясь и озираясь по сторонам.

— Чего они копаются, — сказал он шепотом.

— Сейчас придут, — ответил Пинчук.

— Пора бы.

Пинчук промолчал. В самом деле, почему так долго их нет. Ведь им ближе. Неужели что-то случилось? «Ах, надо было поставить рядом Егорова, а Давыдченкова на ту сторону». В Маланове он уверен, а Егоров хороший парень, но ведь для разведчика этого еще мало. Почему он взял его с собой, были ребята поопытнее. Что ему дался этот Егоров, как будто он первый или последний на этой войне.

Вой бомб нарастал волнами, самолеты, сделав заход, повторяли все снова, а может, это были уже другие машины. Захлебываясь, стучали пулеметы, по небу шарили

прожектора. Пинчук сначала даже не понял, о чем хочет сказать ему Давыдченков.

— Это у них, — повторил тот, показывая рукой.

До Пинчука ясно донеслась близкая автоматная трескотня.

— Точно, Вася, у них! — Он выхватил гранату и бросился в овраг.

Они стремительно вырвались на противоположную его сторону, стрельба была совсем рядом, пули посвистывали над головой. Они пошли медленно, пригибаясь и всматриваясь во все стороны. Взметнувшееся неожиданно пламя осветило кусты, и около них Пинчук увидел немцев. Он бросил гранату, Давыдченков застрочил из автомата. Еще бросок, Пинчук что-то кричал, и Давыдченков кричал; взметнулись взрывы в кустах — один, потом еще и еще, — громко закричал раненый немец. Пинчук бросил еще гранату и побежал вперед, чуть левее бежал Давыдченков, они бежали вперед, и внезапно перед ними очутился Маланов.

— Где Егоров? — спросил Пинчук.

— Я здесь, — ответил тот, выходя из-за дерева.

— Скорее в поле, пока темно! — крикнул Пинчук. — Скорее!

Над макушками деревьев пронеслось несколько трасс.

— Не стрелять! — приказал Пинчук.

Деревья стали редеть. Отчетливыми буграми возвышались кусты, за балкой грохотали взрывы.

Они перебежали от дерева к дереву. Бесконечным казался лес.

— Быстрее, быстрее! — торопил Пинчук.

Вся жизнь сейчас заключалась в том, чтобы миновать опасную зону, выйти в поле, где их пока еще не ищут, растаять, раствориться в окружающих холмах, уйти дальше. Редкие автоматные очереди стрекотали впереди — там тоже стоял заслон, но его можно миновать.

— Влево! Влево! — командовал Пинчук. — Обойдем!

Он остановился и подождал, когда остальные сделают нужный маневр. Внезапно совсем близко взвилась ракета. Все припали к земле. Ракета медленно гасла, щипя и потрескивая. Влево была видна просека, прямо — несколько крупных сосен. Когда наступила темнота, Пинчук встал, махнул рукой и побежал к соснам.

Автоматные очереди возникали сбоку; щелкал, падая,

сучок, слышался шлепок свинца о землю. Коля Егоров бежал следом за Пинчуком.

Их бросало из стороны в сторону, но они упорно продолжали свой путь, огибая балку с рвущимися танками, не замечая ни колючих сучков, бьющих по лицу, ни разноцветных трасс, проносившихся над головой.

План Пинчука был прост: уйти вдоль балки глубже в тыл к немцам и как можно быстрее пробиться в поле. А там — еще дальше в немецкий тыл. Немцам и в голову не придет, что они прячутся тут, они будут их искать в лесу, по ту сторону оврага.

— Быстрее, быстрее! — торопил Пинчук. — Надо успеть до рассвета.

Внезапно над головой послышалось мощное рокотание мотора, и тут же над самым ухом свирепо застучал пулемет.

— Что же они делают! — крикнул Давыдченков.

Закончить он не успел. Самолет прошел совсем низко, чуть ли не задевая макушки деревьев. Оглушительно щелкали пули.

— Все целы? — спросил Пинчук.

Но ответить ему не успели. Новый грохот нависал над головой, и они снова упали на землю. Огромная черная глыба с бьющими во все стороны огненными струями вынырнула откуда-то над макушками справа. Летчик старательно поливал свинцом лес вокруг балки, и едва ли у него было время подумать о том, куда денутся те, кто наводил их на цель. А может, это были уже совсем другие самолеты и пилоты даже не знали, что кто-то наводил на цель. Они прилетели, когда в балке все горело.

— Сержант! Лежа! — крикнул Давыдченков. — Они нас угробят!

Новый грохот нарастал. У Пинчука захватило дыхание. Радиус обстрела все увеличивался, летчики на совесть обрабатывали квадрат.

На мгновение Пинчуку стало понятно, почему Крошка, вернувшись из немецкого тыла, хватал первого встречного в свои железные объятия. «Ты сдурел!» — крикнул однажды ему Пинчук. Большие прокуренные зубы показались, когда Крошка улыбнулся. «Сдурел, — сказал он и, вытянув свои огромные руки, начал бешено махать ими и прыгать; разведчики стояли вокруг и смущенно смотрели на него. Потом Крошка вдруг застыл на одном

месте и проговорил шепотом: — Как хорошо, ребята, быть живым, а не валяться посреди минного поля с пробитым черепом».

Гул самолетов снова сосредоточился над балкой и вдоль леса, где проходила дорога. Разведчики встали и пошли, продираясь сквозь заросли кустарника, забирая в сторону от стрекочущих автоматных очередей.

Они шли и падали, когда взвивалась ракета, и ползли, если впереди была маленькая поляна, — цепочка разведчиков из четырех человек извивалась змейкой, обтекая возникавших то тут, то там немецких автоматчиков, посланных ловить их и уверенных, что искать разведчиков надо только в лесу.

До рассвета им удалось миновать большую поляну, кустарники и болотистый луг. Здесь они вступили снова в лес, и Пинчук приказал Маланову связаться с дивизией.

Серыми пятнами просматривалось среди макушек небо, желтоватые облака висели над землей там, где грохотали взрывы. Маланов колдовал над рацией. Прислонившись к стволу дерева, сидели, раскинув ноги, Давыдченков и Егоров.

Стая «мессеров», тонко завывая, пронеслась над лесом.

— Туда полетели? — спросил Егоров, кивнув в сторону грохочущей балки.

— Туда, — сказал, еле ворочая языком Давыдченков. — Только напрасный труд. Там теперь угольки остались.

После короткой паузы Коля вздохнул:

— Удивляюсь, как сержант определил, что они тут.

— Кто?

— Да танки.

— Так и определил, — ответил коротко Давыдченков, скосил глаза на Маланова, который копошился у радики, и витиевато выругался.

Ничего не получалось у Маланова — связаться с дивизией он никак не мог. Пинчук хмуро покачал головой, посмотрел на карту и приказал вставать.

Они шли опять лесом. Давно уже отстал от них грохот взрывов, было тихо кругом, пахло едко еловой смо-

лой. Они шли, почти не отдыхая, четыре человека с испарапанными грязными лицами, в пестрых маскхалатах, изодранных и испачканных. Неслышно взлетал над ними сбитый ветром лист, точно клочок их замысловатой одежды. Покачивали вершинами могучие деревья, красновато высвечивали в низинах осины. Разведчики шли цепочкой, строго один за другим. Впереди — Пинчук, позади, замыкая группу, — Давыдченков.

Жажда мучила их. Жажда и еще голод, в котором никто не хотел признаваться. Пинчук поглядывал по сторонам в надежде обнаружить ручей или ключ. Но — безуспешно.

Неожиданно лес поредел и за кустами открылся взгорок, на котором добродушно поглядывал на них белыми наличниками окон бревенчатый дом с тесовой крышей. Домик появился так неожиданно и выглядел таким тихим и мирным, что у всех четверых защемило сердце от сознания, что это не та тишина и не тот мир, который они когда-то знали.

За домом расстиралось поле, а дальше опять виднелся густой лес. За жидким заборчиком росли яблони — отсюда, из лесу, можно было разглядеть зелено-желтые яблоки.

Пинчук, заслонив глаза ладонью, рассматривал хутор и слушал окружающую тишину. Там, около дома, колодец и, значит, вода. А может, здесь удастся разыскать что-нибудь, хотя бы кусок хлеба или несколько картофелин?

— Василий, — сказал Пинчук как обычно спокойно, чуть глуховатым голосом.

— Да, Леха, — сказал Давыдченков и сильно потер небритый подбородок. Он проследил за взглядом Пинчука и все понял. — Сейчас, Леха.

— Только осторожнее. И знаешь — без штучек.

— Я возьму с собой Егорова.

Пинчук подумал секунду и кивнул головой.

Через две минуты высокая плечистая фигура Давыдченкова и худенькая Егорова замелькали среди кустиков, от одного дерева к другому, и вскоре они совсем скрылись из виду.

Пинчук велел Маланову отойти правее и оттуда вести наблюдение за хутором. Сам встал за дерево и стал изучать окна домика. На тесовой крыше с одной сто-

роны положена черепица — два-три рядка. Видно, на большее не хватило средств или времени. Среди яблонь спрятался маленький сарайчик.

Залаяла собака. Пинчук напрягнулся. Но в окнах с его стороны по-прежнему никакого движения. Собачий лай стал заливистым. И тут же смолк. Пинчуку казалось, что он ждет очень долго. Он сделал несколько шагов вперед. Стал виден дворик, кусты малины, картофельная ботва и старый черный пенёк давно спиленного дерева. Все кругом было тихо, и казалось, на хуторе никого нет. Он снова отступил назад, прицелившись взглядом в окна, и стал ждать.

Ждать всегда труднее. Пинчук сложил ладонь трубочкой и три раза осторожно крикнул, подражая лесной птице. Справа спустя немного ему ответил Маланов. Но домик оставался пустынен, и по-прежнему добродушно глядели в лес его окна с белыми наличниками. Как уютно, наверное, за этими окнами! Как хорошо быть дома!

...В Красном Селе под Ленинградом стоял такой же домик. Он подходил к нему утром, предварительно затянувшись ремнем и расправив складочки на шинели. Он подходил к домику, а на крыльце появлялся лейтенант Карпинский. Взвод стоял поодаль, и лейтенант принимал рапорт. А потом они шли на огромное поле, лейтенант показывал настоящий строевой шаг. Расправив плечи, он проходил мимо взвода, поднимая с каким-то особым шиком вытянутую в носке ногу: раз-два, раз-два... Ни один командир взвода не умел так красиво ходить. Особый непринужденный и вместе с тем строгий шаг, полный горделивого достоинства и молодого изящества. Карпинский когда-то служил в знаменитой Московской Пролетарской дивизии, и ребята представляли себе, как сотни таких же красивых лейтенантов — двадцать четыре в ряд — идут по Красной площади мимо Мавзолея, ведь Московская Пролетарская дивизия участвовала в каждом параде. Нет, это невозможно представить — это надо видеть: каждое движение Карпинского было полно сдержанной величавости. Он не задирает ноги, не стучал ими по земле, нет, шаг его был ровен, естествен и даже чуть медлителен — размах, непреклонность, сдержанность, — шел боец Красной Армии, за плечами у которого шагала история — Перекоп, Волочаевск, Каховка, Псков...

Видение внезапно исчезло, как и появилось. А окна домика, что стоял перед глазами Пинчука, по-прежнему безмолвствовали. Пинчуку показалось, что прошла целая вечность, как ушел Давыдченков, хотя он совершенно точно знал, что это не так. Ждать всегда труднее. Прошло всего лишь полчаса. Только полчаса.

Неожиданно справа прокричала лесная птица — один раз и спустя минуту другой. Пинчук отступил назад, продолжая все еще наблюдать за домиком. И вдруг увидел Давыдченкова и следовавшего за ним Колю Егорова. Мешок за плечами Коли красноречивее слов говорил о том, что поход оказался удачным.

Пинчук ни слова не сказал Давыдченкову, махнул рукой, и они пошли дальше: близость жилья тревожила сержанта. Они прошли километра два, пока не набрали на овраг. Маленькая ложбинка на спуске показалась Пинчуку очень удобной, он остановился, и, подойдя следом, Маланов и Егоров сложили здесь свои мешки.

Пока Пинчук объяснял Маланову, где лучше встать, чтобы сторожить, Давыдченков развязал мешок и достал из него большой кусок сала и целую краюху хлеба, потом осторожно извлек бидон с молоком. Давыдченков был в приподнятом настроении.

— Ты понимаешь, Леха, — говорил он возбужденно. — Они тут по-особому делают шпик. Они коптят его как-то и начиняют чесноком. Его можно съесть гору.

— Кто на хуторе? — спросил Пинчук.

— Этот хутор будто с неба свалился, честное слово, — сказал Давыдченков. — Ты видел, какое хозяйство... А где фляга? Ага, здесь фляга. Пришел я туда... Выходит бабуса, очень древняя, но по всем статьям на высоте бабуса. Увидела на пилотке звездочку и давай балакать по-своему. А потом позвала за собой и вот, смотрю, вытаскивает все, что мы тут принесли. Из тайника из какого-то приволокла и давай объяснять мне, как да что. «Ганс — ни-ни... Ганс — там», — Давыдченков показал неопределенно рукой. — А где? Ну тараторит по-своему, хоть бы пару наших словечек вставила. Дай-ка, Никола, мне флягу. А немца здесь нет, боится немец...

Через час, сморенные усталостью, они растянулись среди кустов и уснули мертвым сном.

Пинчук проснулся, хотел взглянуть на часы, но часов на руке не было, и он вспомнил, что отдал их Маланову, когда тот встал на дежурство. Сейчас Малайнов спал рядом, а за ним — Егоров, значит, сторожит их Давыдченков, значит, прошло не менее трех часов.

Пинчук открыл глаза и смотрел на ветви высокой ели, стоявшей по другую сторону оврага. Он смотрел на эту высокую ель и думал, сколько же лет она здесь стоит и куда проросли ее корни. Ему показалось, будто ель тоже смотрит на него оттуда, с высоты, и тоже хочет узнать, сколько ему лет.

«Сколько тебе лет, Пинчук?» Он вдруг забыл, сколько ему лет. «Я живу давно, я так много всего видел...» — «Что же ты видел, чтобы забыть свои годы?» — «Я видел смерть, я видел ее много раз». — «Ну так что?» — «Как «что»? Смерть видят только старые люди, которые кончают жить». — «Но ведь сейчас война». — «Да, сейчас война, и потому я так много видел...»

Пинчук снова открыл глаза и обнаружил, что Маланова рядом уже не было. «Наверно, возится с рацией», — удовлетворенно отметил Пинчук и стал думать о Давыдченкове, о Коле Егорове, о том, что предстояло им впереди. Чутье и опыт подсказывали Пинчуку, что пребывание их в тылу у врага не окажется долгим. Операция, проведенная ими — это тоже хорошо понимал Пинчук, — не является рядовой и наверняка повлечет за собой существенные изменения в боевой ситуации на всем участке фронта.

Макушка огромной ели по другую сторону оврага заходила из стороны в сторону: на высоте гудял ветер. Ель, казалось, прислушивалась к размышлениям Пинчука, и ему почудилось, она закивала своей остроконечной вершиной, когда он подумал, какие изменения могут произойти после того, как они провели свою операцию.

И на мгновение ему представилась удивительно прекрасная картина: там, за лесом, за разбитыми хуторами, бьются батальоны его дивизии, наступая на фашистов. А он, разведчик этой дивизии, идет к ним навстречу. Пинчука вдруг охватил неудержимый восторг в предвидении будущей встречи: маленькая группа разведчиков и огромная многотысячная армия — он почти захлебывался в ее объятиях...

Все почти так и произошло, как предчувствовал Пинчук. В ту ночь, когда было открыто танковое логово, наши самолеты непрерывно летали над передовой в немецкий тыл. К гулу их пехотинцы в окопах уже стали привыкать, хотя и задумывались по поводу того, какие события последуют вслед за столь массированными налетами нашей авиации.

На второй день авиация неожиданно ударила по немецкому переднему краю, к авиации как-то незаметно и постепенно присоединилась артиллерия, а после полудня вдруг взвились ракеты и батальоны, вскинувшись над брустверами, пошли вперед, выбили в коротком и жестком броске вражескую пехоту из окопов и с танковым десантом углубились на значительное расстояние, разорвав оборону немцев.

Наступление продолжалось весь вечер и всю ночь. Зайдя в тыл, части переднего края стали расширять плацдарм, и, боясь окружения, немцы были вынуждены убраться и на соседнем участке. Полк, в котором воевала Варя, тоже пошел вперед.

Был серый, облачный день. Скрипели повозки, груженные телефонными аппаратами, катушками кабеля, разным военным имуществом. Девушки-связистки шагали за повозками неровной стайкой, поглядывали опасливо вперед, отходили в сторону, пропуская мимо грузовики с пушками, штабные автобусы, радиостанции.

Когда девушки вступили на понтонный мост, налаженный саперами через реку, Варя будто что-то вспомнила и остановилась.

Мутноватая холодная вода плескалась у ее ног, хлюпая по бортам понтона. Торчали у берега концы затонувших бревен, плыли листья, и птицы кружились над водой, грустно вскрикивая.

Варя стояла и глядела задумчиво в одну точку.

Может, в тот миг она снова увидела копящийся огонек в землянке и в его зыбком оранжевом свете лицо Пинчука — обросшее, худое, с холодным тяжелым взглядом.

Громыхали по понтону повозки. Кто-то окликнул Варю, она вздрогнула и побежала вперед, туда, где шагали ее девчата, и, догнав их, долго шла молча,

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Мой лейтенант	5
Недолгое затишье	289

Владимир Михайлович Андреев

МОЙ ЛЕЙТЕНАНТ

Редактор *Т. И. Канищева*. Художественный редактор *Т. А. Тихомирова*. Художник *Н. А. Абакумов*. Технический редактор *А. П. Бабина*. Корректор *К. В. Смирнова*

* — * — *

ИБ № 813

Сдано в набор 25.04.78 г. Подписано к печати 23.03.78 г. Г-12142. Формат 84×108/32. Бумага типографская № 2. Гарн. обычн. нов. Высокая печать. Печ. л. 13. Усл. печ. л. 21,84 + 1 вкл. фронтиспис. Печ. л. 1/16. Усл. печ. л. 0,105. Уч.-изд. л. 22,670. Тираж 65 000. Изд. № 4/2521. Зак. 710. Цена 1 руб. 70 коп.

* — * — *

Воениздат 103160, Москва, К-160 1-я типография Воениздата 103006, Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3



